

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2025. Том 12. № 2

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2025

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала **«Гуманитарные и юридические исследования»** – способствовать развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала: Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 07.07.2025.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»
Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.
Email: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

© Северо-Кавказский федеральный университет, оригинал-макет, оформление, 2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2025. Volume 12. No. 2

Published four times a year

Stavropol
2025

“Humanities and law research” journal

“Humanities and law research” journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of “Humanities and law research” journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of research articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and AllRussia conferences. An important area in the journal’s activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

“Humanities and law research” journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal “Legal research” (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name “Humanities and law research”

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 07.07.2025.

Postal code 94078 “Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines”.
The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

Email: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors.

© North-Caucasus Federal University, original layout, design, 2025

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. — кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента мировой политики и зарубежной регионоведения Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул — д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. — д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. — д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. — д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. — д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. — д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. — д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. — д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. — д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. — д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. — д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. — д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. — д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. — д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. — д-р. филол. наук, профессор, профессор департамента медиакоммуникаций Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. — д-р филол. наук, доцент, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социальнофилософских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Мехди Хоссейни Тагиабад – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Старилов Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р полит. наук, Университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор Пятигорского института (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH
Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Professor, Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, World Politics and Foreign Regional Studies Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaraş Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, Academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károly Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and Political Sciences, Scientific Officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Media Communications Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamenskii – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mehdi Hosseini – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor, István Széchenyi University (Győr, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuхова – Doctor of History, Professor, Director of Pyatigorsk Institute (branch) of the North Caucasus Federal University (Pyatigorsk, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абакумов А.А. Битва при Рафии (217 г. до н.э.): историки против биологов.....	193
Арутюнян А.Ж. Вопрос первоисточников «Ашхарацуйц»-а.....	199
Беспалов А.К. Образы героев Великой Отечественной войны в советском художественном кинематографе 1941–1945 гг.: создание моделей высшего социального поведения.....	206
Бодрова Е.В., Калинов В.В. Развитие научно-технического потенциала электронной промышленности СССР во второй половине 1960-х гг.....	213
Казаров С.С. Эпирские хаоны: в поисках национальной идентичности.....	220
Карташев И.В. К вопросу о ликвидации вспышек инфекционных заболеваний в лагерях НКВД на территории Георгиевского района после освобождения Ставропольского края от немецко-фашистских захватчиков.....	224
Немашкалов П.Г., Шебзухова Т.А. Положение женских монастырей Ставропольской (Кавказской) епархии в начале XX века.....	229
Панарин А.А., Панарина Е.В. Решение проблем жилищно-коммунального хозяйства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны.....	238
Середина И.В. «Все стали смотреть на вещи совершенно иначе»: сопротивление новому мировоззрению и мироустройству части горского населения Северного Кавказа во второй половине XIX века в контексте «революции повседневности».....	245
Скорик А.П. Эволюция форм производственно-хозяйственной консолидации ставропольского крестьянства в годы нэпа.....	252
Туфанов Е.Ф., Циклаури А.П. Особенности идеологического противостояния СССР и нацистской Германии в период с 1933 по 1939 годы.....	262
Черкасов А.И. Миротворческая операция в Южной Осетии в 1992–2008 гг.....	268
Якшибаев А.С., Романенко С.А. КПЮ/СКЮ, КПК, и ВКП(Б)/КПСС в международном коммунистическом движении (1945–1957).....	279

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бирюков С.Ю. Понятие, задачи, общие условия (принципы) и формы взаимодействия между следователем и оперативным сотрудником.....	288
Жуковский В.И., Довголюк Н.В. Конституционное судопроизводство в правозащитном механизме: особенности правового регулирования предмета и критериев допустимости конституционной жалобы.....	296
Цветкова О.К. Собираание доказательств как элемент доказывания по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.....	302
Чилингарян Р.С. Административная ответственность как элемент обеспечения правового режима особо охраняемых территорий и объектов.....	307
Шетогулов П.А. О некоторых вопросах административной ответственности за правонарушения в области противодействия экстремистской деятельности.....	313

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихин С.Н., Афонина Э.Ю. Смыслодеривационный потенциал композитных окказионализмов в книге М. Хайдеггера «Бытие и время».....	321
Павлова А.И., Грязнова В.М. Процесс детерминологизации терминов из области психологии в языке современных развлекательных телепередач.....	327
Серебрякова С.В., Саломехин А.Ю. Особенности институциональных параметров документального кинодискурса.....	333

НЕКРОЛОГИ

Николай Алексеевич Трапш (4.10.1976 – 21.06.2025).....	339
---	-----

CONTENTS

HISTORY SCIENCES

Abakumov AA. The Battle of Raphia (217 BCE): Historians vs. Biologists.....	193
Harutyunyan HZh. On primary sources of Ashkharatsuyts.....	199
Bespalov AK. Images of the heroes of the Great Patriotic War in Soviet art cinematography in 1941-1945: creation of models of higher social behavior.....	206
Bodrova EV, Kalinov VV. The development of the scientific and technical potential of the USSR electronic industry in the second half of the 1960s.....	213
Kazarov SS. The Epirus Chaons: In Search of National Identity.....	220
Kartashev IV. On eliminating outbreaks of infectious diseases in NKVD camps in the Georgievsky district after the liberation of the Stavropol Krai from the Nazi invaders.....	224
Nemashkalov PG, Shebzukhova TA. The state of women's monasteries of the Stavropol (Caucasian) diocese at the beginning of the 20th century.....	229
Panarin AA, Panarina EV. Solving the problems of housing and communal services in the North Caucasus during the Great Patriotic War.....	238
Seredina IV. "Everyone began to look at things completely differently": resistance to the new worldview and world order of part of the mountain population of the North Caucasus in the second half of the 19th century in the context of the "revolution of everyday life".....	245
Skorik AP. The evolution of the forms of industrial and economic consolidation of Stavropol peasantry during the NEP years.....	252
Tufanov EV, Tsiklauri AP. Features of ideological confrontation between the USSR and Nazi Germany in 1933-1939.....	262
Cherkasov AI. Peacekeeping operation in South Ossetia in 1992-2008.....	268
Yakshibaev AS, Romanenko SA. The CPY/LCYugoslavia, the CPChina, All-Union Communist Party(B)/CPSU in the international communist movement (1945-1957).....	279

LEGAL SCIENCES

Biryukov SYu. The concept, tasks, general conditions (principles) and forms of interaction between the investigator and the operational unit officer.....	288
Zhukovsky VI, Dovgolyuk NV. Constitutional legal proceedings in the human rights mechanism: features of the legal regulation of the subject and criteria for the admissibility of a constitutional complaint.....	296
Tsvetkova OK. Collection of evidence as an element of substantiation in criminal cases related to violation of traffic rules and operation of vehicles.....	302
Chilingarian RS. Administrative responsibility as an element of ensuring the legal regime of specially protected territories and facilities.....	307
Shetogubov PA. On some issues of administrative liability for offenses in counter extremism activities.....	313

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bredikhin SN, Afonina EYu. The meaning-derivation potential of composite occasionalisms in Being and Time by M. Heidegger.....	321
Pavlova AI, Gryaznova VM. The process of determinologization of terms from the field of psychology in the language of modern entertainment TV shows.....	327
Serebriakova SV, Salomakhin AYu. Features of the institutional parameters of documentary film discourse.....	333

OBITUARIES

Nikolai Alexeevich Trapsh (October 4, 1976 – June 21, 2025).....	339
---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

Научная статья

УДК 94(38).08

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.1>

Битва при Рафии (217 г. до н.э.): историки против биологов

Аркадий Алексеевич Абакумов

Ярославский государственный педагогический университет (д. 108/1, ул. Республиканская, Ярославль, 150000, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

arc79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0917-7198>

Аннотация. Введение. Генеральное сражение 4-й Сирийской войны между армиями Антиоха III и Птолемея IV стало одним из крупнейших в античной истории. Его ход в целом известен благодаря подробному описанию Полибия (V.82–86). Особое внимание исследователей привлекает участие в нём боевых слонов – оно было достаточно массовым для сражений эпохи эллинизма, весьма успешным, и именно бой слонов стал самым ярким эпизодом битвы. В тактическом отношении действия слоновых корпусов в связке с иными войсками представляют несомненный интерес как пример combined arms warfare. Наконец, битва при Рафии является единственным известным сражением древности, где друг другу противостояли слоны разного происхождения. Именно этот момент, как ни странно, привлекает учёных более всего; оживлённая дискуссия в историографии о том, что это могли быть за виды, зародилась давно и продолжается до сих пор.

Материалы и методы. Основным источником выступает глава V «Всеобщей истории» Полибия с привлечением иных нарративных источников (сочинения Диодора, Страбона, Плутарха и др.). **Анализ.** Дискуссия о видовой принадлежности боевых слонов из Африки ведётся с начала XX в. и вызвана тем, что в регионах, доступных древним охотникам, слоны сейчас не водятся. Смысл дискуссии – определить, к какому ныне живущему виду африканского слона (саванновому или лесному) они могли относиться, опираясь как на сообщение Полибия о превосходстве индийских слонов над ливийскими (V.84.5), так и данные зоологии. В дискуссии можно выделить несколько этапов: начало XX в. (Г. Дельбрюк и др.; саванновый слон), конец 1940-х гг. (У. Гоуэрс; лесной слон; П. Деранияга-

ла, ныне вымерший вид), начало XXI в. (выводы экспедиции в Гаш-Барка (2014), публикации П. Шнайдера). В настоящее время она продолжается, поскольку закрыть её может только генетическое исследование древних костей. **Результаты.** На основании проведённых в XX в. успешных экспериментов по приручению африканского слона можно согласиться с П. Шнайдером в том, что как для Полибия, так и для организаторов этих экспериментов точная классификация слонов не имела значения, и географическая принадлежность была важнее точной видовой. Дополнительно делается вывод о том, что участие африканских слонов в битве при Рафии можно оценивать не так однозначно, как это делал Полибий; птолемеевский военачальник Эхекрат мог использовать их в качестве «живого щита» при подготовке решающего удара по селевкидскому флангу (Polyb. V.85.1–3), тем самым используя их вполне привычным для эллинистической тактики способом.

Ключевые слова: Полибий, Рафия, боевые слоны, Эхекрат, Гаш-Барка

Для цитирования: Абакумов А. А. Битва при Рафии (217 г. до н.э.): историки против биологов // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 193–198. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.1>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

The Battle of Raphia (217 BCE): Historians vs. Biologists

Arkady A. Abakumov

Yaroslavl State Pedagogical University (108/1, Respublikanskaya St., Yaroslavl, 150000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

arc79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0917-7198>

Abstract. Introduction. The battle of Raphia, the general battle of the 4th Syrian War between the armies of Antiochus III and Ptolemy IV, became one of the largest in ancient history. Its course is generally known thanks to the comprehensive description by Polybius (V.82–86). The participation of war elephants attracts special attention of researchers because it was quite massive and successful. It was the elephant fight that became the most striking episode of the battle. In tactical terms, the actions of elephantry in conjunction with other troops are of undoubted interest in the context of combined arms warfare. Finally, the Battle of Raphia is the only known battle of Antiquity,

where African and Indian elephants battled against each other. Oddly enough, it is this picturesque detail that attracts scientists and remains the reason for a lively discussion in historiography to this day. **Materials and methods.** The main source is Chapter V of Polybius's General History, as well as other narrative sources (the works of Diodorus, Strabo, Plutarch, etc.). **Analysis.** The debate about the exact species of ancient African war elephants has been going on since the beginning of the 20th century and is caused by the fact that elephants are no longer found in the regions that were accessible to ancient hunters. The point of the debate is to determine which living species of African elephant

(savanna elephant or forest elephant) they could belong to, based on both Polybius's report on the superiority of Indian elephants over Libyan ones (V.84.5) and zoological data. Several stages can be distinguished in the debate: the beginning of the 20th century (G. Delbrück et al., savanna elephant), the end of the 1940s (W. Gowers, forest elephant; P. Deraniyagala, species that is now extinct), the beginning of the 21st century (scientific results of the Gash-Barka expedition (2014), P. Schneider's publications). It is currently ongoing, since only a genetic study of ancient skeleton remains can close it. **Results.** The successful experiments in taming both the living species of African elephant conducted in the 20th century allow one to agree with P. Schneider's conclusions that for both Polybius and the organizers of these experiments, the exact classification of elephants was of no importance. In addition, it is concluded that the participation of African elephants in the Battle of Raphia can be assessed not as unequivocally as

Polybius did; the Ptolemaic commander Echechrates could have used them as a "mobile shield" – in a way – in preparation for a decisive blow to the Seleucid flank (Polyb. V.85.1–3), thereby using them in a manner quite conventional to Hellenistic tactics.

Keywords: Polybius, Battle of Raphia, war elephants, Echechrates, Gash-Barka

For citation: Abakumov AA. The Battle of Raphia (217 BCE): Historians vs. Biologists. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 193–198. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.1>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.11.2024.

The article was approved after reviewing: 18.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

Введение. Генеральное сражение 4-й Сирийской войны 22 июня 217 г. (здесь и далее все даты – до н.э.) между Антиохом III и Птолемеем IV стало одним из крупнейших в античной истории. Армия Птолемея насчитывала 70 000 пехотинцев, 5000 всадников и 73 африканских слона (Polyb. V.79.2), войско Антиоха – 62 000 пехотинцев, 6000 всадников и 102 индийских слона (V.79.13). Обе армии выстроились традиционным порядком с тяжёлой пехотой в центре, конницей на флангах и слонами перед конницей; нюанс состоял в том, что лучшие войска во главе с самими царями стояли друг напротив друга, и если для македонской военной школы главным был правый фланг, Птолемею пришлось усиливать левый. Вероятно, каждый из царей тем самым намеревался решить дело в «поединке», пленив или убив своего визави [2, p. 128; 30, p. 25; 11, p. 247]. Антиоху действительно удалось разбить фланг Птолемея; аналогично Эхекрат Фессалиец, ветеран македонской армии и командир наёмников на египетской службе (V.63.11–13), сокрушил левый фланг Антиоха. Птолемею удалось вернуться на поле боя и возглавить атаку своей фаланги, усиленной коренными египтянами. Антиох, в свою очередь, этого сделать не успел, увлёкшись погоней за отступающими. Столкновение фаланг и стало решающим моментом битвы; селевкидская потерпела поражение, а Антиох вернулся слишком поздно, чтобы исправить ситуацию.

Материалы и методы. Ход сражения в целом известен благодаря подробному описанию Полибия (V.82–86). Сам он при описании Сирийских войн опирался на широкий круг источников как египетского, так и селевкидского происхождения, но точно их установить не представляется возможным. Непосредственно он ссылается только на Зенона Родосского (XVI.18–20), критикуя его описание битвы при Панионе (200 г.) и этим сильно усложняя её реконструкцию. В числе источников Полибия могли быть труды его земляка Птолемея из Мегалополя – приближённого Птолемея IV и автора сочинения о его царствовании, Аполлофана – личного врача Антиоха III, Филарха и др. [2, p. 129; 15, s. 8–16; 28, p. 26–35].

Описание Полибия достаточно подробно (прежде всего в том, что касается «боевого расписания» обеих армий – V.65.1–11; 79.2–13; 82.2–13), но, тем не менее, не является полным и оставляет возможность для разнообразных трактовок и комментариев. Особое внимание исследователей привлекает участие в нём боевых слонов – что неудивительно, поскольку оно было довольно массовым для сражений эпохи эллинизма (175 животных на поле боя) и весьма успешным (впрочем, здесь обычно подразумеваются только индийские слоны Антиоха – именно их атака стала самым ярким эпи-

зодом сражения). В тактическом отношении действия слоновых корпусов в связке с иными войсками представляют несомненный интерес как пример управления столь пёстрым конгломератом разных соединений, который представляла собой эллинистическая армия (в англоязычной историографии – combined arms warfare). Наконец, битва при Рафии является единственным известным сражением древности, где друг другу противостояли слоны разного происхождения. Селевкиды, вероятнее всего, разными путями получали их из Индии (хотя одна версия относит их к подвиду азиатского слона, который в III в. до н.э. ещё водился в Сирии и Месопотамии [10, p. 116–117]). Птолемеи инициировали масштабный проект по ловле африканских слонов – в частности, в «стране троплодитов» и в Эфиопии (OGIS 54). Именно различная видовая принадлежность слонов, как ни странно, интересует учёных более всего; оживлённая дискуссия о том, что это могли быть за виды, зародилась давно и по тому или иному поводу возобновляется и в современной историографии.

Анализ. 102 селевкидских и 73 птолемеевских слона были распределены по флангам в соотношении 60:40 на «царском» (правом у Антиоха III, левом у Птолемея IV, где находились и сами правители) и 42:33 на противоположном. И те, и другие были оснащены башнями, где находились воины с сариссами (Polyb. V.84.2). Сариссофоров начали сажать на слонов, очевидно, уже в начале войн диадох: на катафалке Александра был изображён македонский воин «со своим обычным вооружением» (Diod. XVIII.27.1). Длина сариссы позволяла вполне эффективно действовать со спины животного, поражая врагов как на неприятельских слонах, так и на земле [11, p. 221]. Помимо сариссофоров, в экипажи могли входить и лучники (по примеру индийцев, которых описывал Мегасфен в конце IV в. до н.э.; Strab. XV.1.52), и метатели дротиков (Ael. De nat. anim. XIII.9). Общее число воинов на одном слоне, помимо погонщика, по разным источникам могло составлять от двух до четверых человек.

Башни на слонах аналогично могли появиться ещё при диадохах – согласно Плутарху, они были в армии Антигона при Паретакене (Eum. 14.4). Однако это упоминание единично, и его достоверность признаётся не всеми исследователями. Появление башен чаще относят к началу III в. – больше всего ссылок на них относится к войску Пипра (Dion. Hal. RA. XX.2.5; Plut. Pyrrh. 32.1; Zonar. VIII.3), и поэтому само их изобретение часто приписывается либо самому эпирскому царю, либо его военным инженерам [23, p. 241]. Были ли слоны при Рафии защищены доспехами, неизвестно, но достаточно высокие потери (21 животное из 175; Polyb. V.86.6) позволяют предположить, скорее, обратное.

Согласно Аппиану, каждому слону придавался особый пеший эскорт (Сур. 18), предположительно из легковооружённых воинов. Кроме защиты животного, эскорт мог осуществлять дополнительную функцию – отделять слонов в боевом построении друг от друга для большей безопасности и удобства управления [23, р. 246]. При Рафии эта роль иногда отводится – по крайней мере на «царских» флангах – находившимся там отрядам критян (2500 критян на 60 слонов и 3000 критян на 40 слонов соответственно) [2, р. 82; 20, р. 158; 19, р. 185]. Местные наёмники славились как искусные лучники, которые дополнительно могли иметь щиты – маленькие, не мешавшие стрелять, или большие, убивавшиеся за спину [7, р. 134–135]. Красочное описание боя слонов вместе с критянами даёт Дж. Петриковски [19, р. 187–188]. Впрочем, не все исследователи принимают такую возможность: так, П. Джостоно лишь допускает её [17, р. 8], а Ж.-К. Дю Плесси прямо констатирует «недостаточную роль лёгкой пехоты в сражении» [11, р. 247].

Поскольку на «царском» фланге завязался ближний бой, между собой сражались не только экипажи, но и сами животные (Polyb. 84.2–4); поединки слонов из разных армий друг с другом упоминаются и в войнах диадохов (например, в битве при Габие – Diod. XIX.42), но здесь, индийские слоны дрались с африканскими. При этом, как отметил Полибий, на «царском» фланге в столкновении участвовали не все слоны Птолемея (V.84.2), а на противоположном, вероятно, его не было вовсе (V.85.1). Объяснил он это так: «Птолемеи слоны большею частью страшлись битвы, что бывает обыкновенно с ливийскими слонами (Λιβυκοῖς ἑλέφανσι). Дело в том, что они не выносят запаха и рёва индийских слонов, пугаются, как я полагаю, роста их и силы (κατατρεπλῦμένοι τὸ μέγεθος καὶ τὴν δύναμιν) и убегают тотчас ещё издалека» (V.84.4–6. Пер. Ф. Г. Мищенко).

Долгое время у исследователей это не вызывало вопросов; предполагалось, что со времён античности существует только один вид («раса») африканского слона. Впрочем, и современные зоологи не имеют единого мнения по поводу того, считать ли ныне живущих в Африке саванновых слонов (*Loxodonta africana*, восток и юг континента) и лесных слонов (*Loxodonta cyclotis*, запад континента) самостоятельными видами или подвидами африканского. По росту и весу индийские слоны занимают между ними промежуточное положение – в среднем несколько больше лесного, но несущественно меньше саваннового (вес 2–5 т и рост 2–3,5 м против 2–4,5 т и 2–3 м у лесного и 4–7 т и 3–4 м у саваннового). В Северной Африке, где раньше слонов ловили карфагеняне, и в районах Восточной, доступных Птолемеям, слонов сейчас нет – или так считалось до совсем недавнего времени [4].

Положение изменилось во второй половине XIX в. в связи с активизацией освоения Африки и открытием ранее неизвестных саванновых слонов. Завязалась полемика между сторонниками традиционной точки зрения и теми, кто счёл её устаревшей. Начал её предположительно Г. Дельбрюк, который, сославшись на «современных естествоиспытателей», оспорил вывод Полибия, а победу индийских слонов над более крупными африканскими объяснил искусством корнаков Антиоха [1, с. 185]. Э. Бивен предположил, что испугавшиеся слоны Птолемея были молодыми животными, не до конца прошедшими дрессировку; это и объясняло их малый рост в сравнении с селевкидскими [3, р. 176–177]. В. Тарн охарактеризовал пассаж Полибия

о слонах как «повторение абсурдной ремарки Ктесия», которую древние авторы бездумно копировали друг у друга [26, р. 99]. Р. Гловер объяснил поражение лагидского корпуса при Рафии весьма оригинально: якобы у африканского слона за счёт его роста и длинных ног центр тяжести выше, а значит, более низкий и плотный индийский легко может вывести его из равновесия [13, р. 268]. Таким образом, в первой половине XX в. мнение исследователей в целом изменилось на прямо противоположное.

Спустя некоторое время «традиционалисты» смогли взять реванш, в свою очередь, опираясь на дальнейший прогресс в зоологической науке. Наиболее полно их аргументация была изложена в статье У. Гоуэrsa, авторитетного историка и бывшего губернатора Уганды, опубликованной в 1948 г. Он констатировал, что в действительности африканский слон имеет две «расы»: лесные слоны меньше индийских, но в отличие от саванновых легко приручаются (к тому времени это уже доказал опыт бельгийцев в Конго, когда как по саванновым отмечались проблемы с их поведением в неволе). Следовательно, сомневаться в добросовестности Полибия и других античных авторов оснований нет [14, р. 175, 180]. Во второй половине XX в. эта версия получила широкое распространение у исследователей, так или иначе писавших о боевых африканских слонах, – правда, нередко с теми или иными оговорками. Так, по мнению Р. Сукумара, лесные слоны в древности вполне могли переселиться из Западной Африки, где обитают сейчас, в Северную вдоль атлантического побережья. Однако он усомнился в том, что они могли добраться также до Восточной, и их могли ловить как карфагенские, так и птолемеи охотники [25, р. 86].

Особое место в дискуссии занимает точка зрения шри-ланкийского зоолога П. Дераниягалы, который отнёс древних африканских слонов к отдельному, вымершему ещё в античности виду – «фараонов слон» (*L.a. pharaohensis*). В 1948 г. он обнародовал его описание, опираясь на несколько палеонтологических находок в египетском Фаюме (череп, нижняя челюсть, фрагмент бивня) и сохранившиеся с древности рисунки. Согласно реконструкции Дераниягалы, это было животное средних размеров, с короткими и тонкими бивнями, которые у некоторых особей могли просто отсутствовать. Сам он считал, что «фараонов слон» в историческое время сохранялся только в Атласских горах, но каким-то образом Птолемеи имели к нему доступ [9, 1948, р. 27; 10, р. 3, 28–29, 117]. В последующих работах ареал был сдвинут в Северо-Восточную Африку [18, р. 3], но точная таксономическая принадлежность «фараонова слона» остаётся непонятной – считать ли его подвигом лесного [18, р. 1], саваннового [24, р. 91], или новой «расой» [25, р. 87, 418]. Из современных антиковедов точки зрения Дераниягалы придерживается, в частности, М. Тэйлор [27, р. 45].

В 2014 г. старую дискуссию реанимировала публикация результатов изучения маленького стада слонов, найденного в эритрейской провинции Гаш-Барка (на границе с Суданом и Эфиопией). Известной «сенсационности» ей добавило то, что, как считалось ранее, в тех местах, где слонов ловили в античности, они давно перестали водиться. Сейчас же впервые с древних времён слонов обнаружили примерно там, где их могли видеть и птолемеи охотники [4, р. 88]. Как оказалось, внешне эти животные не отличались от прочих саванновых (т.е. были крупнее индийских), а в их гене-

тическом коде не было выявлено никаких следов скрещивания с лесными. В очередной раз был озвучен тезис о том, что Полибий ошибался. Определённое признание в историографии эта статья получила, хотя авторы не сумели (да и не могли) убедительно доказать, что исследованные ими животные – прямые потомки древних. Эта популяция слонов могла оказаться в Гаш-Барка в любое время, и этого недостаточно, чтобы снова упрекать Полибия в «непрофессионализме».

Известный австралийский исследователь боевых слонов М. Чарльз первоначально отнёсся к результатам открытий в Гаш-Барка, скорее, сдержанно. Он справедливо указал на то, что связь этой популяции слонов с античными слонами недоказуема, а корпус Птолемея в равной степени мог состоять из саванновых слонов, из лесных, или вообще иметь смешанный состав [5, р. 56–57, 61]. Однако через несколько лет он выпустил ещё одну статью, где проанализировал античные данные о среде обитания слонов, их изображения, и склонился к тому, что это могли быть всё-таки не лесные, а саванновые слоны, или же животные, «морфологически им близкие» [6, р. 405]. Впрочем, как и в предыдущей работе, автор признал, что полностью закрыть тему сможет только генетическое исследование древних костей, что пока невозможно. Стоит отметить странное пренебрежение Чарльза к версии о «фараоновом слоне»: не ознакомившись с работами П. Дераниягалы, он ссылается лишь на «сомнительные интернет-источники» (!) [6, р. 405]. Вместе с тем в слоне Дераниягалы он мог бы при желании усмотреть искомое «морфологически близкое» животное, отличное от лесного. В целом же, судя по недавним работам, и «саванновая» теория [17, р. 8], и «лесная» [11, р. 218] до сих пор продолжают находить своих сторонников.

Наиболее оригинально решить эту проблему в современной историографии попытался французский историк и географ П. Шнайдер. В целом не возражая против выводов экспедиции в Гаш-Барка [22, р. 143], он тем не менее предложил перевести саму дискуссию из зоологического поля в чисто источниковедческое. Ранее Шнайдер уже обращал внимание на то, что ни Полибий, ни кто-либо ещё из античных писателей вообще не делил слонов на виды. Для них это были одни и те же животные, просто сама природа Индии располагала к тому, что местные слоны вырастали самыми большими и сильными – в сравнении с ливийскими или любыми другими. На это и указывали сначала Ктесий, а затем Onesikрит и Мегасфен (Diod. II.16.3–4, 35.4; Strab. XV.1.43, 52), но это касалось всей индийской фауны вообще, и наземной, и водной. Птолемеи, со своей стороны, пытались этот тезис опровергнуть, посрамив индийцев, приручив собственных слонов и доказав, что они не хуже [21, р. 324–326]. В контексте пропаганды, по его мнению, и стоит рассматривать упоминание о слонах из Эфиопии в знаменитой Адулисской надписи Птолемея III (OGIS 54): это настоящий триумф, поскольку он победил Селевкидов в 3-й Сирийской войне, и их слоны им не помогли. Напротив, поражение при Рафии стало крахом этой мечты [21, р. 331–333]. Для Полибия финал сражения при Рафии лишь подтвердил вывод ранних авторов о превосходстве индийских слонов над всеми остальными, где бы они ни водились; именно поэтому он называет последних «ливийскими», а не «эфиопскими», например, [22, 143].

В этой связи показательно, что бельгийцев, которые впервые после карфагенян и египтян вернулись к при-

ручению африканского слона (правда, разумеется, уже в другом качестве – не боевого животного, а «живого трактора» при освоении труднодоступных районов своей колонии, как англичане в Индии и Бирме), проблемы систематики также не занимали. Подводя под этот проект теоретическую базу, его идеологи в конце XIX в. активно ссылались на античный опыт. Бельгийцам пришлось работать с теми слонами, которые водились на территории Конго (ими оказались лесные), и их не интересовало, этих ли именно животных дрессировали в далёком прошлом. Хватило доказанного в античности факта, что африканские слоны, как и азиатские, вполне поддаются обучению и могут использоваться человеком; деятельность бельгийской станции domestication слонов в Апи это подтвердила. Более того, в конце XX в. был поставлен ещё один интересный эксперимент уже с саванновыми слонами: нескольких животных из зоосадов вернули в дикую природу и стали катать на них туристов (лагерь Абу в Ботсване) [16, р. 67; 8, р. 19–20].

Таким образом, спор о классификации боевых слонов из Африки в настоящее время можно отнести к историографическим курьёзам: раз обучаемость обоих ныне существующих видов является подтверждённым фактом, конкретный вид принципиального значения не имеет. Объяснять то, почему в изложении Полибия большая часть птолемеяевских слонов не приняла боя, можно и не углубляясь в зоологические нюансы. Безусловно, это могло так или иначе повлиять – например, корпус Птолемея IV действительно мог быть смешанным (как из африканских слонов разных видов, так и включая индийских, ранее захваченных Птолемеем III) [23, р. 143; 5, р. 61]. Но дело могло быть и в банальном численном превосходстве неприятельского корпуса у противника, и в возрасте самих животных, и в качестве их выучки, и в умении погонщиков.

К тому же, говоря об участии слонов в битве при Рафии, исследователи главным образом останавливаются на «царском» фланге. Находившаяся там часть корпуса Птолемея (40 слонов) действительно была разбита селевкидским, однако на другом фланге слоны – не ввязываясь, по-видимому, в непосредственное столкновение – могли обеспечить коннице Эхекрата необходимое прикрытие, из-за которого он и нанёс неожиданный удар по левому флангу Антиоха, рассеяв его и, возможно, создав угрозу окружения селевкидской фаланге (αὐτὸς δ' ἐξαγαγὼν κατὰ κέρασ τοὺς ἰππεῖς καὶ τοὺς ὑπὸ τὰ θηρία τεταγμένους τῆς μὲν ἐφόδου τῶν θηρίων ἐκτὸς ἐγεγόνει, τοὺς δὲ τῶν πολεμίων ἰππεῖς, οὓς μὲν ὑπεραίρων, οἷς δὲ κατὰ κέρασ ἐμβάλλων, ταχέως ἐτρέψατο; Polyb. V.85.3). Поэтому, возможно, вклад птолемеяевских слонов в ход битвы был не столь однозначным, как обычно считается, – пусть не таким живописным, как у селевкидских, но не менее важным. Как представляется, допустимо предположить, что и селевкидский, и птолемеяевский командующий на своём правом фланге использовали слонов во взаимодействии с другими войсками, но если в первом случае они были брошены в атаку непосредственно, во втором Эхекрат от этого воздержался, не имея к тому же численного преимущества в слонах. Он предпочёл применить их в качестве своеобразного «живого щита». Пассаж о том, что африканские «не решались» даже приближаться к индийским (παράπαν οὐδὲ προσεῖναι τοῖς ὑπεραντίοις; Polyb. V.85.1), мог быть обобщением и субъективной оценкой самого Полибия, убеждённого в полном превосходстве последних.

Антиох III потерял трёх слонов убитыми и двух умершими от ран; в корпусе Птолемея IV 16 слонов погибла, а «большая часть захвачена неприятелем» (ἡρέθησαν δ' αὐτῶν οἱ πλείους; V.86.6). Эти цифры часто приводятся в исторической литературе, но их оспаривают, в частности, Ф. Уолбанк и Г. Скаллард. По их мнению, воины Антиоха просто не могли захватить несколько десятков слонов, поскольку сражение в целом они проиграли; скорее всего, в данном случае сам Полибий или переписчик перепутали цифры. В качестве дополнительного аргумента они апеллируют к Питомской надписи (т.н. Рафийский декрет от 17 сентября 217 г.), согласно которой все селевкидские слоны после сражения достались Птолемею [28, p. 615; 23, p. 142]. По мнению Я. К. Винницкого, применительно к боевым потерям ошибки нет: разбитая на «царском» фланге часть корпуса Птолемея действительно могла лишиться 16 животных. Однако Антиох во время отступления вряд ли имел возможность собрать всех слонов, остававшихся на поле боя, и их действительно захватили победители [29, s. 100].

С другой стороны, израильский историк Э. Галили полагает, что ошибки здесь нет: Антиох мог захватить всех уцелевших слонов на «царском» фланге, а затем успеть вывести их. Поскольку о бое слонов на фланге Эхекрата Полибий не сообщает, селевкидский эскорт (явно более многочисленный) мог не только защитить собственных животных, но и отбить вражеских. Таким образом, «один из парадоксов битвы при Рафии заключается в том, что если Птолемею досталась победа, Антиоху достались слоны»; Рафийский декрет Галили

считает откровенно пропагандистским. Слоны и конница могли обеспечить отступавшей селевкидской армии надёжное прикрытие – превосходство в мобильных войсках Антиох сохранил, тогда как преимущество Птолемея в тяжёлой пехоте в данном случае не работало [12, p. 71–77; 11, p. 244].

Результаты. Так или иначе, как Селевкиды, так и Птолемеи достаточно скоро восстановили свои слоновые корпуса и продолжили их использовать в дальнейшем – как минимум до середины II в. Правда, в прямое столкновение друг с другом азиатские и африканские слоны, вероятно, более не вступали. Тем не менее если и стоит говорить о «разочаровании» Птолемея IV поведением последних в битве, которое ему приписывают некоторые авторы, на судьбе корпуса это не сказалось; часть слонов была использована Эхекратом для прикрытия его атаки и в этом смысле свою задачу выполнила. Когда именно правители Египта свернули свой охотничий проект, не установлено, но, по крайней мере, они не получали (в отличие от своих конкурентов) прямого запрета от римлян на содержание боевых слонов. Однако битва при Рафии всё равно остаётся едва ли не единственной известной, где птолемеевский корпус был использован по прямому назначению. Вопрос же о соотношении боевых возможностей африканских и азиатских слонов (тем более всего на одном примере) представляется непринципиальным для военной истории древности, хотя, безусловно, Полибий написал одну самых из красочных её страниц, сразу привлекающих внимание читателей.

Литература

1. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. СПб.: Наука, 1999. 414 с.
2. Bar-Kochva B. The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge: University Press, 1976. 306 p.
3. Bevan E. R. House of Ptolemy: A History of Hellenistic Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London: Methuen Publishing, 1927. 392 p.
4. Brandt A. L. et al. The Elephants of Gash-Barka, Eritrea: Nuclear and Mitochondrial Genetic Patterns // Journal of Heredity. 2014. Vol. 105. No. 1. P. 82–90.
5. Charles M. B. Elephant Size in Antiquity. DNA Evidence and the Battle of Raphia // Historia. 2016. Vol. 65. No. 1. P. 53–65.
6. Charles M. B. The African Elephants of Antiquity Revisited: Habitat and Representational Evidence // Historia. 2020. Vol. 69. No. 4. P. 392–407.
7. Craven S. P. The Mercenaries of Hellenistic Crete: thesis. Austin: The University of Texas, 2017. 340 p.
8. Csuti B. Elephants in Captivity // Biology, Medicine, and Surgery of Elephants. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 15–22.
9. Deraniyagala P. E. P. Some scientific results of two visits to Africa // Spolia Zeylanica. 1948. Vol. 25. Part 2. P. 1–42.
10. Deraniyagala P. E. P. Some extinct elephants, their relatives and the two living species. Colombo: Government Press, 1955. 161 p.
11. Du Plessis J. C. The Seleucid Army of Antiochus the Great. Weapons, Armour and Tactics. Barnsley: Pen & Sword Military, 2022. 340 p.
12. Galili E. Raphia, 217 B.C.E., Revisited // Scripta Classica Israelica. 1976/1977. Vol. 3. P. 52–126.
13. Glover R. F. The Elephant in Ancient War // The Classical Journal. 1944. Vol. 39. No. 5. P. 257–269.
14. Gowers W. African Elephants and Ancient Authors // African Affairs. 1948. Vol. 47. No. 188. P. 173–180.
15. Huss W. Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' IV. München, 1976. 304 s.
16. Iversen E. The Domestication of the African Elephant // Pachyderm. 1995. No. 20. P. 65–68.
17. Johnston P. The Army of Ptolemaic Egypt 323–204 BC: An Institutional and Operational History. Barnsley: Pen & Sword Military, 2020. 344 p.
18. Laursen L., Bekoff M. Loxodonta africana // Mammalian Species. 1978. No. 92. P. 1–8.
19. Pietrykowski J. Great Battles of the Hellenistic World. Barnsley: Pen & Sword Military, 2009. 256 p.
20. Sabin P. Lost Battles: Reconstructing the Great Clashes of the Ancient World. London: Continuum Books, 2007. 298 p.
21. Schneider P. De l'Hydaspe à Raphia: rois, éléphants et propagande d'Alexandre le Grand à Ptolémée IV // Chronique d'Égypte. 2009. No. 84. P. 310–334.
22. Schneider P. Again on the Elephants of Raphia: Re-Examining Polybius' Factual Accuracy and Historical Method in the light of a DNA Survey // Histos. 2016. No. 10. P. 132–148.
23. Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 1974. 288 p.
24. Shoshani J. Order Proboscidea // Mammal Species of the World. A Taxonomic and Geographic Reference. 3rd Ed. Vol. I. Baltimore (MA), 2005. P. 90–91.
25. Sukumar R. The Living Elephants: Evolutionary Ecology, Behavior, and Conservation. Oxford: University Press, 2003. 478 p.
26. Tam W. W. Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge: University Press, 1930. 170 p.
27. Taylor M. J. Antiochus the Great. Barnsley: Pen & Sword Military, 2013. 190 p.
28. Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957. 776 p.
29. Winnicki J. K. Operacje Wojskowe Ptolemeuszów w Syrii. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. 185 s.
30. Wrightson G. The Battles of Antiochus the Great. The failure of combined arms at Magnesia that handed the world to Rome. Barnsley: Pen & Sword Military, 2022. 154 p.

References

1. Delbruck H. History of the Art of War. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka, 1999. 414 p. (In Russ.)
2. Bar-Kochva B. The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge: University Press, 1976. 306 p.
3. Bevan ER. House of Ptolemy: A History of Hellenistic Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London: Methuen Publishing, 1927. 392 p.
4. Brandt AL. et al. The Elephants of Gash-Barka, Eritrea: Nuclear and Mitochondrial Genetic Patterns. *Journal of Heredity*. 2014;105(1): 82-90.
5. Charles MB. Elephant Size in Antiquity. DNA Evidence and the Battle of Raphia. *Historia*. 2016;65(1):53-65.
6. Charles MB. The African Elephants of Antiquity Revisited: Habitat and Representational Evidence. *Historia*. 2020;69(4):392-407.
7. Craven SP. The Mercenaries of Hellenistic Crete. Diss. ... PhD. Austin: The University of Texas, 2017. 340 p.
8. Csuti B. Elephants in Captivity in Biology, Medicine, and Surgery of Elephants. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 15-22.
9. Deraniyagala PEP. Some scientific results of two visits to Africa. *Spolia Zeylanica*. 1948;25(2):1-42.
10. Deraniyagala PEP. Some extinct elephants, their relatives and the two living species. Colombo: Government Press, 1955. 161 p.
11. Du Plessis JC. The Seleucid Army of Antiochus the Great. Weapons, Armour and Tactics. Barnsley: Pen & Sword Military, 2022. 340 p.
12. Gallili E. Raphia, 217 B.C.E., Revisited. *Scripta Classica Israelica*. 1976/1977;3:52-126.
13. Glover RF. The Elephant in Ancient War. *The Classical Journal*. 1944;39(5):257-269.
14. Gowers W. African Elephants and Ancient Authors. *African Affairs*. 1948; 47(188):173-180.
15. Huss W. Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' IV. München, 1976. 304 p.
16. Iversen E. The Domestication of the African Elephant. *Pachyderm*. 1995;20:65-68.
17. Johnston P. The Army of Ptolemaic Egypt 323-204 BC: An Institutional and Operational History. Barnsley: Pen & Sword Military, 2020. 344 p.
18. Laursen L, Bekoff M. *Loxodonta Africana*. Mammalian Species. 1978;92:1-8.
19. Pietrykowski J. Great Battles of the Hellenistic World. Barnsley: Pen & Sword Military, 2009. 256 p.
20. Sabin P. Lost Battles: Reconstructing the Great Clashes of the Ancient World. London: Continuum Books, 2007. 298 p.
21. Schneider P. De l'Hydaspe à Raphia: rois, éléphants et propagande d'Alexandre le Grand à Ptolémée IV. *Chronique d'Égypte*. 2009;84:310-334.
22. Schneider P. Again on the Elephants of Raphia: Re-Examining Polybius' Factual Accuracy and Historical Method in the light of a DNA Survey. *Histos*. 2016;10:132-148.
23. Scullard HH. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 1974. 288 p.
24. Shoshani J. Order Proboscidea in Mammal Species of the World. A Taxonomic and Geographic Reference. 3rd Ed. Vol. I. Baltimore (MA), 2005. P. 90-91.
25. Sukumar R. The Living Elephants: Evolutionary Ecology, Behavior, and Conservation. Oxford: University Press, 2003. 478 p.
26. Tarn WW. Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge: University Press, 1930. 170 p.
27. Taylor MJ. Antiochus the Great. Barnsley: Pen & Sword Military, 2013. 190 p.
28. Walbank FW. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957. 776 p.
29. Winnicki JK. Operacje Wojskowe Ptolemeuszów w Syrii. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. 185 p.
30. Wrightson G. The Battles of Antiochus the Great. The failure of combined arms at Magnesia that handed the world to Rome. Barnsley: Pen & Sword Military, 2022. 154 p.

Научная статья

УДК 94(4-015)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.2>

Вопрос первоисточников «Ашхарацуйц»-а

Акоп Жораевич Арутюнян

Ереванский государственный университет (д. 52, ул. Х. Абовяна, Ереван, 0025, Республика Армения)

Доктор исторических наук, профессор

hakobharutyunyan@ysu.am; <https://orcid.org/0000-0003-3746-9657>

Аннотация. Введение. Статья посвящена одной из важнейших проблем «Ашхарацуйц»-а («Древнеармянской географии») – вопросу истории создания данного труда, т.е. определению его первоисточников. Подобного ракурса рассмотрения этого уникального произведения в научной литературе не было. **Материалы и методы.** Исследование опирается как на нарративные античные источники, так и на древнеармянские письменные памятники. Их сравнение и комплексное исследование позволяет нам достичь необходимых выводов. Для выяснения всего вышесказанного нами были использованы герменевтический и сопоставительный/сравнительный методы исследования. **Анализ.** Историческая география как научная дисциплина возникла в лучшем случае в VI в. до н.э. и при жизни первого автора «Ашхарацуйц»-а уже имела более 1000-летнюю историю. Нами доказано, что «Ашхарацуйц» основывался на узкой первоисточниковой базе. Мы пришли к выводу, что основным первоисточником «Древнеармянской географии» является Библия. Авторы армянского источника от имени Совпара из Минеи, Аполлинария Лаодикийского, Дионисия, Диодора Самейского, Дионисия Гераклеяского, Дионисия Фракийского, Дионисия Галикарнасского, Марина Тирского, Космы Индикоплова, а также всемирно известных мыслителей – Гомера, Аристотеля и др. – пытаются найти подтверждение своих взглядов о структуре мира. Если авторы «Ашхарацуйц»-а считают, что приведенные доводы недостаточны, то подтверждение своих мыслей они ищут у Бога, Евангелистов и церковных деятелей. Конечно, в процессе рассуждений армянский источник опирается, главным образом, на «Руководство по

географии» (Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις) Клавдия Птолемея (Κλαύδιος Πτολεμαῖος, Claudius Ptolemaeus, ок. 100 — ок. 170). Нам удалось доказать, что «Ашхарацуйц» никак не мог быть связан с «Географией» Страбона, которая стала известна науке благодаря Стефану Византийскому, т.е. в процессе изложения «Ашхарацуйц»-а авторы не могли знать о «Географии» Страбона. **Результаты.** Мы пришли к выводу, что «Ашхарацуйц» наряду с работами Страбона, Птолемея и других античных историков-географов (от Анаксимандра Милетского до Эратосфена, Диодора Сицилийского и, наконец, до Стефана Византийского) также является важнейшим источником для изучения вопросов исторической географии и картографии с древнейших времен до VII в. н.э.

Ключевые слова: «Ашхарацуйц» («Древнеармянская география»), Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци, Птолемей, Страбон, историческая география, картография, страны Европы, Африки и Азии

Для цитирования: Арутюнян А. Ж. Вопрос первоисточников «Ашхарацуйц»-а // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 199–205. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.2>

Благодарности: Исследование проводилось в рамках гранта 24SSAH-6A021 Государственного комитета по высшему образованию и науке Армении.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2025.

Статья принята к публикации: 25.05.2025.

Research article

On primary sources of Ashkharatsuyts

Hakob Zh. Harutyunyan

Yerevan State University (52, Kh. Abovyan St., Yerevan, 0025, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History)

hakobharutyunyan@ysu.am; <https://orcid.org/0000-0003-3746-9657>

Abstract. Introduction. The article studies one of the most important issues related to Ashkharatsuyts (or Ancient Armenian Geography), the question of the history of its creation, i.e. its primary sources, which so far no one in science has tried to consider. **Materials and methods.** The study is based both on narrative ancient sources and on ancient Armenian written monuments. Their comparison and comprehensive study allows for necessary conclusions. The study is based on hermeneutic and comparative research methods. **Analysis.** Historical geography as a scientific discipline arose in the 6th c. BC and during the life of the first author of Ashkharatsuyts it already had a little more than a 1000 year-long history. As we have proved Ashkharatsuyts was based only on a narrow primary source base. We concluded that the main primary source of Ancient Armenian Geography was the Bible. With reference to Sovpar of Meneae, Apollinaria of Laodicea, Dionysius, Diodorus of Samea, Dionysius of Heraclea,

Dionysius of Thracia, Dionysius of Halicarnassus, Marinus of Tire, Cosme Indicopleus, as well as world-famous Homer, Aristotle and others, the authors of the Armenian famous-source try to justify their views on the structure of the world. If these arguments seems insufficient, they also confirm their conjectures referring to God, Evangelists and church leaders. In all discussions, the main and central place is given to the Manual of Geography (Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις) of Claudius Ptolemaeus (Κλαύδιος Πτολεμαῖος, Claudius Ptolemaeus, ca. 100 - approx. 170). We were also able to prove for the first time that even with the greatest desire, Ashkharatsuyts could not have any connection with Strabo's Geography, which entered scientific circulation thanks to Stephen of Byzantium, i.e. in the process of presenting Ashkharatsuyts this work was not used. **Results.** The author comes to the conclusion that Ashkharatsuyts, along with the works of Strabo, Ptolemy and other ancient historical geographers (from Anaximander of

© Арутюнян А. Ж., 2025

Miletus to Eratosthenes, Diodorus Siculus and finally Stephen of Byzantium) is also the most important source for studying issues of historical geography and cartography from ancient times until the 7th century AD.

Keywords: Ashkharatsuyts (Ancient Armenian geography), Movses Khorenatsi, Anania Shirakatsi, Ptolemy, Strabo, historical geography, cartography, countries (Europe, Africa and Asia)

For citation: Harutyunyan HZh. On primary sources of Ashkharatsuyts. *Humanities and law research*. 2025;12(2):199-205. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.2>

Введение. Одной из важнейших и до сих пор не затронутых в научной литературе проблем изучения «Ашхарацуйц»-а (пер. с арм. как «Карта мира», «Показ мира») или «Древнеармянской географии» остается вопрос первоисточников этого труда, который был написан в самом начале переходной эпохи от поздней древности к раннему средневековью (изложение началось в V в. н.э. и дополнено в VII в.).

Материалы и методы. Исследование опирается как на нарративные античные источники, так и на древнеармянские письменные памятники. Их сравнение и комплексное исследование позволяет нам достичь необходимых выводов. Для выяснения всего вышесказанного нами были использованы герменевтический и сопоставительный/сравнительный методы исследования.

Анализ. Первым автором этого труда был известный армянский историк Мовсес Хоренаци, которого называют отцом армянской историографии. В дальнейшем в VII в. «Ашхарацуйц» был основательно дополнен армянским естествоведом-географом Ананией Ширакаци. Итак, если благодаря Хоренаци ученики армянских школ имели учебник по **политической карте мира почти всех времен** (выделено нами – А.А.) от ранней древности до V в., то после дополнений Ширакаци получился учебник (выражаясь современной терминологией) по страноведению. Выражение **политическая карта мира** мы выделили сознательно, поскольку в «Ашхарацуйц»-е нашли «место» не только государства, существующие в V – VII вв., когда был написан и дополнен этот труд, но и многие страны (естественно, не все), существовавшие до этого временного отрезка. К примеру, в тексте упоминаются такие древние страны как Шумер, Аккад, Египет, Элам, Мидия, царство древних евреев... Однако там не нашлось места таким известнейшим государствам древности как Хеттское царство (сер. II тыс. до н.э.), Эдом, Нухашше, Аххиява, Арцава, многих государств, расположенных на территории современной Индии или Китая. Иногда известные исторические области представлены в «Ашхарацуйц»-е как государства, хотя они не имели этого статуса. Наилучшими примерами сказанному могут быть Далмация, Сардиния, Корсика, Ликаония и др. Хоренаци представил только сокращенную карту мира или, как принято сейчас называть, Short Recension «Ашхарацуйц»-а. Однако после дополнений, которые были сделаны в тексте VII в. Ананией Ширакаци, армянский источник поменял свой «внешний» и «внутренний» вид. Говоря о «внешнем» виде этого труда, можно констатировать, что объем «Ашхарацуйц»-а увеличился в разы. Что касается «внутреннего» вида (содержания), то здесь произошли весьма серьезные изменения (достаточно сравнить тексты «Ашхарацуйц»-а, изданные и нами: 15. с. 1 и дал; 3. с. 35 и дал.). Ширакаци не только написал два Введения о принципах географического исследования мира, но и дополнил тексты о всех 58-и странах мира

Acknowledgments: The study was conducted within the framework of grant 24SSAH-6A021 of the State Committee of Higher Education and Science of Armenia.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.01.2025.

The article was approved after reviewing: 18.04.2025.

The article was accepted for publication: 25.05.2025.

новыми географическими сведениями. Таким образом, получился совершенно другой текст с новым (уточненным и дополненным) содержанием о странах мира. Если вариант «Ашхарацуйц»-а Мовсеса Хоренаци можно назвать учебником о политическом устройстве мира с древнейших времен, то новый вариант, переработанный Ширакаци, однозначно следует определить как учебник по страноведению. Таким образом, «Ашхарацуйц» прошел долгий путь от Short Recension-a к Long Recension-y.

Вопрос использованных источников «Ашхарацуйц»-а. При дополнении текста была, соответственно, расширена и база источников, которые можно разделить на несколько групп или категорий. В первую очередь следует назвать Библию. Из этого источника были взяты отдельные изречения, крылатые выражения, которые принадлежат разным мифическим и историческим личностям разных времен и народов. К помощи Библии авторы «Ашхарацуйц»-а прибегают при рассмотрении вопросов мироздания. Обсуждение начинается с конца I книги «Ашхарацуйц»-а, когда авторы пытаются выяснить, откуда накопилось столько воды на земле. В тексте армянского источника приводятся многочисленные цитаты из книг Бытия, Иова, Исаия, Притч, Псалтыря, (4) Царств. В Библии упоминается: «да соберется вода, которая под небом, в одно место и стало так» (4. Бытие. 1:9), в другом фрагменте, что: «... собрание вод назвал морями» (4. Бытие. 1:10). Действительно, в то время наука не могла объяснить, как в одном месте может накопиться так много воды, а в другом - ничего. Поэтому считалось, что то, что было непонятно человеку средневековья, понятно было только Всевышнему, в руках которого были сконцентрированы все необъяснимые земные тайны.

Далее повествуется о том, что Бог сказал Иову: «Обозрел ли ты широту земли? Где путь к жилищу света, и где место тьмы». Вероятно, Он предполагает, что Иов не знает о том, что юг необитаем, и что заморозки бывают на севере, под которым скрывается Солнце¹ (4. Иов. 38:19–20).

Несмотря на то, что понятие ойкумена (οἰκουμένη «заселённая» (земля) уже давно использовалось в науке того далекого времени, и первым, согласно мнению ученых, использовал его Геродот (См. Herod. III, 114), однако вопросы широты и долготы, света и тьмы, теплой и холодной погоды не нашли в его трудах своего окончательного разрешения [12. с. 30 и дал.]. Итак, после общих объяснений авторы армянского текста переходят к частным разъяснениям, убеждая, что народ следует просветить, и сделать это должны не простые смертные, а только пророки.

Простой человек или гражданин, согласно армянскому источнику, конечно, никогда не сможет объяснить, зачем создан этот мир. Это самый главный пункт

¹На арм. Արեգակ /Արեգակ обозначает Солнышко – А.А.

в вопросе мироздания. От него восходит другой вопрос: почему мир создан именно так, а не по-другому? Еще вопрос: почему не на всех уголках земного шара можно жить? Еще один – почему в одном уголке земли хорошо, а в другом плохо? Подобных вопросительных предложений можно представить бесконечное количество, однако на них, согласно «Ашхарацуйц»-у, могут ответить только святые. В этом и заключается их историческая миссия. Пророк Исаия говорит, что: «Мир создан для того, чтобы обитали в нем» (4. Исаия. 40:22; В Библии это цитата звучит немного иначе: «Он есть Тот, который восседает над кругом земли, и живущие над ней – как саранча пред Ним: Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья»). Об этом в книгах Библии есть много упоминаний. Иов же говорит: «Он распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем» (4. Иов. 26:7). И далее: «Черту провел над поверхностью воды, до границ света со тьмою» (4. Иов. 26:10). Конечно, то что доступно Богу или божественным созданиям, для всех других отстает заветной мечтой. Для святых нет ограничений, где можно очертить границу в материальном мире (в данном случае – над водой), или в духовном, каким в «Ашхарацуйц»-е названы миры света и тьмы. Божественный приказ был достаточен, чтобы приостановить воды Неизвестного моря в пределах своих берегов, что было бы непригодно миру, как и южное побережье Незнакомой страны. Итак, все совершенно очевидно, поскольку находится в руках Бога, который может приостановить как распространение воды, так и разделить свет и тьму. Таким образом, в вопросе выполнения божественных приказов работает римская поговорка «*Dictum factum*» (досл. пер: Сказано — сделано). Приказы божественные не обсуждаются, а выполняются.

«Ашхарацуйц» констатирует: «То, что было больше этого, мы с верой и надеждой доверяем приказам Бога, так и всему, что видим в мире, также [всему], что под небом, согласно Иову, что: «...над пустотою, повесил землю ни на чем» (4. Иов. 26:7), что подтверждает также Просветитель, что: «Мир построили на пустоте» (3. II, 13; см. также 11. с. 8 и дал.)². Конечно, это может только Бог, потому что Он имеет магическую силу. Боги были и остаются первопротоходами вселенной, начиная от Него самого и всем тем материальным и духовным, что окружает человека. Псалтырь говорит, что: «Ибо Он основал его [мир], на морях и на реках утвердил его» (3. II, 14; также 4. Псалтырь. 23:3). Из всего сказанного, а также из упоминаний Василия Великого (5. с. 45–69; 6. с. 104–117; 7. с. 71–78; 8. с. 115 и дал; 9. с. 93–116) можно предположить, что моря дырами соединены друг с другом, и в основе мира лежит вода, согласно тому сказано, что: «Бездною, как одеянием, покрыл Ты ее...» (3. II, 15; 4. Псалтырь. 103:6; Притчи, 8:24–29). А Соломон говорит: «Господь создал обитаемые и необитаемые места и его обитаемые окраины» (4. Притчи. 7:24–29)³. Но и это

не конец, т.к. «Есть и другие сказания. Но мне нравится, и я одобряю описание Птолемея, что люди перешли тропическую зону и верно описали проживающих там народов, и определили границы их места жительства, измерили от Акисимбии до Лунной горы, а оттуда до Неизвестной страны, обойдя Неизвестную страну от Океана к Океану. Но о странах, которые находятся дальше этого, где не ступила нога человека или не видели глаза человека, они молчат» (3. II, 8, 9). Конечно все хорошее дается не сразу, чтобы люди имели возможность постепенно освоить мир вещей, созданный Богом. Из четырех стихий (στοίχος) мира (огонь, земля, воздух, вода) «Ашхарацуйц» особо выделяет роль воды, вероятно, имея в виду то обстоятельство, что воду можно «соединить» с остальными стихиями. Огонь тушат и землю поливают водой, и атмосферные осадки в виде воды (или ее модификаций) падают на землю через воздух. Если все эти рассуждения привести подвести под общий знаменатель, можно с большой долей вероятности предположить, что эта часть «Ашхарацуйц»-а была написана Хоренаци, который, как показывает научный анализ двух его работ («История Армении» и «Книга Хрий»), был большим знатоком Библии.

От Бога к смертным. Все вышеотмеченное находится в той части армянского текста, где рассматривается вопрос мироздания и роли Бога как главного действующего лица в этом процессе. От средневекового индивида другого мнения об устройстве вселенной нельзя было и ожидать. Затем в тексте источника упоминается о Ное (на арм. Նոյ) и трех его сыновьях – потомках Сима (на арм. Տեմ – Տեմ, от данной лексической единицы происходит слово *semit*); потомки Хама (на арм. Իշմաէլ от данной лексической единицы происходит слово *hamit*); потомки Иафета (на арм. Իֆէթ - habet; можно соотнести с некоторыми группами индоевропейцев).

Затем в «Ашхарацуйц»-е упоминаются имена евангелистов Иоанна (10–98 гг; Եւանցելիստի՛ յովաննի; на арм. Յովհաննէս), Луки (г.р. ? - 84 ?; Λουκάς, Loukás; на арм. Ղուկաս), Марка (г.р. ? - 68 ?; Μάρκος-Marcus (на арм. Մարկոս),). Из четырех евангелистов пропущено имя Матфея (г.р. ? – 74; Левий Матфей, μαθθαίος, Matthæus (на арм. Մաիւոս/Մաթթէոս). Далее следует упоминание о пророке Ованане (точ. на арм. Կուան-Յովնան, иногда также Կովնան (Յովնան), который тот же Иоанн.

Иов (Ийов) – главное лицо библейской книги Иова. Как праведник он упоминается и в других библейских книгах. Далее повествуется о пророках Исаия (Исайя, ок. 765 г. до н.э. – VIII в; на арм. Եսայ - Եսայի), Иереми (645 г. до н.э. – нач. VI в. до н.э. (на арм. Երեմիա/Երեմիա), Даниила (Դանիէլ; VII–VI вв; на арм. Դանիէլ/Դանիէլ). В источнике особо выделяется роль Зосимы, которого часто называют Зосима Палестинский, также Отшельник (Հոսիմոս; 460–560 г. (на арм. Зосимос/Հոսիմոս). Все перечисленные нами деятели церкви в разных странах и в разные времена играли важную роль. Имена евангелистов в «Ашхарацуйц»-е упоминаются при описании собственной Азии, Иов упомянут как в Предисловии «Ашхарацуйц»-а, так и в описании 7-ой страны Африки, Зосим Отшельник - при описании 6-ой страны Африки и т.д. Мы думаем, что здесь следует обратить внимание не на то, в какой части армянского источника упомянуты имена церковных деятелей разных снов, а на то, как они трактуют соотворение мира и, соответственно, в зависимости от этого толкования, отвечают на остальные вопросы.

²Из текста очевидно, что авторы имеют в виду первого католикоса всех армян Григория Просветителя (на арм. Տրբ Գրիգոր Լուսավորիչ - Սուրբ Գրիգոր Լուսավորիչ или Святой Григор Партев – Գրիգոր Պարթև, древнегреч. Γρηγόριος Φωστήρ или Φωτιστής, Григориос Фостир или Фотистис; ок. 252 – 326).

³Это отрывок из Притч Библии, однако в первоисточнике данный фрагмент представлен следующим образом: «Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли». Библия. Притчи. 8:24-29.

Известными церковными деятелями и учеными были Василий Великий (Βασίλειος ὁ Μέγας известный также как Василий Кесарийский, Βασίλειος Καισαρείας; ок. 330—379 гг.; на арм. Барсех Кесараци – Բարսեղ Կեսարացի), Григорий Богослов (Γρηγόριος ὁ Θεολόγος, также Григорий Назианзин (Γρηγόριος Ναζιανζηνός; ок. 325–389 гг.; на арм. Григор Назианзаци - Գրիգոր Նազիանզացի) и Евсевий Кесарийский (Εὐσέβιος τῆς Καισαρείας), или Евсевий Памфил (Εὐσέβιος τοῦ Παμφίλου; ок. между 260 и 270 —339/340; на арм. Евсебиос Кесараци - Եւսεβιῶስ Կեսարացի), имена которых также упомянуто в «Ашхарацуйц»-е. Из армянских известных церковных деятелей названо имя Ованнеса I Мандакуни (на арм. Օրբելիանի Ա Մանդակունի (403–490 гг.), который в 478–490 гг. был католикосом Всех армян, а также являлся автором церковных песен (на арм. *Шаракан*), речей и т.д. (14. с. 268–273), [18. S. 31–269; 19].

Одним из известных ученых тех времен, упомянутых в армянском источнике, был Совпар из Минеи, (на арм. - Սովփար Մինեցի). Возможно, авторы имели в виду какого-то ученого из города или острова Миноя (на древнегреч. *Μινώα*; название нескольких островов и городов в древности: 1) остров в Сароническом заливе, 2) одно из названий Пароса, 3) город в Лаконии, у Минойского мыса на Аргосском заливе, 4) города на Крите (два), в Сицилии (Гераклея Миносская), в Аравии, Сирии и др. местах. Совпар из Минеи в прежние времена сказал⁴, что мир имеет больше территорий, чем об этом знают и знакомы люди. «А если вокруг Неизвестной страны море, или если вокруг Неизвестного моря земля [не имея представление о ее величине], мы молчим и представляем только то, что видели глаза человека, или ступила нога человека (3. II, 12)».

Другим ученым-географом, упомянутым в «Ашхарацуйц»-е, был Абютен (Абюфен; на арм. Աբյութեն), сведения о котором весьма скудные. Из текста источника невозможно понять, откуда он родом. Ученый сыграл важную роль при наименовании одного из притоков Евфрата - Армакахеса.

Далее в армянском тексте назван ученый Аполлинарий Лаодикийский (ок. 310 – ок. 390; на древнегреч. *Ἀπολλώνιος*, лат. *Apollo a* арм. *вариант?*). По всей вероятности, речь идет об Аполлинарии-Apollinarius, из сирийского города Лаодикия; на древнегреч. *Λαοδίκεια πρὸς τὴν Λύκον*); он был епископом, богословом, предшественником монофизитства. Из многих его работ уцелели лишь фрагменты книг [Более подробно см: 16. с. 142 и дал; 17. с. 256–265]. Известны деятели науки по имени Аполлодор (на древнегреч. *Ἀπολλόδορος*) и Аполлоний (на древнегреч. *Ἀπολλώνιος*). [См. 13. с. 86–88]. В этом же фрагменте «Ашхарацуйц»-а упоминается имя Дионисия, однако непонятно, о каком Дионисии идет речь [13. с. 86–88]. Дионисий (на арм. Дионисос - Դիոնիսիոս, на древнегреч. *Διονύσιος* – А.А.) в армянском источнике представлен как один из тех ученых, которые считали, что мир со всех сторон окружает океан. Приведем неполный список известных античных ученых, носивших имя Дионисий: Дионисий Гераклейский (Διονύσιος, 330–250 гг. до н.э.), Дионисий Фракийский (Διονύσιος ὁ Θρᾷξ, 170–90 гг. до н.э.), Дионисий Галикарнасский (Διονύσιος,

I в. до н.э. (прибл. 60–7 гг. до н.э.), Дионисий Периегет (Dionysius Periegetes, II в.).

Следующий упомянутый в «Ашхарацуйц»-е автор – Диодор Самейский (на арм. Диодорос Самеаци/Դիոդորոս Սամեացի). Мы считаем, что здесь скорее всего речь идет именно о Диодоре Крон (Διόδωρος Κρόνος), также Диодор Диалектик (ок. 350 – ок. 284 до н.э.), а не Диодоре Сицилийском (о нем в «Ашхарацуйц»-е нет упоминаний, как бы не был удивителен этот факт).

Важную роль в развитии картографии сыграл упомянутый в «Ашхарацуйц»-е Марин Тирский (древнегреч. *Μαρίνος ὁ Τύριος*; на арм. Մարին Տիրևանացի; между 70–130 гг., историк-географ и картограф, основатель математической картографии). Наконец, в тексте армянского источника мы находим упоминание о *Косме Индикоплове*, однако авторы ошибочно его называют Константином Антиохиецем (в арм. яз. он представлен как Козьма Индикоплов/Չոքմա Ինդիկոպլույն, редко также Козьма Х(Г)ндкачу - Չոքմա Հնդկաչու, на древнегреч. *Κόσμος Ἰνδικοπλέευστης*; византийский автор VI в.; На арм. Индия – *Х(Г)ндкастан* - Հնդկաստան; имя данного автора *хндкачу*, что на арм. означает *летать*, т.е. *летающий в Индию*). Об этом авторе мог упомянуть только Ширакаци, поскольку в период творчества Козьмы Индикоплова Хоренаци уже давно не было в живых. Козьма Индикоплов является автором географической работы «*Христианская топография*» (др.-греч. «*Χριστιανικὴ Τοπογραφία*»), о которой упоминается в «Ашхарацуйц»-е. Из великих людей дважды упоминается Гомер (Ὅμηρος; IX–VIII вв.), а также Аристотель (Ἀριστοτέλης, 384–322 гг.) при упоминании о. Эвбея, где и умер этот мыслитель.

В разных фрагментах «Ашхарацуйц»-а упоминаются имена Александра Македонского, Арташеса I⁵ (Αρταξίας, на арм. Арташес/Արտաշես), Понтия Пилата (Pontius Pilate), Арташира I, основателя династии Сасанидов, Чена Бакора (Чен – краткое название Китая на арм. яз., а Бакор – это Пакор; т.е. речь идет о китайском царе), Хатунах (в армянской литературе так называли цариц Китая), Царице Савской, Арташесе Окс(осе) (вероятно, авторы имели в виду Ахеменидского царя Артаксеркса III Оха (359/358–338 гг. до н. э., на древнеперс. Артахшасса (Artakhsathra, Արտաշաշաս), что означает «Владеющий праведным царством»), Аспаруха – основателя первого Болгарского государства на Дунае, Нерсеа (на арм. Нерсес/Ներսես) Камсаракана – князя-правителя всей Армении в 689–699 гг.

Списки стран мира у истриков. Итак, мы преднамеренно в нашем изложении пропустили известного античного географа Клавдия Птолемея. Имя этого великого мыслителя древности в «Ашхарацуйц»-е упоминается более 15 раз, что нас совсем не удивляет. Еще 3 раза упоминается имя естествознателя Папоса Александрийского (Πάππος ὁ Ἀλεξανδρεὺς; 290–350 гг.). Представляется вполне логичным, что параллельно с именем Птолемея авторами «Ашхарацуйц»-а будет упомянуто также имя другого не менее известного историка-географа Страбона. Однако оно отсутствует. Это удивительно. Возникает правомерный вопрос: куда пропал Страбон?

Как «Ашхарацуйц», так и Страбон и Птолемей (также Плиний Старший (Plinius Maior, Гай Плиний Секунд,

⁴Вероятно, авторы имеют в виду какого-то ученого из города или острова Миноя (на древнегреч. *Μινώα*; название нескольких островов и городов в древности: 1) остров в Сароническом заливе, 2) одно из названий Пароса, 3) город в Лаконии, у Минойского мыса на Аргосском заливе, 4) города на Крите (два), в Сицилии (Гераклея Миносская), в Аравии, Сирии и др. местах.

⁵Арташес I – основатель государства В. Армении в 189 г. до н.э. и правящей там династии Арташесянов. Носил прозвище эвсебейя-εὐσεβεία (эвсебейя, евсебия; на арм. яз. барепашт), что переводится как *благочестие, благоговение, почтение*.

Gaius Plinius Secundus) перечисление стран начинают с Западной Европы⁶. Идентичный подход у Помпония Мелы, автора труда «Хорография» (Pomponius Mela; 15–60 гг.) (о трех континентах согласно Помпонию Меле см. Pomp. Melae. Chorographia, l. 1–19, 97).

Начнем с самого древнего из авторов – **Страбона**. В Европе он упоминает следующие страны: Иберия, Кельтика, Бреттания, Альпы, Италия, Южная Италия, Сицилия, Истр, Германия, Таврика, Скифия, Пелопоннес, Аттика, Мегарида, Фокида, Локрида, Фессалия, Евбея, Этолия, Акарнания и Крит. В итоге упомянуто 21 страна (Strabo. кн. III–X).

Перейдем к списку перечисленных стран в Европе **по Птолемею**: Ирландия, Британия, Испания, Галлия, Германия, Альпы, Иллирия, Италия, Корсика, Сардиния, Сицилия, Европейская Сарматия, Дакия, Меозия, Фракия, Македония, Греция – всего 18 стран (Ptol. II–III).

Страны Азии **по Страбону**: Кавказ, Гиркания, Парфия, Бактрия, Мидия, Армения, Каппадокия, Понт, Вифиния, Галатия, Мисия, Фригия, Троада, Лесбос, Пергам, Иония, Кария, Памфилия, Киликия, Индия, Ариана, Персия, Ассирия, Вавилон, Месопотамия, Сирия, Финикия, Иудея, Аравия – всего 29 стран (Strabo. кн. XI–XVI).

Список перечисленных стран в Азии **по Птолемею**: Понт, Вифиния, Ликия, Галатия, Памфилия, Каппадокия, Малая Армения, Киликия, Азиатская Сарматия, Колхида, Армения, Кипр, Сирия, Месопотамия, Ассирия, Мидия, Персия, Аравия Феликс, Бактрия, Западная Скифия, Восточная Скифия, Китай, Ариана (Ария), Индия (по эту сторону Ганга), Индия (по ту сторону Ганга/Индокитай), Тапробана – всего 26 стран Азии (Ptol. V–VII).

Страны Африки **по Страбону** – Египет, Эфиопия, Ливия – всего 3 страны (Strabo. кн. XVII).

Страны Африки **по Птолемею** – Мавритания, Либия, Киренаика, Египет, Внутренняя Африка – всего 5 стран. Птолемей их располагает между Европой и Азией (Ptol. IV).

Перейдем к перечислению стран **по данным «Ашхарауц»-а**. Армянский источник также начинает перечисление стран с Европы: Испания, Британия, Галлия, Германия, Далмация, Италия, Сардония (Сардиния), Сицилия, Европейская Сарматия, Фракия, Македония, Эллада (Греция) – всего 12 стран. После Европы «Ашхарауц» переходит к перечислению стран Африки, огораживая, что этот континент находится между Европой и Азией, западнее последнего. Вот список стран африканского континента: (Первая) Мавритания, Вторая Мавритания, Африка, Кюренакан (Киренаика), Мармарская Либия (или Египет), Этнос Либия, Эфиопия, Внутренняя Эфиопия – всего 8 стран. Перечисленные страны Азии по «Ашхарауц»-у: Вифиния, Большая и Маленькая Мизия (Мисия), Собственно Азия, Ликия, Фригия, Пафлагония, Первая Галатия, Вторая Галатия, Памфилия, Ликаония, Елинопонт, Полемонский Понт, Елион-Понт, Первая Каппадокия, Первая и Вторая Киликии, Кипр, Вторая Армения, Азиатская Сарматия, Колхида, Иберия, Албания, Великая Армения, Сирия, Иудея, Каменистая Аравия, Месопотамия, Вавилония, Евдемон Аравия, Персия, Мидия, Элам, Персида, Арик, Скифия, Индия, Тапробания, Сюникия, страна Синайцев. Итак, получается 38 стран, хотя в издании «Ашхарауц»-а А.А. Акопяна их 45, а в издании К.П. Патканова – 44 (3. кн. V; 1. кн. V; 15. кн. V. См также Pliny.

NH. III–VI; об этом подробнее см. 3. с. 173–175). Таким образом, при описании Европы авторы армянского источника называют меньше всех стран, чем остальные авторы, однако при этом больше, чем другие при описании стран Африки, а тем более Азии. Можно заключить, что чем континент находится ближе к Армении, тем подробнее о нем говорится в армянском источнике. Малочисленность имен африканских стран обусловлено еще и тем, что этот континент, особенно его экваториальная и тем более южные части, тогда еще почти не были известны миру.

Здесь удивляет другой факт. Как было отмечено выше, авторы «Ашхарауц»-а перечисляют континенты в порядке Европа, Африка, Азия. Такое перечисление мы находим и у Птолемея, у которого из стран Европы последней упомянуто Греция, а из стран Азии здесь перечисление начинается Понтом. Именно между Грецией и Понтом упоминаются 5 африканских стран. У Страбона за Европой следует описание Азии, и только в конце названы три африканские страны. Это отнюдь не говорит о том, что Хоренаци и Ширакаци не знали о Страбоне, тем более о его известном труде «География». Хоренаци и в остальных своих работах («История Армении» и «Книга Хрий») никогда не упоминает о Страбоне. Возникает вопрос: почему армянские авторы минуют Страбона? Однако о Страбоне не упоминает и Птолемей, хотя Страбон умер ок. 23/24 годов н.э., а Птолемей родился ок. 100 г. н.э. Возможно, Страбон в античном научном мире еще не был таким известным автором, каким мы знаем его сейчас. Птолемей совершенно не щедр в вопросе упоминания предшественников авторов. В его объемном труде мы находим имена лишь шестнадцати античных ученых. Почти 20 раз упомянуто имя Марина Тирского (Μαρίνος ο Τύριος, ок. 70–130 гг.; находят, что он творил между 100–150 гг.). Вторым в этом списке представлен карфагенский мореход Vv. Ганнон (Ἀννων) (Ptol. S. 1015; список см. там же).

Весьма символичны год и место рождения Страбона – 63 г. до н.э., Понтийское царство. В этот год произошло крушение Понта, и римляне постарались предать забвению творчество Страбона, поскольку его родина – Понт – был злейшим врагом римлян, свидетельством чему являются Митридатовские войны (89/88–64/63 гг.). Совершенно справедливо Ф.Н. Арский замечает: «В римскую эпоху Страбона почти не знали (мы полагаем, что не хотели знать – А.А.). Изредка имя его встречается у Маркиана из Гераклеи (Vv.) или в схолиях к Аполонию Родосскому» [1. с. 68]. Годы пика творчества Страбона совпадают со временем принципата Августа (27г. до н.э.–14г. н.э.). Тогда по приказу императора всем творческим мужьям покровительствовал Г.Ц. Меценат (Gaius Cilnius Maecenas, ок. 70г. до н.э.– 8г. н.э.). Именно тогда труд Страбона попал в «Индекс (список – А.А.) запрещенных книг» (лат. Index Librorum Prohibitorum) как выходца из той страны, которая доставила Риму столько бед.

Эпоха «триумфа» греческого историка начинается с первой половины VI в., когда Стефан Византийский (Στέφανος ὁ Βυζάντιος) в «Лексиконе (Lexicon)» и Прокл Кесарийский (Πρόκλος ὁ Καισαρεύς; между 490 и 507 — после 565 гг.) в своих работах стали использовать сочинение Страбона. При таком раскладе Хоренаци не мог знать о Страбоне, в отличие от Аниана Ширакаци, который до 651 г. учился в Трапезунде, однако, вероятно, труд Страбона по вышеназванным причинам еще не включали в учебные программы. Именно по этой

⁶Идентичный подход при перечислении стран наблюдается у Плиния Старшего (Европа, Африка и Азия). См. Pliny. NH, III–IV Европа, V Африка, VI Азия.

причине, дополняя «Ашхарацуйц», армянский естествовед тоже минует Страбона.

Результаты. Создание «Ашхарацуйц»-а (или «Древнеармянской географии») имело важное историческо-географическое значение как в V–VII вв., так и в последующие времена. Этот труд наглядно демонстрирует не только пройденный тысячелетний путь исторической географии как науки, основы которой во всемирном масштабе были заложены еще Скилаком Кариандским (VI в. до н.э.), философом Анаксимандром Милетским (610–547/540 гг. до н.э.), но и самой истории, отцом которой все единогласно считают великого Геродота (Vв.). В «Ашхарацуйц»-е перечислено много государств, которые уже при жизни авторов перестали существовать (Шумер, Аккад, Египет, Элам, Иудея, Вавилония, Мидия, Ахеменидский Иран и многие другие). Армянский источник пролил свет на вопрос цивилизационного развития человечества, распространив свет Востока на Западе (Ex Oriente Lux).

«Ашхарацуйц» – это не только памятник, благодаря которому можно проследить ход развития исторических событий в древней Азии, а также в древней Европе и Африке. Несмотря на то, что описание стран в армянском источнике очень лаконичны, тем не менее они сообщают о важных особенностях развития каждой рассматриваемой страны или региона. Это может быть природные ресурсы или специфика экономического развития, какие-то особенности живущих там людей, их

нравы и обычаи и пр. Поэтому в самом начале нашего изложения мы представили расширенный (дополненный Ширакаци) «Ашхарацуйц» как учебник по страноведению. Это становится очевидным при изучении стран азиатского континента.

В наших предшествующих статьях было доказано, что благодаря косвенным сведениям «Ашхарацуйц»-а можно рассмотреть историю развития науки, в целом. При сравнительном/сопоставительном анализе «Ашхарацуйц»-а с работами Страбона и Птолемея можно заметить, каких успехов достигла историческая география в постптолемеевское время, до дополнения армянского труда Ананией Ширакаци.

По своему содержанию «Ашхарацуйц» имеет энциклопедический характер. Армянский источник похож как на работу Страбона, так и Плиния Старшего, несмотря на то, что авторы армянского труда не были знакомы с данными работами.

Итак, основным источником «Ашхарацуйц»-а является труд Птолемея, однако авторы армянского источника отказались от трафаретной формы изложения, которую мы отмечаем у греческого историка. У Птолемея описание любой страны начинается с границ, далее следуют природные условия (горы, реки), границы, административные единицы, урбанизация и т.д. Авторы «Ашхарацуйц»-а в совершенно свободном формате рассмотрели все эти вопросы при перечисленных стран мира.

Литература

1. Акопян А. А. «Ашхарацуйц» VII века // Андес амсорья. 2015. № 1–12. С. 35–194. (на древнеарм. яз.).
2. Арский Ф. Н. Страбон. М.: Мысль, 1974. 72 с.
3. Арутюнян А. Ж. Ашхарацуйц (Армянская география) V–VII вв. Мовсеса Хоренаци и Анания Ширакаци. Белгород: Зебра, 2023. 184 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. I. Библейские комиссии. Духовное просвещение. 1991. Т. 1. 572 с.
5. Василий Великий. Девять бесед на Шестоднев. Памятники византийской литературы IV–IX веков. М.: Наука, 1968. 350 с.
6. Василий Великий. Гомилия на св. Рождество Христово // Богословский сборник. 2000. № 5. С. 104–117.
7. Василий Великий. Переписка с Аполлиnaireм (письма 361–362) // Богословский сборник. 2003. № 12. С. 71–78.
8. Василий Великий. На слова: Внемли себе. М.: Греко-латинского кабинета Ю.А. Шичалина, 2016. 200 с.
9. Василий Великий. Гомилия против гневающихся // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2 (1). С. 93–116.
10. Василий Великий. Письма к разным лицам. Письма. М.: Наука, 2007. 559 с.
11. Григорий Просветитель. Многовещательные речи. Ереван: Наир, 2011. 240 с.
12. Дитмар А.Б. Рубежи Ойкумены: Эволюция представлений античных ученых об обитаемой земле и природной широтной зональности. Москва: Мысль, 1973. 136 с.
13. Любкер Ф. Иллюстрированный словарь античности. М.: Эксмо, 2005. 1344 с.
14. Мандакуни Иоанн. О беззакониях дьявольских зрелищах // Кавказ и Византия. 1988. № 6. С. 268–273.
15. Патканов К. П. Армянская география VII века по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб: Тип. Имп. Академии Наук, 1877. 84 с.
16. Спасский А. А. Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского с кратким предварительным очерком его жизни. Санкт-Петербург: Изд. О. Абышко, 2005. 510 с.
17. Спиридонов Д. К полемике Диодора Тарсского с Аполлиnaireм Лаодикийским // Христианское чтение. 1910. № 2. С. 256–265.
18. Blatz J., Weber S. Reden des armenischen Kirchenvaters Johannes Mandakuni. Ausgewählte Schriften der armenischen Kirchenväter. 2 vols. München: Kösel & Pustet; 1927. 480 s.
19. Schmidt J. Heilige Reden des Johannes Mandakuni. Manz: Regensburg; 1871. 246 s.

References

1. Akopjan AA. Ashkharatsuyts of 7th century. *Andes amsor'ja*. 2015;1-12: 35-194. (In Old Armen.).
2. Arskij FN. Strabo. Moscow: Mysl'; 1974. 72 p. (In Russ.).
3. Arutjunjan AZh. Ashkharatsuyts (Armenian geography) V-VII centuries. Movses Khorenatsi and Anania Shirakatsi. Belgorod: Zebra; 2023. 184 p. (In Russ.).
4. Biblija. Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical. Biblejskie komissii. Duhovnoe prosveshchenie; 1991. Vol. 1. 572 p. (In Russ.).
5. Vasilij Velikij. Nine Conversations on the Hexameron. Monuments of Byzantine Literature of the 4th – 9th Centuries. Moscow: Nauka; 1968. 350 p. (In Russ.).
6. Vasilij Velikij. Homily on St. Nativity of Christ Homily on St. Nativity. *Bogoslovskij sbornik*. 2000;5:104-117. (In Russ.).
7. Vasilij Velikij. Correspondence with Apollinaris (letters 361-362). *Bogoslovskij sbornik*. 2003;12:71-78. (In Russ.).
8. Vasilij Velikij. To the words: Listen to yourself. Moscow: Greko-latinski kabinet JuA Shichalina; 2016. 200 p. (In Russ.).
9. Vasilij Velikij. Homily against the angry. *Zhurnal Vyssey shkoly ekonomiki*. 2018;2(1):93-116. (In Russ.).

10. Vasilij Velikij. Letters to various persons. Letters. Moscow: Nauka; 2007. 559 p. (In Russ.).
11. Grigorij Prosvetitel'. Multibroadcast speeches. Erevan: Nairi; 2011. 240 p. (In Russ.).
12. Ditmar AB. Frontiers of the Ecumene: Evolution of the ideas of ancient scientists about the inhabited earth and natural latitudinal zonality. Moscow: Mysl'; 1973. 136 p. (In Russ.).
13. Ljubker F. Illustrated Dictionary of antiquity. Moscow: Jeksmo; 2005. 1344 p. (In Russ.).
14. Mandakuni Ioann. About the lawlessness of devilish spectacles. *Kavkaz i Vizantija*. 1988;6:268-273. (In Russ.).
15. Patkanov KP. Armenian geography of the 7th century AD. (attributed to Moses of Khoren). Saint Petersburg: Tip. Imp. Akademii Nauk; 1877. 84 p. (In Russ.).
16. Spasskij AA. The historical fate of the writings of Apollinaris of Laodicea with a brief preliminary sketch of his life]. Saint Petersburg: O. Abyshko; 2005. 510 p. (In Russ.).
17. Spiridonov D. On the polemic between Diodorus of Tarsus and Apollinaris of Laodicea. *Hristianskoe chtenie*, 1910;2:256-265. (In Russ.).
18. Blatz J, Weber S. Reden des armenischen Kirchenvaters Johannes Mandakuni. Ausgewahlte Schriften der armenischen Kirchenvater. 2 vols. Munich: Kosel & Pustet; 1927. 480 p. (In Germ.).
19. Schmidt J. Heilige Reden des Johannes Mandakuni. Manz: Regensburg; 1871. 246 p. (In Germ.).

Научная статья
УДК 791.43
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.3>

ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1941–1945 ГГ.: СОЗДАНИЕ МОДЕЛЕЙ ВЫСШЕГО СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Андрей Константинович Беспалов

Московский городской педагогический университет (д. 4, 2-й Сельскохозяйственный проезд, Москва, 129226, Российская Федерация)
Аспирант
bak2404@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0005-1829-9965>

Аннотация. Введение. Актуальность представленного исследования в проведении дескриптивного анализа военных фильмов (1941–1945 гг.), выступающих мощнейшим идеологическим оружием в процессах формирования особой системы ценностей военного периода. В статье обозначается взаимосвязь реального образа героя с его художественным изображением в советском кинематографе, выявляются закономерности формирования образов героев Великой Отечественной войны, исследуются возможности «киноязыка» как эффективного пропагандистского средства в военный период. Формирование общего «киноязыка», узнаваемость героев киноленты, разбор диалогов главных персонажей «на цитаты» становились признаком зрительского успеха киноленты, актуализируя героические модели социального поведения. Создание героических образов в кинолентах происходило в условиях военных действий, что повлияло и на сюжетную линию военных фильмов, и на символику, и на специфику художественного «изображения» героизма. **Материалы и методы.** Данное исследование носит междисциплинарный характер. В ходе работы были использованы методы исторического исследования (историко-сравнительный анализ, историко-генетический, историко-типологический методы и культурно-исторический подход). В работе также использовались методы смежных гуманитарных дисциплин: киноведческие методы, методы визуальной антропологии при работе с киноисточниками, иконографический, имагологический методы анализа визуального произведения, метод герменевтического анализа культурного контекста, а также комплексный подход анализа визуальных источников. **Анализ.** В статье анализируются образы героев Великой Отечественной войны, созданные в советском кинематографе 1941–1945 годов. Подчеркивается, что эти образы часто основывались на реальных подвигах, известных советскому обществу. Выделяются основные направления героизации в кинематографе военного времени: героические образы солдат и командиров, а также крестьян и рабочих и интеллигенции. Командиры предстают эталонами для подражания, а рядовые солдаты и матросы – обычными гражданами, вставшими на защиту страны. Советские кино-

картины отражают всенародный характер войны, где мирные жители, оказавшиеся в оккупации или трудящиеся в тылу, также проявляют массовый героизм наравне с военнослужащими на фронте. Конкретный исторический контекст, будь то оборона Ленинграда или Сталинградская битва, усиливал воздействие героических образов на зрителей, делая их визуальным воплощением реальных героев. Научной новизной исследования можно считать определение ключевых типов героических образов (солдат и командиров, крестьян и рабочих, интеллигенции) и их качественную характеристику. **Результаты.** Результатом проведенного исследования стала формулировка общей идейной характеристики героя Великой Отечественной войны, героического образа всего советского народа, «коллективного героя» в кинокартинах советского времени. Проявление оветского патриотизма в годы Великой Отечественной войны, обусловленное идеологией социализма и «идейным» типом политического человека, не имело исторических аналогов. Специфика проявления советского патриотизма напрямую связана с образом советского человека, мужественно сражающегося за свою Родину, за общественные социалистические идеалы. Противостояние идеологий в Великой Отечественной войне («фашизм» – «коммунизм») стало определяющим фактором в разгроме нацистской Германии, а героизм советского народа навсегда вписан в историю великих побед человечества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, героизм, образ героя, подвиг, патриотизм, социализм, советский кинематограф, советский народ

Для цитирования: Беспалов А. К. Образы героев Великой Отечественной войны в советском художественном кинематографе 1941–1945 гг.: создание моделей высшего социального поведения // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 206–212. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.3>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 25.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 8.04.2025.

Статья принята к публикации: 15.05.2025.

Research article

IMAGES OF THE HEROES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN SOVIET ART CINEMATOGRAPHY IN 1941-1945: CREATION OF MODELS OF HIGHER SOCIAL BEHAVIOR

Andrey K. Bespalov

Moscow City Pedagogical University (4, 2nd Agricultural Passage, Moscow, 129226, Russian Federation)
Postgraduate student
bak2404@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0005-1829-9965>

Abstract. Introduction. The relevance of the study lies in conducting a descriptive analysis of war films (1941-1945), which act as a powerful ideological weapon in the processes of forming a special value system of the war period. The article

specifies the relationship between the real image of the hero and his artistic depiction in the Soviet cinema, reveals patterns in the formation of images of the heroes of the Great Patriotic War, explores the possibilities of "film language" as an effective

© Беспалов А. К., 2025

propaganda tool during the war. The formation of a common "film language", the recognition of the heroes of the film, the analysis of the dialogues of the main characters "for quotations" became a sign of the audience's success of the film, actualizing heroic models of social behavior. The creation of heroic images in films took place in the context of military action, which influenced both the plot line of war films and the symbolism and the specifics of the artistic "depiction" of heroism. **Materials and methods.** This research is interdisciplinary in nature. In the course of the work, methods of historical research were used (historical and comparative analysis, historical and genetic, historical and typological methods, and a cultural and historical approach). Methods of related humanities disciplines were also used in the work: film studies methods, methods of visual anthropology when working with film sources, iconographic, imagological methods of analyzing a visual work, the method of hermeneutical analysis of cultural context, as well as an integrated approach to analyzing visual sources. Analysis. The article analyzes the images of the heroes of the Great Patriotic War created in the Soviet cinema of 1941-1945. It is emphasized that these images were often based on real exploits known to Soviet society. The main directions of heroization in wartime cinema are highlighted: heroic images of soldiers and commanders, as well as peasants and workers and intellectuals. Commanders are models to follow, and ordinary soldiers and sailors are ordinary citizens who stand up for the defense of the country. Soviet films reflect the nationwide nature of the war, where civilians trapped in occupation or working in the rear also show mass heroism on a par with soldiers at the front. A specific historical context, whether it was the defense of Leningrad or the Battle of Stalingrad, enhanced the impact of

heroic images on viewers, making them the visual embodiment of real heroes. The scientific novelty of the study can be considered the definition of key types of heroic images (soldiers and commanders, peasants and workers, intellectuals) and their qualitative characteristics. **Results.** The result of the study was the formulation of a general ideological characteristic of the hero of the Great Patriotic War, the heroic image of the entire Soviet people, the "collective hero" in the films of the Soviet era. The manifestation of Soviet patriotism during the Great Patriotic War, conditioned by the ideology of socialism and the "ideological" type of political man, had no historical analogues. The specificity of the manifestation of Soviet patriotism is directly related to the image of a Soviet man, courageously fighting for their Motherland, for public socialist ideals. The confrontation of ideologies in the Great Patriotic War ("fascism" - "communism") became a determining factor in the defeat of Nazi Germany, and the heroism of the Soviet people is forever inscribed in the history of the great victories of mankind.

Keywords: Great Patriotic War, heroism, image of a hero, feat, patriotism, socialism, Soviet cinematography, Soviet people

For citation: Bepalov AK. Images of the heroes of the Great Patriotic War in Soviet art cinematography in 1941-1945: creation of models of higher social behavior. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 206-212. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.3>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 25.01.2025.

The article was approved after reviewing: 8.04.2025.

The article was accepted for publication: 15.05.2025.

Введение. Советская культура военных лет уникальное явление, обусловленное колоссальным напряжением сил советского народа («все для фронта, все для Победы»), в это время создаются гениальные произведения о войне, которые не могли возникнуть в другое время. Великая Отечественная война не была похожа ни на одну из прошлых войн, тем более великим («за пределами человеческих возможностей») стал подвиг советского народа и тем более ярким предстало миру отечественное искусство военного времени.

Как формируется образ национального героя? Почему каждая историческая эпоха создает свой образ героя? Научные подходы к феномену героизма различны, но в большинстве работ героизм представляется как некая крайность, положительное отклонение от социокультурной нормы, стремление к сверхчеловеческому, совершению невозможного в любой сфере человеческой деятельности, формированию особого типа человека, способного riskнуть собственной жизнью ради общего блага (Карлсфельд, Ф. Ницше, С. Булгаков, Т.А. Апинян, В.Д. Плахов, И. Тэн и др.). Как можно объяснить совершение героического поступка, помимо самопожертвования, природа которого в сфере иррационального? Самопожертвование скорее всего объяснимо спецификой героического сознания (по Вико), когда все происходящее с миром воспринимается «как происходящее с самим собой», отсюда и возникает повышенная социальная ответственность за судьбу страны, народа, культуры и цивилизации. Такое восприятие мира встречается не часто, поэтому воспринимается иногда на уровне повседневного сознания как «странность», но лишь до момента, пока обществом не осознан масштаб подвига, представляющего собой общественно значимое действие во имя высшего блага.

Проявление героизма возможно и за пределами военной реальности, однако в период войны исторических возможностей для проявления самопожертвования гораздо больше. Война уже выступает как кардинальный

слом привычной повседневной жизни человека, не оставляя ему никакого выбора, так как продолжение прежней жизни не представляется возможным. Страх перед войной, преодоление этого страха, выбор своей будущей судьбы, неотделимой от судьбы страны – все эти сюжеты возникают в жизни каждого человека, но не каждый становится героем.

Материалы и методы. Данное исследование носит междисциплинарный характер. При его проведении были использованы методы исторического исследования (историко-сравнительный анализ, историко-генетический, историко-типологический методы). Историко-сравнительный метод позволил сравнить и сопоставить черты героических образов и выявить основные этапы формирования образа героя Великой Отечественной войны. Благодаря историко-типологическому методу стало возможным провести типологизацию основных видов героических образов, которые формирует советский кинематограф. Историко-генетический метод позволил рассмотреть процесс формирования героических образов в их динамике, то есть, в развитии. Историко-культурологический подход позволил рассматривать образы героев Великой Отечественной войны сквозь призму культурных традиций советского общества тех лет.

Также активно использовались методы смежных гуманитарных дисциплин (киноведческие методы, методы визуальной антропологии при работе с киноисточниками, иконографический, имагологический методы анализа визуального произведения, метод герменевтического анализа культурного контекста), а также комплексный подход анализа визуальных источников. Ключевым в нашей работе является именно имагологический метод изучения визуального произведения, заключающий в себе прежде всего анализ образа героя. Также в работе был применен семиотический подход, что позволило выявить знаки и символы, используемые в фильмах для передачи идеологических смыслов и формирова-

ния определенных социальных стереотипов поведения. Это важно для понимания, каким образом образ героя воплощал и воспроизводил ценности патриотизма и героизма.

Анализ. Советский кинематограф стал одним из способов фиксации героизма советских граждан, когда трагические судьбы огромного количества людей «сжимались» до истории одного или нескольких героев киноленты, становились узнаваемыми, благодаря их реалистичности. «Сжатие времени» - интересный эффект кинематографического искусства, при котором события нескольких лет воспроизводятся в течение нескольких десятков минут. Искусство военных фильмов — это искусство «показывать войну», искусство передачи трагедии и подвига народа, искусство драматизации жизни без лишения человека надежды на Победу. Советский кинематограф военных лет формирует не просто надежду, а абсолютную уверенность в Победе с самых первых лет войны и в этом его гениальность.

Великая Отечественная война нашла свое отражение в советском художественном кинематографе с самых первых месяцев после ее начала. С началом боевых действий перед работниками советской кинематографии возникла важнейшая задача – создать яркие и глубоко идейные произведения о героической борьбе советского народа с немецкими оккупантами, которые бы вдохновили и мобилизовали весь советский народ на борьбу с врагом [11, с. 18]. Военные фильмы выступали мощнейшим идеологическим оружием в годы Великой Отечественной войны, отражая трагические и героические события на полях сражений, воодушевляя народ на подвиги, формируя особую систему ценностей военного периода, основанную на самопожертвовании, патриотизме, беспощадности к противнику. Особая система ценностей в военный период обусловлена экстремальными военно-политическими условиями, сломом привычной картины мира. Переосмысление привычных ценностей, принятие судьбоносных решений, соприкосновение со смертью, ужасами войны придавали особую значимость совершаемым советскими людьми фронтовым подвигам. Киноленты военного времени должны были не только увековечить героев, но и поднять боевой дух солдат, воюющих в одной из самых страшных войн прошлого века. В понимании режиссеров военного времени, экран, повешенный в землянке на двух шомполах, воткнутого между бревен, должен был воевать [4, с. 256] не хуже солдата с винтовкой.

Формирование с помощью кинематографа героических образов, играло важнейшую идеологическую, морально-воспитательную функцию. Кинематограф по своей сущности являлся важнейшим пропагандистским инструментом формирования исторического мировоззрения человека. Художественное пространство, создаваемое кинокартинами, имело колоссальную роль в просвещении, воспитании общества, транслируя с экрана определенные героические образцы и модели поведения, которые становились своеобразными идеалами. Идентифицируя себя с главными героями фильмов, зрители применяли к себе их морально-нравственные ценности, образцы поведения, которые выступали как своеобразные идеалы, примеры для подражания, ориентиры. Посредством различных приемов киноязыка, формирования художественных символов, кинематограф способен формировать через персонажей фильмов устойчивые героические образы и модели героического поведения, которые транслируются в массы

и закрепляются в общественном сознании. Обращение к военной реальности в советских кинолентах происходило совершенно естественно («люди не говорили о патриотизме, они просто так жили»), что объяснимо единым пониманием прошлого и желанием иметь общее не менее героическое будущее.

Военное время (при условии ведения справедливой оборонительной войны) это обычно время духовного подъема, мобилизации всех сил нации, своего рода – культурный ренессанс, связанный не столько с поиском более простых форм искусства, сколько с формулировкой новых жизненных смыслов, с выбором наиболее эффективных технологий их трансляции. Активность культурной жизни в военный период не парадокс, скорее норма политического времени, поддержка «человека на войне» «красотой», когда отдельный вклад в приближение Победы становится не «частной историей», а коллективным действием целого народа. За всё время Великой Отечественной войны советской киноиндустрией было снято и выпущено в прокат более 40 художественных полнометражных фильмов, посвященных идущей войне, в которых были сформированы многочисленные образы героев Великой Отечественной войны. «Придут на экран герои-бомбометатели, партизаны, снайперы, истребители, танки. Появятся наши простые люди, достойные золотых памятников на вечные времена за боевые труды и подвиги. «Придут сюжеты, как живые легенды и любовь к отечеству, к народу, достойная и жертвенная, и кристально чистая» [3, с. 6,7], - говорил председателем Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И.Г. Большаковым в 1942 году на конференции, посвященной сотрудничеству кинематографистов союзных стран.

В 1942 году снимается первая полнометражная кинокартина о партизанском движении «Секретарь райкома». В этом же году выходит второй фильм о партизанах «Партизаны в степях Украины». На 1942 г. приходится и выпуск первых художественных фильмов непосредственно о бойцах на фронте, в частности «Парень из нашего города», «Непобедимые».

В 1943 г. на экран выходят 12 фильмов [2, с. 370], посвященных идущей войне, в том числе такие известные кинокартины, как «Два бойца», «Жди меня», которые приобрели огромную популярность среди солдат на фронте. Также в это же время снимаются такие фильмы, как «Радуга», «Во имя родины», «Она защищает Родину» и многие другие.

Наибольшее количество фильмов в военный период вышло на экраны в 1944 году, значительная часть из них была посвящена советским морякам: «Я – черноморец!», «Иван Никулин – русский матрос», «Малахов курган» и другие. На экранах в 1944 году впервые появляется тематика оккупированных врагом территорий: «Однажды ночью», «Нашествие». Снимаются и такие фильмы, как «Родные поля», «Непокоренные», «Небо Москвы» и др.

Первыми свидетельствами военного времени в игровом кино стали «Боевые киноальбомы», которые выходили под девизом «Враг будет разбит, победа будет за нами!» и состояли из нескольких короткометражных агитационных новелл, объединенных своеобразным конференсом или общим главным героем. Кино как визуальный инструмент пропаганды в условиях войны, в первую очередь, требовало новой художественной формы – простой, понятной, легко узнаваемой. Изначально «Боевые киноальбомы» включали в себя от 4

до 5 короткометражных фильмов. Идея их создания состояла в быстром производстве недорогого наглядно-агитационного киноматериала, отражающего поведение известных киногероев (Чапаев, brave солдат Швейк, рабочий Максим и т. д.) в событиях первых дней войны. Первые семь выпусков, начиная с августа 1941 года были сняты на студиях Москвы и Ленинграда, в дальнейшем, работа над выпуском «Боевых киносборников» продолжалась в эвакуации в г. Алма-Ате на Центральной объединенной киностудии художественных фильмов. «Боевые киносборники» стояли на границе предвоенной и военной эпох: своими корнями они уходили в предвоенное киноискусство, в определенной степени воспроизводя военную действительность по образцам фильма «Если завтра война», с иллюзиями о легкой и скорой победе, что наглядно видно в новеллах «Приказ выполнен», «Три танкиста» и др. С другой же стороны, начавшаяся война разрушила сложившиеся ранее стереотипы о войне «малой кровью и на чужой территории», что наглядно отразилось в «Боевых киносборниках»: ни в одном советском фильме, снятом в первые два года после 22 июня 1941, не показана война на территории противника, а в новелле «Патриотка» из «Боевого киносборника №4», вопреки стереотипам военно-утопических фильмов второй половины 1930-х, в устах героини Любви Орловой звучат слова о том, что «мы знаем, что победа будет нелегкая». Таким образом, «Боевых киносборниках» уже была ярко выражена агитационная линия первых месяцев войны, накал патриотических чувств и непреклонная вера в победу, в них нашли свое отражение жесткость и бескомпромиссность борьбы против захватчиков в начавшейся войне, что нашло свое выражение, к примеру, в новелле «Пир в Жирмунке» из «Боевого киносборника № 6». Пожилая крестьянка, оставшаяся в деревне, захваченной врагом, устраивает пир для немецких офицеров. Чтобы осуществить месть за все злодеяния, причиненные немцами, она предварительно отравляет угощения, а дабы не вызвать подозрения у захватчиков, ест вместе с ними и с ними и погибает вместе с многочисленным офицерским составом.

При доминанте коммунистической идеологии, ссылок на верность Сталину и партии в «Боевых киносборниках» 1941–1942 г. отчетливо прослеживается адаптация патриотизма к коммунистической идеологии, идеологическая ориентация на исторические примеры воинской доблести (Александр Невский, Суворов, Чапаев), и, наоборот, напоминание о разгроме иноземных захватчиков. Так, в «Боевом киносборнике № 1» карикатурного Гитлера предупреждают о неизбежном поражении от русской армии немецкий рыцарь, вылезший из Чудского озера, Наполеон и кайзеровский генерал образца 1918 года. В данном контексте Александр Невский, Чапаев использованы в «Боевых киносборниках», в первую очередь, не в качестве персонажей исторического или литературного происхождения, а как героические фигуры, известные самым широким слоям советского общества, которые на начальном этапе войны могли выступить воодушевляющими примерами для народных масс. В «Боевых киносборниках» уже формируются героические образы советских солдат и командиров, которые ведут бескомпромиссную борьбу с захватчиками, не щадя собственной жизни, к примеру, четверо бойцов из новеллы «Мужество», которые долгое время удерживали захваченный вражеский ДОТ, а когда появились немецкие танки – вызвали огонь

на себя, или пограничники в новелле «Приказ выполнен», сдерживавшие натиск врага до тех пор, пока не закончились боеприпасы, и так не оставившие свои позиции. Данные художественные образы героев, несмотря на недостаточную степень раскрытия персонажей: их характера, мотивации, что в формате короткометражного агитационного визуального материала не столь необходимо, уже демонстрируют и раскрывают действительные примеры героизма советских солдат в годы Великой Отечественной, которые становились известными советскому обществу с первых месяцев войны. Так, в киноновелле «Мужество» за основу был взят действительный факт, сообщенный Совинформбюро о том, как на одном из участков фронта старший сержант Кисляков силами одного своего отделения долго оборонял от немцев стратегическую высоту и не покинул ее, даже когда все его товарищи пали в бою. Основой для сюжета «Пира в Жирмунке» также послужил действительный подвиг женщины, действительный случай лег в основу и киноновеллы «Приказ выполнен».

Говоря о героических образах, которые формируются в кинематографе во время войны, представляется необходимо выделить несколько основных направлений.

1) Героические образы солдат и командиров.

Разумеется, главной тематикой в кинематографе военного времени стала героическая борьба советских воинов на полях сражений: идущая война давала множество примеров фронтовых подвигов для отражения их в кинематографе.

Образы командиров в военных кинокартинах, во многом, схожи с героями предвоенных «оборонных» фильмов. Так, к примеру, главный герой кинокартины «Парень из нашего города», Сергей Луконин представляет типичный кинематографический образ представителя молодого поколения того периода: упрямого, отчаянного и смелого парня, талантливого командира, танкиста, который демонстрирует собой лучшие личностные и профессиональные качества, являя собой эталонный образец для подражания. Режиссер наделил его лучшими чертами, свойственными советским людям, выросшим и воспитанным в годы советской власти. Аналогичные образы мы можем видеть в молодом летчике Илье Стрельцове (прообразом которого послужил Виктор Талалихин) из фильма «Небо Москвы» 1944 года выпуска, капитане Сабурове в кинокартине «Дни и ночи», командире Николае Ермолове из военной драмы «Жди меня» 1943 года. Командир, а в последствии офицер, в фильмах военного периода выступает образцом для подражания, примером для своих солдат, воплощая в себе лучшие человеческие качества.

Широко представлены в фильмах военного периода героические образы обычных рядовых солдат и матросов, как, к примеру, герои известнейшего фильма «Два бойца» режиссера Леонида Лукова – Аркадий Дзюбин и Саша Свинцов или главный персонаж фильма 1944 года выпуска «Я – Черноморец!» Степан Полосухин. Огромное внимание в кинокартинах уделяется судьбе обычных людей, которые с началом войны поднялись на защиту своей страны, вступили в ряды Красной Армии: их взаимоотношения на войне, фронтовому быту. После премьеры фильма «Два бойца» его режиссер Леонид Луков писал: «Главная сила на войне – это люди. И цель моя была показать эту главную силу войны – простых советских людей, не совершивших, на первый взгляд, никаких выдающихся подвигов, но чья повседневная жизнь и борьба сами по себе подвиг» [4, с. 292].

Героическая борьба обычных советских солдат, которые стояли насмерть, не думая об отступлении и сдаче врагу, нашла свое отражение в фильмах «Два бойца» 1943 г., «Во имя Родины» 1943 г., «Дни и ночи» 1944 г., «Малахов курган» 1944 г., «Иван Никулин – русский матрос» 1944 г. и др.

Что также представляется важным, зачастую, героические образы солдат и командиров раскрывались в контексте действительных крупномасштабных сражений Великой Отечественной войны, будь то оборона Ленинграда, сражение за Сталинград, борьба за Севастополь. Конкретный исторический контекст был крайне важен в раскрытии образа героя, учитывая то, что военные фильмы освещали события буквально вчерашнего дня. Так, съемки кинокартины «Малахов курган» проходили в только что освобожденном Севастополе, а эпизоды фильма «Дни и ночи» снимались на развалинах Сталинграда. Для зрителей того времени героические образы в данных фильмах – не художественная абстрактная конструкция, а визуальное воплощение действительных героев, которые погибли, защищая свою землю вчера, гибнут сегодня и будут гибнуть завтра на фронтах Великой Отечественной.

2) Героические образы крестьян и рабочих.

Ключевыми фильмами военного периода становятся картины, отражающие ее отечественный характер, в которых формируются героические образы не только солдат и командиров, но и народа в целом. Во время войны на советских киноэкранах появляется большое количество фильмов, в которых героями представляются мирные, гражданские люди, которые борются с врагом, оказавшись в оккупации или трудятся в тылу, отдавая «все для фронта и победы».

Так, в кинокартине «Она защищает Родину», снятым в 1943 году режиссёром Фридрихом Эрмлером, героиней выступает обычная женщина, крестьянка Прасковья Лукьянова, которую в начале кинокартины автор характеризует, как озорную, счастливую девушку, лучшего тракториста в деревне, прекрасную жену и мать [9]. С началом войны у нее погибает муж, малолетнего сына жестоко убивают немцы, и Прасковья организует партизанский отряд, поднимая крестьян на борьбу с захватчиками. Главная героиня свято верит в победу над врагом, воодушевляя односельчан, даже когда приходят вести о том, что немцы взяли Москву, и Красная Армия разбита. Аналогичные образы героев формируют кинокартины «Партизаны в степях Украины» 1942 г., «Секретарь райкома» 1942 г., в которых повествуется о героической борьбе партизан с врагом на оккупированной территории. Данные кинокартины раскрывали образ героического советского народа и его борьбу в тылу врага [6, с. 256].

В фильме 1944 года «Родные поля» через образ председателя колхоза Ивана Выборнова раскрывается подвиг советского народа в тылу. Кинокартина «Непокоренные» 1945 г. повествует о судьбе рабочих оккупированного города, которые стараются любыми возможными способами помешать немцам восстановить завод для нужд фронта.

В данных кинокартинах советская кинодраматургия создала такие яркие героические образы народных мстителей, как Степан Кочет («Секретарь райкома»), Прасковья Лукьянова («Она защищает Родину»), Тарас Яценко («Непокорённые») и многие другие. Советский актер В. Ванин вспоминал: «Одной из самых трудных и значительных моих актерских работ была роль Сте-

пана Кочета. В этом образе я стремился передать героический дух всего советского народа, самоотверженно, с великим мужеством встретившего войну» [7, с. 46].

Крайне показателен с точки зрения специфики демонстрируемых героических образов фильм «Радуга» режиссёра Марка Донского, премьера которого состоялась в 1944 году. Данная кинокартина повествует о жизни жителей одного из многих оккупированных гитлеровцами на Украине сёл. Главная героиня – украинская женщина, партизанка Олёна Костюк, которая вернулась в село родить ребенка, но была схвачена немцами. Будучи подвергнутой многочисленным пыткам, пережив смерть новорожденного ребенка, Олёна так и не выдала противнику местоположение партизанского отряда, и была расстреляна [10]. В данной кинокартине показателен не только образ главной героини, но и большинства ее односельчан. В тяжелых условиях оккупации, когда всё вокруг говорит о том, что немцы пришли надолго, если не навсегда, обычные жители: старики, женщины, дети, преисполнены ненависти к врагу и его пособникам, помогают партизанам, несмотря на угрозу расстрела и уверены в том, что победа настанет. Данная кинокартина формирует героический образ обычных мирных жителей, которые не покорились оккупантам, продолжили бороться с ними возможными способами, не были побеждены. В данной кинокартине наиболее четко отразилась идея священной ненависти советского народа к захватчикам. Идейную концепцию данного фильма выразил режиссер-постановщик М. Донской: «Только у того, кто по-настоящему умеет любить, рождается чувство священной ненависти. Мы ненавидели фашизм, потому что любили человека, ценили теплоту дружеского рукопожатия, нам были дороги простые чувства братства и товарищества...» [5, с. 80]. Тем самым, режиссер обозначает, что на подвиг человека воодушевляет прежде всего любовь – любовь к своим близким, к своему обществу, Отечеству.

3) Героический образ интеллигенции.

Целый ряд фильмов военного периода формирует героический образ советского интеллигента, который, несмотря на возможность устроить свою жизнь и при немецкой власти, всё равно встает на путь борьбы с ней. Так, в кинокартине «Однажды ночью» 1944 г., немецкий офицер принуждает представителей интеллигенции, из числа предполагаемых недовольных советским режимом, выступить перед жителями захваченного города и убедить их, что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Однако, согласившись, они выступают совсем с иной речью, вдохновляя население на борьбу с захватчиками, за что расплачиваются жизнью [8]. Героический образ интеллигента мы также можем наблюдать в данном фильме и на примере молодой учительницы, которая несмотря на страх перед немцами, укрывает у себя раненных советских разведчиков, хоть и прекрасно знает, что за подобное «преступление против Германии» ее ждет смерть.

Кинокартина «Нашествие» 1944 г. формирует героический образ известного городского врача, к которому с уважением относятся даже немцы, но тот выбирает путь партизанской борьбы против врага. Его сын – Федор Таланов, будучи бывшим заключенным, стремится доказать, что он не предатель – убивает немецкого команданта и идет на верную смерть, выдавая себя за командира партизанского отряда, чтобы спасти последнему жизнь. Фильм 1942 года выпуска «Непобедимые» также формирует героический образ советского интел-

лигента, повествуя о конструкторе Родионове, который отказывается покинуть блокадный Ленинград, чтобы наладить на заводе выпуск танка нового образца.

Проанализировав образы героев, формируемые в художественных фильмах о Великой Отечественной войне в совокупности, интересно также рассмотреть типологию героических образов, представленных в данных кинокартинах в количественном плане. За время войны было выпущено в прокат 18 полнометражных художественных кинокартин, в которых представлены героические образы солдат и командиров, 11 фильмов, в которых демонстрируются героические образы рабочих и крестьян (мирных жителей) [2, с. 354], 4 киноленты, где главными героями являются представители советской интеллигенции. Помимо этого, в 7 кинокартинах о Великой Отечественной войне ключевым героическим образом является образ советской женщины. Ключевой работой, отражавшей героизм советских женщин в тылу, стала кинокартина «Жди меня», которая была необыкновенно популярна на фронте. Для бойцов было важно понимать, что их ждут в тылу.

Результаты. Таким образом, кинокартины о Великой Отечественной войне непосредственно военного периода формируют героический образ всего советского народа: как командиров и солдат, так и рабочих, крестьян, интеллигентов; стариков, женщин, детей. Образ героя Великой Отечественной войны в кинокартинах военного времени – образ советского человека, который самоотверженно и мужественно сражается за свою Родину, за общественные, социалистические идеалы.

Мужество, решительность, воля к победе утверждаются как важнейшие человеческие качества [12, с. 19]. Советские кинодраматурги отразили в своих работах такие черты героя Великой Отечественной, как выдержка, уверенность в своей силе, понимание своей исторической правды, высокий боевой дух, обладание прочным советским (интернациональным, но с возрастающим акцентом на русский исторический патриотизм) самосознанием, сделав акцент на его готовности биться с врагом до конца любыми возможными средствами. При раскрытии данных героев акцент в кинокартинах делается на идее жертвенности и беспощадности борьбы с врагом: любыми способами, любой ценой. Ключевая идея кинокартин военного времени заключается в призыве к народу встать на защиту своей земли, своей социалистической родины, советской власти, не жалея во имя этой цели ничего.

Важно также заключить, что героические образы, демонстрируемые на экранах, не представляются исключительными и экстраординарными в советском обществе, они прежде всего являются его частью, поэтому мы можем говорить о феномене коллективного героизма. Героями в фильмах о войне данного периода выступают обычные люди, граждане: офицеры и солдаты, рабочие, крестьяне, интеллигенция; мужчины, старики, женщины и дети, иными словами, героическим представлен весь советский народ, поднявшийся на борьбу с врагом. Герой Великой Отечественной войны – это коллективный герой, являющийся частью такого же героического социума.

Литература

1. Докладная записка начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александра секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Андрееву о фильме «Русские люди» 2 июля 1943 года // Кино на войне. Документы и свидетельства / авт.-сост. В. И. Фомин. М.: Материк, 2005. С. 353–354.
2. Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) в секретариат ЦК ВКП (б) о тематическом плане производства документальных и художественных фильмов на 1943 год // Кино на войне. Документы и свидетельства / авт.-сост. В. И. Фомин. М.: Материк, 2005. С. 370–372.
3. Из выступления на конференции, посвященной сотрудничеству кинематографистов союзных стран, 21–22 августа 1942 года // Кино на войне. Документы и свидетельства / авт.-сост. В. И. Фомин. М.: Материк, 2005. С. 5–8.
4. Зоркая Н.М. История отечественного кино. XX век. М.: ООО «Белый город», 2014. 512 с.: ил.
5. Камшалов А., Нестеров В. Экран в борьбе. М.: Искусство, 1981. 168 с.
6. Краткая информация директора киностудии ЦОКС М. В. Тихонова и художественного руководителя студии Ф.М. Эрмлер о работе студии. 25 декабря 1941 года // Кино на войне. Документы и свидетельства / Авт.-сост. В. И. Фомин. М.: Материк, 2005. С. 256–258.
7. Образ моего современника. Сборник статей мастеров советской сцены. М.: Искусство, 1951. 223 с.
8. Однажды ночью / Dark Is the Night (1944) [Художественный фильм] // YouTube. 22 июля 2014 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ui8MRt9VmeM> (дата обращения: 15.01.2025).
9. Она защищает Родину (1943) [Художественный фильм] // YouTube. 29 авг. 2015 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xNaXoM1nc0M> (дата обращения: 09.01.2025).
10. Радуга (1943) [Художественный фильм] // YouTube. 7 мая 2017 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-6xaMtaWVrI> (дата обращения: 09.01.2025).
11. Стенограмма публичной лекции председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР тов. И. Г. Большакова, прочитанной 27 октября 1944 года в Большом зале Консерватории в Москве. М.: б.и., 1944. 29 с.
12. Ханютин Ю. Советские художественные фильмы о Великой Отечественной войне: к вопросу о развитии социалистического реализма в киноискусстве 40-х – 50-х годов: диссертация... кандидата искусствоведения. М.: б.и., 1965. 336 с.

References

1. Memorandum by the head of the Propaganda and Agitation Department of the Central Committee of the CPSU (b) G.F. Alexandrov to the Secretary of the Central Committee of the CPSU (b) A. A. Andreev about the film "Russian people" on July 2, 1943 in Cinema at war. Documents and certificates in Author-comp. V. I. Fomin. Moscow: Materik; 2005. p. 353-354. (In Russ.).
2. Memo from the Department of Propaganda and Agitation of the Central Committee of the CPSU (b) to the secretariat of the Central Committee of the CPSU (b) on the thematic plan for the production of documentaries and feature films for 1943 in Cinema at war. Documents and certificates. Moscow: Materik; 2005. p. 370-372. (In Russ.).
3. From a speech at a conference dedicated to the cooperation of cinematographers of the Allied countries, August 21-22, 1942 in Cinema at war. Documents and certificates. Moscow: Mainland; 2005:5-8. (In Russ.).
4. Zorkaya NM. The history of Russian cinema. XX century. Moscow: Bely Gorod LLC, 2014. 512 p.: ill. (In Russ.).
5. Kamshalov A., Nesterov V. The screen in the struggle. Moscow: Publishing house "Art"; 1981. 168 p. (In Russ.).
6. Brief information from the director of the TSOKS film studio, M. V. Tikhonov, and the artistic director of the studio, F.M. Ermler, about the studio's work. December 25, 1941 in Cinema at war. Documents and certificates. Moscow: Mainland; 2005. p. 256-258. (In Russ.).

7. The image of my contemporary Collection of articles by masters of the Soviet stage. Moscow: Iskusstvo; 1951. 223 p. (In Russ.).
8. One Night / Dark Is the Night (1944) in YouTube. July 22, 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ui8MRt9VmeM> (accessed: 15.01.2025). (In Russ.).
9. She defends the Motherland (1943) in YouTube. August 29, 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xNaXoM1nc0M> (accessed: 01.09.2025)
10. Rainbow (1943) in YouTube. May 7, 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-6xaMtaWVrl> (accessed: 01.09.2025). (In Russ.).
11. Transcript of a public lecture by the Chairman of the Committee on Cinematography at the Council of People's Commissars of the USSR, Comrade I. G. Bolshakov, delivered on October 27, 1944 in the Great Hall of the Conservatory in Moscow. Moscow, 1944. 29 p. (In Russ.).
12. Khanyutin Yu. Soviet feature films about the Great Patriotic War: on the development of socialist realism in the cinema of the 40s - 50s: thesis. Moscow, 1965. 336 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.4>

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭЛЕКТРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.

Елена Владимировна Бодрова¹, Вячеслав Викторович Калинов^{2*}

¹ МИРЭА - Российский технологический университет (д. 78, Проспект Вернадского, Москва, 119454, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

evbodrova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7889-3054>

² Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина (д. 65, к. 1, проспект Ленинский, Москва, 119991, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

kafedra-i@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9709-7720>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Отечественными исследователями изучены отдельные аспекты проблемы реализации промышленной и научно-технической политики во второй половине 1960-х гг., однако вопросы, связанные с развитием одной из ключевых отраслей – электронной – требует отдельного рассмотрения. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе рассекреченных документов из фондов РГАНИ. Методологической базой явилась теория модернизации. **Анализ.** Проблема развития научно-технического потенциала электронной промышленности СССР рассматривается в контексте позднеиндустриальной стадии модернизации, ускоряющихся темпов развертывания НТР и реализации экономической реформы середины 1960-х гг. **Результаты.** Доказано, что наряду с достижениями, наблюдалось серьезное отставание СССР от ведущих стран в сфере модернизации электронной промышленности. Принимались важные документы, предусматривающие осуществление мер по активизации инновационных процессов. Однако серьезных прорывов не произошло. Концентрируя ресурсы на выбранных стратегических направлениях, действующая власть не включила в этот ряд несколько ключевых отраслей, включая электронную, надеясь решить возникшие в них проблемы за счет закупок оборудования, лицензий и т.д. Это предопределило сохранение структурно-технологической несбалансированности экономики. Слишком медленными оказались темпы реализации и внедрения НИР. В качестве факторов торможения названы: отторжение сло-

жившейся системой чуждых методов хозяйствования; оставшееся смещение *центра тяжести в управлении на отраслевой уровень*, ведомственный поход, не стимулировавший взаимодействие, реализацию межотраслевых проектов; влияние «пражских событий», «нефтегазового фактора»; недостаточно квалифицированные действия и консервативные настроения правящей элиты, игнорировавшей рекомендации ведущих ученых. Столь необходимого, адекватного мировым тенденциям развития науки и техники органичного сочетания социально-экономического и научно-технического развития в стране не произошло.

Ключевые слова: СССР, научно-технический потенциал, модернизация, электронная промышленность, отставание, экономическая реформа

Для цитирования: Бодрова Е. В., Калинов В. В. Развитие научно-технического потенциала электронной промышленности СССР во второй половине 1960-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 213–219. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.4>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 4.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 6.04.2025.

Статья принята к публикации: 6.06.2025.

Research article

THE DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL POTENTIAL OF THE USSR ELECTRONIC INDUSTRY IN THE SECOND HALF OF THE 1960S

Elena V. Bodrova¹, Vyacheslav V. Kalinov^{2*}

¹ MIREA - Russian Technological University (78, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

evbodrova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7889-3054>

² National University of Oil and Gas «Gubkin University» (65/1, Leninsky Prospect, Moscow, 119991, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

kafedra-i@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9709-7720>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Russian researchers have studied certain aspects of the problem of implementing industrial and scientific and technical policy in the second half of the 1960s, however, issues related to the development of one of the key industries – electronic – require special consideration. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of declassified documents from the RGANI funds. The methodological basis was the theory of modernization. **Analysis.** The problem of the development of the scientific and technical potential of the

USSR electronic industry is considered in the context of the late industrial stage of modernization, the accelerating pace of the deployment of scientific and technical equipment and the implementation of economic reform in the mid-1960s. **Results.** It is proved that along with the achievements, there was a serious lag between the USSR and the leading countries in the field of modernization of the electronic industry. Important documents were adopted providing for the implementation of measures to enhance innovation processes. However, there were no

major breakthroughs. Concentrating resources on selected strategic areas, the current government did not include several key industries, including electronic, in this series, hoping to solve the problems that arose in them through the purchase of equipment, licenses, etc. This predetermined the preservation of the structural and technological imbalance of the economy. The pace of implementation and implementation of R&D turned out to be too slow. The factors of inhibition are rejection by the established system of alien management methods; the remaining shift of the center of gravity in management to the sectoral level, a departmental campaign that did not stimulate interaction, the implementation of intersectoral projects; the influence of the Prague events, the oil and gas factor; insufficiently qualified actions and conservative sentiments of the ruling elite, who ignored the recommendations of leading scientists. An organic combination of socio-economic and scientific-technical development, which is so necessary and adequate to the global

Введение. Сложная геополитическая ситуация обуславливает значение разработки наиболее оптимальной стратегии развития страны, точного выбора приоритетов, поиска эффективных механизмов для реализации намеченного. Это требует изучения отечественного исторического опыта и извлечения уроков с целью разработки научно обоснованной стратегии дальнейшего социально-экономического развития страны. Электронная промышленность, являясь базовой отраслью народного хозяйства, в значительной степени определяла экономику исследуемого периода и очерчивает в настоящее время пути и возможности научного, технического и экономического прогресса страны, повышения ее обороноспособности.

Исследователями рассматривались как отдельные направления государственной промышленной политики в указанный период [3, с. 364–380; 10, с. 60], так и вопросы ее эволюции в целом [1; 17]. Исследователем Д.Б. Кувалиным формулируется вывод о прогрессирующей утрате контроля центральных партийно-государственных структур в этот период над экономической политикой ведомств, определявших во многом самостоятельную конкретные задачи [7, с. 72]. Согласно выводам Ю.П. Бокарева, реформы 1960-х гг. обусловили утрату ориентиров обществом, его неустойчивость, экономические конфликты [1, с. 237]. По мнению Г.И. Ханина, последствия реформирования были отрицательными, так как советские экономисты все более ориентировались на заимствование западных методов хозяйствования, перестали руководствоваться общенациональными интересами, соединяя все худшие аспекты административно-командной и рыночной экономики [18, с. 313].

Материалы и методы. Исследование основано на принципе междисциплинарности. Базовой для изучения проблемы стала теория модернизации, предполагающая тесную взаимосвязь экономического развития и изменений политического характера, рассмотрение интересующих нас вопросов в контексте трансформационных изменений общества. Переход к позднеиндустриальной стадии модернизации обуславливал определение приоритетных отраслей, выделение государственной научно-технической политики в качестве отдельного направления в деятельности государства, осуществление структурной перестройки экономики. В ходе исследования потребовалось привлечение как общенаучных методов, так и специальных исторических (историко-сравнительного и др.) К настоящему времени рассекреченные документы из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) позволяют с большей степенью достоверности и объ-

trends in the development of science and technology, has not occurred in the country.

Keywords: USSR, scientific and technical potential, modernization, electronic industry, lag, economic reform

For citation: Bodrova EV, Kalinov VV. The development of the scientific and technical potential of the USSR electronic industry in the second half of the 1960s. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 213–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.4>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 4.01.2025.

The article was approved after reviewing: 6.04.2025.

The article was accepted for publication: 6.06.2025.

ективности изучить ряд сюжетов, связанных с развитием в указанный период одной из ключевых отраслей – электронной промышленности, оценить эффективность ее научно-технического потенциала в контексте разворачивающейся в мире научно-технической революции.

Анализ. Анализ основных тенденций экономического развития ведущих стран в исследуемый период продемонстрировал, что научный и технический прогресс создавал условия для дальнейших сдвигов в структуре экономики. Так, под его воздействием машиностроение развивалось по направлениям, обеспечивающим во всех отраслях промышленности переход к непрерывному производству, механизации и автоматизации промышленных процессов и контроля над ними. Появлялись новые отрасли, отличавшиеся невероятной динамикой развития, быстрым моральным устареванием и обновлением, что требовало создания смежных производств. Статистические данные свидетельствовали о форсированном развитии полупроводниковой и лазерной промышленности, выпуске атомного оборудования, вычислительной техники, контрольно-измерительной аппаратуры. В это время уже получали распространение электронно-вычислительные машины «третьего поколения», основанные на микроэлектронных элементах, с производительностью миллионы операций в секунду и вытесняющие прежние. Масштабно внедрялись станки с цифровым программным управлением, самонастраивающиеся производственные автоматы. Значительное число предприятий оснащалось автоматическими линиями с централизованным управлением при помощи ЭВМ. Так, если в 1966 г. парк станков с программным управлением в США составлял 10 тыс. шт., то в 1967 г. доля таких станков достигла уже 25% [16, л. 110 – 110 об.]. Это определяло структурную перестройку машиностроения, резкое возрастание электротехнической и электронной промышленности. Темпы развития и удельный вес электроники в народном хозяйстве также увеличивались, что, в свою очередь, требовало и оптимизации государственной промышленной политики в СССР, более эффективной работы советских НИИ, опытно-конструкторских структур и предприятий.

Архивные документы демонстрируют, что в 1968 г. Министерство электронной промышленности СССР располагало достаточной мощной научно-технической базой: 103 научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими организациями. В них числилось около 100 тыс. чел., или 15% от работавших в отрасли в целом. Развитие было поступательным. Так, с момента создания Государственного комитета по электронной технике в 1961 г. количество НИИ и КБ выросло в 1,5

раза, численность сотрудников – в 2,5 раза, объем работ увеличился в 3,1 раза. Затраты на НИОКР составляли 11,7% от объема производства и 16% от объема выпуска товарной продукции. Имелась и вполне достойная экспериментальная база. На 34 опытных заводах работало более 40 тыс. чел. Серийные и опытные заводы электронной промышленности ежегодно осваивали около 400 новых изделий. В ряду значительных успехов назовем и разработку приборов, определяющих тактико-технический уровень большинства типов радиоэлектронного вооружения. По оценкам специалистов, технический уровень отечественной СВЧ электроники в целом соответствовал мировому уровню. Разработки предельно-волноводных магнетронов, сверхмаломощных ламп бегущей волны, серии отражательных клистронов и резонансных разрядников обеспечили создание современных радиолокационных систем [15, л. 51 – 55].

Полупроводниковая отрасль электронной промышленности становилась ведущей по сравнению с электровакуумной, обеспечивала наиболее высокие темпы роста производства и быстро совершенствовалась свои технические параметры. Было положено начало созданию новой отрасли электроники, обладающей неисчерпаемыми возможностями своего применения – микроэлектроники. Созданные интегральные схемы и полупроводниковые приборы находили непрерывно растущее применение в военной технике и народном хозяйстве.

Однако Министр электронной промышленности СССР А.И. Шокин, докладывая в декабре 1968 г. на Первой научно-технической конференции по повышению эффективности работы НИИ и КБ электронной промышленности, вынужден был признать, что в области микроэлектроники, особенно в части массового производства интегральных схем, страна резко отставала от США [15, л. 55].

В ряду основных проблем в работе научно-исследовательских, проектных, конструкторских и технологических организаций он назвал неспособность сосредоточиться в полной мере и в кратчайшие сроки на наиболее важных научно-технических проблемах и задачах, связанных с обороной страны и ускорением темпов роста производительности труда. В результате приборы, созданные на базе параметрических рядов и базовых конструкций, затрудняли быстрое получение потребителями требуемых электронных приборов, неоправданными были многотемность и параллелизм в работе. Так, общее количество тем по плану 1968 г. превышало 6000. Сроки освоения научных достижений в производстве оказались большими, результаты многих НИР и ОКР просто не доходили до серийного производства, а оставались в виде отчетов или образцов в стенах НИИ и КБ.

Предприятия оказались экономически не заинтересованы во внедрении новых разработок в серийное производство и поэтому также освоение их велось медленно. Не удалось обеспечить и четкую специализацию научных, проектных, конструкторских и технологических учреждений, практически отсутствовали конкурсные работы. А.И. Шокиным была определена роль конструкторских подразделений и лабораторий на предприятиях в качестве «приниженной». Им констатировались недостаточные мощности макетных участков КБ и в лабораториях НИИ, которые мало уделяли внимания прогрессивным технологическим процессам, методам безотходного формообразования деталей и узлов. Разработки на базе параметрических рядов и типовых

конструкций электронных приборов, компонентов, радиодеталей и электронного оборудования не стали основными принципами проектирования. Медленно внедрялись в практику элементы научной организации труда и управления, в частности, машинного проектирования, вычислительной техники, сетевых методов планирования и контроля за работой. Министр вынужден был фиксировать практическое отсутствие экономической связи между НИИ и промышленными предприятиями. Оценка деятельности НИИ и КБ никак не связывалась с экономическими результатами работы промышленности [15, л. 56 – 57].

Между тем в сентябре 1968 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР было утверждено специальное Постановление, касавшееся различных аспектов повышения эффективности работы научных организаций и ускорения использования в народном хозяйстве достижений науки и техники [9, с. 106]. В нем значительно повышалась ответственность НИИ, КБ и проектных организаций за уровень научных исследований, конструкторских, проектных и технологических разработок. Деятельность разрабатывающих организаций впредь должна была оцениваться главным образом по тому, насколько результативно трудятся ученые, конструкторы и технологи, какой технический и экономический эффект получает оборонная промышленность и народное хозяйство от внедрения их разработок.

В указанном выше докладе А.И. Шокин не только ссылался на принятое решение, но и потребовал выдвигать и поддерживать молодых способных ученых, творческий поиск и научные обсуждения при решении различных проблем. Он предложил поднять авторитет ведущей в своей области научной или конструкторской организации настолько, чтобы в большинстве случаев именно она могла «диктовать потребителю лучшее и новое в своей области и требовать скорейшего его применения, а не ждать заказов» [15, л. 58].

Представляет интерес, что А.И. Шокин, ссылаясь на опыт США, особое внимание обратил на значение прогнозирования и планирования при разработке перспективных планов по основным научным и техническим проблемам. Так, во многих промышленных компаниях США наблюдалась в это время устойчивая тенденция к осуществлению долгосрочного технико-экономического планирования. В радио- и электронной промышленности США 82% фирм имели долгосрочные (до 10 лет) планы НИР и ОКР. Например, в области микроэлектроники прогнозом предусматривалась разработка твердотельных микросхем мощностью 10 Вт. в X-диапазоне к 1974 г.; почти все антенные системы – наземные или космические – к 1975 г. должны были стать матричного типа с использованием СВЧ приборов. Прогнозировалось, что телевизионное оборудование и телевизоры к 1979 г. будут разработаны на интегральных схемах при плотности размещения элементов миллион на пластину [15, л. 58].

Задаваясь вопросом, почему же подобные планы не разрабатываются во введенных ему подразделениях и в других ведомствах, Министр, не отрицая в качестве основной формы планирования НИОКР и освоения новой техники пятилетних и годовых планов, разрабатываемых на основе конкретных задач развития военной техники и народного хозяйства, предложил одновременно учитывать и широко использовать новейшие достижения отечественной и зарубежной науки и техники, уже имевшиеся базовые конструкции, что обеспечило бы сокращение сроков и удешевление разработок.

А.И. Шокин настаивал на невозможности и дальше «засорять» научную работу институтов и КБ мелкой тематикой, «отвлекающей от основных задач и устремлений», призвал обеспечить соревнование в области научно-технических разработок, предотвратить возникновение монополий в решении важнейших научных и технических проблем и обеспечить выбор наиболее эффективных путей их реализации [15, л. 60]. Выступающий обратил внимание и на необходимость использовать опыт социалистических стран – членов СЭВ, предложив расширять сотрудничество с ними на основе долгосрочных договоров с долевым участием в финансировании, с ответственностью за осуществление проектов, с созданием многосторонних научно-технических коллективов.

Как порочная практика была оценена работа научных и проектных организаций «по валу», так как такой подход не ориентировал их на сокращение сроков проведения разработок, на увеличение выпуска законченных и сданных работ. Выполнение планов искусственно завышалось при отчетах из-за включения остатков незавершенного производства, причем, это иногда достигало 100% и более годового плана работ. Кроме того, в выполнении плана «по валу» включались затраты и на прекращенные исследования и разработки. По словам докладчика, в результате «кто больше истратил денег – тот вроде бы и больше работал». Было предложено этот показатель дополнить другим: «объем законченных и сданных работ». Основными показателями должны были стать новизна и перспективность выдвинутых идей, практический вклад в прогресс, общих экономический и технический эффект, количество и качество открытий и изобретений, подготовка научных кадров. Не следовало одновременно забывать и об экономической оценке исследований и разработок. Оценка по фактической технико-экономической эффективности давала возможность установить реальную отдачу НИИ и КБ народному хозяйству, выявить актуальность и практическую значимость выбранных направлений [15, л. 61–63].

Таким образом, в выступлении руководителя электронной промышленности очевидно прослеживалось стремление стимулировать инновационные процессы, преодолеть технологическое отставание страны в одной из ведущих отраслей.

Однако одной из серьезных проблем оставалась адекватная требованиям времени подготовка высококвалифицированных специалистов. Причем, в докладе было акцентировано внимание на необходимость поддержки особо талантливых кадров, руководство НИИ, в свою очередь, должно было организовать их деятельность таким образом, чтобы они проводили в лабораториях и занимались наукой не менее 80% рабочего времени [15, л. 63–64].

Представляет интерес в этой связи проведенное перед указанной конференцией анкетирование сотрудников предприятий и научных учреждений, включающее вопрос о том, каков удельный вес творческой работы научно-технических работников в общем бюджете времени. Оказалось, у ведущих инженеров он составил 42%, у старших инженеров и инженеров – 40%, у начальников отделов и лабораторий – 29% [15, л. 65].

Руководству ведомства представлялось нецелесообразным сохранение ограниченных возможностей директора НИИ или КБ уволить неспособных для научной работы специалистов, что являлось, по мнению министра, одной из причин низкого коэффициента полезной

деятельности институтов. В этой связи предлагалось шире использовать возможности испытательного срока, введение с 1969 г. аттестации научно-технических работников. Одновременно особое внимание обращалось и на значимости поддержки сотрудников, которые вели экспериментальные работы. Работа руководителей предприятий и научных учреждений оценивалась в качестве очень тяжелой. По словам министра, руководители, подобно режиссеру, не играют на сцене, но «создают спектакль» [15, л. 67–68]. Одновременно представлялась необходимой плановая подготовка руководящих работников, так как, по данным одного из американских институтов, около 50% потерь рабочего времени возникало именно из-за ошибок руководства. В Западной Европе в то время работало около 200, а в США – свыше 600 специализированных учреждений по подготовке управленцев высокого звена, в которых обучали системе научного управления, создавались курсы повышения квалификации и так называемые школы бизнеса.

Признавая сложившееся несоответствие между теоретическими и прикладными научными исследованиями, отставание от США в практических разработках в сфере электроники, А.И. Шокин, однако, заключил, что «меры лечения» легко найти. С учетом примерно равного с американскими уровня квалификации отечественных специалистов, ему виделось решение в том, чтобы поставить разработчика конкретных изделий, руководителя опытных работ и сотрудников, обеспечивающих на заводах внедрение новой техники, в равные условия с работниками, выполнявшими теоретические проекты в НИИ. В этом случае, как ему представлялось, прикладные разработки станут привлекательными для работы многих талантливых людей, ибо они являются не менее важными разделами науки и техники [15, л. 69].

Однако в качестве главной задачи современного производства в докладе было названо всемерное ускорение внедрения передовых достижений науки и техники. Из-за того, что не придавалось должного значения работам по освоению в производстве достижений науки и техники, самое последнее, решающее звено – внедрение новых изделий, технологии научной организации в производство – обычно осуществлялось рядовыми работниками наравне с текущими производственными заданиями. Между тем анализ внедрения законченных за 1961–1966 гг. опытно-конструкторских работ показал, что из общего количества работ лишь 46% оказались освоенными в производстве, 35% были использованы на этапе изготовления экспериментальных образцов, от 19% заказчики просто отказались, несмотря на то что, разработки были приняты Госкомиссиями. Положение в 1967–1968 гг. было несколько лучшим, но ненамного. Так, например, передача разработок в серийное производство НИИ газоразрядных приборов 3-го Главного управления составила 10,6%, КБ источников высокоинтенсивного света и ОКБМ Новосибирского электровакуумного завода за период 1961–1966 гг. вообще не передали в серийное производство своих разработок [15, л. 73].

Предлагались следующие решения этой, действительно, важнейшей задачи: заинтересовать завод «материально и морально» в сокращении сроков освоения; обеспечить достаточную и заблаговременную подготовку освоения новой техники; не перегружать отдельные предприятия заданиями по освоению, а стремиться к равномерной загрузке всех заводов; не допускать того, чтобы предприятия при освоении новой техники несли убытки; иметь хорошо составленную программу

освоения новой техники на предприятии, разработанную совместно с НИИ и КБ; создать такие условия для ученых и разработчиков, при которых они были бы заинтересованы в освоении из разработок и изобретений на заводах; ускорить развитие специализированных мощностей по изготовлению технологической оснастки прессформ, штампов, режущего и мерительного инструмента и нестандартного оборудования.

Было принято решение о том, чтобы часть НИИ и проектно-конструкторских организаций перевести на систему экономического стимулирования и материального поощрения в зависимости от годового экономического эффекта. Называя труд исследователя главным исследовательским капиталом, составлявшим вместе с трудом обслуживающего персонала половину всех затрат в себестоимости НИОКР, а в области фундаментальных исследований – 90 %, министр потребовал умело распоряжаться зарплатой и через нее влиять на эффективность работы НИИ и КБ [15, л. 77].

Одновременно признавалась в качестве одного из существенных недостатков чрезмерная регламентация прав институтов в отношении использования средств. Более целесообразным представлялось, чтобы научные учреждения обладали резервными фондами, находящимися в их распоряжении, ответственность за расходование которого несли бы дирекция. Средства фонда должны были предназначаться для финансирования поисковых исследований, стоимость которых не поддавалась точной предварительной оценке. Практика показывала, что разрыв между запланированной и реальной стоимостью исследований мог достигать 70% и более. Сроки могли быть больше запланированных. Необходимым называлось создание условий, при которых исключилось бы «списание» неиспользованных сумм, либо их поспешное расходование на второстепенные или ненужные цели в конце бюджетного года. Чтобы стимулировать заинтересованность коллектива в выполнении работ по хоздоговорам, сократить сроки и поднять качество исследований, было решено ввести порядок, при котором существенная часть дохода от договорной деятельности НИИ и КБ шла бы на образование премиального фонда и фонда развития института [15, л. 78].

Представляет интерес, что для форсированного преодоления технологического отставания указывалось на важность использования зарубежного опыта (Японии, ФРГ) по импорту патентов и лицензий, обмену технической информацией, организации межнациональных исследований [15, л. 93]. Так, Япония при довольно небольших исследовательских работах у себя применяла всевозможные средства внедрения в хозяйство новых открытий и разработок других стран. ФРГ также развивала производство за счет быстрого внедрения новой технологии и по лицензиям других стран, главным образом – США. Но для взаимного обмена и получения выгодных лицензий стране необходимо было иметь и собственные достижения, которые можно было бы продать и обменять. Между тем автор доклада вынужден был признать, что «в этом вопросе дела у нас обстоят плохо» [15, л. 93].

В решениях конференции было заявлено о необходимости значительно повысить результативность работ, ответственность разработчиков и руководителей НИИ, КБ и предприятий за более эффективное использование разработок электронной техники для обороны страны и в народном хозяйстве; сосредоточить внимание на повышении технического уровня изделий

и оборудования для механизации и автоматизации производственных процессов, снижению себестоимости их изготовления и повышения производительности труда, имея ввиду обеспечить в кратчайшие сроки потребности в электронных приборах, обладающих высокими тактико-техническими характеристиками, а также конкурентоспособность электронных изделий и технологического оборудования на мировом рынке. Предлагалось также усилить связи НИИ и КБ с институтами АН СССР и союзных республик, принять меры к разгрузке опытных заводов от выпуска серийной продукции, используя их прежде всего для изготовления опытных образцов с целью отработки конструкций и технологий; обеспечить должную подготовку научных и инженерных кадров, связь науки с промышленностью [15, л. 101–110].

Заметим в этой связи, что ставка на закупку лицензий обусловила и выбор властью подобного курса в отношении развития вычислительной техники в СССР [13, л. 125–127]. В ряду предложений, направляемых в ЦК КПСС учеными, руководителями различных ведомств и предприятий, содержались рекомендации либо концентрировать все ресурсы с целью создания отечественных современных вычислительных систем, либо приобретать лучшие образцы и их копировать. Но предлагался также и вариант закупки лицензий с передачей технической документации и оборудования, математического обеспечения для организации производства [13, л. 68]. В итоге 30 декабря 1967 г. было утверждено Постановление Совета Министров [12, л. 183], согласно которому Министерству радиопромышленности поручалась разработка и серийное производство комплекса программно-совместимых информационно-вычислительных машин «Ряд» на основе клонирования архитектуры американской «IBM-360», имевшее, по заключению подавляющего числа авторов, катастрофические последствия для советской индустрии вычислительной техники [2, с. 252–297].

В этом контексте следует рассматривать и данные из отчетов, направляемых в ЦК КПСС под грифом «секретно», о выполнении плана международных научно-технических связей СССР с зарубежными странами за 1 полугодие 1968 г. и эффективности зарубежных командировок, в которых констатировалась активизация научно-технического сотрудничества с социалистическими и капиталистическими странами [14, л. 281]. В частности, в СССР приглашались французские специалисты для чтений лекций по актуальным научно-техническим вопросам. Так, например, специалисты фирмы «Бюль-Женераль Электрик» читали лекции о работе ЭВМ, установленной в парижском вычислительном центре фирмы [14, л. 277]. В стадии проработки находилось соглашение о сотрудничестве с объединением электротехнических и электронных фирм «Ай-Си-Ал» с целью проведения совместных работ по созданию ЭВМ третьего поколения. Впрочем, организация сотрудничества по этой тематике осложнялась тем, что ЭВМ вошли в список запрещенных к ввозу в СССР товаров в связи с событиями в Чехословакии. Из-за отсутствия разрешения английского правительства фирма затягивала предоставление необходимой научно-технической информации, на основе которой возможно было бы вынести окончательное решение о целесообразности заключения соответствующего соглашения [14, л. 280].

В первом полугодии 1968 г. получили свое дальнейшее развитие связи с японскими фирмами особенно в области электроники и электротехники. Советские делегации посещали предприятия в Японии, в Москве

были организованы специализированные выставки этих фирм (выставка-демонстрация приборов фирм «Джеол», «Хитачи» и др.). Было оформлено соглашение между фирмой «Мацуда» и «Внештехникой» о совместном производстве нового автомата для переработки пластмасс на базе советского образца машины. Выполнялось лицензионное соглашение с фирмой «Токио Сеймицу» о производстве в СССР автоматического пробника для контроля интегральных схем. Кроме того, эта фирма по просьбе СССР организовала в апреле закрытую выставку своей продукции, причем все 27 образцов были приобретены советскими организациями. Ведущие японские электронные и радиотехнические фирмы («Тосиба», «Хитачи», «Фудзицу») согласились принять во второй половине года ряд советских специализированных делегаций, в том числе интересующихся производством цветных телевизоров, ЭВМ, транзисторных приемников и др. [14, л. 283].

Уместно в этой связи вспомнить, что Болгария в 1967 г. закупила у японской фирмы «Фуджицу» лицензию на счетно-вычислительную машину «Факом-230-30» и соответствующее оборудование. Наши специалисты предлагали последовать примеру болгарских коллег [13, л. 149–151], однако эксперты Министерства радиоэлектронной промышленности СССР, осуществив по поручению секретаря ЦК КПСС Д.Ф. Устинова 11 ноября 1967 г. сравнительный анализ этой машины и американской «ИБМ-360», заключили, что машина «Факом-230-60» относится к машинам «второго поколения», не учитывает последних достижений в области технологии вычислительных машин (интегральные схемы, многослойный печатный монтаж и др.) Более того, советской промышленностью уже было освоено производство полупроводниковых машин «Урал-14», «Минск-22», «Минск-23», «БЭСМ-6», «М-220», которые не уступали по своим параметрам указанной японской ЭВМ [13, л. 130–131].

Одновременно документы демонстрируют, что в 1968 г. обозначилась тенденция со стороны правительственных групп Японии к установлению большего контроля над научно-техническими связями с СССР. Поэтому советскими чиновниками принимались меры по развитию прямых контактов с японскими промышленными фирмами. В частности, были установлены деловые связи с японской организацией «Центр-Восток-Запад», объединяющей мелкие и средние фирмы и выступавшей в качестве конкурента по отношению к крупным фирмам. По дипломатическим каналам был начат официальный обмен мнениями о возможности заключения межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве между СССР и Японией. Руководство Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике считало целесообразным заключение такого соглашения, поскольку оно позволило бы расширить области сотрудничества и более активно организовать изучение японского опыта в области науки и техники [14, л. 284].

Интерес к Японии был вызван, в частности, и тем, что в направленном 4 апреля 1968 г. «Прогнозе развития капиталистической экономики на 1970–1975–1980 гг.», подготовленном совместно Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР и Министерством обороны СССР в качестве материалов для разработки пятилетнего плана СССР на 1971–1975 гг., акцентировалось внимание на лидерстве Японии в мире по темпам экономического роста. В 1957–1966 г. среднегодовой темп прирост валового национального продукта там составил 9,8%, промыш-

ленного производства – 12,6% (1948–1957 гг. – 18,2%) [16, л. 135]. Стремление Японии к расширению торговли с КНР, СССР и другими социалистическими странами объяснялось нашими специалистами необходимостью диверсификации направлений японского экспорта. Чрезмерной оказалась зависимость этой страны, поставляющей в США большие объемы целой группы товаров. Комитетом по мировой экономике Японии, подготовленном в 1967 г. по заказу министерства внешней торговли и промышленности, подчеркивалась значимость увеличения доли торговли с социалистическими странами с 6% внешнеторгового оборота Японии до 10% [16, л. 135об.]. Одновременно советские специалисты указывали на серьезные изменения в структуре японской промышленности – значительную возросшую долю машиностроительных отраслей, в особенности, электротехнического и транспортного машиностроения, отмечался и резкий рост автомобилестроения [16, л. 137].

Полагаем целесообразным рассматривать попытки активизировать инновационные процессы в советской электронной отрасли промышленности в контексте с фиксированием Госпланом еще в докладе «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг.» выявившихся серьезных проблем и трудностей в советской экономике, значительного отставания по многим показателям от США. Так, производительность труда в промышленности составляла лишь 40–50% от американской [11, л. 102, 104]. Во многом эти заключения обусловили и начало, и ход проведения экономической реформы. Сюжеты, связанные с разработкой и попытками проведения реформы 1965 г., достаточно полно, на наш взгляд, рассмотрены исследователями [5; 17]. Так, авторы акцентируют внимание на достигнутых в итоге определенных позитивных результатах: прирост национального дохода в восьмой пятилетке составил 199%, темпы роста чистого дохода в это время превзошли рост основных производственных фондов (154 и 152%) [8, с. 42]. Одновременно заметим, что одним из значительных просчетов государственной промышленной и научно-технической политики в это время справедливо называется недостаточное внимание к развитию электронной промышленности. В существенной перестройке с использованием ЭВМ нуждалась техническая база планирования и управления. Перечисляя определенные достижения реформы, включая сопровождение процесса разработки государственной научно-технической политики попытками перспективного планирования, привлечение в систему управления высококвалифицированных специалистов, ученых, более осмысленную в стратегическом плане инвестиционную деятельность, сокращение количества отчетных документов и различного рода согласований, большую зависимость доходов предприятий от результатов их работы, упрочившиеся контакты между ними, авторы одновременно справедливо указывают, что многие принятые решения сводились на нет продолжением практики давления «сверху», постоянным пересмотром нормативов и цен [7, с. 65].

Результаты. Таким образом, исследование доказало, что в развитии электронной промышленности в указанный период удалось добиться немалых достижений. Электроника широко применялась в освоении космоса, в системах управления новейшими видами оружия, в авиации, в кораблестроении, в промышленной автоматике, при производстве электронно-вычислительной техники, систем и аппаратуры для программного управ-

ления станками и т.п. Однако, концентрируя ресурсы на выбранных стратегических направлениях, действующая власть не включила в этот ряд несколько ключевых отраслей, включая электронную, надеясь решить возникшие в них проблемы за счет закупок оборудования, лицензий и т.д. Это предопределило сохранение структурно-технологической несбалансированности экономики. Слишком медленными оказались темпы реализации и внедрения НИР. В качестве факторов торможения выявлены: отторжение сложившейся системой чуждых методов хозяйствования; оставшееся смещение

центра тяжести в управлении на отраслевой уровень, ведомственный поход, не стимулировавший взаимодействие, реализацию межотраслевых проектов; влияние «пражских событий», «нефтегазового фактора»; недостаточно квалифицированные действия и консервативные настроения правящей элиты, игнорировавшей рекомендации ведущих ученых. Столь необходимого, адекватного мировым тенденциям развития науки и техники органичного сочетания социально-экономического и научно-технического развития в стране не произошло.

Литература

1. Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе 1970–1980-е годы. М.: Наука, 2007. 380 с.
2. Бокарев Ю. П. Технологическая война и ее роль в геополитической конфронтации между США и СССР // Труды Института российской истории. Выпуск 8. М.: Наука, 2009. С. 252–297.
3. Бодрова Е. В., Калинов В. В. Изменение правительственного курса в отношении развития вычислительной техники в СССР во второй половине 1960-х годов. // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 2. С. 364–380.
4. Ведута Е. Н. Стратегия и экономическая политика государства. М.: Акад. проект, 2003. 461 с.
5. Гайдар Е. Гибель империи. URL: <http://ru.znatock.com/docs/index-157.html?page=8> (дата обращения: 25.05.2024).
6. Калимуллин Р. Р., Мухамедов Р. А. Организационная структура промышленности и научно-техническая политика СССР в 1960–1970-е годы // Трансформация российского общества в условиях социально-политических катаклизмов: история и современность) (к 100-летию Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций): сборник материалов межвузовской научной конференции. М.: МИИТ. 2017. С. 65–73.
7. Кувалин Д. Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. М.: МАКС пресс, 2009. 319 с.
8. Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Госстандарт, 1971. С. 42.
9. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 24 сентября 1968 г. О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 7. Июль 1968 г. – 1969 г. М.: Политиздат, 1970. С. 106.
10. Ряполов С. П. Государственная политика по развитию научно-технического потенциала областей Центрального Черноземья во второй половине XX века: достижения, просчеты, перспективы: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж. 2004. 147 с.
11. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.5. Оп.40. Д. 270.
12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 111.
13. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 131.
14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 41.
15. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 135.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 146.
17. Сагателян И. Г. Советская промышленность: проблемы соревнования и мотивации труда (1960–1970 гг.). М.: Звездопад, 2001. 106 с.
18. Ханин Г. И. Экономическая история России: Монография [в 2 томах]. Т. 1.: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 г. Новосибирск: НГТУ, 2008. 515 с.

References

1. Bokarev YuP. The USSR and the formation of post-industrial society in the West in the 1970s and 1980s. Moscow: Nauka, 2007. 380 p. (In Russ.).
2. Technological war and its role in the geopolitical confrontation between the USA and the USSR in Proceedings of the Institute of Russian History. Release 8. Moscow: Nauka, 2009. p. 252-297. (In Russ.).
3. Bodrova EV, Kalinov VV. Change of government policy regarding the development of computer technology in the USSR in the second half of the 1960s. *Nauchnyj dialog*. 2024;13(2):364-380. (In Russ.).
4. Veduta EN. Strategy and economic policy of the state. Moscow: Akad. the project, 2003. 461 p. (In Russ.).
5. Gaidar E. The death of the Empire. URL: <http://ru.znatock.com/docs/index-157.html?page=8> (accessed: 18.06.2015).
6. Kalimullin RR, Mukhamedov RA. The organizational structure of industry and the scientific and technical policy of the USSR in the 1960s and 1970s In The Transformation of Russian Society in the context of socio-political cataclysms: History and Modernity) (to mark the 100th anniversary of the February Bourgeois-Democratic and October Socialist Revolutions): collection of materials of the interuniversity scientific conference. Moscow: MIIT. 2017. p. 65-73. (In Russ.).
7. Kuvalin DB. Economic policy and behavior of enterprises: mechanisms of mutual influence. Moscow: MAX press, 2009. 319 p. (In Russ.).
8. The national economy of the USSR in 1970. Moscow: State Standard, 1971. 822 p. (In Russ.).
9. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR, September 24, 1968 On measures to improve the efficiency of scientific organizations and accelerate the use of scientific and technological achievements in the national economy, Decisions of the party and the government on economic issues: Sat. doc. Vol. 7. July 1968 – 1969 Moscow: Politizdat, 1970. p. 106. (In Russ.).
10. Ryapolov SP. State policy on the development of scientific and technical potential of the regions of the Central Chernozem region in the second half of the XX century: achievements, miscalculations, prospects: thesis. Voronezh. 2004. 147 p. (In Russ.).
11. The Russian State Archive of Modern History (RGANI). F. 5. Op. 40. D.270.
12. RGANI. F. 5. Op. 59. D.111.
13. RGANI. F. 5. Op. 59. D.131.
14. RGANI. F. 5. Op. 60. D.41.
15. RGANI. F. 5. Op. 60. D.135.
16. RGANI. F. 5. Op. 60. D.146.
17. Sagatelyan IG. Soviet industry: problems of competition and labor motivation (1960-1970). Moscow: Zvezdopad, 2001. 106 p. (In Russ.).
18. Khanin GI. The Economic History of Russia: monograph: In 2 vols. Vol. 1. The economy of the USSR in the late 30s. 1987. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2008. 515 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(3)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.5>

ЭПИРСКИЕ ХАОНЫ: В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Саркис Сурунович Казаров

Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Б. Садовая, Ростов на-Дону, 344006, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

ser-kazarov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

Аннотация. Введение. Хаоны, племя, обитавшие на севере Эпира, в глазах греков долгое время в глазах эллинов считались варварами. По мере включения их в общегреческие дела естественным их стремлением было доказать свое эллинское происхождение для чего они прибегли к испытанному пути – созданию героической генеалогии, избрав в качестве эпонима троянского мифического героя Гелена. **Материалы и методы.** Исследование опирается как на нарративные источники, которые представлены античными авторами, так и на памятники материальной культуры, которые составляет терракоты и вотивные таблички. Их сравнение и комплексное исследование позволяет нам достичь необходимых выводов. **Анализ.** Эпирские племена хаонов, обитавшие на периферии греческого мира и рассматривавшиеся в глазах последних варварами, стремились с помощью мифологии доказать свое эллинское происхождение. В качестве эпонима племени был ими выбран Гелен, сын царя Приама, обладавший даром предвидения. Древнегреческие мифы о Неотолеме и Гелене были впоследствии дополнены римскими авторами, которые выводили римлян из троянских пред-

ков. **Результаты.** Созданием героической генеалогии хаоны доказали свое греческое происхождение. Особенность этого процесса у них заключалась в том, царская власть у хаонов, в отличие от соседних молоссов, была упразднена. С другой стороны, идея о троянском происхождении хаонов с целью подтверждения происхождения римлян от троянских предков была подхвачена и развита римскими авторами, в частности, Вергилием. Таким образом и хаоны, а затем и римляне получили легендарных и героических предков.

Ключевые слова: Эпир, хаоны, самоидентичность, генеалогия, мифология, племенная организация, Гелен

Для цитирования: Казаров С. С. Эпирские хаоны: в поисках национальной идентичности // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 220–223. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.5>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 4.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 6.03.2025.

Статья принята к публикации: 6.05.2025.

Research article

THE EPIRUS CHAONS: IN SEARCH OF NATIONAL IDENTITY

Sarkis S. Kazarov

Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

ser-kazarov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

Abstract. Introduction. The Chaons, a tribe that lived in the north of Epirus, were considered barbarians in the eyes of the Greeks for a long time in the eyes of the Hellenes. As they became involved in general Greek affairs, their natural desire was to prove their Hellenic origin, for which they resorted to the tried and tested way of creating a heroic genealogy, choosing the Trojan mythical hero Helenus as an eponym. **Materials and methods.** The research is based on narrative sources presented by ancient authors, as well as on monuments of material culture, which include terracotta and votive tablets. Their comparison and comprehensive research allows us to reach the necessary conclusions. **Analysis.** The Epirus tribes of the Chaons, who lived on the periphery of the Greek world and were considered barbarians in the eyes of the latter, sought to prove their Hellenic origin with the help of mythology. They chose Helenus, the son of King Priam, who possessed the gift of foresight, as the eponym of the tribe. The ancient Greek myths of Neotolemus and Helene were later supplemented by Roman authors who derived the

Romans from their Trojan ancestors. **Results.** Thus, by creating a heroic genealogy, the Chaons proved their Greek origin. The peculiarity of this process was that the royal power of the Chaons was abolished. On the other hand, the idea of the Trojan origin of the Chaons in order to deduce the origin of the Romans from their Trojan ancestors was picked up and developed by Roman authors. Thus, both the Chaons and the Romans received legendary and heroic ancestors.

Keywords: Epirus, chaons, self-identity, genealogy, mythology, tribal organization, Helen

For citation: Kazarov SS. The Epirus Chaons: In Search of National Identity. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 220-223. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.5>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 4.12.2024.

The article was approved after reviewing: 6.03.2025.

The article was accepted for publication: 6.05.2025.

Введение. Самой северной точкой древнегреческой цивилизации, отделяющей ее от варварского мира, являлась горная страна под названием Эпир. Ее труднодоступность приводила к тому, что местные жители в течение долгого времени были лишены возможности пользоваться

достижения греческой культуры. Одно из самых значимых племен Эпира – хаоны, точно также, как и ранее молоссы, были озабочены созданием героической генеалогии, с помощью которой они пытались в глазах остальных эллинов обосновать свое греческое происхождение.

Материалы и методы. Исследование опирается как на нарративные источники, которые представлены античными авторами, так и на памятники материальной культуры, которые составляет терракоты. Их сравнение и комплексное исследование позволяет нам достичь необходимых выводов.

Анализ. В одном из пассажей своей «Истории» Геродот описал греческую этническую принадлежность, которая в его представлении состояла из общности крови, языка, религии и сопутствующей ей ритуалов, а также общих обычаев (Herod. VIII. 144). Интересно отметить, что эти критерии этнической идентичности, разработанные в течение последних нескольких десятилетий современными учеными, по сути, совпадают с теми же самыми критериями, которые Геродот применял к эллинам V в. до н.э. В 1986 г. Энтони Д. Смитом в его монографии «Этническое происхождение наций» было выделено шесть черт, которые этнические группы используют, чтобы отличить себя друг от друга: собирательное название, общий миф о происхождении, общая история, отличительные общие черты культуры, связь с конкретной территорией и, наконец, чувство национальной солидарности [13, p.21 – 31]. Однако, какой бы полезной ни была типология Смита, не все эти критерии должны присутствовать для идентификации этнической группы: в своем исследовании древней этнической идентичности Д. Холл утверждал, что именно связь с определенной территорией и общие мифы о происхождении являются наиболее характерными чертами этнической группы [2, p.25 – 26]. Следует также подчеркнуть, что общее происхождение, возможно, не было внутренней ценностью для греков; на самом деле этническая идентичность по признаку происхождения зачастую играла второстепенную роль и привносится, и подчеркивается, исходя из политических мотивов [8]. Настоящее исследование будет сосредоточено именно на мифе об общем происхождении, который при определении древних этнической идентичности, очевидно, связан с мифической генеалогией предков.

Страбон, со ссылкой на Феопомпа сообщает, что на территории Эпира проживало четырнадцать племен, наиболее важными из которых являлись хаоны, населявшие равнину близ города Буфрота в северной части Эпира; молоссы, которые имели контроль над средним Эпиром и Додоной; а на юге — феспроты, жившие на равнине Ахерон (Strab.VII.7.5 = FgrHist 115. F.382). Упомянутые здесь хаоны занимали самые отдаленные, северные территории Эпира, которые располагались между варварами-иллирийцами и феспронтами (Ps.Scyl. 28, 30). Здесь находились удобные морские гавани и такие порты, как Панорм, Буфрот и Анхесм. Центром Хаонии являлся город Фенике (Strab. VII.7.5). Расположение хаонов на самой северной и удаленной от центра границы Эпира обусловило отношение к ним, как варварам. Примечательно, что Геродот, упоминая племена молоссов и феспротов, вообще ничего не знает о соседних с ними хаонах. Именно как варварам к ним относится выдающийся историк V в. до н.э. Фукидид. Весьма показателен в этом отношении его пассаж, в котором речь идет об участниках похода спартанца Кнема 429 г. до н.э., в котором перечисляя их, он употребляет фразу: «хаоны и другие варвары» (хаоны kai oi alloi barbaroi - Thuc. II.80). При этом Фукидид отмечает их воинственность и отвагу (Thuc. II. 81. 4–5). По всей вероятности, обвинения в варварстве подразумевали культурное развитие хаонов, но никак не их этническую

принадлежность [12, s.17]. Согласно существующему мнению, с периода «Темных веков» Эпир находился в изоляции от всего остального греческого мира [3, p. 399–400].

Однако с конца V в. до н.э., как местные племена, так и сам Эпир постепенно втягиваются в общегреческие дела, играя в них все более активную роль. И это никак не вязалось с закрепившейся за ними репутацией «варваров». Лучшим средством их самоидентификации стало бы создание героической родословной. Этим путем уже ранее пошли молоссы [1, p. 3; 10, p. 58–60], этим же путем, как мы увидим, пошли и хаоны. Однако между молоссами с одной стороны, и хаонами — с другой (как обстояло дело у феспротов, нам, к сожалению, неизвестно) существовало одно серьезное отличие: если у первых мифологическая родословная создавалась для царствующей династии Эакидов, то у хаонов царская власть отсутствовала — она была заменена на ежегодно избираемых чиновников — простатов (aetesios prostasia) [7, s. 62].

Все эти племена или, по крайней мере, их правящая верхушка, культивировали родовые генеалогии, происходящие от истории т.н. Nostoi — рассказов Гомера о возвращении героев после захвата Трои.

В качестве своего прародителя хаоны решили выбрать Гелена, троянского провидца и брата Гектора. Выбранная ими фигура достойная и весьма авторитетная. Гелен, выбранный хаонами в качестве своего прародителя, был одним из сыновей царя Приама и царицы Трои Гекубы. Его пророческий дар (который важен и для поднятия авторитета Додоны) засвидетельствован в «Илиаде» один раз (Hom. II. VI, 76), но и в других местах его статус провидца определенно зафиксирован; так, Гелен предсказывает судьбу Париса и Елены, а в т.н. «Малой Илиаде», после того, как Одиссей взял его в плен, он делает предсказание, которое заставляет Диомеда отплыть на Лемнос, чтобы привести Филоктета в Трою. Более того, в дифирамбах Вакхилида сообщается, что Гелен предсказал, что Троя не падет без лука Геракла, что привело к Филоктет приходит в Трою. Однако в версии Аполлодора это предсказание сделано Калхасом, поскольку последовательность событий требует присутствия Гелена в Трое: после того, как Филоктет убил Париса, Гелен и Деифоб, еще один сын Приама, претендует на руку Елены. Когда Деифоб завоевывает руку Елены, разгневанный Гелен покидает Трою и направляется в Иду, но после получения совета Калхаса, попадает в плен к Одиссею и предоставляет ему некоторые предсказания о падении Трои (Apollod. Epit. 5. 9–10). После Троянской войны Гелен оказался в Греции, предположительно в компания Неоптолема. Ни в одном из сохранившихся эпосов не упоминается о совместном путешествии Гелена с Неоптолемом, но, возможно, это была деталь, которую поэты не считали особенно важной, чтобы ее письменно зафиксировать [4, p.38]. Однако, поскольку Гелен упоминается в нескольких более поздних сообщениях о Неоптоleme, кажется, можно с уверенностью предположить, что он действительно прибыл в Грецию с сыном Ахилла. В мифах об Эпире судьбы Гелена и Неоптолема, как будет видно в дальнейшем, снова переплетаются до самой смерти последнего.

У Аполлодора Гелен сопровождает Неоптолема, когда последний возвращается из Трои (Apollod. Epit. 6. 12–13). В этой версии, следуя совету Фетиды, Неоптолем остается на Тенедосе на два дня, а затем отправ-

ляется в путешествие сухопутным путем вместе с Геленом. Далее следует битва в Молоссии, после которой царем становится Неоптолем. У него появляется сын от Андромаха, которого зовут Молосс. Со своей стороны, Гелен, женится на матери Неоптолема Деидамии и основывает собственный город. Сам же Неоптолем затем возвращается во Фтию, чтобы править страной после смерти своего деда Пелея.

У Павсания также упоминается Гелен и его пророчества, побуждающие Неоптолема отправиться в Молоссию, где у Неоптолема и Андромахи родилось трое сыновей: Молосс, Пиел и Пергам. После смерти Неоптолема в Дельфах Андромаха и Гелен заключают брак, после чего у них рождается сын Кестрин (Paus. I.11.1).

Древнегреческая мифологическая традиция в нашем случае удачно дополняется римской. Так, в «Энеиде» Эней рассказывает, что Гелен женился на Андромахе, а также сменил Пирра на троне Эпира (Virg. Aen. 3. 294–299). Сервий объясняет, что это произошло потому, что Гелен предостерег Неоптолема от путешествия по морю, в результате чего они отправились туда по суше, и, таким образом, в награду за это Гелен получил Андромаху после смерти ее хозяина (Serv. Aen. 3. 297). Еврипид в своей пьесе «Андромаха», вероятно, был первым автором, представившим историю брака Андромахи и Гелена после смерти Неоптолема. Еще одним его изобретением было изображение Ореста, сына Агамемнона и Клитемнестры, в качестве убийцы Неоптолема (Eurip. Or. 1653–1657).

Финская исследовательница С. И. Киттеля указывает, что еще одним примером про-молосских настроений в афинском обществе явилась постановка «Андромаха» Еврипида примерно в 425 г. до н. э. [4, р. 39]. Однако здесь, на наш взгляд, точнее было бы говорить не о про-молосских, а про-эпирских настроений в целом: эта пьеса интересна прежде всего, тем, что она показывает связь между Неоптолемом и Геленом, которые считались соответственно прародителями двух эпиротских племен – молоссов и хаонов.

Появление Энея у Вергилия здесь вполне естественно: он пребывает в «хаонский» порт Буфрот, где узнает, что Гелен теперь уже царь Хаонии, женатый на Андромахе. Вскоре Эней встречает вдову Гектора, которая все еще тоскует по своему умершему мужу. Андромаха рассказывает, что она родила Неоптолему сына, но после того, как Неоптолем женился на Гермione, ее отдали Гелену. Затем Орест из ревности к Гермione убил сына Ахилла. В свою очередь, царство Неоптолема перешло к Гелену, который назвал свою землю Хаонией в честь троянского героя Хаона. Прибывший Гелен принимает спутников Энея в качестве своих дорогих гостей, проявляя при этом щедрое гостеприимство (Virg. Aen. 3, 294–355). В Эпире в «пифийском» святилище Эней также слышит предсказание своего будущего, данное ему Геленом, вдохновленного Аполлоном (Virg. Aen. 3, 356–462). Накануне отбытия Энея в Италию Гелен преподносит ему роскошные подарки, которые тот должен был взять с собой, в том числе и «гордость Додоны – медные котлы» (Virg. Aen. 3, 466). Андромаха сопровождает своего мужа при прощании с Энеем и его спутниками. Она заверяет своих братьев-троянцев в своей вечной дружбе, на что Эней отвечает ей с такой же теплотой, обещая Андромахе, что, если она когда-нибудь посетит Италию, то «...в дальнейшем из наших городов-пограничных и союзных народов Гесперии у которых есть тот же единый предок Дардан, и та же трагическая

история – из этих двух мы сделаем одну Трою по духу» (3, 502–505). В этом отрывке становится ясной глубина отношений между Эпиром и Римом, поскольку они должны образовывать «по духу единую Трою». Эней, как предок римлян, и Гелен, как предок хаонов, разделяют ту же судьбу, что и выжившие изгнанники разрушенной Трои. В отличие от греков, жестоких победителей в войне, это положительные персонажи. Из Вергилия следует, что в римскую эпоху молосские и феспротская «идентичность» потеряла свое значение, и что быть эпиротом могло означать то же самое, что быть хаоном. Вергилий включает также важную аллюзию на Додону: среди даров, которые Эней получает от Гелена и Андромахи, находятся бронзовые котлы Додоны (Virg. Aen. 3, 466). Этот факт связывает Додону с хаонами. У Вергилия, должно быть, были причины не упоминать Додону в других пассажах своего эпоса, но, как отмечает Г. Парк, он никогда не упоминает поименно оракулы Зевса, а только намекает на них [9, р. 147–148]. Хотя у Вергилия Гелен передает свое предсказание Энею в святилище Аполлона, любимого бога Августа, другие древние источники связывают это событие с Додоной. Эней встречает Гелена в Додоне, где последний делает пророчество (Dion. Hall. I. 51.1). Эней также посвящает различные троянские подношения Зевсу, в том числе бронзовые чаши для смешивания с надписями; Дионисий утверждает, что некоторые из них все еще находятся в Додоне. Эти тексты показывают, что подчеркивалось общее троянское наследие римлян и эпиротов (хаонов) римскими писателями. Очевидно, это также имело значение при обсуждении этнической принадлежности эпиротов, хотя акценты изменились. В уста Энея, который обращается к Андромахе перед самым отбытием в Италию, он вкладывает идею о том, что в будущем оба города – Троя и Рим, который возникнет в будущем, имея одного предка Дардана, сольются в один единый город (Virg. Aen. 3, 502–505). Как мы видим, у Вергилия проводится другая идея: римляне – это потомки бывших троянцев, ставших хаонами. С помощью троянцев и хаонов римляне отыскивают свою самоидентичность и как бы подключаются к той героической родословной, которую создали хаоны.

Примечательно, что идею Вергилия подхватили и другие римские авторы. Так, Валерий Флакк, автор поэмы «Аргонавтика» (I в. н.э.) священный дуб в Додоне именуется дубом «Хаонского Юпитера» (I, 302–308). Судя потому, что Гелен дарит Энею знаменитые додонские котлы, у читателя создается впечатление, что Додона уже стала хаонской [4, р.46]. У другого римского автора того же I в. голуби Додоны также становятся «хаонскими» (Prop. 1.5.9.).

В создаваемой Вергилием концепции имеют место некоторые неувязки, которые проистекают, видимо, от плохого знания поэтом греческой истории. Так, Гелен и Эней посещают в Эпире некоторое святилище Аполлона, где узнают его волю, и это святилище по всем признакам очень напоминает нам оракул Аполлона в Дельфах. Но, видимо, таким тонкостям знаменитый поэт не придавал особого значения. Таким образом, речь уже идет не о греческом происхождении эпиротов, оно уже доказано к III – II вв. до н.э. и никем не оспаривается, а именно о хаонах, которых оказались уже связанными с Римской империей и, что более важно, имели общее троянское происхождение.

Результаты. Таким образом, одно из крупнейших племен Эпира, хаоны, по мере сближения с остальным

греческим миром и отставая от него в своем развитии, задумывалось о своей самоидентификации. Вслед за молоссами они пошли традиционным путем: созданием героической генеалогии. Особенностью этого процесса у хаонов явилось то, что, если у других народов героическая генеалогия выводилась не для царствующей династии, а как для всей правящей верхушки, так

и для всего народа, ибо царская власть у хаонов была упразднена. Идея о троянском происхождении хаонов с целью вывести происхождение римлян от троянских предков была подхвачена и развита римскими авторами. Таким образом и хаоны (первоначально), и римляне получили легендарных и героических предков.

Литература

1. Carney E. *Olympias: Mother of Alexander the Great*. N. Y. London: Routledge, 2006. 213 p.
2. Hall J. M. *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 228 p.
3. Hammond N. G. L. *Epirus*. Oxford: Clarendon Press, 1967. 847 p.
4. Kittela S. I. *Dodona and Neoptolemus: Heroic Genealogies and Claims of Ethnicity* // *Studies in Ancient Oracles and Divinations*. Ed. M. Kojava. Roma: Institutum Romanum Finlandiae, 2013. P. 29–47.
5. Malkin I. *The Return of Odysseus. Colonization and the Ethnicity*. Berkley. Los Angeles: University of California Press, 1998. 331 p.
6. Malkin I. *Introduction* // *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity*. Ed. I. Malkin. Cambridge: Harvard University Press, 2001. P. 1–28.
7. Nilsson M. P. *Studien zur Geschichte des Alten Epeiros*. Lund: Lunds Universitets Arsskrift, 1909. 77 s.
8. Osborne R. *Landscape, Ethnicity and polis* // *Landscape, Ethnicity and Identity in the Archaic Mediterranean Area*. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 24–31.
9. Parke H. W. *The Oracles of Zeus. Dodona-Olympia-Ammon*. Cambridge: Harvard University Press, 1967. 294 p.
10. Robertson D. *Euripides and Tharyps* // *The Classical Review*. 1923. Vol. 37. P. 58–60.
11. Ruly P. *Peuples, fictions? Ethnicite, identicite, ethnique et societies anciennes* // *Revue des etudes anciennes*. 2006. No. 108. P. 25–60.
12. Schmidt H. *Epeirotica. Beitrage zur Geschichte des Alten Epeiros*. Marburg: Kessinger's Publishing, 2010. 104 s.
13. Smith A. D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell Publishing, 1986. 303 p.

References

1. Carney E. *Olympias: Mother of Alexander the Great*. N.Y. London: Routledge, 2006. 213 p.
2. Hall JM. *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 228 p.
3. Hammond NGL. *Epirus*. Oxford: Clarendon Press, 1967. 847 p.
4. Kittela SI. *Dodona and Neoptolemus: Heroic Genealogies and Claims of Ethnicity*. *Studies in Ancient Oracles and Divinations*. Ed. M.Kojava. Roma: Institutum Romanum Finlandiae, 2013. P. 29-47.
5. Malkin I. *The Return of Odysseus. Colonization and the Ethnicity*. Berkley. Los Angeles: University of California Press, 1998. 331 p.
6. Malkin I. *Introduction* // *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity*. Ed. I. Malkin. Cambridge: Harvard University Press, 2001. P. 1-28.
7. Nilsson MP. *Studien zur Geschichte des Alten Epeiros*. Lund: Lunds Universitets Arsskrift, 1909. 77 p.
8. Osborne R. *Landscape, Ethnicity and polis*. *Landscape, Ethnicity and Identity in the Archaic Mediterranean Area*. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 24-31.
9. Parke HW. *The Oracles of Zeus. Dodona-Olympia-Ammon*. Cambridge: Harvard University Press, 1967. 294 p.
10. Robertson D. *Euripides and Tharyps*. *The Classical Review*. 1923;37:58-60.
11. Ruly P. *Peuples, fictions? Ethnicite, identicite, ethnique et societies anciennes*. *Revue des etudes anciennes*. 2006;108:25-60.
12. Schmidt H. *Epeirotica. Beitrage zur Geschichte des Alten Epeiros*. Marburg: Kessinger's Publishing, 2010. 104 p.
13. Smith AD. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell Publishing, 1986. 303 p.

Научная статья

УДК 378.961(470.23-2):93/94«1941/45»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.6>

К ВОПРОСУ О ЛИКВИДАЦИИ ВСПЫШЕК ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В ЛАГЕРЯХ НКВД НА ТЕРРИТОРИИ ГЕОРГИЕВСКОГО РАЙОНА ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Игорь Владимирович Карташев

Ставропольский государственный медицинский университет (д. 310, ул. Мира, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, ведущий специалист

kartashev_iv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1526-4530>

Аннотация. Введение. Одним из наиболее неблагоприятных в эпидемиологическом отношении на территории Ставрополья после его освобождения советскими войсками от немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны был Георгиевский район. Однако причины резкого ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, а также мероприятия, предпринятые санитарной службой Красной Армии по нормализации ситуации в эпидемиологических очагах, не являлись объектом научного исследования. **Материалы и методы.** В качестве источниковой базы использовался комплекс архивных документов, как опубликованных ранее, так и вводимых в научный оборот впервые, материалы периодической печати, свидетельства очевидцев, а также результаты проведенных ранее научных исследований. В своей работе автор придерживался принципов историзма и объективности. **Анализ.** Основными источниками вспышек инфекционных заболеваний в Георгиевском районе после его освобождения от оккупантов являлись бывшие советские военнослужащие, прошедшие немецкий плен, и военнопленные германской армии. В этой связи одними из важнейших задач для нормализации эпидемиологической обстановки в районе являлись изоляция и скорейшее снижение уровня заболеваемости контингента спецлагеря № 261 и

лагеря № 147 НКВД СССР. **Результаты.** Не сумев на начальном этапе предотвратить распространение эпидемических заболеваний, в относительно короткие сроки специалисты санитарной службы Красной Армии локализовали очаги инфекций, организовали лечение больных и профилактику возникновения новых вспышек опасных болезней. В дальнейшем содержащийся в лагерях НКВД контингент не являлся источником распространения инфекционных заболеваний среди гражданского населения района и их заноса в войска.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, сыпной тиф, дизентерия, лагерь НКВД, военнопленные

Для цитирования: Карташев И. В. К вопросу о ликвидации вспышек инфекционных заболеваний в лагерях НКВД на территории Георгиевского района после освобождения Ставропольского края от немецко-фашистских захватчиков // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 224–228. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 16.03.2025.

Статья принята к публикации: 16.05.2025.

Research article

ON ELIMINATING OUTBREAKS OF INFECTIOUS DISEASES IN NKVD CAMPS IN THE GEORGIEVSKY DISTRICT AFTER THE LIBERATION OF THE STAVROPOL KRAI FROM THE NAZI INVADERS

Igor V. Kartashev

Stavropol State Medical University (310, Mira St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Specialist

kartashev_iv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1526-4530>

Abstract. Introduction. The epidemiological state of Georgievsky district was one of the most unfavorable in the territory of Stavropol after its liberation by Soviet troops from the Nazi invaders during the Great Patriotic War. However, the reasons for the sharp deterioration of the sanitary and epidemiological situation, as well as the measures taken by the sanitary service of the Red Army to normalize the situation in epidemic foci, were not the subject of scientific research. **Materials and methods.** The source base used was a set of archival documents, both previously published and introduced into scientific circulation for the first time, materials from periodicals, eyewitness accounts, and the results of previously conducted scientific research. The study follows the principles of historicism and objectivity. **Analysis.** The main sources of outbreaks of infectious diseases in the Georgievsky district after its liberation from the occupiers were former Soviet servicemen who had been in German captivity and prisoners of war of the German army. In this regard, one of

the most important tasks for normalizing the epidemiological situation in the district was the isolation and rapid reduction of the incidence rate of the contingent of special camp No. 261 and camp No. 147 of the NKVD of the USSR. **Results.** Having failed to prevent the spread of epidemic diseases at the initial stage, in a relatively short time the specialists of the Red Army sanitary service localized the foci of infection, organized the treatment of patients and the prevention of new outbreaks of dangerous diseases. Subsequently, the contingent held in the NKVD camps did not serve as a source of the spread of infectious diseases among the civilian population of the region and their introduction into the troops.

Keywords: Great Patriotic War, battle for the Caucasus, typhus, dysentery, NKVD camp, prisoners of war

For citation: Kartashev IV. On eliminating outbreaks of infectious diseases in NKVD camps in the Georgievsky district after the liberation of the Stavropol Krai from the Nazi invaders.

© Карташев И. В., 2025

Humanities and law research. 2025;12(2): 224-228. (In Russ.).
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.6>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.12.2024.

The article was approved after reviewing: 16.03.2025.

The article was accepted for publication: 16.05.2025.

Введение. Оккупация германскими войсками Ставрополя в период Великой Отечественной войны, по сравнению с другими захваченными врагом территориями Советского Союза, длилась относительно недолго, около полугода. И, несмотря на наличие немалого числа документальных свидетельств, а также научных исследований по данной проблематике, нередко можно услышать мнение о том, что пребывание оккупантов в регионе не носило ярко выраженного разрушительного характера, а политика нацистской Германии в отношении населения Северного Кавказа, советских военнопленных не отличалась особой жестокостью.

Георгиевский район был захвачен противником в августе 1942 г. и находился в оккупации около 5 месяцев. К моменту освобождения частями Красной Армии 10 января 1943 г. гитлеровцы уничтожили на территории района не менее 2800 советских граждан [6, л. 6–7]. Накануне своего отступления из Георгиевска немецкие солдаты по приказу своего начальства продали на рынке по виду обычного метиловый спирт, под видом пищевой соды – щавелевую кислоту. Жертвами диверсии стали 714 местных жителей, многие из которых получили смертельные отравления, другие потеряли зрение [8, с. 131]. В ходе освобождения района советскими войсками специалисты химической службы отметили распространение противником среди населения отравленных конфет [4, л. 58], а также намеренное оставление в госпиталях и частных домах различных опасных веществ, например, сулемы (двухлористая ртуть) в таблетках. Всего в период с 10 по 13 января 1943 г. в городе было зарегистрировано свыше 1000 отравлений, более 300 из них – со смертельным исходом [14, л. 680–681]. Однако это были далеко не все страшные последствия хозяйничанья оккупантов на георгиевской земле.

Материалы и методы. Придерживаясь принципов историзма и объективности научного исследования, автор опирался на широкий комплекс материалов из фондов Архива военно-медицинских документов (г. Санкт-Петербург), Центрального архива Министерства обороны (г. Москва), Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва), Государственного архива Ставропольского края (г. Ставрополь), часть которых ранее не публиковалась. Наряду с этим, были использованы материалы периодической печати, свидетельства очевидцев, результаты предыдущих научных исследований.

Анализ. Последовавшее вслед за освобождением района осложнение санитарно-эпидемиологической обстановки было напрямую связано с функционированием в Георгиевске во время оккупации лагерей советских военнопленных. Крупный лагерь гитлеровцы разместили в помещении бывшей конюшни [14, л. 681] (по свидетельству местных жителей – в подсобных помещениях разрушенного Пантелеймоновского храма [5]). Кроме того, пленные, используемые в качестве рабочей силы, были размещены в ряде зданий по городу, в частности, на улице Выгонной (в настоящее время – улица Ермолова [9]). Заключенные были лишены постельных принадлежностей, продуктов питания, медицинской помощи, систематически подвергались избиениям и пыткам. Среди них было несколько сотен военнопленных девушек [19, с. 332].

Больные находились в одних помещениях с остальными пленными, что способствовало быстрому распространению инфекций. Ежедневно от голода, болезней и нечеловеческих условий умирали десятки человек. К концу оккупации количество погибших достигло нескольких сотен человек [7, л. 9–10]. Заключенные были поголовно завшивлены, многие больны сыпным тифом.

Очевидец событий, военный корреспондент П.В. Кованов, так описывал посещение лагеря после освобождения Георгиевска: «Открываю дверь сарая – в нос ударил тошнотворный запах разлагающихся человеческих тел... На земле, на грязной вонючей соломенной трухе, плотно один к другому лежат люди. Много раненых. У одних – открытые гноящиеся раны, у других – они замотаны грязными тряпками... Среди еле живых – много мертвецов... Вскоре приехали врачи, медицинский персонал, пришли санитарные машины, привезли продукты. Началась борьба за спасение оставшихся в живых» [11, с. 208].

Анализируя впоследствии развитие эпидемии сыпного тифа, советские медики выяснили, что первые заболевания возникли в лагере военнопленных (в документах он называется «тюрьмой») 18–19 декабря 1942 г. При отступлении гитлеровцы забрали часть здоровых заключенных с собой, оставив истощенных и больных в лагере. По свидетельству лейтенанта Ч.Б. Курбанова, участвовавшего в освобождении Георгиевска, значительную часть военнопленных (по словам Курбанова – около 11 тыс.) нацисты планировали сжечь заживо. Эти планы были сорваны смелыми действиями группы советских разведчиков, которые освободили приговоренных к смерти [1]. При этом большому числу вчерашних пленников удалось скрыться в городе, попав в дома местных жителей [4, л. 281].

Как показали наши предыдущие исследования, санитарно-эпидемиологическая обстановка в крае к моменту его освобождения была сложной. Имевшиеся в Георгиевском районе 17 бань в период оккупации использовались преимущественно немецкими воинскими частями и работали с перебоями. Нередко в них самих, несмотря на их основное предназначение, грубо нарушались санитарные нормы, что способствовало распространению инфекций. Ситуация усугублялась тем, что при отступлении враг уничтожил многие объекты коммунального хозяйства, в том числе водопроводы и бани. Вскоре после изгнания оккупантов среди населения района были зафиксированы крупные вспышки сыпного тифа. Основными источниками их возникновения явились бывшие советские и немецкие военнопленные [10, с. 129, 207].

Сбор и проверка бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в период оккупации региона во вражеском плену или вышедших из окружения, начались в Георгиевске практически сразу после его освобождения. Данные мероприятия, направленные на выявление среди бывших военнослужащих изменников родины, шпионов и дезертиров, осуществлялись в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны № ГКО-1069сс от 27 декабря 1941 г. [12, л. 179].

В организованном для этих целей спецлагере № 261 НКВД СССР к 25 января 1943 г., когда в лагерь прибыл назначенный его начальником майор госбезопасности Н.М. Федотов, было собрано около 8 000 бывших военнослужащих. До этого времени работой лагеря руководили представители особого отдела Северо-Кавказского фронта (СКФ). Собранный по городу контингент без санитарной обработки направлялся в бывший немецкий лагерь военнопленных (тюрьму), а также ряд других помещений в Георгиевске. При этом 40–50% людей были полураздеты и не имели обуви, завшивленность достигала 100%. Многие были сильно истощены, болели сыпным тифом и другими болезнями. Внутреннего режима охраны не было, контингент имел свободное хождение внутри территории, многие регулярно отлучались в город и за его пределы. Перечисленные факторы привели к массовому заболеванию бывших военнослужащих и местных жителей сыпным тифом.

Приняв лагерь, новое руководство разделило контингент на батальоны и роты, разместило в разных зданиях города, ввело строгий противозидемический карантин. Больные госпитализировались в инфекционный госпиталь медико-санитарного батальона (МСБ) № 420, обслуживавшего лагерь. Было налажено снабжение необходимыми медикаментами и дезсредствами через санитарное управление СКФ.

Санобработку контингента осуществлял специальный банно-дезинфекционный поезд № 25 с пропускной способностью до 1 800 человек в сутки. По батальонам были организованы жародезкаммеры и бани, к концу февраля были восстановлены гарнизонная баня и дезкаммера, что позволило увеличить пропускную способность до 3–4 тыс. человек в сутки.

К 20 февраля 1943 г., когда численность контингента возросла до 18 000 человек, в лагере числилось 365 сыпнотифозных больных, истощенных – 420, хирургических больных – 216, терапевтических больных – 90, гемоколитиков – 89. В эти дни руководство лагеря отчитывалось, что к 1 марта планирует ликвидировать вшивость среди контингента и свести заболеваемость сыпным тифом к нулю. В феврале 1943 г. в Армавире в бывшей колонии № 5 НКВД на реке Уруп по инициативе Н.М. Федотова был организован второй лагерь, которому со временем предстояло стать основным подразделением спецлагеря № 261 НКВД [4, л. 281].

Несмотря на принятые меры, за первую половину марта в лагере № 261 в Георгиевске количество заболевших сыпным тифом составило 179 человек, подозрительных больных – 248, умерших – 37 человек. В этой связи начальник войск НКВД по охране тыла СКФ полковник С.М. Фадеев обращался в санитарное управление фронта, настаивая на необходимости проведения детального обследования и принятия срочных мер по борьбе с эпидемическими заболеваниями в спецлагере № 261 и лагере № 147 НКВД для военнопленных, улучшения их снабжения дезсредствами [4, л. 361].

Усилия руководства лагеря дали свои результаты. Четкое отделение поступавшего от содержавшегося в лагере контингента, соблюдение профилактического карантина, тщательная санобработка и медицинский осмотр, установление строгого эпидемического карантина для больных обеспечили практически полную ликвидацию вшивости и сыпного тифа среди бывших военнослужащих к началу апреля 1943 г. Успешная работа лагеря по предотвращению заболеваемости и передаче в действующую армию большого количества бойцов и коман-

диров была отмечена в приказе войскам СКФ № 00173 от 18 апреля 1943 г. Начальнику управления лагеря было дано указание представить к награде работников, особо отличившихся в борьбе с сыпным тифом. Сам Никифор Максимович Федотов 30 апреля 1943 г. был награжден орденом Красного Знамени. В наградных документах отмечался его большой личный вклад в дело организации спецлагерей, ликвидации вспышек сыпного тифа и возврата в строй из учреждений, которыми он руководил, более 38 тыс. советских воинов [16, л. 17–18].

Как сложились судьбы этих людей? Приведем один пример. Тимофей Иванович Бондаренко после прохождения проверки в лагере № 261 НКВД СССР 19 апреля 1943 г. был направлен в распоряжение Семикаракорского РВК Ростовской области, откуда после постановки на учет и прохождения медицинской комиссии попал на фронт. Был восстановлен в звании старшего лейтенанта, командовал пулеметной ротой, получил ранение. После возвращения в строй командовал 1-м стрелковым батальоном 472-го стрелкового полка 100-й стрелковой Львовской дивизии, в 1944 г. награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, в 1945 г. – орденом Красного Знамени. Войну закончил в звании капитана [18, л. 95].

Одним из источников распространения инфекций в Георгиевском районе, как мы отмечали выше, являлись взятые в плен при освобождении региона военнослужащие германских войск. Для их размещения в соответствии с распоряжением начальника управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных генерал-майора И.А. Петрова 22 февраля 1943 г. был образован лагерь № 147. Он был расположен в 12 км от Георгиевска на месте бывшей исправительно-трудовой колонии. Лагерь находился в подчинении управления НКВД Ставропольского края и имел на его территории ряд лагерных пунктов. Использовать военнопленных предполагалось на восстановлении разрушенных объектов [13]. Что касается их национальности, то, судя по информации в одном из сохранившихся списков военнопленных, из 47 бывших военнослужащих вермахта лишь 27 были немцами, остальные – румыны, поляки, чехи, австрийцы, венгры [2, л. 563].

Начальником лагеря № 147 был назначен подполковник госбезопасности В.Д. Козицын. Руководство прибыло в Георгиевск 2 апреля 1943 г. К этому времени в лагере, через который с января 1943 г. прошло около 1 900 военнопленных, насчитывалось 400 человек. Среди контингента свирепствовали дизентерия и сыпной тиф. В числе заболевших сыпным тифом были и сотрудники лагеря, в частности, начальник санитарной службы военврач Алпатов, обязанности которого исполнял военфельдшер Ратушняк.

Причин возникновения эпидемий среди военнопленных было несколько. Во-первых, многие из них при попадании в плен находились в крайне истощенном состоянии, что отмечалось в актах при приеме в лагерь, и являлись, как было выявлено позднее, бациллоносителями. Во-вторых, на начальном этапе санитарное состояние лагеря было неудовлетворительным. В ряде случаев пленных пришлось разместить в абсолютно непригодных для проживания помещениях. В качестве основного водоисточника использовался находившийся на территории лагеря колодец, при этом нехватка воды составляла около 2-х тыс. литров в сутки. В этих условиях сотрудники лагеря были вынуждены дополнительно использовать воду из реки, контроль качества которой, как и воды из колодца, не производился. Первое

время не были оборудованы уборные и умывальники, отсутствовали средства дезинфекции и личной гигиены, не соблюдались санитарные правила в местах приготовления и приема пищи.

В-третьих, в лагере отсутствовал лазарет, и изоляция больных не производилась. Большая скученность приводила к быстрому распространению инфекций. Наконец, в связи с отсутствием возможности проведения бактериологических исследований заболевшим ставился неправильный диагноз, что в наибольшей мере коснулось дизентерии. У больных диагностировались алиментарная дистрофия, энтерит, энтероколит, гемоколит, пеллагра, хотя большинство из них, как стало ясно позднее, были больны дизентерией. Все перечисленное привело к быстрому распространению инфекций и резкому росту смертности военнопленных. Так, если в первую декаду февраля 1943 г. в лагере было зарегистрировано 3 смертельных случая, то во вторую декаду месяца – уже 34, а в период с 10 марта по 1 апреля – 287 [2, л. 212].

Однако санитарная служба лагеря и его руководство приняли ряд мер, которые в конечном итоге способствовали нормализации ситуации. В первых числах марта 1943 г. в лагере был оборудован лазарет. Для размещения контингента использовались 3 корпуса, один из которых представлял собой большое двухэтажное здание с 17 комнатами. Заработала кухня с 8 котлами. Продукты питания для военнопленных получались без перебоев в соответствии с определенными нормами. Произведенные 20 марта военврачом 3 ранга, хирургом Л.Н. Серпиком бактериологическое исследование кала и вскрытие трупов указали на то, что причиной массовых желудочно-кишечных заболеваний и высокой смертности являлась дизентерия.

В первый год войны Лев Нафтольевич Серпик работал ординатором-хирургом в авто-хирургическом отряде № 98, был начальником армейского пункта переливания крови при полевом подвижном госпитале № 77 12-й армии Южного фронта. За спасение раненых во время бомбежки, организацию сбора и хранения крови в июле 1942 г. был награжден орденом Красной Звезды [15, л. 368]. Впоследствии в качестве начальника медицинской части – главного хирурга головного полевого эвакуационного пункта № 128 18-й армии СКФ отличился в ходе боев на Малой Земле, за что в июне 1943 г. был награжден Орденом Отечественной войны 2 степени [17, л. 298].

Только в период с 20 по 23 марта 1943 г. военврач 3 ранга Л.Н. Серпик и прибывший в лагерь военврач 2 ранга М.Б. Тов выявили и изолировали 232 больных дизентерией и энтероколитом военнопленных. В эти же дни больных начали отправлять в армейский госпиталь для легкораненых советских воинов (АГЛР) № 4231, развернутый в Георгиевске. К 13 апреля 1943 г. в АГЛР-4231 из лагеря было госпитализировано 323 чел., еще 29 больных дизентерией военнопленных поступило из МСБ-420. В общей сложности в АГЛР-4231 из них умерло 89 больных (25,3%).

Заметно улучшилось и санитарное состояние лагеря № 147. Были налажены контроль качества питьевой воды и ее хлорирование, построены умывальники, баня, сухожаровая дезкамера и дезкамера-землянка, оборудованы уборные. В ряде помещений установили новые нары, а места для сна отделили от остальных помещений. Регулярно производились мытье полов, дезинфекция помещений и уборка территории лагеря.

Со временем в отдельно огороженном месте был оборудован изолятор для желудочно-кишечных боль-

ных на 150–170 коек. В целях профилактики был организован прием бактериофага контингентом. При этом состав самой санитарной службы усилился. После организации в Армавире основного подразделения спецлагеря № 261 для бывших военнослужащих Красной Армии из его отделения в Георгиевске в лагерь № 147 для военнопленных были переведены 9 военфельдшеров. Все перечисленное позволило существенно снизить заболеваемость дизентерией и другими желудочно-кишечными инфекциями во второй половине апреля 1943 г. [2, л. 212–213].

Заболевания сыпным тифом были зафиксированы в лагере № 147 для военнопленных в начале 2-й декады марта 1943 г. Во второй половине марта количество заболевших резко возросло. В день выявлялись десятки новых больных. Причины роста числа заболеваний были все те же – скученность контингента, ненадлежащее санитарное состояние лагеря, слабая профилактическая работа. Последнее во многом было связано с нехваткой квалифицированного медицинского персонала: осмотр и проведение необходимых мероприятий в трех корпусах лагеря, в которых размещались сотни военнопленных, на начальном этапе осуществляли лишь 3 фельдшера. Кроме того, все 3 фельдшера и 3 врача сами заболели сыпным тифом, что еще более усугубило ситуацию.

В сложившейся обстановке к работе с сыпнотифозными больными были привлечены военврачи Л.Н. Серпик и С.Г. Мостовой (начальник медицинского отделения эвакуационного пункта № 450). Для руководства мероприятиями по ликвидации вспышки сыпного тифа санитарным управлением СКФ в лагерь был направлен опытный специалист – военврач 2 ранга Мирон Борисович Тов [2, л. 111]. По приказу краевого управления НКВД в лагерь прибыла бригада по борьбе с эпидемией во главе с капитаном госбезопасности Мартыненко, в которую входили врач и военфельдшер.

Прибывшие специалисты совместно с сотрудниками лагеря составили план работ по борьбе с эпидемией, который в довольно короткие сроки позволил улучшить санитарное состояние лагеря, наладить медико-санитарное обслуживание контингента, практически полностью ликвидировав его завшивленность и снизив заболеваемость сыпным тифом. План предполагал персональную ответственность за исполнение мероприятий и четкие сроки их реализации. Ответственные лица составляли планы собственных мероприятий, которые представлялись руководству. Ежедневно в 19 часов проводились совещания, на которых обсуждались вопросы, связанные с проделанной за день работой.

Большинство из заболевших в лагере № 147 сыпным тифом военнопленных было госпитализировано в МСБ-420 в Георгиевске. С 16 марта по 14 апреля 1943 г. из лагеря в медсанбат поступило 365 больных, в том числе с сыпным тифом – 242, подозрительных – 71, с другими заболеваниями – 52. В свою очередь, из АГЛР-4231 в МСБ-420 было также направлено 52 военнопленных из лагеря № 147. Первоначально у них была диагностирована дизентерия, а позднее обнаружен сыпной тиф. Таким образом, в указанный период времени сыпным тифом заболели 294 военнопленных (15,4% от общей численности контингента лагеря), из них умерли – 67 чел. (22,8%) [2, л. 212–215].

В начале августа 1943 г. руководство лагеря № 147 указывало, что в период дислокации МСБ-420 в Георгиевске в его госпиталь было направлено 405 больных

сыпным тифом военнопленных. Однако по состоянию на 1 июля в лагерь вернулось лишь 275 из них, в то время как информация о 47 военнопленных, которые при перемещении в медсанбат были переданы в АГПР-4231, отсутствовала. Судя по этим данным, 83 пленных умерли от сыпного тифа [2, л. 562]. В свою очередь, из донесения фронтового эвакуационного пункта № 34 от 8 августа 1943 г. следует, что все находившиеся в АГПР-4231 в Георгиевске военнопленные были эвакуированы в город Сабирбад Азербайджанской ССР 23 июня 1943 г. [3, л. 212].

Результаты. Подводя итоги, отметим следующее. Возникновение крупных вспышек инфекционных заболеваний в Георгиевском районе Ставрополя в значительной мере явилось результатом человеконенавистнической политики нацистов на захваченных территориях нашей страны, в том числе в отношении пленных советских воинов. В условиях стремительно развивавшегося освобождения региона в январе 1943 г. специалисты санитарной службы Красной Армии не смогли предотвратить распространение эпидемических заболеваний, чему способствовал ряд факторов. К апрелю 1943 г., учтя ряд ошибок и проведя серьезную организационную работу, им удалось локализовать два наиболее опас-

ных очага инфекций в спецлагере № 261 НКВД СССР для бывших советских военнослужащих и лагере № 147 НКВД СССР для военнопленных и обеспечить изоляцию и лечение больных. Были существенно улучшены санитарные условия содержания контингента, налажено проведение профилактических мероприятий. В результате принятых мер заболеваемость сыпным тифом и желудочно-кишечными заболеваниями, а также риск возникновения новых вспышек инфекционных болезней в лагерях НКВД удалось существенно снизить. Содержавшийся в них контингент не являлся источником распространения инфекций среди гражданского населения района и их заноса в войска. В ходе битвы за Кавказ санитарная служба Красной Армии получила огромный опыт борьбы с опасными инфекциями, который смогла применять в дальнейшем. В заключение стоит обратить внимание на гуманное отношение к военнопленным германской армии, проявленное советской стороной. Оно разительно отличалось от отношения гитлеровцев к пленным советским воинам и населению захваченных территорий СССР, в том числе в оккупированных районах Северного Кавказа.

Литература

1. Алмасова Э. Подвиги «Черной пантеры» // Азербайджанские известия. 2010. 8 мая. С. 3.
2. Архив военно-медицинских документов (далее – АВМД). Ф. 28. Оп. 7559. Д. 33.
3. АВМД. Ф. 28. Оп. 7559. Д. 43.
4. АВМД. Ф. 28. Оп. 7559. Д. 57.
5. Георгиевск в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://project7931493.tilda.ws/page40156904.html> (дата обращения: 22.07.2024).
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 8.
7. ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 48.
8. Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск II. М.: Госполитиздат, 1945. 392 с.
9. Ильичева Н. Помнить трудно, забыть нельзя // Георгиевские известия. 2010. 17 июня. С. 3.
10. Карташев И. В. Здравоохранение на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. Ставрополь: Изд. СтГМУ, 2022. 292 с.
11. Кованов П. В. И слово – оружие. М.: Советская Россия, 1982. 368 с.
12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17.
13. Сапрунов А. Г., Акинин В. В., Булыгина Т. А. и др. Из века в век служа закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края. Ставрополь: Сервисшкола, 2005. 578 с.
14. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11302. Д. 104.
15. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 534.
16. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 99.
17. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1135.
18. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2194.
19. Шнеер А. Плен: советские военнопленные в Германии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. 624 с.

References

1. Almasova E. Exploits of the «Black Panther». Azerbaydzhanskiye izvestiya. 2010. May 8. P. 3. (In Russ.).
2. Archive of Military Medical Documents (AMMD). F. 28. Inv. 7559. D. 33. (In Russ.).
3. AMMD. F. 28. Inv. 7559. D. 43. (In Russ.).
4. AMMD. F. 28. Inv. 7559. D. 57. (In Russ.).
5. Georgievsk during the Great Patriotic War. URL: <https://project7931493.tilda.ws/page40156904.html> (accessed: 22.07.2024). (In Russ.).
6. State Archive of the Stavropol Territory (SAST). F. R-1368. Op. 1. D. 8. (In Russ.).
7. SAST. F. R-1368. Op. 1. D. 48. (In Russ.).
8. Documents Accuse: A Collection of Documents on the Monstrous Atrocities of the German Authorities in the Soviet Territories They Temporarily Captured. Issue II. Moscow: Gospolitizdat, 1945. 392 p. (In Russ.).
9. Ilyicheva N. It is difficult to remember, but impossible to forget in Georgiyevskiy izvestiya. 2010. June 17. P. 3. (In Russ.).
10. Kartashev I.V. Healthcare in the North Caucasus under the Nazi occupation of 1942–1943. Stavropol: Publishing House of StGMU, 2022. 292 p. (In Russ.).
11. Kovanov P.V. And the word is a weapon. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1982. 368 p. (In Russ.).
12. Russian State Archive of Social and Political History. F. 644. Inv. 1. D. 17. (In Russ.).
13. Saprunov A.G., Akinin V.V., Bulygina T.A. et al. From century to century serving the law: essays on the history of the internal affairs bodies of the Stavropol Territory. Stavropol: Servisshkola, 2005. 578 p. (In Russ.).
14. Central Archive of the Ministry of Defense (CAMD). F. 32. Inv. 11302. D. 104. (In Russ.).
15. CAMD. F. 33. Inv. 682524. D. 534. (In Russ.).
16. CAMD. F. 33. Inv. 682526. D. 99. (In Russ.).
17. CAMD. F. 33. Inv. 686044. D. 1135. (In Russ.).
18. CAMD. F. 33. Inv. 687572. D. 2194. (In Russ.).
19. Shneer A. Captivity: Soviet prisoners of war in Germany. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim, 2005. 624 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 726.711(470.63)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.7>

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ СТАВРОПОЛЬСКОЙ (КАВКАЗСКОЙ) ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Павел Григорьевич Немашкалов^{1*}, Татьяна Александровна Шебзухова²

¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 А, ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>

² Пятигорский институт (филиал), Северо-Кавказский федеральный университет (д. 56, пр. 40 лет Октября, Пятигорск, 357502, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Православное женское подвижничество на Северном Кавказе особая страница истории региона, о которой мало что известно. Причина заключается в том, что если ставропигиальные женские обители России были включены в общероссийские процессы, и о них сохранились сведения, то на окраинах страны они вели уединенную христианскую жизнь и редко становились центрами общественного внимания. Аппелируя к обрывочным сведениям архивных документов, авторам удалось проследить общие тенденции их развития в регионе, выделить специфические особенности положения отдельных из них. **Материалы и методы.** На примере положения женских монастырей Северного Кавказа авторами проводится анализ их деятельности, определяется специфика положения и статуса в зависимости от региона их расположения. Особое внимание уделено роли учредителей обители и личностям их настоятелей, что определяло судьбу самого монастыря и влияло на характер монастырской повседневности. **Анализ.** Несмотря на видимую замкнутость обителей, их отчужденность от светского мира, происходящие события в нашей стране в начале XX века повлияли и на их монастырский уклад. Проблемы общества, падение нравов, низкая общественная мораль разрушали устоявшийся веками уклад, но многие женские монастыри смогли противостоять этому слиянию, сохранить традиции и, несмотря на революционные события, возродить православие в обществе. Исследование проведено с использованием принципов междисциплинарного подхо-

да, что позволило рассмотреть проблему в её целостности, объединить данные, полученные по разным направлениям монастырской жизни, взглянуть на проблему места обителей в российском обществе XX века. Используемый метод позволил провести современное историческое исследование с позиций исторической антропологии. **Результаты.** В итоге авторы приходят к выводу о том, что оказываемое влияние внешнего мира на внутреннюю жизнь женских монастырей приводило к определенным проявлениям девиации, но сложившийся их самобытный уклад и глубокая вовлеченность в систему социальных отношений не давали становиться опорой революционных настроений.

Ключевые слова: женское православное подвижничество, история Русской Православной Церкви, Ставропольская (Кавказская) епархия, женские общины и монастыри

Для цитирования: Немашкалов П. Г., Шебзухова Т. А. Положение женских монастырей Ставропольской (Кавказской) епархии в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С.229–237. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.7>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 16.03.2025.

Статья принята к публикации: 16.05.2025.

Research article

THE STATE OF WOMEN'S MONASTERIES OF THE STAVROPOL (CAUCASIAN) DIOCESE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Pavel G. Nemashkalov^{1*}, Tatiana A. Shebzukhova²

¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenina St., Stavropol, 355029, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>

² Pyatigorsk Institute (branch), North-Caucasus Federal University (56, 40th Anniversary of October Ave., Pyatigorsk, 357502, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Orthodox female asceticism in the North Caucasus is a special page in the history of the region, about which little is known. The reason is that while the stavropegic women's monasteries of Russia were included in all-Russian processes, and information about them has been preserved, on the outskirts of the country they led a solitary Christian life and rarely became the centers of public attention. Appealing to fragmentary information from archival documents, the authors managed to trace the general trends of their development in the region,

highlight the specific features of the situation of some of them. **Materials and methods.** Using the example of the situation of women's monasteries in the North Caucasus, the authors analyze their activities, determine the specifics of their position and status depending on the region of their location. Particular attention is paid to the role of the founders of the monastery and the personalities of their abbesses, which determined the fate of the monastery itself and influenced the nature of monastic everyday life. **Analysis.** Despite the apparent isolation of the monasteries,

their alienation from the secular world, the events taking place in our country at the beginning of the 20th century also influenced their monastic way of life. Problems of society, decline of morals, low public morality destroyed the established way of life for centuries, but many women's monasteries were able to resist this merger, preserve traditions and, despite revolutionary events, revive Orthodoxy in society. The study follows the principles of an interdisciplinary approach, which allowed us to consider the problem in its entirety, combine data obtained in different areas of monastic life, look at the problem of the place of monasteries in Russian society of the 20th century. The method used allowed us to conduct a modern historical study from the standpoint of historical anthropology. **Results.** As a result, the authors come to the conclusion that the influence of the outside world on the inner life of women's monasteries led to certain manifestations of deviation, but their original way of life and deep involvement in the system of social relations did not allow them to become a support for revolutionary sentiments.

Введение. Есть немного регионов в России богатых своим созидательно активным населением, но есть уникальные по характеру этого населения, и даже в числе таких будет особенным Северный Кавказ. Сложившиеся условия совместного проживания, порой достигающие высших рубежей противоречия, способствовали появлению людей способных своим энтузиазмом увлекать за собой других, вселять в них уверенность, совместно достигать поставленных высоких целей и нравственно-го совершенства.

Посетив приходы епархии и познакомившись с работой в первый год своей службы, епископ Иеремия в своем обращении к Духовной консистории отмечал: «Едва ли в какой епархии было и есть столько собиравших набожных как на Кавказе. Между причинами нельзя не отметить главную, что многие мужчины и женщины нерасположенные или неспособные к принятию обязанностей житейских и чувством благочестия призываемые к жизни уединенной и безбрачной, не обретая в области Кавказской ни единого места, где могли удовлетворить своему влечению, нередко вручают себя какому-либо набожному простаку, это мне известно из дел консистории, и под невежественным его руководством образуют особенное селение мужского или женского, или же смешанное общество, вначале благонамеренное и доброе, а в последствии подозрительное и соблазнительное» [4, л.62–72]. В одной из поездок к нему обратилось общество до 40 женщин и девиц, живущих под руководством простого поселенца Памфила Попова. Просили они епископа со слезами ходатайствовать пред Синодом об открытии обители. Впечатленный этим обращением он дал обет ходатайствовать по данному делу, а им повелевал оставить избранного ими учителя и до решения вопроса держаться своих приходских церквей и духовных отцов, которым передал девушек вместе с вызванными родителями.

Одна из жительниц с. Пелагады в 1843 г., престарелая девица Прасковья Лукинова, просила дозволения устроить ей при местной церкви молитвенный домик. До этого существующий в селе подобный домик при церкви, организованный под руководством указанной крестьянки, был уничтожен. В нем собирались крестьянские девушки для молитвословия, занимались чтением поучений и псалтыря всем, кто посещал их собрания. Благочинному предписывалось наблюдать за данными сбирками и не допускать их образований [5, л. 976–976 об.].

Строгие меры епархиального руководства не могли остановить уже распространенного и нашедшего своих

Keywords: female Orthodox asceticism, history of the Russian Orthodox Church, Stavropol (Caucasian) diocese, women's communities and monasteries

For citation: Nemashkalov PG, Shebzukhova TA. The state of women's monasteries of the Stavropol (Caucasian) diocese at the beginning of the 20th century. Humanities and law research. 2025;12(2): 229-237. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.7>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 24.11.2024.

The article was approved after reviewing: 16.03.2025.

The article was accepted for publication: 16.05.2025.

последователей женского духовного подвижничества. Ситуация усугублялась отсутствием в регионе устроенных женских монастырей, острая потребность в которых приводила сочувствующих в разрешении данного вопроса лиц к преследованию со стороны властей. Сам епископ в их действиях видел сильных христианский духовный порыв, и «люди, предпринявшие его, суть христиане известные духовной власти по своему усердию к церкви» [3, л.1–2].

Религиозный подъем населения продиктован был рядом условий, среди них можно выделить тяжелые условия жизни православного славянского населения в окружении народов, исповедующих ислам, и широкое распространение различного толка сектантских учений. При отсутствии длительного времени должного епархиального контроля, это все давало благоприятную почву для религиозного духовного поиска истины.

Материалы и методы. Исследование проведено с использованием принципов междисциплинарного подхода, что позволило рассмотреть проблему в её целостности, объединить данные архивных материалов в ретроспективе анализа сопоставления монастырской повседневности в XIX в. по отношению трансформации ей в XX в. Используемый метод позволил провести современное историческое исследование с позиций исторической антропологии. Помимо этого, в работе нашли применение нарративный, историко-генетический, историко-типологический, ретроспективный и антропологический методы исследования. В основе проведенного исследования находятся материалы архивных фондов и обзорных статей Кавказских (Ставропольских) епархиальных ведомостей. Анализ поднимаемых проблем рассматривался в контексте фундаментального исследования О.В. Кириченко, анализирующего характер православного женского подвижничества в Российской империи [17].

Анализ. В XVIII в. на Северном Кавказе, в виду объективных условий, возникает только один женский монастырь в 1797 г. при Успенской Моздокской церкви [20, с.211, 288], история которого заканчивается через два года с упразднением самостоятельной Моздокско-Маджарской епархии. Только в период 1840 – 1860-е гг. женского монастырского подвижничества получило новый импульс. Связано это было не только с социальными последствиями войны, но и изменением понимания обществом статуса женщины, началом женского православного подвижничества. В 1849 г. в Черномории была основана войсковая Черноморская в честь Марии Магдалины общежительная женская пустынь. Одним из ос-

новых условий её учреждения было приоритетное право принятия представительницам казачьего сословия. Ведомственность статуса повлечет за собой в его истории периодические всплески борьбы за управления им, противостояние насельниц казачьего происхождения и иногородних. С 1859 г. в кафедральном г. Ставрополе был учрежден Иоано-Мариинский женский монастырь, который начал свою историю как похоронный приют для вдов и сирот духовного звания на Скомороховых хуторах с 1847 г. В стены обители принимали всех в нее входящих без сословных ограничений.

После окончания Кавказской войны и инкорпорация Северного Кавказа в социокультурное пространство империи привели к тому, что 1870–1890-е гг. учреждаются еще четыре женских обители. Уставы мужских монастырей и части женских повторяли правила Афонских насельников и строго соблюдались на протяжении всего их существования. Все устроенные монастыри этого периода, кроме Ново-Покровской обители, по распоряжению Синода, акцентировали свою работу на миссионерской деятельности [14, с. 70–74].

Начало XX в. ознаменовалось образованием небольших монашеских общин-обителей, на открытие которых больше не требовалось особого императорского указа, и достаточно было только разрешения Синода. Для мужских монастырей устанавливался упрощенный порядок открытия, а для женских была предусмотрена более строгая процедура. Несмотря на административные ограничения в епархии было открыто еще четыре женских обители, а Крестовоздвиженский мужской монастырь, из-за сложившихся тяжелых условий в области монастырской экономики и раскольничьего окружения, был преобразован в женский.

Все монастыри региона основывались на принципах общежития и не имели штатного статуса, существовали за счет собственных заработков и сбора пожертвований. Развитая экономика монастыря открывала возможности обителям для строительства церковно-храмового комплекса, служила основой благотворительной и просветительской деятельности. Исходя из этого, как только было организовано церковное служение на новом месте, свои усилия насельники направляли на обустройство хозяйственной части. Благоприятные природно-климатические условия способствовали тому, что земледелие и скотоводство являлись основным источником доходов [24, с. 302, 341].

История женского Иоанно-Мариинского монастыря началась со вспышки холеры в конце 1840-х гг., когда только в 1847 г. осиротели 23 семьи священнослужителей [13, л. 3–6]. Изначально он задумывался как приют для детей и вдов духовного сословия, но отсутствие в Ставрополе подобных учреждений привело к приему в его стены выходцев из всех сословий. Возникновение женской общины на базе приюта связано с именем Марфы Андреевны Фетисьевой, которая, ведомая чувством глубокой веры, лично обратилась к епископу Иеремии с просьбой её основания, в последующем которую можно было преобразовать в женский монастырь. В силу возникших обстоятельств местом для будущего монастыря стал хутор Якова Скоморохова, располагавшийся в пределах города.

Преосвященный Иеремия принял активное материальное участие в его благоустройстве и в названии приюта запечатлел память о усопших родителях, сельского причетника Иоанна Яковлевича Соловьева и Марии Феодотовны. Устраиваемый на благотворительные сум-

мы приют строился медленно, только к концу года были воздвигнуты стены храма, келья для настоятельницы и каменный корпус для престарелых вдов. Дороговизна жизни в Ставрополе также тормозила темпы строительства, а подрядчики получали расчет за работы порой через несколько лет [12, л. 1–9]. Земельный надел общины постоянно расширялся как за счет производимых частных пожертвований, так и выделение достаточно большого участка Ставропольской городской думой, по ходатайству епископа Иеремии [21, с. 11].

С 1850 г. меняются предназначение и статус приюта, епархиальным руководством он был переведен в Иоанно-Марьинскую женскую общину. На посту настоятельницы М. Фетисьеву в 1952 г. сменила монахиня Серафима. Приехав в Ставрополь из Ладинского монастыря Полтавской губернии, она обнаружила среди послушниц понимание строгой монашеской жизни. Обладая большим строительно-организационным опытом, новая настоятельница общины принялась с большим усердием за преобразование инфраструктуры и приведение в соответствие монастырского устава. По примеру других обителей в общежитии ввела неизменный порядок участия сестер в богослужении и упорядочила распределение послушаний. Отмечая проделанную работу и достигнутого уровня понимания монастырского уклада, преосвященный Иоанникий начал ходатайство в Синоде о переводе общежития во второклассный монастырь. Длительное время Синод не принимал никакого решения, и только личное обращение к обер-прокурору и ходатайство Великой княжны Елены Павловны поспособствовали тому, что 20 мая 1859 г. указом Синода Иоанно-Мариинская община была переведена во второклассный женский монастырь [7, л. 59].

При обители была основана иконописная мастерская, образцы работ которой считались лучшими в регионе. На Северном Кавказе редкий приход не имел икон работы сестер монастыря [26, с. 30]. Насельницы монастыря принимали участие в организации социальной помощи не только на уровне региона, но и стали одними из первых членов отряда сестер милосердия Красного креста, приняв на себя труды ухода за больными и ранеными. Военный министр лично выразил свою благодарность за изготовление в 1856 г. для нужд армии 125 солдатских палаток, в ответ на это сестры выразили «готовность служить православным воинам по мере сил и возможностей» [6, л. 1].

К 1914 г. в монастыре было 5 храмов: холодный каменный соборный, во имя Рождества св. Иоанна Предтечи с двумя пределами: во имя св. равноапостольной Марии-Магдалины и св. великомученика и Целителя Пантелеймона, для которого требовалась побелка известию изнутри и снаружи, покраска крыш и полов; теплый каменный однопрестольный во имя Покрова Пресвятой Богородицы, который был ветхим и маловместительным, в нем нужно было необходимо произвести капитальный ремонт; трапезный каменный храм во имя св. мученицы Серафимы, который также требовал покраски полов, крыши и побелки стен; не требовала ремонта больничная деревянная церковь обложенный кирпичом, выстроенная во имя Преподобного Антония и Феодосия Киевопечерских; также был прочным каменный кладбищенский храм во имя св. пророка Иеремии. Чудотворных или чтимых икон в обители не имелось.

Отдельно от храмов располагалась каменная колокольня, настоятельский деревянный одноэтажный корпус и 30 каменных зданий и построек для помещения

сестер на 228 келий, священнослужителей и разных назначений, кладовые для провизии и хлеба, экономические и скотный дворы. Монастырь был обнесен каменной оградой. На его территории имелись приспособление для выделки восковых свечей, которые выделялись для нужд обители, фотографическая, иконописная, белошвейная, золотошвейная и коверная мастерские.

Богослужения в монастыре управлялись по уставу православной церкви, литургия начиналась в 6 часов утра. Ризница и библиотека содержали установленный круг предметов в достаточном количестве и содержались в порядке. За смертью настоятельницы игуменьи Архелая временно управляла делами обители казначея, монахиня Лидия. В обители находилось: 5 схимонахинь, 106 мантийных монахинь, 235 рясофорных послушниц, 150 временных послушниц, 123 были на испытании. Таким образом общее число насельниц достигало 619 душ, это кроме 15 человек служащих по найму. По общежительному уставу сестры монастыря имели общую пищу в трапезе, некоторым выдавался чай и сахар, одежда и обувь. Источником средств для обители были добровольные пожертвования, хлебопашество и огородничество, особой статьей была продажа сена. Всего в собственности обители находилось 233 дес. земли, из которой было 20 дес. леса, вся земля обрабатывалась средствами самого монастыря [10, л.9–11об.].

Среди женских монастырей Кавказской епархии имелся уникальный Спасо-Преображенский Сентинский женский монастырь. На территории монастыря находился один из пяти древних христианских храмов, которые сохранились до XIX в. и своей архитектурой составляли единое целое с храмами Тебердинского ущелья. Возведенный по византийским архитектурным традициям за тысячу лет потерял всю красоту отделки и сохранил только каркас стен. Фрагменты настенной живописи храма являлись самым обширным сохранившимся фресковым комплексом на территории Алании. Еще в XIX веке исследователи обнаружили на одной из стен такую надпись: «Освящен, обновлен храм пресвятой Богородицы в царствование Никифора, Василия и Константина и Давида, эксусиократора Алании, и Марии эксусиократориссы 2 апреля, в день святой Пасхи, рукою Феодора, митрополита освященного Алании, от сотворения мира в 6473 г. Написано рукой апокрисиария Патрикия». Это означало, что храм был освящен в 965 г. в период правления некоего царя Давида [27].

Ослабление влияния Византии и произошедшие в истории Северного Кавказа в последующем потрясения не обошли стороной и тебердинские храмы. В конце XIX в. несколько послушниц из сестер милосердия, ведомые Е. Макаровой и Е. Финенской, приняли на себя труд возобновления святыни. В 1892 году эта группа женщин создала общину, посвященную Преображению Господню, а уже 22 октября 1897 г. указом Синода был образован Спасо-Преображенский женский монастырь. Игуменьей определили бывшую послушницу Ставропольского Иоанно-Марьинского женского монастыря Евдокию Макарову, которая была посвящена в монахини и стала настоятельницей Спасо-Преображенского монастыря. Располагался в 200 верстах от Ставрополя, и находился от Баталпашинска в 70 верстах.

К 1914 г. в обители имелось 3 храма: холодный каменный на горе Бурум-Сырт, построенный в X в. и возобновленный в 1897 г., с престолом во имя Преображения Господня; теплый смешанной постройки, одно-

престольный во имя св. Мученика Агафодора, построенный в 1903 г., в одной связки с 2-х этажным корпусом смешанной постройки для помещения настоятельницы и сестер; теплая деревянная трапезная во имя Апостола Андрея Первозванного. Ни чудотворных, ни чтимых икон в обители не имелось. Все храмы обители не требовали ремонта. Богослужения в них проводились по уставу православной церкви ежедневно, вечерня и утренья с вечера. Ризница и библиотека были небольших размеров и содержались в порядке.

Отдельно от храма были расположены две небольшие каменные колокольни, одна из которых была расположена на горе. Смешанной постройки двухэтажная гостиница. В церковно-приходской школе, построенной во им. Василия Георгиевича Красковского, обучалось до 25 мальчиков и девочек. Также был двухэтажный смешанной постройки корпус и 10 одноэтажных деревянных зданий для жилья священников и сестер, равно и других назначений. Также имелось 4 холодные постройки: амбар, конюшни и проч. Монастырю принадлежат 4 подворья в г. Баталпашинске, ст-це Невинномысской, ст-це Красногорской, и с. Георгие-Осетинском с жилыми постройками и службами при них.

В монастыре имелась больница на 7 кроватей, с медикаментами и услугами помощи сестер, состоящих при больнице. Медицинской помощью пользовались не только сестры обители, но и представители местного населения. Располагал монастырь иконно-книжной и бакалейной лавками, живописной мастерской и небольшим приспособлением для изготовления свечей на нужды обители. Вокруг монастыря ограды не было.

Земли в распоряжении обители было всего 427 дес. 300 саж. В Баталпашинском отделе имелось 400 дес. удобной земли для хлебопашества. Хозяйство монастыря велось хорошо. Основным источником средств были добродетельные пожертвования, а также получали доходы от занятия хлебопашеством, огородничеством и сенокосом. Все труды по означенным отраслям выполняются сестрами самостоятельно, поэтому хлеб и овощи для пропитания сестер не приобретались.

Управляла монастырем игуменья Раиса, в ведении которой на 1914 г. было: 26 мантийных монахинь, 39 указных послушниц, 179 послушниц на испытании, всего 244 души, кроме этого, 5 человек служило по найму. Согласно введенному общежительному уставу сестрам выдавали одежду и обувь. Питались они все вместе в общей трапезной, получали от монастыря чай и сахар. В своем заключении благочинный монастырей Ставропольской и Екатеринодарской епархии, настоятель Екатерино-Лебяжской пустыни игумен Дорофей отмечал, что в обители был установлен истинный дух монашества и спокойствия [10, л.18–20].

Историю образования Крестовоздвиженского женского монастыря г. Кизляра нельзя назвать стандартной для региона. Данный монастырь был одной из первой обителей на Северном Кавказе и долгое время находился в статусе мужского монастыря. В 60-х гг. XIX в. Фон-Вольфрам так описывал строение монастыря: «... судя по сохранившемуся плану, устройство монастыря было похоже больше на азиатское поселение, строения восточной архитектуры которого разбросаны были неправильной фигурой в разных местах» [28, с.25].

Епископ Владикавказский и Моздокский Гедеон 9 февраля 1908 г. обратился в Синод о преобразовании Кизлярского мужского монастыря в женский. Вскоре последовало одобрение принятого решения епископа

и монастырь был реорганизован в женскую обитель. Учреждалась она на условиях общежительного устава, а настоятельница пригласили одну из сестер керченского Георгиевского монастыря монахиню Нину. Под руководством игуменьи последовало восстановление некогда угасающего монастыря, насельницы которого возродили его авторитет в народе.

История других женских монастырей развивалась в контексте общероссийской традиции эволюции общины в православную женскую обитель. Учрежденный в 1904 г. Покровский женский монастырь находился в удалении от Ставрополя на 300 верст, а от Екатеринодара на 40, ближе всего он располагался к станице Пластуновской в 7 верстах. На 1914 г. в нем имелось два храма. Соборный был построен из кирпича в 1908 г. и имел пять престолов: в верхнем этаже располагался главный во имя Покрова Пресвятой Богородицы с двумя пределами во имя св. Архангела Гавриила и св. Апостола Иоанна Богослова; в нижнем этаже был устроен теплый престол с двумя пределами во имя св. Мученика Агафодора и св. Алексия Митрополита Московского. Поскольку храм был новой постройки, то он не требовал ремонта, кроме окраски наружных стен, которая на тот момент и производилась. Другой храм был построен в 1896 г. во имя Покрова Пресвятой Богородицы, он был теплым, деревянным, обложенный кирпичом, ремонта не требовал. Богослужения в монастыре проводились по уставу православной церкви, вечерня и утренья с вечера. Имелась ризница и библиотека небольших размеров, которые содержались в порядке. Ни чудотворных икон, ни чтимых икон в обители не имелось.

Отдельно от храма располагалась на каменных столбах небольшая колокольня. Для настоятельницы было построено деревянное одноэтажное с каменной пристройкой помещение, которое примыкало к деревянной Покровской церкви. Кроме этого, для жилья сестер и насельниц были построены 3 каменные двухэтажные и 3 турлучных одноэтажных здания, которые были под железной крышей. На территории монастыря располагалось 5 небольших деревянных амбаров для хлеба и провизии. Монастырь был обнесен каменной оградой, покрытой железом. В самой ограде были устроены две небольшие гостиницы для богомольцев. Имелся каменный дом для священника, небольшая деревянная лавка, скотный и экономический дворы, 4 небольших дома для помещения рабочих, стражника и кухни для рабочих, ветряная мельница и кирпичный завод. Экономии монастыря дополняли живописная, коверная и белошвейная мастерские. В церковно-приходской школе обучалось до 14 мальчиков и девочек из близлежащих селений.

Монастырю принадлежало 223 дес. 800 кв. сажени земли, расположенной на двух участках. Непосредственно под монастырем и рядом с ним 123 дес. 800 кв. сажени. Другой участок располагался вблизи станицы Батуринской в юрте Новокорсунской, размером в 100 дес., где имелся небольшой кирпичный храм и здание для помещения сестер.

Во главе монастыря была игуменья Рафаила, находящаяся по болезни в отпуске. В числе насельниц значилось: 20 мантийных монахинь, 22 указных послушниц, 93 временных послушниц, всего 135 душ. Монастырь принимал временно на сезонные работы 2 человека. Хозяйство монастыря велось, по мнению благочинного монастырей, очень хорошо. Главный источник средств обители заключается в хлебопашестве, садоводстве

и огородничестве. Все труды по ведению хозяйства исполняются сестрами самостоятельно. По общежительному уставу в обители они получали общую пищу в трапезной, и никто из них не высказывал своего недовольства или претензий [10, л.12–14об.].

Другим таким монастырем, прошедшим путь эволюции от женской общины, был Казанский Агафодоровский женский монастырь. Его история началась с того, что после получения разрешения от Ставропольской духовной консистории 29 мая 1909 г. 12 сестер приехали в с. Винодельное, Благодарненского уезда, Ставропольской губернии. На средства, пожертвованные епископом Агафодором, заключили сделку о приобретении в селе бывшего казенного винного склада. Из этих же средств была учреждена домовая церковь, под которую приспособили два уцелевших помещения главного большого сгоревшего корпуса. После окончания всех работ 7 сентября эта церковь была освящена в честь иконы Казанской Божьей матери, от чего и община стала именоваться Казанской. Сделав ремонт двухэтажного дома сестры, устроили для жилья 26 келий. Община быстро получила большую поддержку в среде местных жителей и на получаемые пожертвования в 1910 г. завершилось строительство больницы-приюта для нищих и калек, а также устроили небольшой навес для колокольни. Местное сельское общество своим приговором в 1910 г. пожертвовало проулок для постройки соборного храма, закладка которого состоялась 14 сентября 1913 г. [9, л.1–2].

После этого заведующая общиной монахиня с сестрами обратилась с прошением в Консисторию о переводе общины в женский общежительный монастырь с наименованием Казанско-Агафодоровским, с таким числом сестер, который он самостоятельно сможет содержать. В обращении к Синоду епископ отметил, что приобретения и пожертвования, сделанные им для общины, производились с разрешения императора, а сама община учреждалась в память его родителей, сельского причетника Флегонта Ивановича Преображенского и Евдокии Ивановны [9, л.3–4, 8].

Учреждение общины в с. Винодельном было связано с целью религиозного воздействия на местных жителей, а также на сектантов и раскольников, которых в окрестных селениях насчитывалось до 500 душ. На момент обращения в Синод в общине состояло около 80 человек, в их числе 3 монахини, 6 рясофорных послушниц и 61 проживали по документам на испытании. Хозяйство велось самостоятельно, и община существовала на местные средства. Капитал общины на 1913 г. билетами вечного вклада составлял 20 тыс. рублей, и по сберегательным книжкам 840 рублей [9, л.8–9].

Решением Синода от 19 августа 1914 г. Винодельническая община была преобразована в Казанский Агафодоровский женский монастырь. Данное событие было омрачено одной досадной ошибкой, Синодом не была утверждена в должности настоятельница. В поданном снова рапорте указали, что монахиня Раиса, в возрасте 50 лет, до назначения в общину была благочинной Ставропольского Иоанно-Марийского женского монастыря. В должности заведующей общины состояла с 20 августа 1911 г., в которой «проявила себя как способная руководить жизнью насельниц общины». Последовавшим указом Синода от 14 октября 1914 года она была утверждена в должности настоятельницы нового женского монастыря епархии [9, л.10–11, 13–14].

Каждая из указанных и описанных выше обителей

имела свою историю основания, и внесла свой вклад в развитие социокультурного пространства Северного Кавказа. В каждой из них были свои трудности и испытания, наложившие отпечаток на её авторитет в среде паломников и жителей региона. По времени основания, своему ведомственному статусу, в деле укрепления православия и чистоты веры в среде казачьего населения Черноморского (Кубанского) казачьего войска выделялась Черноморская Марие-Магдалинская женская пустынь.

Поскольку этот монастырь стал первой женской обителью на Северном Кавказе, учрежденной в XIX в., то его история не была простой с момента основания. Современному человеку трудно себе представить всю массу энергии, затраченную Г.А. Рашпилом на такое широкое по замыслам и блестящее по исполнению начинание, как основание и устройство Мариинской женской обители в Черноморском войске в самый разгар затяжного Кавказского конфликта первой половины XIX века. Всю сложность предшествовавшей этому делу переписки с военным и казачьим руководством, представителями духовной власти и другими учредителями.

Все началось с обращения 22 июля 1846 г. на имя временно-командующего войсками на Кавказской линии и Черномории, генерал-лейтенанта Н.С. Заводовского, в котором он обосновывал свое ходатайство тем, что полагал учреждение женской обители должно было способствовать усердию народа к религии. Обитель могла давать средства беспомощным старицам и вдовам, испытывавшим в жизни невозвратные утраты, обрести утешение в молитвах. При отсутствии в войске женских учебных заведений, как общественных, так и частных, женская обитель должна была служить местом воспитания девушек [15, с.38–40]. Обратиться непосредственно к командующему его подвигли некоторые из черноморских казачек, посвятивших себя иноческой жизни в разных монастырях России. В числе их были монахини Ладинского монастыря Митрофания и Филарета.

Помимо материальных затруднений возникали сложности административного характера со стороны духовного ведомства. Но в своем отзыве епископ Иеремия снял ряд возникающих вопросов по организации обители со стороны действующего законодательства. По решению правительства штат обители мог быть перенесён из любой обители, которая где-либо во внутренних епархиях могла быть закрыта. Поскольку это трудно было себе представить на фоне нарастающей силы женского подвижничества, епископ предлагал принять во внимание, что учреждение Черноморской обители отнести на восстановление второклассного Успенского женского монастыря. В условиях отсутствия на тот момент учреждений для воспитания бедных девиц и сирот войскового духовенства, обитель могла стать таковой для них. Участие преосвященного в деле учреждения пустыни может характеризовать отрывок из письма монахини Митрофании: «... принимает истинное архипастырское живейшее участие в новоучреждаемой святой обители, и все для неё делает с каким-то особенным святым восторгом» [1, л.137–137об.].

В своем заключении Николай Степанович выстроил основные принципы организации монастыря: сооружение обители во всех её частях не должно возлагаться только на счёт Войсковых сумм; обеспечение содержания обители необходимо предоставить благотворительным пожертвованиям и церковным доходам, хозяйству самой обители и келейным трудам инокинь; особого

учебно-воспитательного заведения, для предполагаемого в обители воспитания детей, не учреждать и особую штата не содержать, а передать данное дело на попечение инокинь; организацию при обители богадельни, по отсутствию возможности содержания её монастырем, предлагалось также отложить до того времени, когда обитель сможет сама её обеспечивать [22, с.146–150]. Инициатива генерала Рашпиля была поддержана относительно штата устраиваемой общежительной обители: игуменья, казначея, 9 монахинь и причт, с определением ежегодного жалованья от Войска, в сумме 470 руб. сер. на 30 человек, а также список 14 монашествующих черноморских казачек по разным женским монастырям из соседних регионов [18, с.723–730].

На отведенной Войском земле, после последовавшего указа Синода от 11 декабря 1848 г., были возведены временные постройки, в которых разместились первые члены образованного монастыря. Учрежденной женской пустыни была присвоена степень второклассного монастыря и установлен штат в 22 служителя. Особо отмечалось, что во всех вопросах обитель состоит в непосредственном руководстве духовных властей епархии на общих правилах [25]. Войско не брало на себя обязательств по возведению зданий обители и ризницы, на эти нужды обращались исключительно кошелевые средства, собранные пожертвования и свечная прибыль [11, л.5–5об.].

Монастырь не получил ожидаемого возврата покинувших Северный Кавказ женщин, посвятивших себя служению в других монастырях империи. Можно выдвигать различные предположения по этому поводу, начиная от того, что они опасались тягот его обустройства или просто не верили в возможность устройства монастыря в чистом поле. Но согласно данным Войскового правления на 1862 год, в монастыре проживало до 200 девушек и женщин, в том числе 40 девиц, которых учили многим видам женских рукоделий и духовно-нравственному просвещению [19, с.786–790].

Посетив монастырь 1 июля 1914 г., благочинный игумен Дорофей отмечал, что в монастыре расположено 3 храма. Соборный, кирпичный, холодный, был построен в 1883 г. во имя Вознесения Господня, с двумя пределами: один честь св. Архистратига Михаила, другой св. Димитрия Ростовского Чудотворца. При нем была расположена кирпичная колокольня. На момент приезда благочинного шли работы по побелке стен, покраски крыши и полов. При настоятельском помещении была устроена теплая церковь, низ которой был кирпичный, а верх деревянный, построенной в 1893 г. во им. Св. Равноапостольной Марии-Магдалины. Рядом с ней была устроена каменная колокольня, храм и колокольня ремонта не требовала. Построенный в 1849 г. деревянный холодный храм во им. Покрова Пресвятой Богородицы по ветхости был им предназначен к сносу. Чудотворных и чтимых икон в обители не имелось. Богослужения в церкви монастыря проводились по уставу православной церкви, ежедневно, вечерня с вечера, а утреня утром в 4 часа.

В ограде монастыря располагались сделанные к этому времени здания: каменный одноэтажный настоятельский корпус; большой каменный двухэтажный корпус, в нижнем этаже которого были устроены монастырская трапезная и кухня; каменное двухэтажное здание для больницы на 15 кроватей; для помещения сестер обители были устроены 4 каменных и 7 турлучных одноэтажных зданий, крытых железом, рассчитанных на 153

кельи. Ризница и библиотека располагали необходимым и установленным количеством предметов и книг, содержались в порядке. При церковно-приходской школе обучалось до 43 девочек и мальчиков из окружающих поселений. На территории монастыря действовал детский приют на 20 девочек.

Вне ограды обители были построены 4 каменных и 6 турпучных крытых железом дома. В них проживали 2 священника и 1 дьякон, а также и приходящие богомольцы. Устроены скотный и экономические дворы, кирпичный завод и 3 ветряные мельницы. В г. Екатеринодаре имелся большой двухэтажный каменный дом, который сдавался в аренду. Имелись монастырские иконописная, белошвейная, коверная, малярная и кровельная мастерские. Монастырь со всех сторон был обнесен каменной оградой.

У пустыни в собственности находилось 843 дес. земли, из которых 500 дес. обрабатывалось силами самого монастыря, а 343 сдавались в аренду. Хозяйство пустыни велось образцово, поскольку при осмотре в нем было: 4 выездные лошади, 12 лошадей рабочих, 6 гулевых, 5 жеребят, 22 пары рабочих волов, 35 дойных коров, 3 бугая, 47 гулящего скота, 35 телят, 130 овец и коз, 40 свиней, 30 поросят, 8 тыс. пуд. пшеницы, 200 ячменя и 300 овса.

Основу доходов пустыни составляли добровольные пожертвования. Существенным подспорьем являлось хлебопашество и другие отрасли сельского хозяйства, помимо этого неплохой доход получали от продажи излишнего скота. Имелись две торговые лавки, иконо-книжная и бакалейная, свой свечной завод для выделки восковых свеч на потребности монастыря, амбар для ссыпки хлеба и провизии. Работы по ведению хозяйства, уход за огородом и садом исполнялись сестрами обители.

Во главе монастыря на 1 июля 1914 г. находилась игуменья Прискилла, в ведении которой были: 1 игуменья на покое, 5 схимонахинь, 105 мантейных монахинь, 57 указных послушниц, 153 рясофорных послушниц, и 210 проживающих на испытании, всего – 531 человек. При монастыре проживало по найму 17 человек. Сестры пустыни питались все вместе в общей трапезной, им выдавался чай и сахар, а живущим на экономии – верхняя одежда и обувь. Все монахини и послушницы, *за исключением некоторых не желающих по гордости подчиняться власти (курсив наш – Н.П.)*, находились в полном повиновении к настоятельнице, относились к ней с любовью и почитанием [10, л.22–24об.].

Обращаясь к вопросу взаимоотношений между настоятельницами женских монастырей и их насельницами, то нужно отметить, что они не всегда были равными основанными на строгом подчинении их воле. Управляли настоятельницы монастырями единолично, исходя из чего все труды по управлению обителью находились на одних настоятельницах с небольшой только помощью со стороны казначей и благочинных. Авторитарный стиль управления иногда допускал неправильные действия и распоряжения, исходя из чего и все недовольства и обвинения со стороны монашествующих, начальников и общества, падали на одних только настоятельниц.

Наблюдая нарастание конфликтности в монастырях Синод своим определением в 1892 г. пересмотрел установленные правила, как совершенно несогласные с требованиями закона. По новым разработанным нормам заведывание всей хозяйственной частью в мужских

монастырях вверялось настоятелю при участии старшей братии, а в женских – настоятельнице, при участии старших сестер. Впервые данная норма была применена на Северном Кавказе при избрании настоятельницы Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря монахини Аполлинарии после смерти в 1896 г. её предшественницы игуменьи Феофилы. Епископом было сделано распоряжение, чтобы при предстоящем избрании в указанном монастыре настоятельницы были избраны и члены монастырского совета в количестве не менее 6 старших сестер, кроме настоятельницы, казначей и благочинной, для общего предварительного обсуждения и разрешения монастырских дел [8, л.4]. Данное правило в дальнейшем применялось всегда при избрании настоятельниц и настоятелей в монастырях епархии, но при организации в управлении обителями оно не всегда соблюдалось и конфликты на рубеже веков с насельницами порой имели острый и непримиримый характер.

Обращаясь к стилю управления, принятому в монастырях Северного Кавказа необходимо рассмотреть социальный статус их настоятелей до утверждения в должности. На конец 60-х гг. XIX века на территории Кавказской епархии располагалось два мужских и два женских монастыря. Настоятель старейшего Кизлярского Крестовоздвиженского мужского монастыря архимандрит Антоний (Соловьев) происходил из духовного звания (родился в семье дьякона) [2, л.4], а Черноморской Екатерино-Лебяжьей Николаевской пустыни архимандрит Доримедон (Сичкарев) был уроженцем Черниговской епархии, также из духовного звания (родился в семье дьячка) [23, с.174]. В это же время настоятельницей Ставропольского Иоанно-Мариинского монастыря была игуменья Серафима, происходящая из купеческого сословия [2, л.53], а игуменья Черноморского Марие-Магдалинского женского монастыря Митрофания, происходила из дворянского сословия [2, л.94].

Сравнивая социальный статус и происхождение настоятелей и настоятельниц монастырей Северного Кавказа, то нужно отметить факт того, что в основной массе настоятельницами женских были до начала XX века представительницы из дворянского и купеческого сословия. В мужских обителях, на протяжении всей истории их существования, было принято назначать только выходцев из духовного сословия. Мужские монастыри были во многом схожими с женскими обителями по укладу жизни, но характерная для них традиция иноческого духовного подвижничества, отречение от земной и мирской жизни, ориентировала их уклад на более затворнический образ жизни. Женские обители были больше связаны с миром, к тому же роль дворянского и купеческого сословия была значительна в жизни региона.

Если проследить в динамике смену настоятельниц, то нужно отметить, что к концу века во всех женских монастырях их сменяют представительницы крестьянства и казачества. Немного эта тенденция в регионе изменилась в начале XX в., но эти процессы проходили в общероссийской формации. Так, анализируя данный вопрос на 1906 г. П.Н. Зырянов отмечает преобладание настоятельниц из крестьянства в обителях страны: на 310 женских монастырей в 100 из них они принадлежали к крестьянскому сословию; 200 управляли выходцы из духовного, дворянского, мещанского и купеческого сословия; и на остаток в 10 обителей приходились представительницы казачества, однодворцев

и др. [16, с.163]. Потеря контроля над женскими монастырями, созданными при поддержке казачьего войскового капитала, неизбежно вела к конфликтности в среде насельниц, отстаивающих свои права в управлении обителями. Дворянки, потеряв свое статусное привилегированное положение, не покидали стен обителей и не растворились в числе остальных сестер. Они занимали должности казначей, благочинных и ризничих, входили в совет старших сестер при настоятельницах. Их жизненный опыт и знания продолжали служить на пользу тех монастырей, с которыми они связывали свою жизнь. Не оставляя надежды вернуть права на управление обителями нередко создавали трудности и вносили разлад в повседневную монастырскую жизнь.

Результаты. Развитие православного женского подвижничества на Северном Кавказе проходило в соответствии с общероссийской тенденцией, а в некоторых его аспектах, имело опережающий характер. Большинство женских монастырей возникли на базе женских общин, и только небольшая их часть по инициативе властей региона. Изначально принятый в них общежительный

устав усиливал монастырскую самозамкнутость и отречение от мирского влияния. Особое влияние это имело на воспитание смирения, которое было важнее суровой аскезы, освобождало монашествующих от земных попечений, давало больше времени для служения. Буржуазные реформы середины XIX в. привели к масштабной модернизации многих сторон общественной жизни. Северный Кавказ не остался в стороне от данных процессов, и как следствие, рост числа насельниц женских монастырей в стране нашел свое выражение в появлении ряда женских общин и обителей в регионе.

Доминирование представительниц крестьянского сословия к концу века привел к трансформации традиционного уклада управления монастырями. Несмотря на все внутренние противоречия женские обители в начале XX века имели отлаженную монастырскую экономику, позволяющую реализовывать социальное служение обществу и государству, дающую возможность развития храмового строительства в них и обеспечивающую содержание нескольких сотен монашествующих и послушниц в отдельной обители.

Литература

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2869.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 26. Д. 796.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 195.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 51.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 877.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 14. Д. 13.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 28. Д. 558.
8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 54. Д. 307.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1032.
10. ГАСК. Ф. 135. Оп. 72. Д. 907.
11. ГАСК. Ф. 135. Оп. 8. Д. 268.
12. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 134.
13. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 83.
14. Герман Р. Э., Лукьянов Г. И., Малявина Г. И., Миронова Е. Н., Немашкалов П. Г. Проблемы организации миссионерской деятельности Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2022. № 3–2. С. 70–76.
15. Гончаров В. Н., Колосова О. Ю., Немашкалов П. Г. Культурно-исторические факторы в становлении модели российского образования в XIX веке // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. №1 (33). С. 38–44.
16. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века. М., 2002. 319 с.
17. Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России (XIX – середина XX в.). М.: Алексеевская пустынь, 2010. 637 с.
18. Крыжановский П. Н. Исторический очерк Черноморской женской во имя Марии Магдалины иноческой за 50 лет существования пустыни с 21 сентября 1849 по 21 сентября 1899 гг. // Ставропольские епархиальные ведомости. 16 июня 1902. № 12.
19. Крыжановский П. Н. Исторический очерк Черноморской женской во имя Марии Магдалины иноческой за 50 лет существования пустыни с 21 сентября 1849 по 21 сентября 1899 гг. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1 июля 1902. № 13.
20. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем / сост. и изд. В. В. Зверинский. Ч.1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей с 1764–1895 по 1 июля 1890 год. СПб.: б.и., 1890. 294 с.
21. Молитвенницы Кавказа: История Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря. Православные святыни Кавказа: Кн. 2. Ставрополь: б.и., 2005. 54 с.
22. Немашкалов П. Г. Вклад первой игуменьи Митрофании в становление Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни // Исследовательские поля и контексты новой локальной истории: от локуса до цивилизации (к юбилею профессора Т.А. Булыгиной): Сборник научных работ / под ред. И. В. Крючкова, К. Р. Амбарцумян, М. Е. Колесниковой. Ставрополь: СКФУ, 2022. С. 144–152.
23. Немашкалов П. Г. Развитие Черноморской Екатерино-лебяжьей Николаевской пустыни и Войсковое казачье управление // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (120). С. 171–175.
24. Немашкалов П. Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.): дисс. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2020. 555 с.
25. О учреждении в Черноморском казачьем войске женской обители во имя Святой Марины Магдалины (11 декабря 1848 г.) // ПСЗРИ (1825–1881). Т. 23. № 22812.
26. Польский Л. Н. Очерки по истории Кавказской епархии (к 130-летию основания). Ставрополь: Изд-во Ставропольской духовной семинарии, 2018. 142 с.
27. Сентинский храм: аланский памятник над Военно-Сухумской дорогой URL: etokavkaz.ru/istoriya/sentinskii-khram-alanskii-ratuyatnik-nad-voenno-sukhumskoi-dorogoi (Дата обращения: 06.06.2024).
28. Фон-Вольфрам Ф. Х. Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь // Сборник Статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Ставрополь, 1868. С. 25.

References

1. State Archive of the Krasnodar Territory. F. 249. Inv. 1. D. 2869.
2. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 135. Inv. 26. D. 796.
3. GASK. F. 135. Inv. 7. D. 195.
4. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 51.
5. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 877.
6. GASK. F. 135. Inv. 14. D. 13.
7. GASK. F. 135. Inv. 28. D. 558.
8. GASK. F. 135. Inv. 54. D. 307.
9. GASK. F. 135. Inv. 71. D. 1032.
10. GASK. F. 135. Inv. 72. D. 907.
11. GASK. F. 135. Inv. 8. D. 268.
12. GASK. F. 361. Inv. 1. D. 134.
13. GASK. F. 361. Inv. 1. D. 83.
14. German RE, Lukyanov GI, Malyavina GI, Mironova EN, Nemashkalov PG. Problems of organizing missionary activity of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus in the first half of the 19th century. *Voprosy istorii*. 2022;3-2:70-76. (In Russ.).
15. Goncharov VN, Kolosova OYu, Nemashkalov PG. Cultural and historical factors in the formation of the Russian education model in the 19th century. *Nauchnii almanac stran Prichernomoria*. 2023;1(33):38-44. (In Russ.).
16. Zyryanov PN. Russian monasteries and monasticism in the 19th – early 20th centuries. Moscow, 2002. 319 p. (In Russ.).
17. Kirichenko OV. Women's Orthodox Asceticism in Russia (19th – mid-20th century). Moscow: Alekseevskaya Pustyn, 2010. 637 p. (In Russ.).
18. Kryzhanovsky PN. Historical essay on the Black Sea Convent in the name of Mary Magdalene the Monastic for 50 years of the hermitage's existence from September 21, 1849 to September 21, 1899. *Stavropolskie eparhialnye vedomosti*. 1902. June 16. No. 12. (In Russ.).
19. Kryzhanovsky PN. Historical essay on the Black Sea Convent in the name of Mary Magdalene the Monastic for 50 years of the hermitage's existence from September 21, 1849 to September 21, 1899. *Stavropolskie eparhialnye vedomosti*. 1902. July 1. No. 13. (In Russ.).
20. Material for historical and topographic research on Orthodox monasteries in the Russian Empire with a bibliographic index / compiled and published by VV Zverinsky. Part 1: Transformation of old and establishment of new monasteries from 1764-1895 to July 1, 1890. St. Petersburg, 1890. 294 p. (In Russ.).
21. Prayer Books of the Caucasus: History of the Stavropol John-Mariinsky Convent. Orthodox Shrines of the Caucasus: Book 2. Stavropol, 2005. 54 p. (In Russ.).
22. Nemashkalov PG. The Contribution of the First Abbess Mitrofanina to the Establishment of the Black Sea Mary Magdalene Convent in Research Fields and Contexts of New Local History: From Locus to Civilization (for the Anniversary of Professor TA Bulygina): Collection of Scientific Papers / ed. IV Kryuchkova, KR Ambartsumyan, ME Kolesnikova. Stavropol: NFCU, 2022. P. 144-152. (In Russ.).
23. Nemashkalov PG. Development of the Black Sea Ekaterino-Slebyazhye Nikolaevskaya Hermitage and the Cossack Military Administration. *Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017;7(120):171-175. (In Russ.).
24. Nemashkalov PG. Formation and functioning of the diocesan governance system of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus (late 18th – 60s of the 19th centuries): thesis. Stavropol, 2020. 555 p. (In Russ.).
25. On the establishment of a convent in the Black Sea Cossack army in the name of St. Marina Magdalene (December 11, 1848) in Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1825-1881). Vol. 23. No. 22812. (In Russ.).
26. Polsky LN. Essays on the history of the Caucasian diocese (for the 130th anniversary of its foundation). Stavropol: Publishing house of the Stavropol Theological Seminary, 2018. 142 p. (In Russ.).
27. Sentinsky temple: an Alanian monument over the Military-Sukhum road. URL: etokavkaz.ru/istoriya/sentinskii-khram-alanskii-pamyatnik-nad-voenno-sukhumskoj-dorogoi (Accessed: 06.06.2024). (In Russ.).
28. Von-Wolfram FH. Kizlyar Holy Cross Monastery in Collection of Statistical Information on the Stavropol Province. Stavropol, 1868. Issue 1. P. 25. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(470.6)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.8>

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Андрей Анатольевич Панарин^{1*}, Елена Владимировна Панарина²

¹ Армавирский государственный педагогический университет (д. 159, ул. Розы Люксембург, Армавир, 352901, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор
panarin.arm@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9036-2623>

² Армавирский государственный педагогический университет (д. 159, ул. Розы Люксембург, Армавир, 352901, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент
panarina.ist@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3108-9792>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Актуальность темы связана с важной ролью жилищно-коммунального хозяйства в жизни общества и возможностью использования советского опыта развития ЖКХ в целях совершенствования его организации в современной России. Новизна исследования связана с изучением недостаточно раскрытой в исторической литературе проблемы, не получившей полноценного освещения на материалах Северного Кавказа. Целью исследования является анализ решения проблем ЖКХ на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. **Материалы и методы.** При подготовке исследования были использованы принципы объективности, историзма и системного подхода, а также специально-исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и статистический. **Анализ.** К началу 1940-х гг. в сфере ЖКХ были достигнуты определенные успехи, однако существовали и серьезные проблемы. В условиях войны эта неблагоприятная ситуация многократно ухудшилась. В такой тяжелой обстановке на Северном Кавказе происходила перестройка на военный лад в работе всех служб и учреждений ЖКХ. Она осложнялась существенным сокращением материальной базы и кадрового состава. Несмотря на это, местные органы осуществляли комплекс мер, направленных на предотвращение последствий вражеских обстрелов и бомбардировок, а также жизнеобеспечение населения. Военные действия летом 1942 г. и последующая оккупация врагом значительной части территории Северного Кавказа привела к огромным разрушениям жилых зданий и других объектов ЖКХ. В результате восстановления ЖКХ удалось ввести в эксплуатацию часть жилого фонда, орга-

низовать водоснабжение и электроснабжение, обеспечить работу почты и радиовещание, осуществить ремонт дорог и другие меры по благоустройству населенных пунктов Северного Кавказа. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что существовавшие на Северном Кавказе в довоенный период проблемы в развитии ЖКХ многократно возросли в условиях военного времени, прежде всего, вследствие разрушительных действий врага. Восстановление ЖКХ происходило путем использования выделяемых органами власти средств и активного привлечения населения к благоустройству населенных пунктов. Применение указанного комплекса мер позволило к моменту завершения войны ослабить жилищный кризис и обеспечить часть жителей коммунальными услугами.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, местные органы, население, оккупация, восстановление, Северный Кавказ, Великая Отечественная война

Для цитирования: Панарин А. А., Панарина Е. В. Решение проблем жилищно-коммунального хозяйства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 238–244. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.8>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 16.03.2025.

Статья принята к публикации: 16.05.2025.

Research article

SOLVING THE PROBLEMS OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Andrey A. Panarin^{1*}, Elena V. Panarina²

¹ Armavir State Pedagogical University (159, Rosa Luxemburg St., Armavir, 352901, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
panarin.arm@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9036-2623>

² Armavir State Pedagogical University (159, Rosa Luxemburg St., Armavir, 352901, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
panarina.ist@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3108-9792>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The relevance of the topic is related to the important role of housing and communal services in the life of society and the possibility of using the Soviet experience in the development of housing and communal services in order to improve its organization in modern Russia. The novelty of the research is related to the study of an insufficiently disclosed problem in the historical literature, which has not received full coverage in the materials of the North Caucasus. The purpose of the study is to analyze the solution of housing and communal services problems in the North Caucasus during the Great

Patriotic War. **Materials and methods.** The principles of objectivity, historicism and a systematic approach were used in the preparation of the study, as well as special historical methods: historical-genetic, historical-comparative and statistical. **Analysis.** By the early 1940s, some progress had been made in the housing and communal services sector, but there were also serious problems. During the war, this unfavorable situation has worsened many times. In such a difficult situation in the North Caucasus, there was a military restructuring in the work of all services and institutions of housing and communal services. It

© Панарин А. А., Панарина Е. В., 2025

was complicated by a significant reduction in the material base and personnel. Despite this, local authorities implemented a set of measures aimed at preventing the consequences of enemy shelling and bombing, as well as providing life support to the population. The military actions in the summer of 1942 and the subsequent occupation by the enemy of a significant part of the territory of the North Caucasus led to huge destruction of residential buildings and other housing and communal services. As a result of the restoration of housing and communal services, it was possible to put into operation part of the housing stock, organize water and electricity supply, ensure the operation of mail and radio broadcasting, repair roads and other measures to improve settlements in the North Caucasus. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that the problems in the development of housing and communal services in the North Caucasus in the pre-war period increased many times during wartime, primarily due to the destructive actions of the enemy. The restoration of housing and communal services took place through the use of funds allocated by the authorities and

the active involvement of the population in the improvement of settlements. The application of this set of measures made it possible to ease the housing crisis by the time the war ended and provide some residents with public utilities.

Keywords: housing and communal services, local authorities, population, occupation, reconstruction, North Caucasus, Great Patriotic War

For citation: Panarin AA, Panarina EV. Solving the problems of housing and communal services in the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 238-244. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.8>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 24.11.2024.

The article was approved after reviewing: 16.03.2025.

The article was accepted for publication: 16.05.2025.

Введение. Актуальность темы связана с важной ролью жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в жизни общества. От эффективности функционирования ЖКХ зависит уровень жизнеобеспечения населения и соответственно состояние здоровья людей, создание комфортной среды проживания и решение многих повседневных проблем. В Российской Федерации в развитии ЖКХ достигнуты заметные успехи, однако существует еще немало недостатков, в преодолении которых может быть полезным обращение к советскому опыту. Период Великой Отечественной войны вызывает особый интерес ввиду того, что в это тяжелейшее время советская система ЖКХ в целом показала свою способность решать возложенные на неё задачи. Между тем, в обширной историографии Великой Отечественной войны проблемам ЖКХ не уделяется большого внимания. Отдельные аспекты функционирования ЖКХ раскрываются в основном в контексте рассмотрения деятельности советского тыла. По данной теме опубликован также ряд статей, подготовленных на материалах отдельных регионов. К ним относятся статьи А.Ш. Кабировой, А.И. Тетуева и других авторов [8; 21]. Новизна исследования связана с изучением недостаточно раскрытой в исторической литературе проблемы, не получившей полноценного освещения на материалах Северного Кавказа. Целью исследования является анализ решения проблем ЖКХ на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. На основе применения принципа объективности были учтены различные точки зрения по проблеме деятельности ЖКХ в годы войны и сведения, представленные в опубликованных и архивных материалах. Принцип историзма позволил рассмотреть поставленную проблему с учетом конкретно-исторической обстановки военного времени. Использование системного подхода способствовало определению места ЖКХ в структуре экономики и социальной сфере советского общества. При подготовке исследования нашли применение специально-исторические методы. Историко-генетический метод позволил определить характер и принципы функционирования ЖКХ в условиях войны. Использование историко-сравнительного метода помогло сопоставить результаты деятельности ЖКХ на Северном Кавказе в довоенный, дооккупационный и послеоккупационный периоды. Статистический метод дал возможность определить количественные показатели деятельности ЖКХ на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны.

Анализ. Жилищно-коммунальное хозяйство в условиях советской власти представляло собой сложную социально-экономическую систему, основным предназначением которой являлось обеспечения населения необходимыми ресурсами. Структура ЖКХ сформировалась в довоенный период и включала: жилой комплекс, водоснабжение, электроснабжение и канализацию, радио и связь, банно-прачечное хозяйство и парикмахерские, городской пассажирский транспорт, благоустройство улиц и озеленение. В начале 1940-х гг. в этих сферах были достигнуты определенные успехи, однако существовали и серьезные проблемы, препятствующие созданию нормальных условий для жизнеобеспечения населения.

В большинстве районов Северного Кавказа это проявлялось особенно сильно, ввиду несоответствия темпов развития ЖКХ и численного роста населения. Например, в г. Краснодаре летом было затруднено водоснабжение многих районов. В плохом состоянии была значительная часть дорожного покрытия: из общей его площади в 5200 тыс. кв. м. было замощено только 718 тыс. кв. м. [9, с. 508]. Практически во всех городах Северного Кавказа крайне острым был жилищный вопрос, который усугублялся изношенностью старого жилого фонда и почти полным отсутствием государственного строительства нового жилья.

В сельских районах региона ситуация с наличием жилья была также напряженной. Большинство домов здесь было построено из местных природных строительных материалов. Изучающий эту проблему О.С. Субботин акцентирует внимание «на таком эффективном стеновом материале, традиционном для юга, как саман – наиболее древний строительный материал, насчитывающим тысячелетия своего применения» [20, с. 6]. Преобладающие на Северном Кавказе саманные постройки были в основном небольшого размера, их жилая площадь не позволяла проживать большому количеству людей. Кроме того, в большинстве сельских населенных пунктов отсутствовали элементарные коммунальные удобства, включая водопровод, канализацию, а в некоторых из них даже электричество.

В условиях войны эта неблагоприятная ситуация в сфере ЖКХ многократно ухудшилась. В первые месяцы войны ряд городов Северного Кавказа подверглись массированным бомбардировкам, в результате которых были разрушены многие дома, был поврежден водопровод и другие коммуникации. Больше всего в это

время пострадала Ростовская область, подвергшаяся в октябре нападению врага, который удерживал часть ее территории до конца ноября 1941 г. Так, кратковременная оккупация г. Ростова н/Д с 21 по 29 ноября привела к значительным разрушениям в городе жилых зданий и других объектов ЖКХ.

В такой тяжелой обстановке происходила перестройка на военный лад в работе всех служб и учреждений ЖКХ. Она осложнялась существенным сокращением материальной базы и кадрового состава. В действующую армию было направлено большинство принадлежавших службам ЖКХ автомашин и лошадей, многие работники были мобилизованы на фронт. Несмотря на тяжелые условия, местные органы осуществляли комплекс мер, направленных на предотвращение последствий вражеских обстрелов и бомбардировок, а также жизнеобеспечение населения.

Так, в г. Ростове н/Д уже в первый месяц войны был создан аварийно-восстановительный отряд в составе 10 рот и отдельного подрывного взвода, работники которого занимались восстановлением жилых домов, больниц, школ, водопровода и других объектов, пострадавших от действий противника [24, л. 2–3]. В то же время, организация противовоздушной обороны предусматривала активное привлечение населения и создание групп самозащиты, участники которых во время вражеских налетов должны были проверять наличие в домах светомаскировки и тушить на крышах так называемые «зажигалки», которые сбрасывали немецкие самолеты.

Серьезное внимание в условиях войны уделялось функционированию почты и связи, которые переводились на сверхурочный график работы. Усиливался государственный контроль за радиовещанием, при этом не допускалось использование населением личных радиоприемников. 25 июня 1941 г. СНК СССР издал постановление «О сдаче населением радиоприемных и радиопередающих устройств» в целях недопущения их использования вражескими элементами. В то же время, в соответствии с постановлением разрешалось «учреждениям, предприятиям, радиоузлам, клубам, Ленинским уголкам и другим общественным организациям использование радиоприемных установок исключительно для коллективного слушания радиопередач в строго определенные часы» [10].

В городах Северного Кавказа коллективное радиовещание было налажено хорошо, что способствовало регулярному информированию населения о событиях на фронте и в тылу. В сельской местности, особенно в небольших населенных пунктах, решение этого вопроса сталкивалось с такими проблемами, как отсутствие радиосвязи и репродукторов. Так, указанные причины повлияли на то, что в сельских районах Северной Осетии радиофикация осуществлялась лишь на 34% [15].

С учетом отдаленности большинства районов Северного Кавказа от театра боевых действий, местные службы ЖКХ в течение первого года войны смогли в целом обеспечить население водоснабжением и электроснабжением. Несмотря на возникшие перебои в предоставлении этих коммунальных услуг, критические ситуации возникали достаточно редко. Например, в кубанских городах Краснодар, Армавир, Сочи, Новороссийск и Майкоп в период с января по апрель 1942 г. было подано в сеть 6293 тыс. куб. м. воды, что составило 103% к годовому плану [1, л. 43].

В то же время, банно-прачечное хозяйство зачастую не справлялось с повышенной нагрузкой, вызванной

необходимостью выполнять военные заказы по стирке обмундирования военнослужащих. Так, за весь 1941 г. в Новороссийске было пропущено 51,3 т белья, а за 3 месяца 1942 г. – 3,6 т. Исходя из средних показателей за аналогичный период 1941 г. это составляло 12,8 т, т.е. произошло снижение более чем в три раза. В г. Краснодаре план работы банно-прачечного треста в 1941 г. был выполнен только на 76% [11, с. 129].

После начала войны происходило постоянное увеличение нагрузки на существующий в городах Северного Кавказа жилой фонд. Это было связано, с одной стороны, с его сокращением, ввиду уничтожения части зданий вражеской авиацией, с другой стороны, прибытием в регион большого количества эвакуированного населения. Последнее размещалось как в различных помещениях общественного назначения (общежития, школы, гостиницы), так и в порядке уплотнения в квартиры и частные дома местных жителей. В результате произошло резкое сокращение жилой площади в среднем на человека.

Так, в феврале 1942 г. в г. Нальчике в процессе распределения эвакуированных из Ленинграда граждан было проведено уплотнение квартир, при этом разрешалось снижать действующую в городе норму жилплощади 9 кв. м. на человека до 5 кв. м. [7, с. 436 – 437]. Осенью 1942 г. в условиях военного положения на территории Северо-Осетинской АССР руководство республики приняло решение о распространении нормы жилой площади на человека до 6 кв. м. на сельские районы [14, с. 180]. Такая ситуация была характерна для всех тыловых районов страны, куда прибывало большое количество эвакуированных граждан. Например, Казанский горисполком в ноябре 1941 г. принял решение, по которому уплотнению подлежали все квартиры из расчета 2,5 – 3 кв. м на человека [8, с. 160]. Скученность проживающих в различных помещениях людей приводила к серьезным нарушениям санитарно-гигиенических норм и ухудшению эпидемической обстановки.

В зимнее время дополнительные проблемы создавала острая нехватка топлива. Объемы выделяемых для отопления дров, угля и других видов топлива не соответствовали потребностям населения, которое в большинстве своем проживало в плохо отапливаемых помещениях. Это влекло за собой рост простудных и других заболеваний. Наиболее неблагоприятная ситуация с обеспечением элементарного благоустройства складывалась в общежитиях. Например, в январе 1942 г. в общежитии ремесленного училища г. Краснодара температура в спальнях опустилась ниже нуля. Поэтому дети спали не раздеваясь, укрываясь шинелями и матрацами. Холод и отсутствие горячей воды привели к тому, что у некоторых учащихся появились вши, имели место чесоточные заболевания [13, л. 7].

В целом, в начальный период войны ситуация с жизнеобеспечением населения Северного Кавказа постоянно ухудшалась, что было связано с преимущественным использованием имеющихся средств для нужд фронта, ущербом наносимым ЖКХ вражескими бомбардировками, притоком в регион большого количества эвакуированных граждан, а также снижением возможностей служб и учреждений ЖКХ к выполнению возложенных на них обязанностей, ввиду ограниченности материальных и кадровых ресурсов.

Летом 1942 г. значительная часть территории Северного Кавказа была захвачена врагом, после чего последовала оккупация, которая для большинства районов

длилась около полугода. При отступлении немецко-фашистские захватчики целенаправленно уничтожали многие объекты ЖКХ: взрывали жилые и общественные здания, приводили в негодность водопровод и электростанции. Например, корреспондент В.А. Закруткин, посетивший после освобождения г. Пятигорск, вспоминал: «Гестаповцы взорвали и подожгли десятки предприятий и лучших городских домов. Они уничтожили знаменитый бальнеологический институт, почту, Дом Красной Армии, гостиницу «Бристоль», здание городского Совета, государственный банк, холодильник, мясокомбинат, электростанцию, маслозавод, кавалерийские казармы, фармацевтический институт и десятки других предприятий...» [6, с. 284 – 285].

Большинству других городов и сельских районов Северного Кавказа оккупанты также нанесли громадный ущерб. Помимо разрушенных жилых домов, в большинстве населенных пунктов региона была повреждена значительная часть дорожного покрытия, вырублены зеленые насаждения, скопившиеся нечистоты грозили обострением эпидемической обстановки.

Поэтому первые шаги местных органов были направлены на создание элементарных условий для проживания людей. В осуществляемых восстановительных работах принимали участие, как профессионально подготовленные работники, так и широкие массы населения. При этом работники ЖКХ выполняли сложные работы по восстановлению водопровода и других коммуникаций. Вместе с гражданскими специалистами действовали саперы, которые осуществляли разминирование жилых и общественных зданий, и других объектов.

О том, какие первоочередные задачи в восстановлении городского хозяйства решались в первые месяцы после оккупации свидетельствует принятое в июне 1943 г. постановление Ростовского обкома ВКП (б), в котором указывалось на необходимость проведения в уцелевших домах мелкого ремонта, починки крыш, дверей и окон, приведение в рабочее состояние печей и дымоходов, водопровода и канализации. В населенных пунктах области организовывался уход за зелеными насаждениями, приводились в порядок улицы, тротуары и места общественного пользования. Во всех этих мероприятиях широкое участие принимало население [23, л. 36–38].

В решении данных вопросов важную роль играла способность местных органов организовать население на выполнение задач по благоустройству территории своих населенных пунктов. В большинстве случаев местные органы справлялись со возложенными на них обязанностями, однако были и отрицательные примеры. Так, по свидетельству краевой газеты начальник Орджоникидзевого райкомхоза г. Ставрополя не организовал должным образом работу управдомов. По этой причине к апрелю 1943 г. во многих местах жители даже не приступили к очистке прилегающей к домам территории. Во дворе дома, где помещался сам райкомхоз, образовалось сплошное болото. Здесь лежали разбитые автомашины, валялись кучи мусора [16].

В числе первоочередных задач местных органов было восстановление электроснабжения населенных пунктов. От ее решения зависело нормальное функционирование промышленных предприятий и социальной сферы, в том числе обеспечение жизнедеятельности населения. В связи с этим, местные органы уделяли объектам электроэнергетики повышенное внимание, стараясь как можно скорее пустить их в действие.

Так, сложнейшая ситуация с электроснабжением возникла в Кабардино-Балкарской АССР, ввиду уничтожения оккупантами Баксанской ГЭС. Как отмечает А.И. Тетуев, «благодаря практической помощи государственных органов власти страны, союзных и автономных республик в декабре 1943 г. была восстановлена и введена в эксплуатацию первая очередь Баксанской ГЭС» [21, с. 176]. Тем не менее, подача прежнего объема электроэнергии в республике стала возможной спустя несколько лет. Так, в 1945 г., по сведениям А.И. Тетуева, «г. Нальчику было отпущено электроэнергии 86% годового плана, поэтому частный сектор в указанный период был полностью отключен и получил только 761 тыс. кВт, что составило 40% годового плана» [21, с. 176].

Практически во всех сельских районах Северного Кавказа ситуация с электроснабжением оставалась сложной до конца войны и в первые послевоенные годы. Во многих селах, станицах, хуторах и аулах население освещало свои жилища с помощью керосиновых ламп, свечей, а порой и обычной лучины. В колхозном хозяйстве электроснабжение также часто отсутствовало. Это приводило к существенным трудностям в повседневной трудовой и бытовой жизни сельского населения.

Последствия оккупации тяжело отразились на водоснабжении населенных пунктов Северного Кавказа. Были уничтожены или повреждены водонапорные башни, очистительные сооружения и линии водопровода. По мере их восстановления ситуация постепенно улучшалась, однако объемы водоснабжения ещё существенно уступали довоенным. Например, в начале февраля 1944 г. в г. Ростове н/Д подача воды составляла до 56 тыс. куб. м. в сутки, а до войны этот показатель равнялся 90 тыс. куб. м, т.е. снижение составило 40% [4, л. 32].

В г. Нальчике, по сведениям А.И. Тетуева, «в 1944 г. план подачи воды в сеть был выполнен на 72%. Невыполнение плановых показателей было связано главным образом: неудовлетворительным состоянием водопроводного хозяйства и частые аварии, в особенности зимой 1944 г.; плохо организованный учет воды, бесхозяйственное отношение населения при использовании общественными водопроводными колонками» [21, с. 177].

В г. Ставрополе в сентябре 1944 г. на некоторых улицах вода, через водозаборные колонки подавалась два – три дня в неделю. В течение двух недель воды не было вообще и жители ходили за ней за десять кварталов. В г. Краснодаре городской водопровод вместо 5 тыс. куб. км давал не более 2 тыс. куб. м. в сутки [11, с. 143]. Такая же сложная ситуация с водоснабжением была характерна для большинства населенных пунктов Северного Кавказа.

С учетом важности обеспечения связи на территории страны со стороны центральных и местных органов были приняты меры по скорейшему восстановлению работы почтово-телеграфных учреждений и радиостанций. В этих целях были выделены значительные финансовые средства и необходимое оборудование, в результате чего были достигнуты положительные результаты. Например, в Ставропольском крае в 1944 г. ежемесячно проходило до 40 тыс. телеграфных переговоров, более 400 тыс. телеграмм и свыше 7 млн. писем [19]. Население края в это время не превышало 1 млн. 400 тыс. человек, поэтому можно определить высокую степень активности граждан и учреждений в различного рода контактах, что доказывает важную роль почтово-телеграфной связи.

Радиовещание восстанавливалось также достаточно быстро, ввиду поставок репродукторов по распоряжениям центральных партийно-государственных органов, а также ремонта сохранившегося на местах оборудования. Так, уже к апрелю 1944 г. в г. Ростове н/Д к апрелю 1944 г. действовали центральный радиоузел, две усилительные подстанции, свыше 100 км линий, было установлено 12 тыс. радиоточек и 24 уличных динамика [25, л. 78]. Однако заметные успехи в восстановлении радиовещания были достигнуты в конце войны в основном в городах, тогда как в большинстве сельских населенных пунктов, кроме районных центров, этого не произошло.

Много сил и средств при восстановлении ЖКХ требовало дорожное хозяйство. Благодаря этому, только в Ставропольском крае за год после освобождения было восстановлено 259 мостов, отремонтировано 4873 км автогужевых дорог [17]. Вместе с тем, большая часть дорог, особенно на периферии городов и в сельской глубинке долгое время находилось в разрушенном состоянии.

Количество транспортных средств, имеющих в ведении ЖКХ было небольшим, что вызывало большую напряженность в работе городского транспорта. Определенным преимуществом обладали города, где существовало трамвайное сообщение. Но и здесь, несмотря на принятые меры, добиться полного восстановления трамвайного хозяйства к концу войны не удалось. Объемы перевозок пассажиров также значительно уступали довоенным. Например, в Ростове н/Д этот показатель по плану в 1944 г. составлял 34 млн. пассажиров, тогда как в довоенное время трамваи за год перевозили 145 млн. пассажиров [3, л. 103]. Ограниченные возможности общественного транспорта существенно осложняли жизнь городских жителей, которые часто были вынуждены пешком преодолевать пешком многие километры до места своей работы или другого пункта назначения.

Особенно острой в системе ЖКХ являлась проблема существенного сокращения жилого фонда. Как уже отмечалось, огромное количество домов было разрушено или серьезно повреждено, требуя капитального ремонта. Например, в городах Нальчик и Прохладный Кабардино-Балкарской АССР в сентябре 1943 г. жилая площадь по сравнению с началом 1942 г. сократилась на 20,3 тыс. кв. м. [21, с. 173]. Подобная или более худшая ситуация с жилым фондом была в большинстве городов Северного Кавказа.

Решение этой проблемы в первые месяцы после изгнания врага с территории региона происходило путем использования сохранившихся жилых помещений и строительства быстровозводимых конструкций барачного типа. Широкий размах приобрели ремонтные работы в уцелевших зданиях, в ходе которых приводились в порядок фасады, подъезды, крыши и квартиры, восстанавливалось водоснабжение и электроснабжение.

Профессиональный ремонт осуществляли ремонтно-строительные конторы, возможности которых были ограничены острым дефицитом материальных и кадровых ресурсов. Например, в Ростовской области штатный состав работников ремонтно-строительных контор в 1944 г. должен был составлять 1088 человек, а фактически их было 419 человек или 38,4% [22, л. 112]. Ещё одним неблагоприятным фактором являлась низкая квалификация большинства работников контор, что сказывалось на качестве проводимых работ.

Несмотря на такие сложные условия, многие ремонтно-строительные конторы осуществляли значительный объем ремонтно-восстановительных работ, способствуя увеличению жилого фонда. Так, в Новороссийской ремонтно-строительной конторе к началу 1945 г. было 54 рабочих, из них только 8 квалифицированных. Тем не менее, конторе удалось в течение 1944 г. восстановить 3200 кв. м. жилой площади. Общая сумма выполненных работ составила 518 тыс. руб. [2, л. 86].

Наряду с ремонтно-строительными конторами, в восстановлении жилья активно участвовало население. Многие жильцы сами занимались ремонтом своих квартир, используя различные подручные средства. Строительные материалы зачастую извлекались жильцами из разрушенных зданий и затем находили применение при ремонте.

Партийно-государственные органы стремились придать участию населения в восстановлении жилья организованный характер. С этой целью в различных городах Северного Кавказа из числа местных жителей были созданы ремонтные бригады. Например, такое решение было принято в августе 1943 г. Краснодарским крайкомом ВКП (б), в соответствии с ним проживающие в разных городах края граждане привлекались к выполнению ремонтных работ в занимаемых ими квартирах и домах. При этом местные органы были обязаны оплачивать стоимость выполненных работ по сметным ценам [12, л. 91]. Сформированные из граждан ремонтные бригады также осуществляли ремонт в чужих квартирах, получая за это соответствующую оплату. В отношении семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны такая работа зачастую носила благотворительный характер.

На основе совместного использования ресурсов ремонтно-строительных контор и участия населения в восстановительных работах в городах Северного Кавказа происходило постепенное увеличение жилого фонда. Например, в г. Моздоке общая площадь восстановленных зданий к февралю 1944 г. составила 3740 кв. м., был проведен капитальный ремонт в 28 домах [18]. Между тем, общая площадь восстановленного жилья очень сильно уступала довоенной. В связи с этим, в ещё большей степени, чем до оккупации, использовалась практика уплотнения, путем максимального заселения нуждающихся в жилье людей в квартиры и частные дома.

Помимо ремонта сохранившегося жилья, со стороны центральных и местных органов принимались меры к осуществлению строительства новых жилых домов. Со стороны правительства главное внимание уделялось наиболее пострадавшим крупным городам Северного Кавказа. Так, в соответствии с постановлением СНК СССР от 5 января 1945 г. было запланировано многоэтажное строительство в г. Новороссийске, что предусматривало соответствующее выделение бюджетных средств [5, л. 90].

Вместе с тем, партийно-государственные органы настойчиво требовали активного использования в жилищном строительстве местных ресурсов. В связи с этим, восстанавливались и расширяли выпуск своей продукции предприятия местной промышленности по производству строительных материалов. Это позволило несколько улучшить ситуацию в строительной сфере, однако объёмы производства не соответствовали запланированным показателям. Например, в Ростове н/Д в 1944 г. кирпичные заводы обеспечили выпуск кирпи-

ча-сырца на 40, 6% от установленного плана. Основные причины низкой производительности труда заключались в отсутствие транспорта и топлива, нехватки рабочей силы, плохой организации труда [26, л. 64].

Вместе с тем, абсолютное большинство жителей Северного Кавказа проживало в частном секторе городов или в сельских районах, где основным видом жилища было индивидуальное домовладение. Многие жилые дома здесь были также разрушены и людям приходилось жить в наспех вырытых землянках. В целях восстановления индивидуальных домов граждане получали от государственных органов ссуду и другие виды помощи. Так, в июле 1944 г. СНК Кабардинской АССР обязал исполкомы выдавать индивидуальным застройщикам ссуды на строительство и восстановление жилых домов в сумме до 10 тыс. руб., со сроком погашения ссуды до 7 лет, в первую очередь семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны. В течение 1944 – 1947 гг. граждане, построившие или заново восстановившие свои жилые дома, освобождались от уплаты налога со строений и земельной ренты. Для заготовки строительного леса застройщикам выделялся лесосечный фонд. По льготным ценам застройщикам отпускались строительные материалы, полученные от разборки разрушенных зданий [11, с. 156].

Оказанная помощь позволила части населения Северного Кавказа построить новые индивидуальные

дома. Однако к моменту завершения войны большое количество колхозников и проживающих в частном секторе городов граждан продолжали ютиться в землянках и других малопригодных для жилья помещениях. Кроме того, на долгие годы в большинстве сельских населенных пунктов сохранилось отсутствие элементарных бытовых условий.

Результаты. Таким образом, существовавшие на Северном Кавказе в довоенный период проблемы в развитии ЖКХ многократно возросли в условиях военного времени. В результате массированных бомбардировок врага, военных действий и оккупации произошло существенное сокращение жилого фонда, были уничтожены или повреждены системы водоснабжения, электроснабжения, обострилась топливная проблема, серьезно пострадало дорожное хозяйство. Восстановление ЖКХ происходило путем использования выделяемых центральными органами средств и местных ресурсов, а также активного привлечения населения к благоустройству городов и сельских населенных пунктов. Кроме того, значительная часть граждан самостоятельно решала многие бытовые проблемы. Применение указанного комплекса мер позволило к моменту завершения войны ослабить жилищный кризис и обеспечить часть жителей коммунальными услугами. Однако острота проблем жизнеобеспечения населения продолжала сохраняться и в послевоенные годы.

Литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 7.
2. ГАКК. Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 21.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 52.
4. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 484.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 240.
6. Закруткин В. А. Кавказские записки. 1942-1943. Ростов н/Д: Книжное издательство, 1975. 303 с.
7. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Нальчик: Эльбрус, 1975. 796 с.
8. Кабирова А. Ш. Из истории военной повседневности: решение жилищной проблемы в Татарстане в 1941–1945 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Том 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 156–167.
9. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. Краснодар: Эдви, 1997. 1118 с.
10. О сдаче населением радиоприёмных и радиопередающих устройств: постановление СНК СССР от 25 июня 1941 г. URL: https://vk.com/wall-14805605_26993 (Дата обращения: 12.02.25).
11. Панарина Е. В. Социальная политика советского государства и военная повседневность населения Северного Кавказа в 1941–1945 гг. Армавир: РИО АГПУ, 2017. 380 с.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 976.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 983.
14. Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1968. 628 с.
15. Социалистическая Осетия. 1942. 10 января.
16. Ставропольская правда. 1943. 3 апреля.
17. Ставропольская правда. 1944. 11 февраля.
18. Ставропольская правда. 1944. 17 февраля.
19. Ставропольская правда. 1945. 2 февраля.
20. Субботин О. С. Архитектура народного жилища Кубани и Белоруссии в контексте исторического процесса // Жилищное строительство. 2018. №7. С. 3-9.
21. Тетуев А. И. Жилищно-бытовые условия населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 3. С. 169–184.
22. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 7.
23. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 379.
24. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 763.
25. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 69.
26. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 145.

References

1. The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. R-345. Inv. 1. D. 7.
2. GAKK. F. R-345. Inv. 1. D. 21.
3. The State Archive of the Rostov region (GARO). F. R-1817. Inv. 3. D. 52.
4. GARO. F. R-3737. Inv. 2. D. 484.
5. The State Archive of the Russian Federation. F. 5446. Inv. 1. D. 240.
6. Zakrutkin VA. Caucasian notes. 1942-1943. Rostov n/A: Book Publishing House, 1975. 303 p. (In Russ.).

7. Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War. 1941-1945 Collection of documents and materials. Nalchik: Elbrus, 1975. 796 p. (In Russ.).
8. Kabirova AS. From the history of military daily life: solving the housing problem in Tatarstan in 1941-1945. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2010;52.3.Part 2:156-167. (In Russ.).
9. Krasnodar Territory in 1937-1941. Documents and materials. Krasnodar: Advertising Publishing House. Edvi company, 1997. 1118 p. (In Russ.).
10. On the delivery of radio receivers and radio transmitting devices by the population: resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated June 25, 1941. URL: https://vk.com/wall-14805605_26993 (accessed: 12.02.25). (In Russ.).
11. Panarina EV. Social policy of the Soviet state and military daily life of the population of the North Caucasus in 1941-1945. Armavir: RIO AGPU, 2017. 380 p. (In Russ.).
12. The Russian State Archive of Socio-Political History (hereinafter RGASPI). F. 17. Inv. 43. D. 976.
13. RGASPI. F. 17. Inv. 43. D. 983.
14. The North Ossetian party organization during the Great Patriotic War. Ordzhonikidze: North Ossetian Publishing house, 1968. 628 p. (In Russ.).
15. Socialist Ossetia. 1942. January 10th. (In Russ.).
16. Stavropol truth. 1943. April 3. (In Russ.).
17. Stavropol truth. 1944. February 11. (In Russ.).
18. Stavropol truth. 1944. February 17th. (In Russ.).
19. Stavropol truth. 1945. February 2. (In Russ.).
20. Subbotin OS. Architecture of the people's housing of Kuban and Belarus in the context of the historical process. *Zhilishchnoe stroitel'stvo*. 2018;7:3-9. (In Russ.).
21. Tetuev A.I. Housing and living conditions of the population of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War. *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. 2023;3:169-184. (In Russ.).
22. Documentation Center for the Modern history of the Rostov region (hereinafter CDNIRO). F. 9. Inv. 1. D. 7.
23. CDNIRO. F. 9. Inv. 1. D. 379.
24. CDNIRO. F. 13. Inv. 2. D. 763.
25. CDNIRO. F. 13. Inv. 4. D. 69.
26. CDNIRO. F. 13. Inv. 4. D. 145.

Научная статья
 УДК 94(470.6)“18”
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.9>

«ВСЕ СТАЛИ СМОТРЕТЬ НА ВЕЩИ СОВЕРШЕННО ИНАЧЕ»: СОПРОТИВЛЕНИЕ НОВОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ И МИРОУСТРОЙСТВУ ЧАСТИ ГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ «РЕВОЛЮЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

Ирина Вадимовна Середина

Пятигорский государственный университет (д. 9, ул. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)
 Аспирант
iseredina04@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2353-2156>

Аннотация. Введение. В работе анализируется реакция горцев Северного Кавказа на происходящие процессы изменения их повседневности, которые можно считать революционными. Для части населения они были неприемлемы и вызвали разные формы отторжения. Были выбраны различные способы отрицания нового мировоззрения и мироустройства – от пассивного отрицания до вооруженного сопротивления. **Материалы и методы.** В статье на основании общенаучных методов анализа и синтеза, системно-структурного метода реконструируется целостная картина явления, обозначаемого как «революция повседневности». Акцент делается на сопротивлении данному процессу со стороны части северокавказского общества. **Анализ.** Автор, положив в основу применяемые способы сопротивления имперскому мироупорядку, выделил несколько условных социальных групп, которые отличаются друг от друга своим неприятием «революции повседневности», последовавшей за капиталистической модернизацией. Наименее склонная к компромиссу часть населения выберет для себя исход с земли предков. Другие предпочтут с оружием в руках продолжить сопротивление и будут противопоставлять «европейскому» образу жизни свою мусульманскую альтернативу. Ещё одну группу составят одиночки-маргиналы, известные как абреки, которые стремились отстаивать собственный образ жизни в борьбе с государством. Уместным видится добавить к этим протестным сообществам ещё и революционеров-народников из числа образованной горской молодёжи. Они также критиковали происходящие изменения с позиции сторонников социалистических идеалов. **Результаты.** Реакция на происходя-

щие изменения привела к расколу горского общества. Для одних наступившая эпоха капиталистической модернизации стала шансом к улучшению имущественного и социального статуса, а другие, напротив, утратили былые привилегии и уверенность в завтрашнем дне. Вызовы «революции повседневности» спровоцировали устойчивые протестные настроения, которые разделялись немалой частью местных жителей. Одни однозначно противились покушениям на «старину», другие были возмущены не самими новациями, а тем, что не могли в должной мере воспользоваться ими. Были и те, кто отстаивал идеалы социальной справедливости, а потому капиталистическая «революция повседневности» трактовалась ими в негативном ключе.

Ключевые слова: Протест, «революция повседневности», сопротивление, горцы, политика, революционный, социальная справедливость

Для цитирования: Середина И. В. «Все стали смотреть на вещи совершенно иначе»: сопротивление новому мировоззрению и мироустройству части горского населения Северного Кавказа во второй половине XIX века в контексте «революции повседневности» // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 245–251. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 24.10.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 16.02.2025.

Статья принята к публикации: 16.04.2025.

Research article

“EVERYONE BEGAN TO LOOK AT THINGS COMPLETELY DIFFERENTLY”: RESISTANCE TO THE NEW WORLDVIEW AND WORLD ORDER OF PART OF THE MOUNTAIN POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN THE CONTEXT OF THE “REVOLUTION OF EVERYDAY LIFE”

Irina V. Seredina

Pyatigorsk State University (9, Kalinina St., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)
 Postgraduate student
iseredina04@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2353-2156>

Abstract. Introduction. The work analyzes the reaction of the mountain people of the North Caucasus to the ongoing processes of change in their everyday life, which can be considered revolutionary. For part of the population, they were unacceptable and caused various forms of rejection. Various ways of denying the new worldview and world order were chosen – from passive denial to armed resistance. **Materials and methods.** The article is based on general scientific methods of analysis and synthesis, and the system-structural method, reconstructs a holistic picture of the phenomenon designated as the “revolution of everyday life”. The emphasis is on resistance to this process on the part of part of North Caucasian society. **Analysis.** With reference to

the methods used to resist the imperial world order, the author identified several conditional social groups that differ from each other in their rejection of the “revolution of everyday life” that followed capitalist modernization. The part of the population least inclined to compromise chose to leave the land of their ancestors. Others preferred to continue their resistance with arms in hand and opposed their Muslim alternative to the “European” way of life. Another group made up of marginalized individuals known as abreks sought to defend their own way of life in the fight against the state. It seems appropriate to add to these protest communities also populist revolutionaries from among the educated mountain youth. They also criticized the changes taking

© Середина И. В., 2025

place from the position of supporters of socialist ideals. **Results.** The reaction to the ongoing changes led to a split in mountain society. For some, the new era of capitalist modernization has become a chance to improve their property and social status, while others, on the contrary, have lost their former privileges and confidence in the future. The challenges of the “revolution of everyday life” provoked persistent protest sentiments, which were shared by a considerable part of the local residents. Some were unequivocally opposed to the attacks on the “old times”, others were outraged not by the innovations themselves, but by the fact that they could not take advantage of them to the proper extent. There were also those who defended the ideals of social justice, and therefore the capitalist “revolution of everyday life” was interpreted by them in a negative way.

Введение. Происходившие во второй половине XIX века социокультурные трансформации неоднозначно воспринимались горским населением Северного Кавказа. И далеко не всегда отторжение новаций носило мирный характер. Если моральное осуждение тех, кто готов был примерить «русскую» одежду имело скорее вид «фрондёрства» и не несло угрозы насильственного сопротивления, то призывы к активному противостоянию могли закончиться, прямым вооружённым столкновением. Вряд ли возможно выработать критерии протестного состояния местного сообщества, носившего зачастую латентные формы. Недовольство могло не выливаться в конкретные действия, а ограничивалось принципиальным отторжением предлагаемых изменений в повседневности. Уже отмечалось, что даже те горцы, которые вполне успешно адаптировались в «русской среде», старались не демонстрировать свою причастность к ней, оказавшись в окружении земляков. Этим людей нельзя отнести к числу «непримиримых» противников новой жизни. Скорее они занимали выжидательную позицию и по мере втягивания в интеграционные процессы смирялись с наступившими реалиями.

Тем не менее, положив в основу применяемые способы сопротивления имперскому миропорядку, мы предлагаем выделить несколько условных социальных групп, которые будут отличаться друг от друга своимприятием «революции повседневности», последовавшей за капиталистической модернизацией.

Саму повседневность мы трактуем как повторяющуюся обыденную деятельность людей, во всем её многообразии, включающем хозяйственные, социально-политические, культурно-досуговые и интеллектуальные практики и порождаемые ими эмоциональные переживания. В этом случае «революция повседневности» подразумевает незавершённость и неустойчивость процесса становления такой будничной повседневности, которой только предстоит приобрести черты традиционности и рутинности.

Затрагиваемые проблемы нашли отражение в трудах, посвящённых анализу проявления протестного потенциала горских обществ, не желавших принять произошедшие изменения в их жизни. Массово недовольство проявляло себя в практике мухаджирства (махаджирства) [7] и последних всплесках масштабных вооружённых выступлений, спровоцированных войной России с Османской империей [9; 12; 15]. Не теряет актуальности тема, связанная с развитием абреческого движения на Кавказе [21; 23]. Весьма критично оценивали происходящие преобразования революционеры-народники. Они не отрицали необходимости реформ и «революции повседневности» как таковой, но считали, что капиталистический уклад не сможет привести к улучшению жизни народа [13].

Keywords: Protest, “revolution of everyday life”, resistance, highlanders, politics, revolutionary, social justice

For citation: Seredina IV. “Everyone began to look at things completely differently”: resistance to the new worldview and world order of part of the mountain population of the North Caucasus in the second half of the 19th century in the context of the “revolution of everyday life”. *Humanities and law research*. 2025;12(2):245-251. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.9>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 24.10.2024.

The article was approved after reviewing: 16.02.2025.

The article was accepted for publication: 16.04.2025.

Материалы и методы. Методологическая основа статьи опирается на принципы объективности и историзма. Они дают возможность проводить достоверный анализ имеющихся фактов, исключая произвольную интерпретацию и политическую ангажированность. Исторические явления и процессы при этом рассматриваются во взаимосвязи и развитии, учитываются их происхождение и формы проявления. В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, системно-структурный метод, позволяющие реконструировать целостную картину явления, обозначаемую как «революция повседневности».

В работе использовались опубликованные источники и материалы региональных архивов, содержащие сведения о различных обстоятельствах отторжения частью населения региона изменений в их образе жизни.

Анализ. Наименее склонная к компромиссу часть населения выберет для себя исход с земли предков и в качестве мухаджиров покинет Кавказ. Другие предпочтут с оружием в руках продолжить сопротивление и будут противопоставлять «европейскому» образу жизни свою мусульманскую альтернативу. На наш взгляд, это станет продолжением той линии по изменению мироустройства, которую начали сторонники юридикализма. Эти люди не могут однозначно быть отнесены к противникам новаций, т.к. тоже меняли окружающий их порядок, но на иных цивилизационных принципах. Они желали не просто создать иную модель повседневности для себя, но собирались принуждать к ней окружающих. И наконец, одиночки-маргиналы, известные как абреки, стремились отстаивать собственный образ жизни (прежде всего своё «личное пространство») в борьбе с государством. Их всех объединяет приверженность «старине», хотя трактовалась она по-разному и была скорее неким мифом о «золотом веке», противопоставляемым «испорченным нравам» современности.

Уместным видится добавить к этим протестным сообществам ещё и революционеров-народников из числа образованной горской молодёжи. Они также являлись пусть немногочисленной, но весьма важной группой противников происходящей «революции повседневности», которую критиковали не с позиции защитников патриархальных ценностей, а как сторонники идей социальной справедливости на основе социалистических идеалов. Со временем именно из этих групп будет формироваться главный оппонент буржуазной модели миропорядка, который предложит собственную альтернативу развития и образа жизни общества.

К моменту завершения активных боевых действий в крае стало очевидным, что часть горских обществ не готова поступиться своим привычным жизненным укладом и не склонна искать компромисса с победителем.

Произошёл психологический надлом, особенно после того, как символ сопротивления имам Шамиль капитулировал в Гунибе. Для местной ментальности была характерна персонификация процессов, в том числе и в военно-политическом противостоянии с Российской империей. Признанный лидер сложил оружие, и теперь многие считали дальнейшее сопротивление обречённым на катастрофу. Все ждали массового рекрутирования в солдаты, что считалось худшей долей для мужчины-воина. Горцы боялись потерять своих детей, которые в русских школах утратили бы веру отцов. Ещё одним из распространённых панических слухов было утверждение, что вскоре «последует насильственное обращение в христианство» [4, с. 8]. На этом фоне призывы Османской империи найти приют среди единоверцев выглядели единственным спасением [11, с. 84]. Картина мира, присущая значительной части горцев, не предполагала милость со стороны вчерашнего противника, в то время как единоверцы гарантировали «счастливую будущность» [14, с. 46].

Даже те, кто не желал покидать свою родину, не смели противоречить воле старших, поскольку подвергались психологическому давлению со стороны родственников [11, с. 87]. Испытания, выпавшие на их долю, были тяжёлыми: не все вынесли тяготы дороги на чужбину. Столкнувшись с реалиями жизни в Турции, некоторые семьи предпочли вернуться обратно. Полученный печальный опыт заставил их пересмотреть взгляды на действительность: «все стали смотреть на вещи совершенно иначе» [11, с. 104].

Случаи репатриации были не единичны. В обращении к российским властям горцы соглашались на любые испытания и готовы были жить на тех территориях, которые им были бы выделены [8, с. 88–89]. Успевшие на себе испытать «горький хлеб чужбины», эти люди гораздо легче начинали воспринимать российский миропорядок, но даже их пример не останавливал новых искателей лучшей доли. Многие потенциальные мухаджиры расценивали неудачу своих земляков как случайность и были убеждены, что сами они наверняка добьются лучшего результата [16, с. 39].

Стремление государства монополизировать право на насилие также порождало у некоторых горцев тревогу о собственном будущем. Они крайне болезненно реагировали на изъятие у них оружия, наличие и применение которого было несовместимо с имперским миропорядком. На это не желала идти даже та часть горского мира, которая «хотя и долго жила на плоскости, но несколько не отвыкла от прежних привычек и наклонностей» [3, л. 32]. Между тем, по мнению кавказской администрации, такая ситуация затрудняла приобщение к новым культурным ценностям, вызывала «отчуждение от всего русского» [3, л. 33].

Чаще всего необходимость выезда за пределы России мотивировалась религиозной потребностью совершить хадж. В этом случае отказ от права посещения Мекки выглядел как запрет иноверцев на святое для мусульманина право посетить святыни и очиститься от грехов. Формальных причин отказать в выезде в таких обстоятельствах у властей не было и, судя по устоявшейся формулировке в паспорте, им пользовались для формальной легализации смены подданства [2, л. 9 об.].

Произошедший массовый исход не мог быть вызван кардинальными изменениями в горской повседневности. Таковые ещё не успели проявиться для большинства потенциальных мухаджиров. Их пугали скорее

собственные домыслы о возможных шагах российской администрации, которой приписывались различные враждебные планы. Свою роль сыграла и достаточно активная пропаганда турецких эмиссаров, которые утверждали, что между султаном и императором заключён договор об обмене мусульман на христиан [5, л. 3]. В эмиграцию устремились даже те народы, которые не участвовали в вооружённом противостоянии с властью и могли не опасаться репрессий [7, с. 206–207]. Они стали жертвами выдуманных фобий, как правило, иррациональных и не поддающихся логическому объяснению. Именно этнопсихологические факторы, как нам представляется, стали доминирующими в произошедшем исходе горцев со своей исторической родины. Экономические, социальные и даже политические обстоятельства не выглядели настолько существенными, чтобы обеспечить подобное воздействие на умы людей, выбравших себе участь мухаджиров.

Оставшиеся на своей земле горцы постепенно втягивались в социально-экономические и политические процессы, которые инициировала российская власть. Для некоторых это открывало весьма привлекательные перспективы, что мирило их с произошедшей трансформацией привычной жизни. Но были и те, кто ратовал за сохранение и возврат прежнего уклада, считал наступившие изменения греховными. Нередко звучавшие «обвинения» выглядели иррациональными, их чёткое обоснование отсутствовало. Критиковали не только «неверную власть» царя, но и успехи собственных земляков, которые оказались более предприимчивыми.

После капитуляции имама Шамиля на Северо-Восточном Кавказе продолжались волнения, хотя и не достигавшие прежнего размаха. Печальную известность в глазах властей имело селение Беной, куда стекались недовольные российской властью жители Чечни. Их лидером был Байсонгур, сумевший летом 1860 г. распространить свою власть на весь Ичкерийский округ. И хотя кавказское командование достаточно решительно и эффективно подавило это движение, стало очевидным, что немалая часть населения не смирилась с произошедшими изменениями в своей жизни. Недовольство связывали с рецидивами и обидами предшествующих десятилетий войны, которые должно было излечить время и мудрая политика правительства. Отсюда и точечные карательные акции, связанные с физическим устранением либо изоляцией не склонных к компромиссу оппонентов [10, с. 685–690].

За наступившим внешним смирением скрывалось постепенно набравшее размах движение, объединившее в своих рядах тех, кто не находил себя в новой модели мироустройства. Они нуждались в соответствующем идеологическом оправдании и обретали его в религиозных концепциях. Им придавалось соответствующее воинственное звучание, необходимое для мобилизации сторонников насильственного изменения существующего положения. Примером является движение зикристов, чей лидер Кунта-Хаджи в итоге спровоцировал достаточно кровопролитные столкновения адептов своего мистического учения, направленного на нравственное самосовершенствование, с российской властью [9, с. 1–17].

В русле выдвигаемой нами идеи о происходящей в рассматриваемый период «революции повседневности» следует отметить, что она далеко не всегда ограничивалась исключительно русским / европейским вариантом изменения жизненного уклада. Не желающая воспринимать его часть горского мира стремилась

предложить собственный миропорядок, значительно отличавшейся от того, который существовал в регионе до прихода сюда российской государственности. Как представляется, недовольство вызвали не изменения как таковые, а их недоступность для значительной части общества.

Достаточно сказать, что только в Дагестане во время волнений 1877–1878 гг. в антиправительственном сопротивлении будут участвовать с разной степенью активности около четырёхсот селений. К ним следует добавить и 47 аулов, расположенных в Чечне [12, с. 49]. Таким образом, речь идёт о достаточно организованной и массовой поддержке вооружённого выступления в горской среде. Высокий уровень протестного потенциала заставляет усомниться в их готовности воспринимать новации, которые несла российская государственность.

Основной очаг недовольства сформировался на той территории, которая была менее двух десятилетий назад центром ожесточённой борьбы между империей и сторонниками мюридизма. Резонно утверждать, что новое поколение юношей, возмужавших за эти годы, воспитывалось на рассказах своих родителей об их борьбе против «неверных». Такого рода информация обычно передаётся мифологизировано, в героическом ключе, когда «неудобные» факты замалчиваются, а собственные достижения преувеличиваются.

Анализ историографии, посвящённой данной проблеме, позволяет утверждать, что в современной науке сложилось представление о причинах волнений как реакции на социально-экономические процессы, происходящие в регионе [15, с. 20–31]. Менялось представление о материальном достатке, который во многом начинал определять статус человека в обществе. «Революция повседневности» породила раздражающе недоступные требования к образу жизни. Привычный символический капитал, зарабатываемый в удачных набегах и захвате добычи и ранее определявший отношение к конкретному индивиду, уже не котируется [11, с. 108]. Более того, он мог стать причиной проблем не только самого «набежчика», но и его сородичей. Власти практиковали коллективную ответственность за правонарушения и могли заставить всё общество компенсировать убытки, принесённые таким человеком.

Вызывает интерес социальный облик протестного общества. В нём можно было встретить не только представителей горских низов, но и выходцев из знатной среды. Среди последних было немало тех, кто находился на русской службе, но считал себя недостаточно оценёнными. Они желали восстановить былое могущество своих фамилий, упадок которых связывали с имперским произволом [22, с. 72]. Таким образом, сложилось ситуативное партнёрство самых разных слоёв общества, а подобное объединение не могло иметь долговременной перспективы.

В дальнейшем, вплоть до революционных потрясений XX в., мы не сталкиваемся с массовыми вооружёнными выступлениями в крае. Мы склоны расценивать это не только как результат успешных силовых операций российских властей. Постепенно налаживавшаяся мирная жизнь, экономические успехи, демонстрируемые местным хозяйством, способствовали росту благосостояния людей, сужали число недовольных происходящими изменениями. Но это не означает, что полностью исчезли недовольные издержками модернизационных процессов, приводившими к заметному имущественному и социальному расслоению в обществе. Вызывала

нарекания и судебно-административная система империи, зачастую диссонирующая с представлениями горцев о справедливости. На смену коллективному протесту пришёл протест индивидуальный, вылившийся в практику абречества, ставшую на несколько десятилетий печальной особенностью местной ситуации и ещё одной гранью северокавказской повседневности.

В настоящее время существуют идеализированные представления об абреках, которым приписывается желание посвятить себя отстаиванию социальной справедливости. Их деятельность рисуется как способ «борьбы с русской властью на Кавказе» [23, с. 9]. То, что абречество несло угрозу абсолютно всем жителям региона, независимо от их национальной принадлежности, при таком подходе игнорируется. На наш взгляд, речь идёт о подмене смысла данного явления. Криминальная составляющая в практике абречества была неминуема, т.к. иных способов добиться средств существования такие люди не имели. Даже если побудительной причиной становились политические разногласия с властью, это не отрицало разбойнического характера деятельности абреков.

Вместе с тем мы согласны с направлением поиска причин, породивших таких маргиналов: их появление объясняется тем, что «менялся патриархальный уклад жизни, за чем следовала ломка привычного быта, психологии людей и межнациональных отношений. Всё это было настолько непривычно и противно части простых горцев, что многие из них были в смятении и отчаянии. Они не были готовы к таким резким общественным и социально-правовым переменам, которые вносили капитализм и царское законодательство в их жизнь...» [23, с. 10].

Подобный вывод соотносится с нашим представлением о происходящих процессах «революции повседневности», породившей многочисленные трудности, психологический надлом, фрустрацию и тому подобные проблемы у значительной части местного сообщества. Более того, ограничивать наличие психологического дискомфорта исключительно с «простыми горцами», как это делает Ю.В. Хоруев, было бы неправильно. Мы видим немало примеров того, как состоятельные люди, имевшие высокий социальный статус и занимавшие престижные должности, также выражали своё недовольство происходившими изменениями.

И надо отметить, что такая ситуация была характерна для всего российского общества, что нашло отражение, например, в проблематике, разработанной русской литературой рассматриваемого периода (Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский, А.М. Горький и т.д.). Северокавказская специфика заключалась в том, что здесь горское население воспринимало насильственные методы борьбы как вполне приемлемые, а при наличии многочисленных естественных укрытий – вполне эффективные.

В глазах части населения абреки были защитниками обездоленных и пострадавших от несправедливости власти. Но так было далеко не всегда. Находилось немало тех, кто не желал иметь по соседству столь опасных и непредсказуемых «поборников справедливости» и расправлялся с ними либо собственными силами, либо помогая властям информацией об их местонахождении. Судя по тому, что горцы расправлялись с абреками весьма сурово и даже демонстративно жестоко, к ним накопилось немало претензий у людей, от имени которых пытались действовать эти «благородные мстители» [24, л. 17–17 об.]. Но большинство местных

жителей предпочитали сохранять нейтралитет. Официальная власть сочувствия не вызывала. Присутствовал страх пострадать от мести со стороны разбойников [21, с. 76]. Отсюда и позиция стороннего наблюдателя, который может во время перестрелки с разбойниками спокойно забраться на возвышенность и смотреть на происходящее, «не выказывая ни малейшего поползновения помочь полиции» [18, с. 148].

Наличие абреков как устойчивого явления свидетельствовало о запросе на справедливость и защиту интересов всех слоёв населения, а не только лиц, близких к властным структурам. Предпочитая не замечать корыстных и неприглядных поступков таких борцов с системой, общество им приписывало некие идеальные помыслы и устремления. Самим фактом своего присутствия они принуждали местную администрацию конкурировать за умы и симпатии широких слоёв населения, заставляли не совершать откровенного произвола. Вероятно, в этом и скрывается причина симпатии к абрекам, которых местные жители готовы были укрывать и выручать во время преследования со стороны армии и полиции [1, с. 40].

Шёл интенсивный поиск новых идеалов. Это привело к тому, что на Северном Кавказе появились сторонники революционных преобразований, число которых было невелико. По мере приобщения горской молодёжи к российскому интеллектуальному пространству ряды таких революционеров расширились. С конца 60-х гг. в стране появляются народнические кружки, участниками которых были и студенты – выходцы из южных областей и губерний. Они обучались в столичных вузах, где получали опыт революционной борьбы, который желали распространить и на своей малой родине. Чаще всего это были грузины и осетины, которые быстрее остальных приобщались к русской культуре, в том числе и к её революционным проявлениям [20, с. 16].

Просветительство должно было стать одним из эффективных инструментов в мобилизации усилий общества по отстаиванию своих прав, приобщению к новому мировоззрению, основанному на идеалах социальной справедливости. Испытав на себе всю мощь печатного слова, горцы-народники рассчитывали увлечь с его помощью и своих земляков, и, по словам видного деятеля русского революционного движения Н.А. Морозова, который столкнулся с ними на одной из конспиративных квартир, собирались «устроить типографию в своих горных ущельях» [17, с. 302].

Первоочередной задачей народников являлось открытие во Владикавказе библиотеки, которая стала бы культурным и просветительским центром для жителей города и окружавших его селений, а также «каналом пропаганды социально-революционных идей» [20, с. 17]. Для нужд этой библиотеки закупалась литература, а в дальнейшем предполагалось пополнять её фонды собственной печатной продукцией.

Всем этим занимался существующий в Терской области кружок революционной молодёжи, объединивший преимущественно выходцев из кавказских народов, являвшихся по профессии землемерами, учителями, адвокатами, лесничими, т.е. представлявших национальную интеллигенцию. У них за плечами были Петербургская Разумовская академия, Лесной институт, Одесский университет, Землемерное училище в Тифлисе, Московский технологический институт, Горькая учительская семинария и т.п. [20, с. 19–20]. Среди приоритетных направлений для себя революционеры

обозначили работу с крестьянами, которым пытались в доступной форме излагать идеи своей освободительной борьбы. Для этого сочинялись прокламации в виде сказок, что должно было, по мнению организаторов пропагандистской работы, облегчить восприятие сложных социально-экономических и политических вопросов людьми, не имевшими образования [19, с. 455].

Аналогичную деятельность вели и в Нальчике. Здесь учитель окружной горской школы Веру попал в поле зрения жандармов, после того как начал вести революционную пропаганду среди учащихся [13, с. 41].

Полиция достаточно оперативно реагировала на угрозы основам порядка и не только установила негласный надзор за «смутьянами», но и в итоге назначила административное наказание и краткосрочное заключение их под стражу. Даже советские исследователи, которые старались подчеркнуть уровень политической состоятельности этих революционных организаций, вынуждены были констатировать, что их «стремления были неопределённые, без конкретной программы и плана действий, без всякого намёка на организацию» [20, с. 23]. Условия для качественного изменения окружающей действительности, за которую ратовали эти люди, пока не сложились. В большинстве своём они перестали заниматься профессиональной революционной деятельностью, но сохранили верность идеалам просвещения, внеся свою лепту в происходившую «революцию повседневности» [6, с. 112–118].

Результаты. Реакция на происходящие изменения привела к расколу горского общества. Для одних наступившая эпоха капиталистической модернизации стала шансом к улучшению имущественного и социального статуса, а другие, напротив, утратили былые привилегии и уверенность в завтрашнем дне. Вызовы «революции повседневности» спровоцировали устойчивые протестные настроения, которые разделялись немалой частью местных жителей. Одни однозначно противились покушениям на «старину», другие были возмущены не самими новациями, а тем, что не могли в должной мере воспользоваться ими. Были и те, кто отстаивал идеалы социальной справедливости, а потому капиталистическая «революция повседневности» трактовалась ими в негативном ключе.

Произошедшие изменения привели к кардинальным, революционным по своей сути изменениям в сфере повседневности. Они коснулись не только материальной культуры, но и институтов социализации горского юношества, сферы досуга, морально-этических норм и прочих сторон жизни людей. Всё это существенно влияло на «социальное самочувствие» населения, порождая для одних уверенность в завтрашнем дне и открывая статусные возможности, а другим, напротив, внушая чувство фрустрации и неуверенности.

Часть сообщества предпочла полностью отринуть навязываемый образ жизни и, не имея возможности продолжить вооружённую борьбу, избрала путь эмиграции. Их пример будет гальванизирующее действовать на земляков, увлекая в процессы махаджирства даже тех, кто вполне успешно начинал интегрироваться в российское державное пространство.

Другие не пожелают покидать землю предков, но, не найдя возможности законными методами обеспечить свой уровень благосостояния, согласно существенно возросшим запросам, формируемым критериями новой повседневности, опять возьмутся за оружие, попытавшись вернуться к ситуации периода расцвета мюридиз-

ма. Их разгром станет результатом совместных усилий как имперской администрации, так и тех горцев, которые оказались более успешными в освоении капиталистического способа производства.

Ещё одним центром противостояния новому миропорядку станут абреки, чья индивидуальная борьба с социальной несправедливостью и криминальные способы заработка будут ещё одной стороной многогранного и противоречивого явления горского сопротивления, желавшего пользоваться благами «революции повседневности», но не имеющего возможности получить их мирными экономическими способами.

И наконец, самая немногочисленная, но имевшая наибольший потенциал группа противников наступивших перемен – революционеры, как правило, из числа образованных слоёв населения. Они не отрицали важность преобразований в жизни общества, но добились их на иных мировоззренческих основах, ратуя за идеи социальной справедливости и критикуя «язвы капитализма», которые наглядно демонстрировала наступившая эпоха.

Литература

1. Бердяев С. К. Разбои на Северном Кавказе. Из воспоминаний администратора. Период (1907–1915). Париж, 1936. 71 с.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 215.
3. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 172.
4. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 364.
5. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 392.
6. Гутиева Э. Ш. Грани личности: Алексей Ардасенов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 493. С. 112–118.
7. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Изд-во «Алашара», 1982. 530 с.
8. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках / под ред. Г. Л. Бондаревского, Г. Н. Колбая. М.: Изд-во НОРМА, 1998. 672 с.
9. Ипполитов А. П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: б.и., 1869. Т. 2. Разд. 1. С. 1–17.
10. История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 томах. Т. 1. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 828 с.
11. Кануков И. Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: б.и., 1876. Вып. 9. С. 84–112.
12. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск: ПГУ, 2006. 211 с.
13. Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. 145 с.
14. Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
15. Магомеддаев А. М., Амирова З. М. Причины и последствия восстания 1877 года в Дагестане в оценке современников и исследователей // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 1 (10). С. 20–31.
16. Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 3–100.
17. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М.: Наука, 1965. Т. 1. 408 с.
18. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Составление, предисловие, примечания и комментарии Л. А. Чибирова. Цхинвали: Издательство «Ирыстон», 1982. 372 с.
19. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в 2 томах. Т. 1. 1870–1875 гг. / под редакцией Б. С. Итенберга. М.: Наука, 1964. 531 с.
20. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. 379 с.
21. Туманов Г. М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб: б.и., 1900. 113 с.
22. Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: АН СССР, 1961. 262 с.
23. Хорув Ю. В. Абреки на Кавказе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 524 с.
24. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф.30. Оп.1. Д.52.

References

1. Berdyaev SK. Robberies in the North Caucasus. From the administrator's memories. Period (1907–1915). Paris, 1936. 71 p. (In Russ.).
2. State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 454. Op. 1. D. 215.
3. GAKK. F. 774. Op. 1. D. 172.
4. GAKK. F. 774. Op. 1. D. 364.
5. GAKK. F. 774. Op. 1. D. 392.
6. Gutieva ESh. Facets of personality: Alexey Ardasenov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023;493:112-118. (In Russ.).
7. Dzidzaria GA. Mahajirism and problems of the history of Abkhazia in the 19th century. Sukhumi: Alashara Publishing House, 1982. 530 p. (In Russ.).
8. Documentary history of the formation of the multinational Russian state. In four books. Book one. Russia and the North Caucasus in the 16–19th centuries. Under the general editorship. Doctor of Law G.L. Bondarevsky and candidate of legal sciences G.N. Kolbaya. Moscow: Publishing house NORMA, 1998. 672 p. (In Russ.).
9. Ippolitov AP. The doctrine of “dhikr” and its followers in Chechnya and the Argun district in Collection of information about the Caucasian highlanders. Tiflis, 1869. Vol. 2. Section 1. P. 1-17. (In Russ.).

10. History of Chechnya from ancient times to the present day: In 2 volumes. Vol. 1. History of Chechnya from ancient times to the end of the 19th century. Grozny: State Unitary Enterprise "Book Publishing House", 2008. 828 p. (In Russ.).
11. Kanukov I. Highlander migrants. Collection of information about the Caucasian highlanders. Tiflis, 1876. Vol. 9. P. 84-112. (In Russ.).
12. Klychnikov YuYu, Linets SI. North Caucasian Knot: Features of Conflict Potential (Historical Essays). Pyatigorsk, 2006. 211 p. (In Russ.).
13. Krikunov VP. Revolutionary commoners in the North Caucasus. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1958. 145 p. (In Russ.).
14. Kundukhov M. Memoirs. Vladikavkaz: Publishing and printing enterprise named after. V. Gassieva, 2013. 92 p. (In Russ.).
15. Magomedadayev AM, Amirova ZM. The causes and consequences of the 1877 uprising in Dagestan as assessed by contemporaries and researchers. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 2010; 1(10):20–31. (In Russ.).
16. Maksimov E. Chechens in Terek collection supplement to the Terek calendar for 1894. Vladikavkaz, 1893. Issue 3. Book 2. P. 3-100. (In Russ.).
17. Morozov NA. Stories of my life. Moscow: Nauka, 1965. Vol. 1. 408 p. (In Russ.).
18. Periodicals of the Caucasus about Ossetia and Ossetians / Compilation, preface, notes and comments by LA Chibirova. Tskhinvali: Iryston Publishing House, 1982. 372 p. (In Russ.).
19. Revolutionary populism of the 70s of the XIX century. Collection of documents and materials in 2 volumes. Vol. 1. 1870–1875 / Edited by BS Itenberg. Moscow: Nauka, 1964. 531 p. (In Russ.).
20. Skitsky BV. Essays on the history of mountain peoples. Ordzhonikidze, 1972. 379 p. (In Russ.).
21. Tumanov GM. Land issues and crime in the Caucasus. St. Petersburg, 1900. 113 p. (In Russ.).
22. Khashaev HM. Social system of Dagestan in the 19th century. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 262 p. (In Russ.).
23. Khoruev YuV. Abreks in the Caucasus. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010. 524 p. (In Russ.).
24. Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RSO-A). F. 30. Op. 1. D. 52. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(470.6)"1920"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.10>

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КОНСОЛИДАЦИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ НЭПА

Александр Павлович Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (д. 132, ул. Просвещения, Новочеркасск, 346428, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
s_a_p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

Аннотация. Введение. Изучение нэпа остаётся одной из актуальных проблем современной российской историографии, и большое количество исследований в постсоветское время не исчерпало многих сюжетов, включая историописание форм производственных объединений крестьянских хозяйств. Нэп открыл широкий простор для производственно-хозяйственной консолидации крестьянства, но крестьяне предпочитали использовать традиционную супругу, ставшую в условиях восстановления сельского хозяйства универсальным социально-экономическим инструментом и одной из основных форм производственных объединений крестьянских хозяйств. **Материалы и методы.** С опорой на изучение архивных материалов и историографические факты доказываются отсутствие устойчивого и масштабного интереса ставропольских крестьян к созданию сельскохозяйственных артелей и коммун. Применён историко-статистический метод в трактовке процесса хозяйственно-экономической консолидации ставропольского крестьянства по выбору форм объединения; осуществляется историческая реконструкция всего объёма производственных отношений и социального взаимодействия. **Анализ.** Ставропольская деревня в годы нэпа обратила свои взоры на товарищества как наиболее приемлемую форму коллективных хозяйств (колхозов), и они постепенно сменили супругу, поэтому множилось виды товариществ, росло количество их участников, что превратило товарищества в гибкий социальный инструмент аграрной политики периода нэпа. Реальностью в Ставропольском округе Северо-Кавказского края стали «дикие» (незарегистри-

рованные) колхозы, поскольку крестьян, в первую очередь, привлекали производственно-экономические возможности, и лишь затем они начинали юридически оформлять сложившиеся отношения, поскольку в деревне ещё не исчезло доверие слову крестьянина-хозяина. **Результаты.** По итогам исследования делается вывод о выборе ставропольским крестьянством простых малых и больших товариществ в качестве приемлемой формы коллективного хозяйствования. Осуществлённая историческая реконструкция производственных отношений и социального взаимодействия, складывавшихся в рамках каждой формы коллективных хозяйств в годы нэпа, подтвердила необходимость их вербально-понятийного описания, последовательно выполненного в рамках статьи.

Ключевые слова: большевики, коллективные хозяйства, крестьяне, новая экономическая политика (нэп), сельскохозяйственная артель, сельскохозяйственные товарищества, советская власть, супруга, трудовая коммуна

Для цитирования: Скорик А. П. Эволюция форм производственно-хозяйственной консолидации ставропольского крестьянства в годы нэпа // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 252–261. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 24.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 16.03.2025.

Статья принята к публикации: 16.04.2025.

Research article

THE EVOLUTION OF THE FORMS OF INDUSTRIAL AND ECONOMIC CONSOLIDATION OF STAVROPOL PEASANTRY DURING THE NEP YEARS

Alexander P. Skorik

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (132, Prosveshcheniya St., Novocherkassk, 346428, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation
s_a_p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

Abstract. Introduction. The study of the NEP remains one of the urgent problems of modern Russian historiography, and a large number of studies in the post-Soviet period have not exhausted many subjects, including the historical description of the forms of production associations of peasant farms. The NEP opened up a wide scope for the production and economic consolidation of peasantry, but peasants preferred to use the traditional supriaga, which became a universal socio-economic tool and one of the main forms of production associations of peasant farms in the conditions of the restoration of agriculture. **Materials and methods.** Based on the study of archival materials and historiographical facts, the lack of sustained and large-scale interest of Stavropol peasants in the creation of agricultural artels and communes is proved. The historical and statistical method is applied in the interpretation of the process of economic consolidation of the Stavropol peasantry by choosing the forms of association; the historical reconstruction of the entire volume of industrial relations and social interaction is carried out. **Analysis.** Stavropol village in the years of the NEP

turned its eyes to partnerships as the most acceptable form of collective farms (collective farms), and they gradually replaced the supriaga, therefore, types of partnerships multiplied, the number of their participants increased, which turned partnerships into a flexible social tool of the agrarian policy of the NEP period. "Wild" (unregistered) collective farms became a reality in the Stavropol District of the North Caucasus Region, since peasants were primarily attracted by production and economic opportunities, and only then they began to legally formalize the existing relations, since trust in the word of the peasant owner had not yet disappeared in the village.

Results. Based on the results of the study, it is concluded that the Stavropol peasantry has chosen simple small and large partnerships as an acceptable form of collective management. The historical reconstruction of industrial relations and social interaction that developed within each form of collective farms during the NEP years confirmed the need for their verbal and conceptual description, consistently performed within the framework of the article.

© Скорик А. П., 2025

Keywords: Bolsheviks, collective farms, peasants, New Economic Policy (NEP), agricultural artel, agricultural partnerships, Soviet government, supryaga, labor commune

For citation: Skorik AP. The evolution of the forms of industrial and economic consolidation of Stavropol peasantry during the NEP years. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 252-261. (In

Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.10>

Conflict of interest: The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 24.01.2025.

The article was approved after reviewing: 16.03.2025.

The article was accepted for publication: 16.04.2025.

Введение. Процесс объединения хозяйств крестьян-единоличников в коллективные хозяйства традиционно в общественном сознании связывается с коллективизацией конца 1920-х – 1930-х гг., и само понятие «колхоз» (а правомерно следует говорить применительно к коллективизации сельскохозяйственная артель) также в соответствующем звучании относится к этому хронологическому периоду. Но коллективные хозяйства, создававшиеся большевиками с 1918 г., исторически подразумевают более широкий набор форм производственной консолидации российского крестьянства, а появились такие варианты объединения усилий крестьян задолго до советской власти, и выгоды коллективного труда крестьяне поняли до получения директивных указаний большевиков. Разрушительные последствия Гражданской войны, голод 1921–1922 гг., обнищание российской деревни, значительное сокращение численности наиболее трудоспособной части сельского населения, вымирание людей вследствие массовых эпидемий, продовольственные реквизиции советской власти подтолкнули крестьянство к поиску способов коллективного выживания и организации производственной деятельности с началом восстановительного периода и переходом к нэпу. «Простейшие производственные объединения крестьянства и казачества, – пишет А.А. Панарин, – сыграли важную роль в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа после установления здесь весной 1920 г. Советской власти» [10, с 570]. Однако в региональной историографии не раскрывается динамика смены форм организации производственной деятельности в годы нэпа в статистическом измерении, уделяется преимущественное внимание кооперации, а вербально-понятийное описание обозначенных форм не является предметом специального исследования, ибо подразумевается, к сожалению, неочевидный ассоциативный смысл, вытекающий из самого названия формы организации производственной деятельности крестьянства.

Материалы и методы. Применение историко-статистического метода в трактовке процесса хозяйственно-экономической консолидации ставропольского крестьянства по выбору форм объединения показывает, что в результате осуществления нэпа складывается интересная картина, когда преобладающей формой объединения крестьян в производственные коллективы в Ставропольском округе в 1925 – 1926 гг. выступает товарищество по совместной обработке земли, которое создавалось земледельцами для своевременного выполнения наиболее трудоёмких видов работ (вспашки земли, косовицы и пр.) в полевой сезон. Такую же тенденцию мы уже прослеживали в годы нэпа на примере Кубанского округа [12, с. 230–232]. Здесь нет ничего удивительного, ибо исторически тозы на Юге России восходят к традиционной супряге, и донской писатель М.А. Шолохов писал в знаменитом романе «Тихий Дон» о том, что Пантелей Прокофьевич Мелехов «косил в супряге с Аникушкиной женой» [19, с. 118], иначе говоря, подобная простейшая форма объединения хозяйственных усилий, форма артельного труда издавна была ос-

воена южно-российскими земледельцами. На 1 октября 1925 г. в Ставропольском округе числилось 191 производственных сельскохозяйственных коллективов, в том числе: 22 коммуны, 48 сельскохозяйственных артелей, 121 товариществ по совместной обработке земли. На 1 октября 1926 г. в Ставропольском округе значилось 203 производственных сельскохозяйственных коллективов, из них: 19 коммун, 39 сельскохозяйственных артелей, 145 товариществ по совместной обработке земли, и, кроме того, имелось 17 машинных товариществ [4, л. 50б]. Тем самым, изучение архивных материалов и привлечение историографических фактов демонстрирует отсутствие устойчивого и масштабного интереса ставропольских крестьян к созданию сельскохозяйственных артелей и коммун, почти втрое уступавших по численности сельскохозяйственным товариществам. Поэтому применение метода исторической реконструкции всего объёма производственных отношений и социального взаимодействия позволяет воздать должное каждой из форм объединения производственных усилий крестьянства, предопределявших систему хозяйствования в годы нэпа.

Анализ. Осуществление детального анализа форм производственных объединений крестьянских хозяйств в годы нэпа является целью нашей статьи, ибо их статистические подсчёты, к сожалению, не отражают в полной мере исторических картин социальной реальности, не раскрывают сути социально-экономического явления, исторически существовавшего и на Ставрополье. Прежде всего, никуда в 1920-е гг. не делась извечная крестьянская супряга как наиболее простейшая, устойчивая, распространённая и популярная форма консолидации трудовых усилий среди крестьян.

Супряга исторически выступала одной старинных, традиционных форм трудовой кооперации производственных работ российского крестьянства и доступных способов оказания взаимопомощи в деревне. Сущность супряги заключалась в простом, физическом соединении производительного труда крестьянских семей и временного объединения наличного имущества крестьянских хозяйств, включая живое тягло, имеющиеся сельскохозяйственные орудия и инвентарь, в целях более эффективного выполнения различных видов хозяйственных работ в течение всего (или какой-то части) сельскохозяйственного года. Обычно супряга создавалась крестьянами благодаря сакраментальным деревенским кровнородственным связям, но довольно часто она также строилась на соседских, приятельских отношениях, когда соседи и друзья продолжительный период проживали рядом в поселении, или же когда волею судеб граничащие между собой земельные участки сближали крестьян в совместных хозяйственных делах. Причём, судя по всему, крестьяне в годы нэпа никак не стремились регистрировать такое социально-хозяйственное объединение, ибо не считали это нужным административным делом, ведь в российской деревне и так все, обо всём и всех знают, поэтому не случайно в отчёте о работе Ставропольского окружного комитета ВКП(б) за 1925–1926 гг. сообщается следующая

симптоматичная информация: «Имеется 87 «диких» коллективов, из них оформляется 45 организаций и 42 подлежит вступлению в союз» [4, л. 5об]. На 1 октября 1926 г. насчитывалось 93 «диких» колхоза, на 1 октября 1927 г., как следует из отчёта о работе Ставропольского окружного комитета ВКП(б) за 1927 г., «стало 37, причём большая часть из этого числа находится ещё в стадии оформления для вступления в Союз» [5, л. 15об]. Да и зачем регистрировать ранее внеотчётную супругу (или малое товарищество), если в ней обычно объединялись 2–3 хозяйства (примерно от 3–4 до 10–12 работников, включая несовершеннолетних детей), и гораздо реже организовывались в супругу 4–5 или более крестьянских хозяйств. Иначе говоря, мы имеем дело с малой формой производственно-хозяйственного кооперирования крестьянства, характерной не только для великороссов, малороссов, но и для других народов [1, с. 7–14].

Другой особенностью супруги выступал предмет хозяйственного объединения, или вид типичных полевых работ, ради которого крестьяне стремились консолидировать свои трудовые усилия. Трудоёмкостью среди полевых работ отличались: во-первых, весенняя пахота и благодатный вешний сев, когда требовалось поднять плугом (а нередко сохой и без тягла) тяжёлую сырую землю, быстро отсеяться на всей площади отведённого земельного участка и забороновать поля в целях сохранения влаги; во-вторых, заготовка сена, когда максимально вырастали травы, и перестоять свои сроки они не могли, поскольку качество сена неизбежно ухудшится, а ведь его ещё надо после кошения хорошо просушить для длительного хранения в осенне-зимний период; в-третьих, уборка созревших хлебов, когда в прямом смысле каждый удачный день год кормит. Крестьяне сопрягались на осуществление одного из перечисленных видов наиболее трудоёмких полевых работ, или объединялись для проведения двух видов полевых работ, но нередко они соединяли усилия на весь полевой сезон. Успешное совместное завершение всего полевого сезона неизбежно подталкивало крестьянские хозяйства к продолжению плодотворного сотрудничества, опять же или в рамках одного-двух-трёх видов полевых работ, или эффективная супруга растягивалась на несколько лет. Долгосрочная, многолетняя супруга, как правило, закреплялась приобретением общего имущества, и у крестьян существовали различные варианты хозяйственного взаимодействия: от покупки простых сельскохозяйственных орудий (например, плуга, бороны и пр.), причём, зачастую по предварительной распределительной договорённости (каждый крестьянин обзаводился каким-то имуществом в общих интересах, к примеру, пароконным ходом), до обретения сложных сельскохозяйственных машин. Подчёркнём, именно супруга позволяла крестьянам занять общую лобогрейку (жатвенную машину с конным приводом), получить во временное пользование конную молотилку на прокатных пунктах (что создавались властями в годы нэпа), совместно купить производительную сенокосилку, а при хорошем стечении обстоятельств обзавестись дорогостоящей паровой молотилкой, за которую в известном ставропольском селе Привольное очень богатые хозяева платили в 1913 г. 1000 руб. Заметим, эксплуатация паровой молотилки становилась гораздо более эффективной, если к обмолоту на ней собирали полученный урожай нескольких крестьянских хозяйств.

Для ставропольской деревни супруга имела исключительное региональное значение, поскольку из-за природно-климатических условий крестьянам требовалось обрабатывать преимущественно твёрдые степные почвы, и традиционная деревенская соха здесь становилась не всегда уместным орудием, востребованными считались железные плуги, желательны тяжёлые, а, соответственно, крестьянам надо было использовать очень мощную тягловую силу, составленную сразу из нескольких пар волов или пар рабочих лошадей, особенно, если приходилось ставропольским крестьянам поднимать целинные земли, и к тому же после Гражданской войны им достались для полевой обработки большие площади залежных земель, долго не использовавшихся в сельскохозяйственном обороте из-за социального конфликта.

Конечно же, при ускорении темпов развития товарного сельскохозяйственного производства в начале XX в., сопровождавшегося заметным усилением естественного (и отчасти искусственного) социального расслоения российского крестьянства супруга постепенно теряла былую привлекательность, но в годы нэпа она ещё сохраняла свою актуальность. Социальные катаклизмы первой четверти XX в. привели к массовому распространению супруги как простейшей формы объединения производственных усилий крестьянства в земледельческих районах, поскольку понятная крестьянам супруга выступила достаточно действенным средством в буквальном смысле выкарабкивания хлеборобов из тяжелейшего состояния послевоенной разрухи, медленного и противоречивого восстановления сельского хозяйства (с «ножницами цен» и прочими напастями) в нашей стране, в целом, и на Ставрополье, в частности.

Супруга могла иметь и социально-хозяйственный подтекст при соединении производственно-трудовых усилий, скажем, зажиточного крестьянина и крестьянина-бедняка, и тогда супруга неизбежно закрепляла социальное неравенство и обуславливала большую вероятность латентной трудовой эксплуатации. С другой стороны, поддерживаемая большевиками и объединявшаяся в супругу деревенская беднота и часть середняков могли в годы нэпа взять напрокат сельскохозяйственные машины и орудия, получить желанную семенную ссуду, завладеть при поддержке органов управления экспроприированным имуществом социально враждебных советской власти слоёв населения и пр. Поэтому договорные группы, создаваемые в годы нэпа из числа бедняков и середняков, наоборот зачастую не несли в себе элементы латентной трудовой эксплуатации и были прочным залогом дальнейшей социально-хозяйственной консолидации, образования разнообразных товариществ, а при определённых обстоятельствах даже коммун. Более того, возможность свободного объединения в супругу и развитие трудовой взаимопомощи сыграли существенную роль для бедняцко-середняцкой части деревни в социально-хозяйственном противостоянии с кулацкими элементами крестьянства, по определению склонными к формированию экономической зависимости от них беднейших слоёв российской деревни. Традиционная форма производственно-хозяйственной консолидации в виде супруги способствовала развитию коллективистских начал в нэповской деревне, и она во многом утратила былое значение с развёртыванием сплошной форсированной коллективизации, но её элементы сохранялись в крестьянской повседневности, когда, например, кол-

хозник собирался возвести новый дом, отремонтировать хозяйский сарай, починить изгородь и т.п.

В целом же, супруга как простое производственное объединение приносила сгруппировавшимся крестьянам существенную экономическую выгоду, увеличивала производительность труда хлеборобов на основе его дифференцированного разделения и приобретения совместного распределённого имущества (плуга, брички, коня, и пр.), повышала эффективность использования рабочего скота и сельскохозяйственных машин и орудий. Прямых данных о масштабах применения ставропольскими крестьянами супруги мы в исторических источниках не обнаружили, но, если исходить из вполне приемлемого постулата о том, что практически все бедняки и маломощные середняки в той или иной форме в годы нэпа обращались к супруге (за исключением кооперированной части крестьянских хозяйств, для которых она была менее вероятной реальностью, ибо они оказались вовлечены в иную форму производственной кооперации), то в Ставропольском округе супруга в середине 1920-х гг. охватывала по нашим расчётам, выполненным на основе архивных данных [4, л. 3об, 5об], до 45 % всего крестьянства. Тем самым, в годы нэпа для значительной части крестьян-единоличников Ставропольского округа супруга выступала привычным социальным инструментом хозяйствования и организации трудовой повседневности. Правда, известный историк-аграрник А.А. Панарин даёт супруге более сдержанную оценку: «Супруга как разновидность производственного объединения крестьянства и казачества способствовала развитию их трудовой взаимопомощи и вносила некоторые элементы обобществлённого производства. Однако, супруга не могла являться в полной мере формой кооперирования крестьянских хозяйств, так как объединение в ней тягла и сельхозинвентаря было сезонным, чаще всего на основе двух или трехстороннего соглашения между ближайшими соседями или родственниками. Помимо этого, супруга не входила в состав сельхозкооперации и имела временный и вынужденный характер» [10, с. 572]. Но, заметим, супруга, как бы ни рассчитывались её масштабы, являлась существенным подспорьем для южно-российских хлеборобов.

Кардинальным новшеством для ставропольской деревни периода нэпа стало создание коммун, или точнее сказать, трудовых коммун, ибо слово «коммуна» имеет множество совершенно иных значений (например, это может быть административно-территориальная единица), но в исторических источниках и научной литературе по отношению к деревне прижилось понятие в одно слово «коммуна». Почему трудовая коммуна?! Прежде всего, потому что коммуны в деревне формировались в сфере производственной деятельности, хотя особый тип коллективистских отношений, безусловно, распространялся в коммуне на весь комплекс социального и личностного взаимодействия крестьянства с генерирующей идеей тотального обобществления, в первую очередь, любого имущества, во вторую очередь, самого труда членов коммуны в широком его понимании, и, в третью – почти всего объёма партикулярной жизни коммунаров.

С одной стороны, советская власть с помощью трудовых коммун рассчитывала осуществить коренное социальное переустройство российской деревни, перебросить мостик в новое социалистическое общество, извести мелкого частного собственника, мешавшего большевистскому движению к светлому будущему.

Внедрение коммун в деревне явилось одной из первых советских политических кампаний, когда прямым выгодоприобретателем от проведения властями имущественных реквизиций у зажиточного крестьянства (далеко не всегда у кулаков) становились именно трудовые коммуны.

С другой стороны, сами крестьяне после разрушительной Гражданской войны, особенно бедняки и демобилизованные красноармейцы, усматривали в коммуне избавление от повседневной крайней нужды, сокрушительной бедности, и получали воплощение потаённой мечты о социальном равенстве. Не случайно крестьяне села Новоселицкого Александровского района Ставропольского округа называли свою коммуну «Луч солнца», краткую историю существования которой нам удалось восстановить по архивным материалам Государственного архива Ставропольского края из фонда Р-467 «Сельскохозяйственная коммуна "Луч солнца"» [6, д. 1–8]. Тем не менее, у основной массы крестьянства создание коммун при поддержке властей особого восторга не вызывало, и привычный общинный призыв «Долой коммунию!» звучал в российской деревне то здесь, то там. Однако количественное сокращение трудовых коммун по мере осуществления нэпа в ставропольской деревне, о чём мы писали выше, выступало не только результатом внешнего социального давления крестьянских масс, поскольку коммуны разрушались, прежде всего, сами изнутри.

Типовой устав коммуны, как нам удалось установить в ходе исследования, предполагал до вступления крестьянина в это объединение ликвидацию им прежних имущественных обязательств и выплату наличествующих долгов данного крестьянского хозяйства, а при вхождении в коммуны крестьянин передавал её коллективу в полное владение, пользование и распоряжение все у него имеющиеся постройки, живое тягло, земельный участок, орудия труда и денежные средства, в общем, «все свои пожитки». Так, после месячного разбирательства покинувшая 20 мая 1925 г. коммуны «Луч солнца» Ксения Дионисовна Скибина, согласно её собственноручной расписке от 30 июня 1925 г., «получила часть имущества. Остаются за коммуной «Луч солнца» следующие предметы: «одна лошадь, кобыла и одна машина-лобогрейка, и одна бочка и один[ни] ход[ы]». Истице вернули: дом с постройками, 5 хомутов, 2 овцы, бочонок, две цепи (для обмолота), кадушку, наковальню, два молотка, тулуп и зипун, часть озимого посева и другое имущество, истребованное по суду [6, л. 19].

Несмотря на леворадикальный, социалистический характер формирования трудовой коммуны, она оставалась экономико-производственным объединением, поэтому её материальную базу составлял основной капитал, к чему относились: унаследованные от крестьян-коммунаров и возведённые заново постройки, обобществлённые орудия труда и приобретённые коммуной сельскохозяйственные машины, разного рода оборудование, накопленные удобрения, и т.п.оборотный капитал коммуны включал: часть полученного урожая, оставленного на нужды коммунаров, семенное зерно, вырученные от реализации продукции и иных активов денежные средства, и пр. Кроме того, успешная трудовая коммуна имела запасной капитал, или, говоря современным языком, бюджет развития, когда часть заработанных средств откладывали, например, для приобретения живого тягла, или молодняка крупного рогатого скота. Однако серьёзные накопления у коммуны

могли появиться только при условии высокопроизводительного труда всех коммунаров, что, в свою очередь, могло быть возможным при наличии у них личной заинтересованности, чего в коммуне сложно было обеспечить по определению.

Трудовая коммуна кардинально меняла крестьянскую повседневность, когда собственный дом, каким бы захудалым он не был, заменялся общежитием, семейный обеденный стол с яствами, собранными по степени зажиточности крестьянского хозяйства, вытеснялся общественной столовой, редкое чтение газет и общедоступных народных брошюр сменялось обязательными общественными читками пропагандистской литературы и записыванием коммунаров в библиотеку, распространение противоречивых слухов о необычных вещах и происшествиях замещалось публичными лекциями, как правило, представителей ближайшего пролетарского города на актуальные социально-политические темы, душевные семейные и общинные торжества уступали место новым советским праздникам с непривычной митинговой обрядностью, «укрепление традиционных форм семейной организации (супружество, отцовство, материнство, индивидуалистически-семейная ориентация) виделось в тот момент как торможение развития коллективности» [16, с. 204]. В итоге бывшая преобладавшая партикулярность крестьянского мира утрачивалась и резко заменялась коллективистским бытованием, активной общественной жизнью всей группы коммунаров. Поэтому не случайно коммунарка Ирина Ивановна Коломейцева 5 февраля 1926 г. обратилась в коммуны «Луч солнца» с просьбой «исключить меня из членов коммуны, так как я нахожусь в настоящее время в замужестве и существовать членом Коммуны я не могу» [6, л. 11–11об].

Предельное обобществление результатов труда, высокий процент административного изъятия конечного продукта в пользу государства, сдача излишков урожая продовольственным органам по регулируемым ценам, нормирование потребления членов коммуны, независимое от трудового вклада, упорядочивание групповых и межличностных отношений на основе коммунистических принципов: все эти вместе взятые субстанциональные черты подтачивали коммуны изнутри. Безусловно, у каждой коммуны складывалась своя история: очень краткосрочная (в течение нескольких месяцев, или на протяжении одного-двух лет), среднесрочная (от трёх до шести лет), долгосрочная (от начала нэпа и до развёртывания сплошной форсированной коллективизации). Изученная нами краткосрочная история существования в течение полутора лет трудовой коммуны «Луч солнца» села Новоселицкого Александровского района Ставропольского округа показала, что созданная под воздействием агитации демобилизованных красноармейцев коммуна распалась и мечты коммунаров «разбились о суровую правду климатической зоны рискованного земледелия и неумелое хозяйствование» [17, с. 79]. Основной причиной ликвидации коммуны «Луч солнца» оказались тяжелейшие убытки от стихийного бедствия, когда к концу зимы 1925/1926 гг. выяснилось, что погиб посев озимой пшеницы на площади 10 десятин, откуда коммунары рассчитывали собрать урожай не менее 50 пудов с одной десятины (более 8 тонн зерна). Ситуацию усугубил падёж скота, и в результате убытки достигли катастрофической для коммуны суммы 912 рублей, что и подтверждалось официальными документами. Понесённые убытки подорвали плате-

жеспособность коммуны, и наиболее активные коммунары (совет коммуны) начали искать возможности отсрочить выплату долгов до ноября 1926 г., рассчитывая на новый удачный урожай [7, л. 5–5об]. Заметим, части коммун власти Ставропольского округа смогли помочь, и в 1926 г. 15 коммун отсрочили платежи по накопившимся задолженностям на общую сумму 54412,20 руб. при зафиксированном долге 56420,21 руб. [5, л. 16об].

В целом же, трудовые коммуны как экономико-производственные объединения, прежде всего, беднейших слоёв деревни, рассматривавшиеся большевиками в качестве средства классовой борьбы в деревне, своим функционированием представлявшие в годы нэпа управляемый социальный эксперимент, нарушавшие веками сложившиеся устои деревенского общежития, не прижились в социальной реальности раннесоциалистического государства. Яркие лозунги всеобщего равенства даже в уставных документах, определённая привлекательность коммунальной жизни, ставка на деревенскую молодёжь, публичность и внешняя демократичность управления и многие иные позитивные черты трудовой коммуны не смогли противостоять актуальному личному интересу, реальной выгоде, относительной самостоятельности, крестьянскому желанию жить в своём доме, разводить свой скот, иметь свой сельскохозяйственный инвентарь, сохранить исконное право распоряжаться результатами своего труда и хотя бы частью произведённого итогового продукта по своему усмотрению.

Наиболее распространённой формой производственного объединения крестьянских хозяйств в годы нэпа стали товарищества, которые постепенно вытесняли супрягу, и в крестьянской среде они пользовались гораздо большей поддержкой, нежели коммуны. Как отмечалось в постановлении ЦИК и СНК СССР «О коллективных хозяйствах» от 16 марта 1927 г., «Опыт коллективно-хозяйственного строительства показывает, что в настоящих условиях наиболее массовой формой коллективизации являются простейшие производственные объединения (товарищества по общественной обработке земли, машинные товарищества и т.д.). Ввиду этих тенденций в развитии коллективно-хозяйственного строительства, необходимо наряду с укреплением более сложных форм (артелей, коммун), обратить особое внимание на развитие и укрепление простейших форм, вовлекая в них всё большие массы крестьянства, в первую очередь его бедняцкие слои. При этом необходимо всемерно содействовать постепенному и основанному на самостоятельности переходу от простейших форм коллективных объединений к более сложным» [13, ст. 161].

В видовом отношении товарищества так же, как и супряга, отличались заметным разнообразием, хотя в исторических источниках и научной литературе они обычно ассоциируются с тозами – товариществами по совместной обработке земли. Но значимость функционирования и масштабность развития сельскохозяйственных кредитных товариществ подчёркивает их превращение в самостоятельный предмет исследования для современных историков [8]. В феврале 1927 г. Ставропольский окружной ВКП(б) провёл обследование 20 кредитных сельскохозяйственных товариществ «по вопросам кооперирования и направления кредитов в село и участия в этом бедноты». Тогда эти кредитные товарищества получили кредиты в сумме 248000 руб. в расчёте на 4397 заёмщиков. Из указанного общего объёма финансовых средств бедняцким хозяйствам выдали 36000 руб. с расчётной средней суммой на одно хозяй-

ство в 45 руб., и, тем самым, удовлетворили в итоге их потребность в заёмных средствах на 51 %; середняцкие хозяйства взяли кредитов на сумму 163000 руб. со средним расчётным показателем на одно хозяйство в 55 руб., и они закрыли свою потребность в заёмных средствах на 80 %; кулацкие хозяйства оформили кредитов на 49000 руб. со средним результатом 103 руб. на одно хозяйство, и они больше не испытывали потребности в заёмных средствах, ибо получили столько, сколько того хотели. В итоге проведённого кредитования на долю бедняцких хозяйств пришлось 14,6 % от общей суммы, середняки взяли кредитов в долевом отношении 65,6 % всех средств и кулаки выхлопотали 19,8 % от всех выделенных денег. Причём, собственных средств сельскохозяйственные кредитные товарищества аккумулировали 26678 руб., из них: бедноте в соотносимых цифрах досталось 11,49 %, середнякам удалось добиться 41,9 % от общей суммы, и кулаки получили 46,7 % от консолидированного бюджета. Тем самым, наблюдалось, как считали ставропольские большевики, «полное искажение политики в деле кредитования бедняка и середняка в работе низовой сети сельскохозяйственных кредитных товариществ, причём, здесь мы имеем даже, что кредитование кулака шло за счёт вкладов бедняка и середняка» [5, л. 110б]. «Анализ возврата розданных сумм показывает, что на 1 октября 26 года погашение кредитов, по сравнению с полученными за год различными группами населения: беднотой – 66 %, середняками – 61 %, кулаками – 64 %, причём, просроченные ссуды к полученным выражаются: за беднотой – 10 %, за середняками – 9 % и за кулаками в 12 %, т.е. в сумме просроченных платежей кулаки занимают первое место, бедняки – второе и третье – середняки» [5, л. 110б].

Что касается общей численности сельскохозяйственных кредитных товариществ, то на 1 октября 1926 г. насчитывалось 86 объединений (18549 домохозяйств), а на 1 октября 1927 г. их количество достигло 90 единиц (31108 домохозяйств), в которых сконцентрировались 22,5 % крестьянских хозяйств Ставропольского округа [5, л. 140б].

Изучение сельскохозяйственных товариществ выводит нас на более масштабную проблему кооперации в годы нэпа, чему посвящена докторская диссертация А.А. Панарина [11]. Но мы решили ограничиться смысловой характеристикой товариществ в рамках предметного поля нашей статьи и сосредоточить своё внимание только на характеристике самого понятия «товарищество», ведь каждый вид товариществ, а помимо упомянутых выше тоза и кредитного товарищества, функционировали ещё семенные, мелиоративные, машинные, молочные, льноводческие, по электрификации и пр., это отдельная история и вполне самостоятельный предмет для обстоятельного исследования. Кстати, А.А. Панарин отмечает большую активность мелиоративных крестьянских производственных объединений «в Ставропольской губернии, где в начале 1923 г. действовало 59 мелиоративных товариществ, среди которых были такие образцовые, как «Мелиоративное товарищество Петровского губземотдела» [10, с. 573].

Отличие товарищества от супруги заключалось в замене устной договорённости между главами крестьянских хозяйств, хотя и типовым, но всё же письменным (печатным) уставом, независимо от названия товарищества, причём, такой устав после принятия на общем собрании регистрировался обязательно в местных органах власти. В уставном документе чётко обозначалась

цель создания сельскохозяйственного товарищества, которое основывалось на добровольном соглашении входящих в товарищество членов, и крестьяне предполагали организовать наиболее выгодным образом труд членов товарищества и членов их семейств для совместного производства сельскохозяйственных работ, обеспечить общее пользование средствами и орудиями производства, гарантировать снабжение членов товарищества всеми необходимыми для сельского хозяйства предметами, а также осуществлять сбыт продуктов производства товарищества и его членов, оказывать содействие хозяйственному развитию и повышению производительности хозяйств членов товарищества.

Товарищества можно считать, с точки зрения хозяйственной консолидации, следующей ступенью объединения производительных сил крестьянских хозяйств после супруги, поэтому они и получили большее распространение среди крестьян в годы нэпа, нежели сельскохозяйственные артели и коммуны, ибо принципы объединения супруги и эффективность её применения для крестьян получались вполне очевидными. Если организация супруги заключалась в простом сложении рабочих рук нескольких семей крестьян, объединении скота, прежде всего, живого тягла, в общем использовании сельскохозяйственных машин и орудий, то члены товарищества вносили в «общий котёл» небольшой вступительный взнос (например, один рубль), имевший безвозвратный характер, и вкладывали основной (возвратный при выбытии) паевой взнос (скажем, 10 рублей), за счёт которых формировалась финансовая база для деятельности товарищества. За полученные результаты этой деятельности члены товарищества отвечали своим и всем объединённым имуществом, а оно детально учитывалось в составляемых имущественных списках при вступлении крестьян в члены-пайщики. Долговые обязательства товарищества обеспечивались всем принадлежащим ему движимым и недвижимым имуществом и капиталами, а также имуществом членов в кратном (например, 30-кратном) размере к сумме внесённых членом обязательных паёв. Паявые взносы, имущественная ответственность и относительная хозяйственная самостоятельность отличали товарищество в материально-хозяйственном отношении от коммуны. Члены товарищества разделяли имущество на своё собственное и общее имущество товарищества, не передавали в коллективное владение, пользование и распоряжение все жилые и хозяйственные постройки, все имеющиеся в крестьянском хозяйстве машины и инвентарь, как это делалось в коммуне, а они продолжали вести собственное хозяйство, независимое в производственно-экономическом плане от товарищества, пользовались необходимыми для них услугами товарищества, активно участвовали в определённых товариществом общих и безотлагательных работах, получали по итогам отчётного года дивиденды, причитающиеся на размер внесённого паявого взноса. Вместе с тем, в товариществах и в коммунах состояло, как правило, гораздо большее количество участников, нежели могло объединиться в традиционной супруге.

К середине ноября 1927 г. в Ставропольском округе насчитывалось 34 зарегистрированных специализированных сельскохозяйственных товарищества с охватом 510 членов (в среднем по 15 на одно товарищество), в том числе: 26 животноводческих, 1 коневодческое, 2 птицеводческих, 2 садо-огороднических, 1 мелиоративное и 2 семеноводческих. Одновременно функциониро-

вали 42 «диких» товарищества, в том числе: 25 животноводческих, 1 птицеводческое, 16 мелиоративных. По социальному составу животноводческие товарищества состояли «преимущественно из хозяйств зажиточных и середняцких, переходящих в зажиточные. Количество бедняцких и середняцких хозяйств в этих товариществах незначительно и в большинстве они играют декоративную роль. Приток новых членов в животноводческие товарищества и, главным образом, бедноты почти совершенно отсутствует. Социальный состав мелиоративных товариществ в большинстве является бедняцким и середняцким» [5, л. 16об].

Существовало четыре формы паевых взносов в животноводческих товариществах: 1) только с члена товарищества; 2) с голов скота членов товарищества; 3) с членов товарищества и с голов их скота; 4) натурой в размере одной десятой части от имевшегося в крестьянском хозяйстве скота. Паевые взносы в животноводческих товариществах обычно рассчитывались следующим образом: 1) с общего количества голов скота в размере от 1 до 500 руб.; 2) с головы крупного рогатого скота в пределах от 1 до 10 руб.; 3) с головы мелкого рогатого скота в границах от 50 коп. до 1 руб. Маштабы установленной материальной ответственности в животноводческих товариществах также отличались: 22,5 % товариществ зафиксировали 10-ти кратную ответственность, а 37,5 % приняли ответственность всем своим имуществом. «Не имея никаких доходных статей, мелкие товарищества работают без оборотных средств, и все расходы пополняются путём самообложения. Крупные товарищества, кроме самообложения, имеют возможность оборачиваться авансом под шерсть» [5, л. 16об–17].

Что касается действовавших в Ставропольском округе на 1 октября 1926 г. 17 машинных товариществ, то это такая же простейшая форма кооперации производственно-экономических усилий крестьян в годы нэпа, как и иные подобные крестьянские объединения: кредитно-сельскохозяйственные, семенные, мелиоративные, молочные, льноводческие и пр. В основе их создания крестьянами в период нэпа лежало использование преимущества частичной имущественной консолидации отдельных крестьянских хозяйств для достижения экономической выгоды в сельскохозяйственном производстве. Объединяясь в самостоятельное кооперативное машинное товарищество в 1920-е гг., крестьяне получали реальную возможность вкладчину приобрести и/или рационально использовать при осуществлении трудозатратных полевых работ сложные сельскохозяйственные машины, например, трактор, или даже целый набор машин и орудий в своих хозяйствах. Применение сложных сельскохозяйственных машин заметно повышало производительность труда в крестьянских хозяйствах, которые вступали в кооперативные машинные товарищества, и, в конечном итоге, увеличивало урожайность выращиваемых сельскохозяйственных культур, а, соответственно, членам товариществ удавалось преумножать реальную прибыльность крестьянских хозяйств.

Основная проблема заключалась в вероятности наличия у группы крестьянских хозяйств первоначального капитала, чтобы совместными усилиями приобрести и/или взять под залог напрокат желательные в крестьянских хозяйствах сложные сельскохозяйственные машины и орудия. Машинному товариществу, кроме аккумуляирования первоначального капитала для при-

обретения (аренды) сельскохозяйственных машин, требовалось заранее подготовить места (помещения) для хранения этих машин, создать профильные ремонтные мастерские для эксплуатации и обслуживания приобретаемой сельскохозяйственной техники, подготовить (найти, обучить) специалистов, способных с максимальной производительностью применить полученные сельскохозяйственные машины на полевых работах. Членам машинного товарищества также предстояло на общем собрании договориться между собой о порядке эксплуатации сложных сельскохозяйственных машин и орудий, достигнуть согласия о передаче этого имущества исключительно во временное распоряжение и пользование отдельным членам товарищества, прийти к общему мнению об условиях аренды (субаренды) этих машин иным физическим лицам и производственным объединениям в случае, если имеющиеся в наличии машины временно свободны и не использовались членами машинного товарищества. Весь этот комплекс производственно-хозяйственных вопросов оговаривался, детально обсуждался и фиксировался в уставе машинного товарищества, принимаемом общим собранием крестьян-участников. Однако машинные товарищества нередко носили фиктивный характер и служили способом приобретения на льготных условиях (введённых государством) сложной сельскохозяйственной техники зажиточными крестьянскими хозяйствами. Эта тенденция получила значительное распространение, поэтому в постановлении ЦИК и СНК СССР «О коллективных хозяйствах» от 16 марта 1927 г. отмечалось: «Вместе с тем, как при организации, так и при вовлечении простейших производственных объединений типа машинных товариществ в систему кооперации и при распространении на них льгот, предоставляемых коллективным организациям, необходимо иметь в виду наблюдающиеся случаи использования кулацкими элементами машинных товариществ для прикрытия эксплуатации беднейших элементов деревни и вести с этим решительную борьбу» [13, ст. 161].

Что касается 39 сельскохозяйственных артелей, насчитывавшихся по состоянию на 1 октября 1926 г. в Ставропольском округе, то в рамках этой организационно-хозяйственной формы объединения индивидуальных крестьянских хозяйств стали появляться после окончательного установления советской власти на Ставрополье в феврале 1920 г., и они руководствовались «Нормальным уставом трудовых земледельческих артелей», утверждённым Народным комиссариатом земледелия РСФСР 19 мая 1919 г. [9], который оказался временным нормативно-правовым актом. На основе формально-юридического анализа текстов уставов сельскохозяйственных артелей 1919 и 1920 годов П.А. Якушев делает в своей статье следующий итоговый вывод: «Большевики пытались регламентировать деятельность сельхозартелей. В принятом артельным уставе 1919 г., наряду с коллективистскими принципами ведения хозяйства, имелись «мелкие послабления». Ужесточение к осени 1920 г. политики «военного коммунизма» привело власть к уверенности в необходимости уничтожения остатков «мелкобуржуазных» принципов хозяйствования и постепенного слияния артелей и коммун, что привело к утверждению в сентябре 1920 г. нового устава, положения которого были приближены к коммунальным формам землепользования» [20, с. 68]. Такой регуляторный поворот оказался преждевременным, и в условиях нэпа продолжился поиск наиболее

оптимальной модели сельскохозяйственной артели, учитывающей коренные интересы крестьянства. В 1922 г. появляется «Временный устав сельскохозяйственного производственного коллектива» [2], и в том же году публикуется «Примерный устав земледельческой трудовой артели» [15]. Всего Наркомат земледелия РСФСР в 1923 г. утвердил 14 примерных уставов, и, помимо регулятивного акта для земледельческой трудовой артели, в правоприменительной практике появились примерные уставы для различных видов товариществ с учётом вероятностной отраслевой сельскохозяйственной специфики, а опубликованный в 1928 г. «Устав сельскохозяйственной артели» выдержал восемь изданий [18]. Последним документом, сохранявшим нэповские альтернативы в аграрной политике, стало постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. «Об утверждении общих начал землепользования и землеустройства», где в пункте 15 подчёркивалось: «Землеустройство, организуя земельную площадь с соблюдением права населения на свободный выбор форм землепользования, должно способствовать общему подъёму сельского хозяйства, кооперированию и коллективизации его» [14, ст. 642]. И далее в пункте 29 читаем: «Ввиду того что кооперирование крестьянства является основным путём социалистического преобразования сельского хозяйства и что для значительных слоёв маломощного крестьянства нет возможности поднять своё хозяйство иначе как путём перехода к товарищеским формам землепользования, – государство оказывает особое содействие и поощрение образованию и деятельности коллективных хозяйств (коммун, артелей, товариществ). При этом сохраняется добровольность перехода к коллективным (и другим товарищеским) формам ведения хозяйства» [14, ст. 642]. Однако переход к коллективным хозяйствам советская власть поощряла длинным перечнем льгот и преимуществ. Тем не менее, в указанном нормативно-правовом акте 1928 г. сохранялись и земельные общества со своим набором полномочий.

В сельскохозяйственной артели степень обобществления имущества крестьянских хозяйств была иной, нежели в коммуне. Коллективными в сельхозартели становились: во-первых, землепользование консолидируемыми в единое целое земельными участками крестьян-единоличников; во-вторых, трудовые отношения в процессе производства материальных благ; в-третьих, основные средства производства, аккумулируемые из бывших индивидуальных крестьянских хозяйств, включая живое тягло. С нашей точки зрения, если подходить не предвзято, в сельскохозяйственной артели закреплялась коэволюция трёх видов и/или форм собственности: 1) государственное владение землёй; 2) кооперативное пользование земельными угодьями и владение, пользование, распоряжение обобществлёнными основными средствами производства; 3) квазичастное пользование и распоряжение имуществом в рамках отмежёванного личного подсобного хозяйства, включавшего жилой дом, хозяйственные постройки, приусадебный участок, обеспечивавший содержание ограниченного количества домашнего скота и птицы, выращивание полевых и огородных культур, занятие мелкими промыслами (виноградарство, пчеловодство и пр.). Получаемые доходы в сельскохозяйственной артели являлись предметом общественного регулирования, а их распределение осуществлялось в коллективном хозяйстве не только в зависимости от количества полученной продукции и качества труда

членов артели, но и с учётом социально значимых приоритетов коллективного хозяйства, нередко преподанных властью предрержащими.

Из 117787 крестьянских хозяйств Ставропольского округа [4, л. 3об], насчитывавшихся к началу 1927 г., число объединяемых хозяйств в коллективы оказывалось невелико: на конец 1925 г. в них входило 2718 семейств, а на конец 1926 г. их количество сократилось до 2448 семейств, хотя, если учитывать членов коллективных хозяйств, то получается 3554 и 3369 человек соответственно, или по едокам выходит 13714 и 12324 человек [4, л. 5об]. Сокращение численности коллективных хозяйств в 1926 г. по сравнению с 1925 г. произошло за счёт ликвидированных коллективов и сокращения числа членов, но в любом случае количество крестьянских хозяйств, объединившихся в коллективные хозяйства, равнялось примерно лишь 2 % от общей массы крестьянских хозяйств в Ставропольском округе к началу 1927 г.

На 1 октября 1927 г. в Ставропольском округе насчитывалось 271 коллективных хозяйств, из них – 21 коммуна, 42 сельхозартели и 187 товариществ по совместной обработке земли и 21 машинное товарищество. Количество «диких» колхозов уменьшилось за год с 93 до 37. «По социальному положению население колхозов разделяется: бедняков – 75 %, середняков – 22 % и зажиточных 3 %. Таким образом, население колхозов представляет в своей большей массе бедняцкую часть» [5, л. 15об, 16].

В коллективных хозяйствах Ставропольского округа в период нэпа наличествовало значительное число демобилизованных красноармейцев, прежних красных партизан, представителей из бывшего командного состава РККА и вдов красноармейцев. Всего на 1 октября 1926 г. числилось: 362 семей демобилизованных красноармейцев (1608 едоков), 522 семей прежних красных партизан (2350 едоков), 31 семей представителей бывшего командного состава РККА (142 едоков), 36 семей вдов красноармейцев (109 едоков), или в целом, 951 семей (4209 едоков), что составляло к общему числу семей во всех сельскохозяйственных коллективах 39 %. С учётом социального состава члены коллективных хозяйств Ставропольского округа дифференцировались на три разновеликие группы: к беднякам относились 76 %, к середнякам принадлежало 21 % и к зажиточным крестьянам причислялось 3 % [4, л. 5об]. При этом численность окружной партийной организации большевиков, несмотря на количественный рост, согласно информации из закрытого письма от 15 февраля 1926 г. ответственного секретаря Ставропольского окружкома ВКП(б) С.С. Захарова в ЦК ВКП(б) о работе окружной партийной организации, оставалась невелика. На 1 января 1926 г. в ней насчитывалось 2701 коммунистов (в том числе, 368 женщин), среди которых 59 % составляли крестьяне из числа бедняков и середняков, причём, как вынужденно признавал региональный партийный руководитель, в крестьянской среде «имеются отдельные выступления с требованием организации «Крестсоюза» в с. с. Винодельном, Кевсале и Константиновке» [3, л. 3, 4]. Иначе говоря, ставропольское крестьянство испытывало заметное разочарование в аграрной политике большевиков периода нэпа, но этот сюжет выходит за рамки статьи и может быть рассмотрен в самостоятельном исследовании.

А вот сами ставропольские большевики выделяли в ноябре 1927 г. шесть недостатков в функционировании коллективных хозяйств:

«1. Отсутствие достаточной плановости и системы в работе колхозов, правильного распределения и использования в них сил и средств производства;

2. Недостаточно правильная постановка счетоводства и отчётности, а во многих колхозах таковая вовсе отсутствует;

3. Значительная закредитованность колхозов и отсутствие достаточной финансовой дисциплины;

4. Слабое обслуживание колхозов в области народного образования и здравоохранения;

5. Отсутствие в колхозах достаточно опытных руководителей, в связи с чем наблюдается медленный переход к культурным формам ведения хозяйства;

6. Недостаточно осторожный подход при организации колхозов и приёма их в члены объединения, в смысле возможностей их хозяйственной деятельности и возможности землеустройства, в связи с чем имеются случаи, когда недавно организованный колхоз ликвидируется и т.д.» [5, л. 16об].

Результаты. Изученные формы производственно-хозяйственной консолидации ставропольского крестьянства в годы нэпа раскрывают масштаб перспективных возможностей крестьянских хозяйств для улучшения своего экономического положения, для существенного

безубыточного роста и изменения наличествующего социально-экономического статуса. В эволюции обозначенных форм можно выделить следующие тенденции. Во-первых, это преимущественная тяга крестьян Ставропольского округа Северо-Кавказского края к простейшим формам объединения в виде супруги и товарищества. Во-вторых, ставропольские крестьяне не стремились как-то регистрировать (оформлять) фактически достигнутую производственно-хозяйственную консолидацию, а потому существовало большое количество «диких» коллективных хозяйств. В-третьих, от объединения хозяйственных усилий выигрывали бедняки и середняки, которых поддерживала советская власть во главе с большевиками. В-четвёртых, производственно-хозяйственная консолидация крестьянских хозяйств в годы нэпа во многом обуславливалась внешнимиотягающими обстоятельствами предшествующего исторического периода. В-пятых, нэп открыл широкие возможности для выбора формы коллективного хозяйства, и, несмотря на продавливание большевиками образования сельскохозяйственных артелей и, особенно, преимущественную поддержку ими коммун, ставропольские крестьяне не забывали супругу и стремились создавать, прежде всего, простейшие товарищества.

Литература

1. Бгажноков Б. Х. Пахота, пахотные орудия и супруга в традиционной культуре черкесов // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 4 (39). С. 7–14.
2. Временный устав сельско-хозяйственного производственного коллектива / Народный комиссариат земледелия РСФСР. М.: Б. и. (без издателя), 1922. 16 с.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.6325. Оп.1. Д.7.
4. ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 9.
6. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАСК. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 4.
8. Жданова Н. С. Сельскохозяйственная кредитная кооперация на Алтае в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 279 с.: ил.
9. Нормальный устав трудовых земледельческих артелей: утверждён 19 мая 1919 года. 2-е изд. М.: Изд-во Народного Комиссариата Земледелия, 1919. 14 с.
10. Панарин А. А. Роль простейших производственных объединений крестьянства и казачества в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа (1921–1924 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 570–576.
11. Панарин А. А. Социально-экономическая трансформация отечественной кооперации в 1921–1929 гг.: На материалах Дона и Северного Кавказа. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2004. 45 с.
12. Панкова-Козочкина Т. В., Скорик А. П. Социально-экономическая обстановка в Кубанском округе Северо-Кавказского края в середине 1920-х гг.: хозяйственные структуры, государственная политика, казачество и иные группы населения // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – XIII. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24 ноября 2023 г. Пятигорск: ПГУ, 2023. С. 224–240.
13. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16 марта 1927 г. «О коллективных хозяйствах» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1927 г. № 1–34. Отдел первый. М.: Б. и., 1927. № 15. Статья 161.
14. Постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. «Об утверждении общих начал землепользования и землеустройства» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1928 г. № 1–69. Отдел первый. М.: Б. и., 1928. № 69. Статья 642.
15. Примерный устав земледельческой трудовой артели. Вятка: 1-я типография Бумажно-полиграфического треста, 1922. 16 с.
16. Пушкарёв А. М., Пушкарёва Н. Л. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность: сборник статей / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ: Вариант, 2007. С. 199–228.
17. Скорик А. П. Повседневность сельскохозяйственной коммуны «Луч солнца» ставропольского села Новоселицкое в середине 1920-х гг. // Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы: Двадцать пятые Всероссийские научные чтения, научно-теоретическая конференция: тезисы докладов и сообщений, 18–19 апреля 2024 г. / Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт «Донской ГАУ». Новочеркасск: Лик, 2024. С. 77–79.
18. Устав сельско-хозяйственной артели. 8-е изд. / Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов «Колхозцентр». М.: Книгосоюз, 1928. 20 с.
19. Шолохов М. А. Тихий Дон. Т. 2. М.: Художественная литература, 1968. 203 с.
20. Якушев П. А. Уставы сельскохозяйственных артелей 1919 и 1920 годов // Альманах современной науки и образования. 2010. № 11 (2). С. 66–68.

References

1. Bgazhnikov B. H. Ploughing, ploughing implements and supryaga in the traditional culture of the Circassians. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta humanitarnykh issledovaniy*. 2018;4(39):7-14. (In Russ.).

2. Temporary charter of the agricultural production team. People's Commissariat of Agriculture of the RSFSR. Moscow, 1922. 16 p. (In Russ.).
3. The State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory (GANISK). F. 6325. Inv. 1. D. 7.
4. GANISK. F. 6325. Inv. 1. D. 8.
5. GANISK. F. 6325. Inv. 1. D. 9.
6. The State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. R-467. Inv. 1. D. 1.
7. GASK. F. R-467. Inv. 1. D. 4.
8. Zhdanova NS. Agricultural credit cooperation in Altai in the 1920s: thesis. Barnaul, 2015. 279 p. (In Russ.).
9. The normal charter of agricultural labor unions: approved on May 19, 1919. 2nd ed. Moscow: Publishing House of the People's Commissariat of Agriculture, 1919. 14 p. (In Russ.).
10. Panarin AA. The role of the simplest production associations of peasants and Cossacks in the restoration of agriculture in the North Caucasus (1921-1924). *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*. 2022;9(4):570-576. (In Russ.).
11. Panarin AA. Socio-economic transformation of the domestic cooperation in 1921-1929: Based on the materials of the Don and the North Caucasus: abstract of thesis. Stavropol, 2004. 45 p. (In Russ.).
12. Pankova-Kozochkina TV, Skorik AP. Socio-economic situation in the Kuban District of the North Caucasus Region in the mid-1920s: economic structures, state policy, Cossacks and other population groups. In: Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus – XIII. Materials of the regional scientific and practical conference. Pyatigorsk, November 24, 2023. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2023. p. 224-240. (In Russ.).
13. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR of March 16, 1927 "On collective farms". In: Collection of Laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics for 1927. No. 1-34. Department one. Moscow, 1927. No. 15. Article 161. (In Russ.).
14. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of December 15, 1928 "On approval of the general principles of land use and land management". In: Collection of Laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics for 1928. No. 1-69. Department one. Moscow, 1928. No. 69. Article 642. (In Russ.).
15. The approximate charter of the agricultural labor artel. Vyatka: First printing house of the Paper and Printing Trust, 1922. 16 p. (In Russ.).
16. Pushkarev AM, Pushkareva NL. Early Soviet ideology of 1918-1928 and the "sexual question" (on attempts to regulate social policy in the field of sexuality). In: Soviet social policy of the 1920s-1930s: ideology and everyday life: a collection of articles / edited by PV Romanov, ER Yarskaya-Smirnova. Moscow: TSPGI: Option, 2007. p. 199-228. (In Russ.).
17. Skorik AP. The daily life of the agricultural commune "Ray of the Sun" of the Stavropol village of Novoselitskoye in the mid-1920s. In: Actual problems of social history, philosophy and social work: Twenty-fifth All-Russian scientific readings, scientific and theoretical conference: abstracts of the reports and communications, April 18-19, 2024. Novocherkassk Engineering and Reclamation Institute "Don State Agrarian University". Novocherkassk: Face, 2024. p. 77-79. (In Russ.).
18. The Charter of the agricultural and economic artel. 8th ed. All-Russian Union of agricultural collectives "Kolkhozcenter". Moscow: Book Union, 1928. 20 p. (In Russ.).
19. Sholokhov MA. Tikhy Don. Vol. 2. Moscow: Artistic literature, 1968. 203 p. (In Russ.).
20. Yakushev PA. Charters of agricultural artels of 1919 and 1920. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. 2010;11(2):66-68. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.11>

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ СССР И НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД С 1933 ПО 1939 ГОДЫ

Евгений Васильевич Туфанов¹, Александр Павлович Циклаури^{2*}

¹ Ставропольский государственный аграрный университет (д. 12, пер. Зоотехнический, Ставрополь, 355071, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор
e.vt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4242-9561>

² Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417А, ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)

Аспирант
zz_sano_zz@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3041-4136>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Проблематика международных отношений СССР и Третьего Рейха накануне Второй Мировой Войны является важным предметным полем исторической науки. Однако, некоторые особенности этих отношений, связанные с принципиальными идеологическими отличиями национал-социализма и коммунизма, формированием образа врага в периодической печати и, вместе с тем, вынужденным экономическим сотрудничеством обоих государств, не всегда находят отражение в работах исследователей данного исторического периода. Сформировавшийся в исследуемом периоде идеологический базис повлиял на содержание образа врага, формируемого у советского и немецкого обществ. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе германских и советских газет, а также внешнеполитических документов, в которых отражено взаимодействие Советского Союза и Германии на уровне дипломатических работников. В ходе работы применялся метод диахронического анализа с учетом принципов контекстности и междисциплинарности. **Анализ.** Анализ показал, что в исследуемом периоде в зависимости от политической ситуации в мире происходила смена транслируемых через периодическую печать и публичные заявления нарративов, направленных на широкие слои населения и основанных на национал-социалистических и коммунистических идеологемах. **Результаты.**

На конкретных примерах из средств массовой информации воссоздается содержательная часть образа врага, внедренная в общественное сознание населения СССР и Германии, а также особенности доведения данного образа до реципиента и его консервации в контексте изменчивой политической обстановки в мире. Уточняется, что образ СССР как врага Германии обладал существенными отличиями от аналогичного образа Германии в СССР.

Ключевые слова: образ врага, средства массовой информации, публичный дискурс, Вторая Мировая Война, СССР, нацистская Германия, Третий Рейх

Для цитирования: Туфанов Е. Ф., Циклаури А. П. Особенности идеологического противостояния СССР и нацистской Германии в период с 1933 по 1939 годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 262–267. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.11>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 31.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 14.03.2025.

Статья принята к публикации: 15.05.2025.

Research article

FEATURES OF IDEOLOGICAL CONFRONTATION BETWEEN THE USSR AND NAZI GERMANY IN 1933 - 1939

Evgeniy V. Tufanov¹, Alexandr P. Tsiklauri²

¹ Stavropol State Agrarian University (12, Zootekhnicheskii Per., Stavropol, 355071, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor
e.vt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4242-9561>

² Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenina St., Stavropol, 355029, Russian Federation)

Postgraduate student
zz_sano_zz@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3041-4136>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The problems of international relations of the USSR and the Third Reich on the eve of World War II are an important subject field of historical science. However, some features of these relations associated with the fundamental ideological differences between National Socialism and Communism, the formation of the image of the enemy in the periodical press and, at the same time, the forced economic cooperation of both states, are not always reflected in the works of researchers of this historical period. The ideological basis formed in the researched period influenced the content of the image of the enemy formed in Soviet and German society. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of German and Soviet newspapers, as well as foreign policy documents, which reflect the interaction of the Soviet Union and

Germany at the level of diplomatic workers. In the course of the work, the method of diachronic analysis was used, taking into account the principles of context and interdisciplinarity. **Analysis.** The analysis showed that in the period under consideration, depending on the political situation in the world, there was a change in the narratives transmitted through the periodical press and public statements aimed at broad sections of the population and based on national socialist and communist ideologemes. **Results.** Specific examples from the media are used to reveal the substantive part of the enemy image introduced into the public consciousness of the population of the USSR and Germany, as well as the features of bringing this image to the recipient and its conservation in the context of the changing political situation in the world. It is specified that the image of the USSR as Germany's

© Туфанов Е. В., Циклаури А. П., 2025

enemy had significant differences from a similar image of Germany in the USSR.

Keywords: enemy image, media, public discourse, World War II, USSR, Nazi Germany, Third Reich.

For citation: Tufanov EV, Tsiklauri AP. Features of ideological confrontation between the USSR and Nazi Germany in 1933 – 1939. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 262-267. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.11>

Введение. Целью исследования является анализ трансформации образов СССР и нацистской Германии, формируемых средствами массовой информации обоих государств в процессе идеологического противостояния в период с 1933 по 1939 годы.

К 1933 году международные отношения между СССР и Германией были определены множеством политических, экономических и идеологических факторов, находившихся в контексте масштабных изменений.

После окончания Первой мировой войны и возникновения Версальско-Вашингтонской системы международных отношений Германия была обременена тяжелыми репарациями, следствием которых стали экономические трудности и политическая нестабильность. В то же время в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года была установлена власть большевиков, которые отказывались признавать долговые обязательства царского режима и поддерживали идею мировой революции.

В начале 1920-х годов обе страны находились в изоляции. Германское правительство, стремясь улучшить свою международную репутацию, искало пути к нормализации отношений с другими государствами, включая СССР. В 1922 году был подписан Рапалльский договор, ставший основой для двусторонних советско-германских отношений и позволявший Германии обходить ограничения Версальского договора, связанные с развитием вооруженных сил.

В то же время Соединенные Штаты Америки придерживались политики изоляционизма, а внимание их политического руководства было сосредоточено на внутренних делах. Напряженные отношения между СССР и США были обусловлены негативным отношением к коммунистической идеологии, а также отказом от долговых обязательств царской России.

В 1933 году на политической арене Германии произошли значительные изменения. Пришедший к власти Адольф Гитлер положил начало нацистскому режиму, пропитанному реваншистскими и экспансионистскими идеями, в основе которых лежала расовая теория. Нацистская идеология, построенная на национализме, антикоммунизме и антисемитизме, содержала в себе угрозы сформировавшемуся мировому порядку. В рамках политического вектора нацистского правительства на реваншизм советское государство по причине его географического положения и идеологии рассматривалось как экзистенциальный враг. В качестве доказательства данного утверждения можно привести выступление представителя обвинения от Великобритании Ф. Джонса на заседании Международного военного трибунала от 08 января 1946 года, в котором он приводит идеологический принцип нацизма о походе на восток, изложенный в манифесте А. Гитлера «Mein Kampf». А. Гитлер провозглашал завершение традиционных германских походов на юг и запад Европы и обозначал новое восточное направление – Россию и приграничные с ней государства.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 31.01.2025.

The article was approved after reviewing: 14.03.2025.

The article was accepted for publication: 15.05.2025.

Непримиримость Гитлера с коммунизмом, а также его стремление к усилению Германии с целью достижения гегемонии в Европе – одни из причин, заставившие президента США Франклина Рузвельта в рамках его «Нового курса» наладить дипломатические отношения с СССР.

Таким образом, к 1933 году произошли существенные изменения в системе международных отношений. Формирование в публичном дискурсе определенного образа того или иного государства, а также его изменение, включающее сознательные искажения и упущения, являлось одним из важных направлений внешней политики СССР и Германии.

Материалы и методы. В исследовании применялся метод диахронического анализа с учетом принципов контекстности и междисциплинарности. Источниковую базу работы составили периодическая печать СССР (Комсомольская правда, Правда, Красное Знамя, Труд) и нацистской Германии (Innviertler Heimatblatt, Völkischer Beobachter), а также материалы внешней политики СССР 30-х годов XX века, отражающие публичные и частные элементы идеологического противостояния.

Анализ. Развитие германо-советских отношений начиная с 1933 года проходило в атмосфере продвижения основной нацистской идеологии «Lebensraum im Osten»⁷, представлявшей собой концепцию о предстоящем расширении жизненного пространства нацистской Германии на восток. Целью этого расширения являлись огромные ресурсы, находящиеся на территории СССР. Действия руководства Германии были направлены на дискредитацию советского государства, его идеологии и различных сторон жизни в публичном дискурсе.

Образ врага, создаваемый германской пропагандой, имел собирательный характер и состоял из трех основных угроз для немецкой культуры: большевиков, евреев и художников-модернистов [19, с. 131]. Евреи и большевики удачно сливались воедино, к ним непременно обращались при создании образа СССР.

Речь Йозефа Геббельса на нацистском партайтаге⁸, прошедшем 10 сентября 1936 года в Нюрнберге, была полна таких нарративов. Он сказал следующее: «Большевизм представляет собой патологическое, преступное безумие, исходящее – как это можно доказать – от евреев и руководимое евреями с целью уничтожения культурных народов Европы и установления над ними международно-еврейского мирового господства» [16, с. 92]. Речь Геббельса является ярким свидетельством антисоветской и антисемитской политики Третьего Рейха. Основная цель – получить одобрение народа Германии во всех внешних и внутренних делах. Нюрнбергские расовые законы (Закон о гражданстве Рейха и Закон

⁷Lebensraum im Osten (расширение жизненного пространства на восток) – немецкая этнокультурная идея, в основе которой лежит территориальная экспансия на восток. Была закреплена в манифесте А. Гитлера «Моя борьба». Под «востоком» понималась территория СССР и окраинных стран.

⁸Партайтаг (от нем. der Parteitag) – съезды национал-социалистической рабочей партии Германии, проводившиеся во времена Веймарской Республики, а также в период правления нацистов с 1933 по 1938 гг.

об охране немецкой крови и немецкой чести), затрагивавшие жизни огромного количества немцев, поражавшие в правах не только евреев, но и так называемых мишлингов⁹, невозможно было бы претворить в жизнь без такого одобрения. В своей речи Геббельс называет И.В. Сталина и народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова главными виновниками нестабильности в мире [2, с. 96, 103].

Очередным недружественным шагом стало юридическое оформление деятельности нацистской Германии и Японии, направленной на противодействие внешней политике СССР – заключение 25 ноября 1936 года Антикоминтерновского пакта.

Органы пропаганды также проводили различные выставки, выполнявшие функцию наглядного пособия отсталости большевистской России во всех сферах жизнедеятельности. На выставке «Большевизм без маски», организованной Берлинским городским комитетом НСДАП, прошедшей в период с 6 ноября по 19 декабря 1937 года в здании Рейхстага, демонстрировались плакаты с изображением ужасов, которые СССР несет миру. Не забыли организаторы выставки и о нарративе про «жидобольшевизм» [20], [21].

Дневники дипломатических работников СССР в Германии 1936 года указывают на наличие выраженных антисоветских настроений в руководящих кругах Третьего Рейха. Так, например, в ходе встречи заведующего Торгово-Политическим отделом Министерства Иностранных Дел Германии К. Риттера и советника Полномочного Представительства СССР в Германии С. Бессонова Риттер сообщил, что он поднимает вопрос об исключении СССР из числа стран с наибольшими преимуществами в связи с постановлением СНК СССР «Об ограничении экспорта в некоторые страны». При этом он согласился с тем, что данное решение стало реакцией на новый германский план в области внешней торговли. [2, с. 89].

Особое внимание следует уделить агрессивной кампании немецкой прессы против СССР, о которой неоднократно упоминали сотрудники советского наркомата иностранных дел в переписке [2, с. 401, 412, 415, 423]. 4 августа 1936 года заместитель народного комиссара иностранных дел СССР писал полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу не только о недружественных статьях в прессе, но и о мотивах, по которым осуществляется диалог с Советским Союзом. В частности, представитель советского внешнеполитического ведомства заявлял: «Но, как Вы знаете, делают они это не по политическим, а исключительно по экономическим соображениям (нужда в нашем сырье, невозможность получить его в другом месте иначе, как за отсутствующую у немцев инвалюту). Они стали настолько откровенны, что даже их официальные представители не стесняются при этом прибавлять, что заключение кредитного соглашения ни в какой мере не улучшит существующих политических взаимоотношений» [2, с. 390]. Враждебные настроения продолжают проявляться как в 1937, так и в 1938 годах [3, с. 139, 204; 4, с. 257].

Вышеизложенное находит подтверждение в материалах немецкой периодической печати. В частности, в но-

мере газеты «Völkischer Beobachter» от 1 июня 1938 года опубликована статья с заголовком «Грузия – форпост Европы», в которой автор характеризует грузин как героическую нацию, мужественно отстаивающую независимость и противостоящую внешним угрозам на протяжении всей своей истории. Важным в этой статье является характеристика Сталина: «Диктатора современной России, Сталина, принято считать грузином. Несмотря на то, что у него грузинские корни, он является грузином лишь частично, по матери. В грузинском генетическом наследии и кроется секрет его успеха. По отцу Сталин относится к смешанному происхождению. Он сын алкоголика, жестокость которого ужасала» [26, с. 4]. Таким образом, в официальном печатном издании НСДАП руководителя советского государства называют полукровкой, что, согласно терминологии расовой теории, автоматически относит его к категории унтерменшей¹⁰.

В номере «Народного обозревателя» от 16 ноября 1938 года раздел культурных новостей посвящен берлинской выставке, открытой гауляйтером¹¹ Францом Гофером. При описании выставки секретарь ЦК ВКП(б) упоминается как «демон Сталин» [25, с. 9].

В газете «Innviertler Heimatblatt» от 21 июля 1938 года на первой полосе представлен заголовок «Злодейская травля большевиков против Германии». В статье народный комиссар по иностранным делам СССР М.М. Литвинов определен как «истинный еврей». [22, с. 1-2].

Следует подчеркнуть, что газеты «Völkischer Beobachter» и «Innviertler Heimatblatt» были официальными нацистскими изданиями и отражали государственную точку зрения. В отличие от них, газета «Der Stürmer» не пользовалась такой же поддержкой в нацистской Германии; против её выхода высказывались такие фигуры, как И. Геббельс, Г. Геринг и Б. фон Ширах. При этом «Der Stürmer» отличалась более грубой риторикой и примитивной пропагандой.

С 1939 года нацистская Германия смягчает свою риторику в отношении Советского Союза. Согласно дневнику полномочного представителя А. Ф. Меркалова, А. Гитлер был слишком любезен при встрече на новогоднем приеме и начал разговор на отвлеченную тему [5, с. 39]. В выступлении Гитлера на заседании Рейхстага также отсутствовали какие-либо прямые выпады против СССР, что зафиксировано в дневнике от 30 января 1939 года [5, с. 88]. Г.А. Астахов, советник полпреда СССР в Германии, указывал на предложение отказаться от взаимно враждебной радиопропаганды и на то, что немцы становятся более осторожными в разговорах о Советском Союзе с другими странами. [5, с. 92].

Занимательной выглядит беседа пресс-атташе полномочного представительства СССР А.А. Смирнова с германским дипломатом Брауном фон Штуммом. По запросу советской стороны он организовал публикацию опровержения сведений о гибели советской подводной лодки в газете «Völkischer Beobachter». В ответ на замечание касательно расширения жизненного пространства на восток он заявил: «...имеется большая разница между тем, что написано и что проводится. Книга была написана давно, в тюрьме, на скорую руку, а сейчас имеется новый «Тестament», по которому действует Гитлер. Гитлер получил сейчас большой политический опыт, и то, что написано в этой книге, устарело, и вы не должны принимать всерьез» [5, с. 565].

⁹Мишлинг (от нем. der Mischling) – юридический термин, использовавшийся в Нюрнбергских расовых законах и обозначавший человека смешанного происхождения, имевшего родственников среди евреев. В зависимости от доли еврейской крови такого человека относили к определенной категории метисов, что влекло за собой соответствующие запреты и ограничения в правах.

¹⁰Унтерменш (от нем. der Untermensch, недочеловек) – расистско-евгенистический термин, обозначавший представителей низших рас: евреев, цыган, славян, негров, являвшихся антиподом арийской расы.

¹¹Гауляйтер (от нем. Gauleiter) – руководитель регионального отделения НСДАП.

В этот период периодическая печать стала более лояльной к советскому государству и власти. Договор о ненападении между СССР и Германией, подписанный в Москве 23 августа 1939 года, освещался в прессе сдержанно и нейтрально. Например, в номере газеты «Völkischer Beobachter» от 23 августа 1939 года заключение договора характеризуется как значительный успех дипломатии, который приносит выгоду как для немецкого, так и для советского народов. Фамилия секретаря ЦК ВКП(б) упоминается без уничижительных комментариев [24, с. 1-2]. На первой странице газеты «Innviertler Heimatblatt» от 26 августа 1939 года колонка, посвященная этому событию, называется «Очередной мирный шаг Фюрера». В публикации подчеркивается, что договор направлен на смягчение политики ограничения Германии и будет полезен для обоих народов, поскольку поможет избежать германо-советской войны, которую намерены избежать Франция и Великобритания [23, с. 1].

Таким образом, восприятие СССР в публичном дискурсе Германии в период 1936-1939 годов определялось изначальными намерениями нацистского руководства. Территория Советского Союза рассматривалась исключительно как потенциальное жизненное пространство для немцев. Советское население при составлении планов, направленных на реализацию указанных намерений, рассматривалось как лишнее. На этом основании строились агрессивные высказывания высокопоставленных лиц государства и средств массовой информации о «большевиках-евреях», стремящихся поработить все народы мира и уничтожить несогласных. Нацистский режим был вынужден взять временную паузу в антисоветской пропаганде по двум ключевым причинам: острая необходимость в поставках советских ресурсов для поддержания своей экономики, что позволяло осуществлять масштабную экспансию, а также необходимость обеспечения безопасности на востоке для ведения военных действий в Европе. Изменение публичной позиции обусловлено ситуативными потребностями, а не пересмотром неизменных идеологических установок.

В периодической печати СССР также проводилась серьезная пропагандистская работа, направленная на формирование определенного образа Германии в сознании советских граждан. Генезис мировоззренческих установок, транслируемых через газеты, журналы, официальные выступления представителей советской власти, основывался на враждебности внешней политики Германии, выраженной через нацистскую пропаганду.

Перед тем как перейти к анализу внешне- и внутриполитической ситуации в Германии, которую советская пропаганда представляла своим гражданам, необходимо отметить, что нарративы, внедряемые в общественное сознание, возникли как реакция на агрессию. Враждебное отношение Германии к СССР можно проследить в ранее приведенных внешнеполитических документах.

Отметим, что ведущая роль печати закреплялась постановлением ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», установившим, что «в пропаганде марксизма-ленинизма решающим оружием должны являться печать», позволяющая «ту или иную истину сразу сделать достоянием всех» [12].

В январском номере газеты «Красное знамя» за 1933 год критиковалось решение германского правительства по амнистии целого ряда национал-социалистов и отказе в амнистии немецкого коммуниста Рихарда Шарингера [10, с. 4].

В номере ежедневной газеты ВЦСПС «Труд» за 08 марта 1933 года приводится статья под названием «Лобовая атака фашистов отбита», в которой прошедшие в Германии выборы в Рейхстаг описываются как антикоммунистические и антинародные, а само слово «выборы» намеренно представлено в кавычках. Отдельно указывается на широкую общественную поддержку коммунистической партии, за которую было отдано около 5 млн. голосов, несмотря на отсутствие легальной рабочей газеты и парализованный аппарат партии, конфискацию агитационных материалов, аресты и пытки коммунистов [18, с. 4].

В газете «Правда» за 08 мая 1934 года отдельная колонка была посвящена выборам в советы доверия – представительные органы работников, создававшиеся на предприятиях в рамках закона о регулировании национального труда. В статье критикуется национал-социалистический режим как буржуазный, направленный на эксплуатацию рабочих. Автор изобличает антинародный характер установившегося в Германии фашизма, утверждая, что выборы в советы доверия были полностью провалены сторонниками НСДАП. «Национал-социалисты хотели получить вотум доверия от рабочих на фабриках и заводах. Они получили вместо этого вотум недоверия, вотум, свидетельствующий о враждебности, ненависти рабочих к фашистской диктатуре. Рабочие превратили фашистский плебисцит во внушительную революционную демонстрацию против фашизма». Отдельно критикуется стремление Германии присоединить Саарскую область, которая после Первой Мировой Войны находилась под управлением Лиги Наций [13, с. 5].

Помимо частой критики фашизма как политической и экономической системы встречаются статьи, посвященные гендерному неравенству в немецком обществе. В газете «Вечерняя Москва» 03 ноября 1934 года вышла статья по заголовку «Женщина столицы». В ней автор описывает существенный прогресс в сфере равенства мужчин и женщин, достигнутый молодым советским государством. Женщина представлена как равноправный член общества, который может занимать руководящие посты, участвовать в политической жизни, работать в любых отраслях промышленности, в том числе ранее считавшихся монопольно мужскими. В качестве полной противоположности предстает немецкая женщина: «В Германии женщину насильно возвращают к четырем «К» (Kinder, Küche, Kirche, Kleider – дети, кухня, церковь, платье). Истинно германская женщина, по мнению фашистских мудрецов, должна посвящать свое время детям, домашней стряпне, починке брюк мужа и хождению в церковь» [1, с. 2]. Четыре «К» – важный конструкт немецкой пропаганды, определяющий социальную роль женщины в консервативной системе ценностей Германии как хранительницы очага, занятой исключительно домашним трудом. Такое противопоставление формирует негативное представление об условиях жизни немецкой женщины, отношение к которой основано на «средневековых заповедях».

В печати неоднократно указывается на опасность развязывания новой мировой войны. 1 августа 1936 года в международный антивоенный день в газете «Труд» была опубликована статья, посвященная 22-ой годовщине Первой Мировой Войны. В ней фашизм определен главной угрозой, нависшей над миром: «Носителем этой угрозы в наши дни является фашизм. Это зловонное порождение капитализма, признак его

загнивания. Там, где он дорвался до власти, пылают средневековые костры, на которых сжигается лучшее из того, что когда-либо было создано человечеством». Необходимо отметить, что подчеркивается связь фашизма с капитализмом. Фашизм представляется как реакционная часть монопольного капитала: «И эту войну фашистская опричнина монопольного капитала готовит каждый день, каждый час» [17, с. 1].

Культурное противостояние СССР и нацистской Германии не прошло мимо периодической печати. С 25 мая по 25 ноября 1937 года в Париже прошла Всемирная выставка искусства и техники в современной жизни, на которой советский павильон с рабочим и колхозницей расположился напротив немецкого павильона с орлом на крыше. В номере газеты «Правда» за 25 мая 1937 года было опубликовано две статьи: «Павильон Советского Союза» и «Что будет показано на Парижской выставке». В первой рассказывается об истории создания советского павильона, его содержании. Автор указывает, что павильон был построен одним из первых, поскольку «СССР не привозил на выставку своих рабочих в отличие от фашистских стран, которые привезли своих строителей (Германия, Италия)». Отмечается высокая степень солидарности трудящихся в отношении к СССР: «700 парижских рабочих, демонстрируя глубокую симпатию французского пролетариата к Советскому Союзу, показали прекрасную производительность труда». Во второй статье описывается наполнение павильонов других стран (Великобритании, США, Австралии, Дании, Египта), при этом существование одного из крупнейших павильонов – немецкого – просто игнорируется [14, с. 4].

Газета «Рабочая Москва» ограничилась простой публикацией фотографии советского павильона без какого-либо описания Парижской выставки в окружении антифашистских статей с громкими заголовками: «Испанское правительство изобличает преступления германского фашизма», «Германские военные суда идут в Испанию» [15, с. 1].

Нельзя отметить какое-либо существенное изменение нарративов в преддверии заключения Договора о ненападении между СССР и Германией.

16 июля 1939 года в газете «Комсомольская правда» сообщалось о волнениях германских студентов-медиков, вызванных мобилизацией учащихся высших учебных заведений на полевые работы. Недовольство студентов объяснялось невозможностью качественного и полного освоения учебной программы в созданных условиях [7, с. 1].

В номере той же газеты за 01 августа 1939 года выражается поддержка сопротивлению населения Югославии немецкой экспансионистской политике: «...в первую очередь в Югославии, где недавно более 10 тысяч студентов и молодых рабочих демонстрировали на улицах Белграда против правительственной политики капитуляции перед Гитлером, отстаивая независимость своей страны» [8, с. 2].

Договор о ненападении между СССР и Германией был опубликован «Комсомольской правдой» 24 авгу-

ста 1939 года. Данное событие освещено достаточно рутинно, без использования каких-либо чрезмерных оптимистичных выражений. Стоит заметить, что в данном выпуске не употребляется слово «фашизм», не рассказывается об угнетении народа фашистскими властями, а раздел с зарубежной хроникой посвящен в основном ситуации в Китае [9, с. 1, 4].

Важным и наглядным свидетельством смены курса советской пропаганды в отношении Германии является выступление наркома иностранных дел Молотова перед Верховным Советом СССР, посвященное ратификации вышеназванного договора. В нем были представлены официальные причины, по которым советское руководство пошло на сотрудничество с Германией после многолетней взаимной враждебной пропаганды. Два важных условия, которые сподвигли СССР на этот шаг, это провал англо-франко-советских переговоров о взаимопомощи в случае агрессии и реализованный германским правительством «поворот в сторону добрососедских отношений с Советским Союзом». Ответ на вопрос о том, как советская власть могла заключить договор с государством фашистского типа, сводился к политике невмешательства во внутренние дела любых государств, стоящей на базе ленинского принципа о мирном сосуществовании советского государства и капиталистических стран. Заключение договора представлялось достижением сталинской политики мира и дружбы народов [6, с. 1].

Результаты. В заключение отметим, что вплоть до подписания договора о ненападении немецкому, равно как и советскому обществу, предлагался образ врага. Стоит заметить, что образы эти обладали существенными различиями. В основу мировоззренческих предписаний нацистской пропаганды легла дегуманизация всего советского общества, в центр которой была помещена идеология о «жидобольшевиках», управляющих покорным, безграмотным, неполноценным населением с рабским менталитетом. Советская пропаганда включала в образ врага нацистское руководство, угнетающее собственный народ, не имеющее с ним ничего общего. Нацистские деятели (классовый враг) и немецкое общество (эксплуатируемые трудовые массы) в такой картине мира находились по разные стороны. Следовательно, образ врага, формируемый немецкой пропагандой с опорой на расовую теорию, включал в себя не только власть, но и все советское общество. В то же самое время в нарративах советской пропаганды, стоявшей на идеях равенства и солидарности, образ врага был представлен нацистским политическим режимом, а народ Германии являлся жертвой этого режима. Произошедшие в августе-сентябре 1939 года перемены не отражали реальной трансформации образов Германии и СССР как в сознании граждан этих государств, так и в реальных намерениях их руководства. Произошла лишь консервация образов с их сохранением в сознании народов, нейтрализация газетных статей и высказываний политических деятелей.

Литература

1. Вечерняя Москва, газета Московского городского комитета ВКП(б) и Моссовета. № 254 (3283), 03.11.1934.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1974. 824 с.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1976. 820 с.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 21. 1 января – 31 декабря 1938 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1977. 794 с.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 22. 1939. В 2 кн. Кн. 1. Январь – август / М-во иностр. дел РФ. М.: Междунар. отношения, 1992. 712 с.

6. Комсомольская правда, газета. 1939. № 200.
7. Комсомольская правда, газета. 1939. № 161.
8. Комсомольская правда, газета. 1939. № 174.
9. Комсомольская правда, газета. 1939. № 194.
10. Красное знамя, газета. 1933. № 2.
11. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. Т. 2 / М.Ю. Рагинский, К.С. Павлищев. М.: Юрид. лит., 1988. 672 с.
12. О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Решения партии о печати. М.: Политиздат, 1941. С. 177.
13. Правда, газета. 1934. № 125.
14. Правда, газета. 1937. № 142.
15. Рабочая Москва. 1937. № 124.
16. Речь министра народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельса на съезде НСДАП в Нюрнберге о борьбе с большевизмом и еврейством, о внутреннем положении в СССР, о численности и вооружении РККА, о советско-французском и советско-чехословацком договорах 1935 г. и о событиях в Испании // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296252> (дата обращения: 30.05.2025).
17. Труд, ежедневная газета ВЦСПС. № 175 (4726), 01.08.1936.
18. Труд, ежедневная газета ВЦСПС. № 55 (3703), 08.03.1933.
19. Юсупова А.Ю., Колпакова С.Г. Приёмы пропаганды в культурно-политическом дискурсе нацистской Германии // МАГИЯ ИННО: лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат. Электронный сборник научных трудов. М.: МГИМО(У), 2021. С. 130–134.
20. Bolschewismus ohne Maske vom 6. November 1937 bis 19. Dezember 1937 im Reichstagsgebäude Grosse anti-bolschewistische Ausstellung der Gauleitung Berlin der NSDAP. URL: <https://www.loc.gov/item/2009631995/> (дата обращения: 22.11.2024)
21. Bolschewismus ohne Maske Grosse antibolschewistische Ausstellung der NSDAP. URL: <https://www.loc.gov/item/2009633646/> (дата обращения: 22.11.2024)
22. Innviertler Heimatblatt. 1938. № 3.
23. Innviertler Heimatblatt. 1939. № 34.
24. Völkischer Beobachter. 1939. № 235.
25. Völkischer Beobachter. 1938. № 244.
26. Völkischer Beobachter. 1938. № 77.

References

1. Vechernyaya Moskva, newspaper of the Moscow City Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Moscow City Council. No. 254 (3283). 03.11.1934. (In Russ.).
2. Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 19. January 1–December 31, 1936. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Moscow: Politizdat, 1974. 824 p. (In Russ.).
3. Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20. January–December 1937. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Moscow: Politizdat, 1976. 820 p. (In Russ.).
4. Documents of the USSR Foreign Policy. Vol. 21. January 1–December 31, 1938. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Moscow: Politizdat, 1977. 794 p. (In Russ.).
5. Documents of the USSR Foreign Policy. Vol. 22. 1939. In 2 books. Book 1. January–August. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow: International Relations, 1992. 712 p. (In Russ.).
6. Komsomolskaya Pravda, newspaper. 1939. No. 200. (In Russ.).
7. Komsomolskaya Pravda, newspaper. 1939. No. 161. (In Russ.).
8. Komsomolskaya Pravda, newspaper. 1939. No. 174. (In Russ.).
9. Komsomolskaya Pravda, newspaper. 1939. No. 194. (In Russ.).
10. Krasnoe Znamya, newspaper. 1933. No. 2. (In Russ.).
11. Raginsky MYu, Pavlishchev KS. The Nuremberg Trials: Collection of materials in 8 volumes. Vol. 2. Moscow: Legal Literature, 1988. 672 p. (In Russ.).
12. On the organization of party propaganda in connection with the release of the "Short Course of the History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)" in Party decisions on the press. Moscow: Politizdat, 1941. P. 177. (In Russ.).
13. Pravda, newspaper. 1934. No. 125. (In Russ.).
14. Pravda, newspaper. 1937. No. 142. (In Russ.).
15. Rabochaya Moskva. 1937. No. 124. (In Russ.).
16. Speech by the Minister of Public Enlightenment and Propaganda of Germany J. Goebbels at the NSDAP Congress in Nuremberg on the fight against Bolshevism and Jewry, on the internal situation in the USSR, on the size and armament of the Red Army, on the Soviet-French and Soviet-Czechoslovak treaties of 1935 and on the events in Spain in Boris Yeltsin Presidential Library. URL: <https://www.prlib.ru/item/1296252> (assessed: 30.05.2025) (In Russ.).
17. Trud, daily newspaper of the All-Union Central Council of Trade Unions. 1936. No. 175. (In Russ.).
18. Trud, daily newspaper of the All-Union Central Council of Trade Unions. 1933. No. 55. (In Russ.).
19. Yusupova A.Yu., Kolpakova S.G. Propaganda Techniques in the Cultural and Political Discourse of Nazi Germany in MAGIYa INNO: Linguistics and Lingvodidactics in a Changing Coordinate System. Electronic collection of scientific papers. Moscow: MGIMO, 2021. P. 130-134. (In Russ.).
20. Bolschewismus ohne Maske vom 6. November 1937 bis 19. Dezember 1937 im Reichstagsgebäude Grosse anti-bolschewistische Ausstellung der Gauleitung Berlin der NSDAP. URL: <https://www.loc.gov/item/2009631995/> (accessed: 22.11.2024).
21. Bolschewismus ohne Maske Grosse antibolschewistische Ausstellung der NSDAP. URL: <https://www.loc.gov/item/2009633646/> (accessed: 22.11.2024).
22. Innviertler Heimatblatt. 1938. No. 3.
23. Innviertler Heimatblatt. 1939. No. 34.
24. Volkischer Beobachter. 1939. No. 235.
25. Volkischer Beobachter. 1938. No. 244.
26. Volkischer Beobachter. 1938. No. 77.

Научная статья

УДК 327.56

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.12>

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В 1992–2008 ГГ.

Артём Игоревич Черкасов

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Ассистент

artemcherckasov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1030-197X>

Аннотация. Введение. Операция по поддержанию мира в Южной Осетии являлась первой миротворческой миссией на постсоветском пространстве. Она имела ряд особых черт, которые представляют научный и практический интерес в контексте миротворческой деятельности на территории бывшего СССР. Однако в историографии тема по-прежнему остаётся малоизученной, поскольку исследователи ранее не проводили системного и целостного анализа операции в Южной Осетии. **Материалы и методы.** В статье используются официальные документы и материалы периодической печати в контексте миротворческой операции в Южной Осетии, которые анализируются посредством историко-генетического, историко-сравнительного и историко-типологического методов. **Анализ.** Правовая основа для проведения операции по поддержанию мира в Южной Осетии была заложена в Дагомьском соглашении от 24 июля 1992 г. В число непосредственных целей миротворцев входило выполнение военных, гуманитарных, политических и правоохранительных задач. Организационная структура миссии была представлена чередой общих и специализированных органов. Деятельность миротворческой операции в Южной Осетии можно условно подразделить на два этапа: на первом этапе (1992–2001 гг.) происходило организационное оформление миссии и эффективно выполнялось большинство поставлен-

ных задач; на втором этапе (2002–2008 гг.) начался кризис операции из-за саботажа и агрессивных действий со стороны Грузии. Миссия в Южной Осетии содержала ряд характерных особенностей, в числе которых можно выделить многозадачность, пристрастность, бессрочность, скрытое единоличное лидерство, разветвлённая организационная структура. **Результаты.** Операция в Южной Осетии характеризовалась средней эффективностью в решении конкретных задач, однако её главная цель по поддержанию мира не была выполнена из-за агрессивных действий Грузии в 2000-х гг., а также в силу самой специфики миссии со всеми её особенностями, недостатками и ограничениями.

Ключевые слова: миротворческая операция, ССПМ, СКК, Россия, Южная Осетия, Грузия, Южный Кавказ

Для цитирования: Черкасов А. И. Миротворческая операция в Южной Осетии в 1992 – 2008 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 268–278. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 14.03.2025.

Статья принята к публикации: 15.05.2025.

Research article

PEACEKEEPING OPERATION IN SOUTH OSSETIA IN 1992–2008

Artem I. Cherkasov

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Assistant

artemcherckasov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1030-197X>

Abstract. Introduction. The peacekeeping operation in South Ossetia was the first mission in the post-Soviet space. It had a number of special features that are of scientific and practical interest in the context of peacekeeping activities in the territory of the former USSR. However, in historiography, the topic remains poorly studied because researchers have not previously conducted a systematic and comprehensive analysis of the operation in South Ossetia. **Materials and Methods.** The article uses official documents and periodical press materials in the context of the peacekeeping operation in South Ossetia, which are analysed using historical-genetic, historical-comparative and historical-typological methods. **Analysis.** The legal basis for the peacekeeping operation in South Ossetia was laid down in the Dagomys Agreement of 24 July 1992. The immediate objectives of the peacekeepers included the implementation of military, humanitarian, political and law enforcement tasks. The organizational structure of the mission was represented by a series of general and specialized bodies. The activities of the peacekeeping operation in South Ossetia can be conditionally divided into two stages: at the first stage (1992–2001) the organizational structure of the mission was formed and most of the assigned tasks were effectively carried out; at the second

stage (2002–2008), due to sabotage and aggressive actions by Georgia the crisis of the operation began. The mission in South Ossetia had a number of characteristic features, including multitasking, bias, open-endedness, hidden personal leadership, and a ramified organizational structure. **Results.** The operation in South Ossetia was characterized by average effectiveness in solving specific tasks, but its main goal of maintaining peace was not achieved due to aggressive actions of Georgia in the 2000s, as well as due to the very specifics of the mission with all its features, shortcomings and limitations.

Keywords: peacekeeping operation, JPKF, JCC, Russia, South Ossetia, Georgia, South Caucasus.

For citation: Cherkasov A. I. Peacekeeping operation in South Ossetia in 1992–2008. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 268–278. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.12>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.12.2024.

The article was approved after reviewing: 14.03.2025.

The article was accepted for publication: 15.05.2025.

Введение. Миротворческие операции с момента основания ООН стали важным инструментом в деле мирного урегулирования вооружённых конфликтов. Если во время Холодной войны ключевую роль в миротворческой деятельности играли международные контингенты под эгидой ООН, то после окончания биполярного противостояния в 1990-х гг. региональные организации и отдельные государства начали всё чаще организовывать собственные миссии. Не являлось исключением и постсоветское пространство, где уже в период перестройки постепенно нарастали межнациональные противоречия, которые в 1990-х гг. вылились в череду открытых вооружённых конфликтов. На фоне общей дестабилизации обстановки на бывших окраинах Советского Союза всё острее ощущалась потребность в арбитражном урегулировании возникающих конфликтов с привлечением миротворческих сил. Однако ООН не спешила организовывать собственные миссии, именно поэтому Россия как правопреемница Советского Союза решительно выступила в роли главного инициатора по проведению миротворческих операций на постсоветском пространстве.

Операция по поддержанию мира (далее – ОПМ) в Южной Осетии являлась первой миротворческой миссией на территории бывшего СССР, вследствие этого она заложила основополагающие принципы для дальнейшей практической деятельности на постсоветском пространстве. Организация миссии вне структур ООН также обусловила появление ряда уникальных аспектов, например, прямое включение участников конфликта (Грузия и Южная Осетия) и зависимых субъектов (Северная Осетия) в состав миротворческих структур, которыми фактически руководила Россия. Несмотря на завершение миссии в 2008 г., ОПМ даже сегодня продолжают оставаться приоритетными для Москвы, о чём свидетельствует последняя концепция внешней политики РФ от 31 марта 2023 г., в которой прямо обозначена необходимость уделять приоритетное внимание «повышению роли России в миротворческой деятельности» [10]. Однако недавний провал ОПМ в Нагорном Карабахе в 2020 – 2024 гг. вновь актуализирует вопрос об эффективности миротворческих миссий на Южном Кавказе в деле урегулирования вооружённых конфликтов. В данном контексте системный анализ миротворческой операции в Южной Осетии позволит оценить её эффективность, а также выявить преимущества и недостатки, которые в дальнейшем можно будет учесть при организации новых ОПМ.

При всём значении и актуальности темы, миротворческая операция в Южной Осетии по-прежнему слабо изучена в историографии, поскольку историки и политологи, как правило, концентрируют своё внимание на общих аспектах российского миротворчества на Южном Кавказе [54], либо в целом изучают феномен ОПМ на постсоветском пространстве в теоретическом или правовом ракурсе [8]. Однако даже в немногочисленных специальных статьях по ОПМ в Южной Осетии исследователи затрагивают только отдельные частные аспекты, такие как вооружённые силы России в составе миротворческого контингента [4], правовая основа для их нахождения в Южной Осетии [2], роль Москвы в деятельности руководящего органа миссии [55], критический анализ некоторых основополагающих документов [3]. Тем самым в историографии по-прежнему отсутствует целостное и системное специальное исследование ОПМ в Южной Осетии, кроме того, в научной

литературе до сих пор не проводилось детального анализа делопроизводственных документов Смешанной Контрольной Комиссии, из-за чего существующие оценки относительно эффективности миссии остаются во многом политизированными. Именно поэтому изучение миротворческой операции в Южной Осетии по-прежнему сохраняет свою научную актуальность.

Материалы и методы. Источниковедческая база исследования основывается на официальных документах, связанных с миротворческой операцией в Южной Осетии, а также на материалах периодической печати России и Южной Осетии. Методологическую основу исследования составляют историко-генетический метод, необходимый для изучения эволюции ОПМ в Южной Осетии, а также историко-сравнительный анализ, используемый для сопоставления миротворческой деятельности всех участников операции. Наряду с этим, в исследовании используется историко-типологический метод для внутреннего структурирования деятельности ОПМ.

Анализ. В конце 1980-х гг. на Южном Кавказе по мере нарастания системного кризиса в Советском Союзе и ослабления центральной власти рост национализма на окраинах, тогда ещё единого государства, усиливал напряжённость в обществе и порождал открытые межэтнические конфликты, среди которых грузино-осетинские противоречия не являлись исключением. Националистическая политика Грузии, связанная с притеснением этнических меньшинств и направленная на выход из состава Советского Союза, спровоцировала ответную реакцию в конце 1980-х – начале 1990-х гг. 20 сентября 1990 г. Южно-Осетинская автономная область объявила о создании Республики, независимой от Грузии, но входящей в состав Советского Союза. В ответ Тбилиси лишил Цхинвал автономии, а после его отказа подчиниться направил войска в Южную Осетию, положив начало вооружённому конфликту в январе 1991 г. [9]. После полутора лет кровопролитных боёв стороны, при посредничестве Северной Осетии, согласились 10 июня 1992 г. подписать Казбегское соглашение, в соответствии с которым в зоне конфликта немедленно вводился режим прекращения огня, а также создавался миротворческий контингент из военных наблюдателей Грузии и Южной Осетии [38, с. 250]. Спустя две недели при посредничестве России и Северной Осетии 24 июня 1992 г. было заключено новое Дагомыское (Сочинское) соглашение, которое, помимо прекращения огня, обязывало стороны конфликта отвести войска от линии соприкосновения. В договор также был включён пункт о создании смешанного миротворческого контингента России, Грузии и Северной Осетии, что тем самым заложило правовую основу и создало первоначальный мандат для проведения ОПМ [57, с. 253].

В сферу ответственности миротворцев с 12 июля 1992 г. входила «зона безопасности» радиусом в 15 км с центром в г. Цхинвал, а также «коридор безопасности» шириной в 14 км вдоль грузино-южно-осетинской границы [27]. Позднее 6 декабря 1994 г. смешанному контингенту также было разрешено при необходимости действовать в прилегающих областях [21, с. 290]. Правовая ответственность миротворцев за их действия регулировалась на основе принципа экстерриториальности, т.е. военный и гражданский персонал подчинялся законодательству своей страны (России или Грузии) [21, с. 294], но за пределами зоны ответственности продолжала действовать уголовная и административная юрисдикция Грузии [2, с. 143].

Задачи миротворческой миссии в Южной Осетии были гораздо шире, чем предполагают ОПМ, поскольку они затрагивали не только военные аспекты, но также гуманитарные, политические и правоохранные:

1) Военные задачи – первоначально ограничивались контролем за режимом прекращения огня, выводом всех вооружённых формирований, роспуском сил самообороны Южной Осетии и поддержанием безопасности [57, с. 253]. Однако 31 октября 1994 г. в число непосредственных задач было добавлено разоружение всех незаконных формирований [18, с. 287], а 6 декабря 1994 г. – пресечение их деятельности и контроль за вооружением и боевой техникой в сфере ответственности [21, с. 291];

2) Гуманитарные задачи – первоначально заключались в разминировании полей [57, с. 253], но с 31 октября 1994 г. в их число было добавлено содействие в восстановлении гражданской инфраструктуры, контроль за соблюдением прав человека и национальных меньшинств, обеспечение безопасного возвращения беженцев [18, с. 287];

3) Политические задачи – в расширенном мандате от 31 октября 1994 г. появился пункт о содействии процессу мирного урегулирования конфликта [18, с. 287].

4) Правоохранные задачи – 6 декабря 1994 г. сфера деятельности миссии была расширена на правоохрannительную сферу, в рамках которой миротворцы обязывались содействовать местным милицейским в борьбе с преступностью [21, с. 291].

Для выполнения поставленных задач в рамках миротворческой миссии создавалась достаточно разветвлённая организационная структура:

1) Смешанная Контрольная Комиссия (СКК) – учреждена 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению в качестве высшего руководящего и координирующего органа миротворческой миссии. Штаб-квартира располагалась в г. Цхинвал [57, с. 253], а сама СКК состояла из 11 представителей России, Грузии, Северной и Южной Осетии, включая трёх сопредседателей (по одному от каждой стороны, кроме Южной Осетии) [39]. Необычное появление в составе СКК Северной Осетии, которая являлась зависимым субъектом Российской Федерации, являлось уникальной чертой данной операции [3], что, впрочем, было обусловлено её важной ролью в переговорном процессе в силу тесных этнических связей с Южной Осетией. Однако включение Северной Осетии в СКК не давало России никаких преимуществ, поскольку по расширенному мандату от 31 октября 1994 г. все решения стали приниматься на основе консенсуса четырёх сторон. Первоначально СКК являлась временным органом, однако 31 октября 1994 г. она приобрела постоянный статус, в связи с чем создавались две дополнительные структуры – Заседание полномочных представителей (ЗПП), которое созывалось раз в три месяца и принимало все ключевые решения, а также Секретариат, действовавший в качестве регулярного исполнительного органа [18, с. 286].

2) Объединённое командование (ОК) – учреждено 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению в качестве военно-координационного центра, который состоял из трёх старших военных начальников, командовавших национальными батальонами России, Грузии и Северной Осетии [57, с. 253]. Позднее по решению СКК от 6 декабря 1994 г. была создана должность единого Командующего, которому подчинялись старшие военные начальники [48, с. 289]. Он назначался только из чис-

ла российских генералов и имел право единолично решать вопрос о военном использовании миротворцев, но с предварительным уведомлением СКК [21, с. 293].

3) Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ) – учреждены 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению в качестве миротворческого контингента, выполнявшего непосредственные задачи операции. ССПМ состояли из трёх национальных батальонов России, Грузии и Северной Осетии, которые напрямую подчинялись Объединённому командованию [57, с. 253]. Миротворцы имели право применять оружие для самообороны и защиты мандата, а также задерживать и досматривать гражданских лиц в сфере ответственности [21, с. 291]. В зоне конфликта запрещалось содержать вооружение свыше 100 мм, поэтому военное снаряжение ССПМ было ограничено 82 мм миномётами, 76 мм СПГ, БТР с крупнокалиберными пулемётами и БМП с 30 мм пушками [58], из-за этого миротворцы не могли силой локализовать вспышку конфликта между Грузией и Южной Осетией в случае нарушения режима прекращения огня, но они имели возможность ликвидировать небольшие незаконные формирования. Наиболее боеспособной частью в составе миротворческой миссии являлся российский батальон, поскольку он был сформирован из 104-го парашютно-десантного полка 6-й Псковской дивизии ВДВ. В то время как батальоны Грузии и Северной Осетии изначально укомплектовывались из числа добровольцев, причём некоторые из них являлись бывшими участниками конфликта, что нарушало принцип беспристрастности [15].

Комплектование ССПМ проводилось на контрактной основе из добровольцев от 20 до 50 лет, ранее служивших в армии и не подвергавшихся уголовному преследованию. Год службы в миротворческом контингенте приравнивался к трём годам трудового стажа в гражданской жизни [19]. Позднее 6 декабря 1994 г. нижняя планка для набора добровольцев была снижена до 18 лет, а также вводилась дополнительная рекомендация «по возможности» не набирать людей, которые ранее участвовали в грузино-осетинском конфликте [21, с. 293]. Максимальная численность ССПМ была определена с каждой из трёх сторон по 500 человек с правом увеличить батальон ещё на 300 военных из резерва [55, с. 69]. Однако первоначально в зону конфликта было введено лишь по 220 человек с каждой стороны [16], позднее Россия довела численность своего батальона до 534 военных с 46 БМП, 55 автомобилями и 9 миномётами [8, с. 94], а Северная Осетия и вовсе увеличила свой контингент до 870 человек [15].

4) Смешанные группы наблюдателей (СГН) – учреждены 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению для наблюдения и фиксирования ситуации в зоне конфликта. СГН состояли из 72 человек [22], которые имели в своём распоряжении, помимо стрелкового оружия, два вертолётa Ми-8, три БТР и три УАЗ-464 [40]. Военные наблюдатели комплектовались по тем же правилам, что и все миротворцы, но они набирались только из числа прапорщиков и выше, а также, в отличие от ССПМ, подчинялись напрямую СКК, а не Объединённому командованию [21, с. 293].

5) Специальный многосторонний пресс-центр (СМПЦ) – учреждён 24 июня 1992 г. по Дагомысскому соглашению для освещения в СМИ процесса урегулирования конфликта [57, с. 253]. Руководителем пресс-центра обычно являлся российский офицер [58].

6) Специализированные Советы при СКК – учреж-

дены 3 августа 1992 г. для выработки конкретных предложений по различным направлениям деятельности миссии. Наиболее важными являлись Экономический совет, Правоохранительный совет, Совет по социальной защите и помощи населению, которые подчинялись напрямую СКК, а в перерывах между заседаниями – Объединённому командованию [52].

7) Специальный координационный центр по взаимодействию правоохранительных органов (СКЦ ВПО) – учреждён 21 апреля 2001 г. в качестве координирующего органа для содействия грузинским и южноосетинским правоохранительным органам в борьбе с преступностью в зоне конфликта [20].

Финансирование разветвлённой организационной структуры миссии осуществлялось четырьмя сторонами «на равной долеговой основе» [57, с. 253]. Однако фактически всё бремя расходов приходилось на Москву и Тбилиси, которые поровну делили между собой затраты, поскольку Северная Осетия являлась субъектом Российской Федерации, а Южная Осетия формально продолжала находиться в международно-признанных на тот момент границах Грузии. На одно только восстановление гражданской инфраструктуры Россия и Грузия в июне 1992 г. согласились выделить 32,2 млрд руб. (в ценах на январь 2025 г. – 230 млрд руб.) [41], наряду с которыми они обязывались выплачивать жалование миротворческому контингенту. В июле 1992 г. оплата миротворцам от рядового до командира батальона была установлена в размере 8–10 тыс. руб. в месяц (в ценах на январь 2025 г. – 48–60 тыс. руб.), а также страховые выплаты от ранения средней тяжести до смерти в 50–100 тыс. руб. (в ценах на январь 2025 г. – 300–600 тыс. руб.) [16]. В отличие от всех остальных миротворческих миссий сроки проведения ОПМ в Южной Осетии изначально не были определены [59], только в расширенном мандате от 31 октября 1994 г. впервые прямо заявлялось, что она будет продолжаться до «полномасштабного урегулирования грузино-осетинского конфликта» и прекратит своё действие только с согласия всех четырёх сторон [18, с. 288].

В рамках ОПМ в Южной Осетии миротворцы активно взаимодействовали с различными международными организациями и другими конструктивными силами в зоне конфликта. Так, например, СГН осуществляли совместный мониторинг за режимом прекращения огня с грузино-северо-осетинскими военными наблюдателями, которые были учреждены ещё 10 июня 1992 г. по Казбегскому соглашению [38, с. 250]. Напрямую они не участвовали в ОПМ, но поддерживали активное сотрудничество с миротворцами в Южной Осетии [57, с. 253]. Другая структура в лице СКК взаимодействовала по вопросам политического урегулирования и контроля за режимом прекращения огня с Миссией СБСЕ (ОБСЕ) в Грузии, которая была организована 3 декабря 1992 г. [56, с. 286], а по проблеме возвращения беженцев – с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) [45]. Косвенные контакты с ЕС и Программой развития ООН (ПРООН) также происходили опосредованно через Грузию, которой обе международные структуры выделяли денежные средства на восстановление Южной Осетии. В частности, ЕС с 1997 г. начало выделять средства на общую сумму в 2,5 млн евро [17; 47], а ПРООН в 1998 г. перечислила правительству Грузии 100 тыс. долл. [23].

Несмотря на формально смешанный состав миротворческой миссии, фактически она была российской,

поскольку Москва являлась основным посредником в заключении перемирия и выступала главным инициатором проведения ОПМ в Южной Осетии. Россия также осуществляла непосредственное командование ССПМ за счёт назначения собственного генерала, а также составляла самый многочисленный (с учётом Северной Осетии) и боеспособный миротворческий контингент. Ключевое значение имело и то, что Москва являлась единственной нейтральной стороной в ОПМ, благодаря чему миссия продолжала функционировать, даже когда Грузия перешла к открытому саботажу в 2000-х гг.

Миротворческая операция в Южной Осетии официально началась 24 июня 1992 г., после чего 4 июля СКК приступила к работе, а 14 июля ССПМ были введены в зону конфликта [59]. Дальнейшую деятельность миссии можно условно подразделить на два крупных этапа: в первый период 1992–2001 гг. происходило организационное оформление миротворческой операции, налаживались основные направления деятельности и постепенно решались возникающие проблемы; второй период 2002–2008 гг. характеризовался кризисом ОПМ из-за подрывных и агрессивных действий со стороны Грузии.

На первом этапе для выполнения военных задач в зоне конфликта было размещено 12 наблюдательных постов, российский и североосетинские батальоны дислоцировались в г. Цхинвал, а грузинский – в с. Никози [4, с. 64]. В первые месяцы нахождения ССПМ в Южной Осетии наиболее эффективным оказался российский батальон, поскольку присутствие профессиональных частей ВДВ даже без боевого применения оказывало сдерживающее влияние на деятельность незаконных вооружённых формирований. Однако уже со второй половины 1992 г. обозначился ряд проблем в миссии – задержки с выплатами для российского контингента, плохая военная оснащённость грузинских солдат, слабая дисциплина в североосетинском батальоне [59], который, помимо прочего, нерегулярно финансировался из Москвы, а в 1994 г. даже не получал положенного жалования на протяжении восьми месяцев [53]. Неприемлемым также являлось недостойное поведение отдельных лиц в грузинском и североосетинском батальонах, которые, помимо прочего, были экипированы запрещённым в зоне конфликта тяжёлым вооружением и техникой свыше 100 мм. Нареканий не вызвала только деятельность российского батальона, который, по оценке СКК, оставался единственным «гарантом относительной стабильности в зоне конфликта» [48, с. 289].

Тем не менее, к 1995 г. руководству ОПМ удалось решить большинство проблем: в грузинском и североосетинском батальонах были исключены недостойные лица, весь остальной личный состав прошёл переаттестацию с последующей ротацией, а тяжёлое вооружение и техника выводились из зоны конфликта [48, с. 289]. Параллельно посредством усилий миротворцев удалось завершить отвод грузинских и южноосетинских войск с линии соприкосновения, установить стабильный режим прекращения огня [56, с. 285], а также ликвидировать большинство незаконных вооружённых групп [15], несмотря на сохраняющиеся проблемы с финансированием российского и североосетинского батальонов [42; 43; 50]. В связи со стабилизацией ситуации с 1996 г. началось поэтапное сокращение застав и наблюдательных постов с последующим переводом миротворческих сил в места их постоянной дислокации [11, с. 300]. Так, например, за один только 1997 г. заставы и посты были

ликвидированы в 13 населённых пунктах в связи с общим улучшением ситуации в сфере безопасности [43]. Успешно продвигалась деятельность по разминированию территории [15]. Вплоть до 2002 г. в зоне конфликта соблюдался режим прекращения огня [4, с. 65], благодаря чему за первое десятилетие ОПМ миротворцы не понесли ни одной боевой потери [5].

Однако в гуманитарной сфере ситуация складывалась значительно хуже. В зоне конфликта сохранялась тяжёлая экономическая ситуация вплоть до 1997 г. [42], поскольку Россия и Грузия в первые годы ОПМ не выполняли взятых на себя обязательств по выделению средств на восстановление гражданской инфраструктуры [51]. Только в результате настоятельных призывов СКК обе стороны с 1997 г. начали постепенно финансировать восстановительные работы, в результате чего к середине 1999 г. Россия в совокупности выделила 19,1 млрд руб. (4,46 млн долл.), а Грузия – 2,4 млн лари (1,92 млн долл.) [41]. На основе этого обе стороны могли уверенно заявить о выполнении большей части финансирования, поскольку изначальные денежные обязательства указывались в абсолютном значении. Однако за период 1992 – 1999 гг. в обоих государствах наблюдался сильный рост инфляции, из-за чего изначальная цифра в 32,2 млрд руб., озвученная в июне 1992 г., приблизилась в номинальном значении к 21,1 трлн руб. в июне 1999 г., из-за чего средства, выделенные Россией и Грузией в 1997–1999 гг., фактически составляли лишь 0,001% от первоначальной суммы обязательств, что в конечном итоге являлось полным провалом.

Возвращение беженцев также продвигалось крайне медленными темпами. К моменту завершения вооружённого конфликта в июне 1992 г. их численность достигла цифры в 100 – 130 тыс. человек. Миротворческая миссия с первых месяцев своей работы пыталась обеспечить безопасное возвращение людей в родные дома и оказать им гуманитарную поддержку. Однако, даже несмотря на общее улучшение обстановки в зоне конфликта, беженцы всё равно опасались возвращаться в Южную Осетию из-за скрытых межэтнических противоречий между грузинами и осетинами, а также из-за тяжёлой экономической ситуации [59]. В 1999 г. СКК оценила деятельность миссии по возвращению беженцев «в целом удовлетворительной» [37], отметив, что главным препятствием для эффективного решения проблемы выступала «недостаточная работа по устранению факторов, сдерживающих процесс возвращения» [49]. Единственным же успехом в гуманитарной деятельности миссии являлось оказание медицинской и продовольственной помощи населению [15].

Не менее сложной оставалась ситуация в правоохранительной сфере. Социальная маргинализация населения на фоне экономической разрухи в совокупности с большим количеством незаконного оружия у людей привела к неконтролируемому росту преступности [59], который продолжался вплоть до 1997 г. [42]. Миротворческие силы в первые годы деятельности не справлялись с выполнением правоохранительных задач, поскольку добровольцы из грузинского и североосетинского батальонов и десантники из российского контингента не обладали специальной подготовкой и навыками для выполнения полицейских функций [59]. Только с 1997 г. в зоне конфликта начало значительно снижаться число преступлений в результате углубления сотрудничества между грузинскими и южноосетинскими правоохранительными органами [14]. Положительная

динамика сохранялась вплоть до 2002 г., в т.ч. благодаря созданию в 2001 г. СКЦ ВПО в рамках миротворческой миссии [20].

Политические же задачи оказались полностью провалены, поскольку год за годом СКК констатировала, что прогресс в дипломатическом урегулировании конфликта по-прежнему отсутствует [42; 48, с. 289].

На втором этапе ОПМ в Южной Осетии ситуация начала резко обостряться из-за односторонних действий Грузии, которая взяла курс на восстановление территориальной целостности страны любой ценой. В мае 2002 г. Грузия впервые начала публично обвинять СКК в неэффективности, хотя она сама являлась её участником, что вызвало закономерное недоумение со стороны других членов Комиссии [34]. Спустя месяц Тбилиси в обход миротворческих структур взял под своё непосредственное управление грузинский батальон, который из-за этого впервые отказался выполнять прямой приказ Командующего ССПМ. Параллельно этому в июле 2002 г. в зоне конфликта начали незаконно пролетать неизвестные БПЛА и вертолёты без опознавательных знаков [24; 46], которые, по всей видимости, принадлежали Грузии, учитывая, что уже в октябре 2002 г. она провела «силовые акции» в Цхинвальском районе [25]. В 2003 г. СКК констатировала, что «обстановка остаётся сложной» [44], поскольку над зоной ответственности миротворцев участились случаи незаконных пролётов БПЛА [26].

После прихода к власти в Грузии президента М. Саакашвили ситуация в Южной Осетии достигла пиковой точки обострения, поскольку в июне 2004 г. по приказу из Тбилиси в зону конфликта были введены регулярные войска, которые пытались захватить г. Цхинвал [6]. Только в августе 2004 г. благодаря посредническим усилиям российских миротворцев стороны согласились возобновить режим прекращения огня и соблюдать условия Дагомысского соглашения 1992 г. [28]. К началу 2005 г. из зоны конфликта была выведена основная часть грузинских и южноосетинских войск [29], резко сократилось число вооружённых инцидентов, начался демонтаж фортификационных сооружений и разминирование полей. Однако по линии соприкосновения всё также происходили перестрелки, в зоне конфликта оставалось тяжёлое вооружение, грузинский батальон превышал допустимую численность военных, Тбилиси продолжал отправлять БПЛА в сферу ответственности миротворцев, а обе стороны оказывали препятствия передвижению ССПМ. На этом фоне активизировались и незаконные вооружённые формирования, которые начали нападать на грузинских и осетинских миротворцев, из-за чего контингент ССПМ впервые за многие годы понёс боевые потери [30]. В 2005 г. многие военные проблемы миссии оставались нерешёнными, а начавшиеся позитивные сдвиги в демилитаризации зоны конфликта вновь были перечёркнуты из-за очередной попытки Грузии захватить г. Цхинвал в сентябре 2005 г. [31]. В результате провала операции Тбилиси уже в ноябре 2005 г. обвинил Россию в незаконных поставках вооружений Южной Осетии [32], после чего в марте 2006 г. Грузия, опять же в нарушение всех договорённостей, ввела военную полицию в зону конфликта [33].

На фоне общего обострения ситуации в Южной Осетии гуманитарная, политическая и правоохранительная деятельность миротворцев была фактически парализована. В 2002 г. Грузия начала нарушать права осетин на подконтрольных себе территориях [35], а в 2004 г.

стала препятствовать поставкам гуманитарных грузов в зону конфликта [30], фактически пытаясь устроить блокаду региона. В результате начавшихся боёв процесс восстановления гражданской инфраструктуры полностью остановился [7], вновь обозначился рост преступности, причём в сфере ответственности начали происходить ранее не фиксируемые захваты заложников и нападения на миротворцев и мирных жителей [30]. Процесс политического урегулирования также не сдвинулся с мёртвой точки из-за фактического отказа Грузии от мирного решения проблемы. СКК на своём последнем заседании 22 июня 2006 г. констатировала, что общая ситуация в зоне конфликта «остаётся напряжённой» [36]. После этого заявления СКК фактически прекратила свою деятельность, а сама миссия оказалась в парализованном состоянии из-за отсутствия консенсуса между сторонами и агрессивных действий Грузии.

Ситуация в зоне конфликта начала полностью выходить из-под контроля в начале июля 2008 г., когда Грузия обстреляла г. Цхинвал, а Южная Осетия в ответ объявила всеобщую мобилизацию [1]. Спустя несколько дней в зоне безопасности начали появляться самолёты ВВС России, которые, по заявлению МИДа РФ, были отправлены в ответ на сообщения миротворцев о готовящемся вторжении Грузии [13]. Оценка ситуации ССПМ была небесспорна, поскольку интенсивность пограничных столкновений продолжала непрерывно нарастать вплоть до начала августа 2008 г. Неизбежность полномасштабной войны в Южной Осетии стала очевидной 7 августа 2008 г., когда грузинский миротворческий батальон без приказа Командующего ССПМ покинул своё расположение и в одностороннем порядке был выведен из зоны конфликта. На этом фоне Россия спустя несколько часов сумела договориться с Грузией и Южной Осетией провести встречу «на высоком уровне», однако она так и не состоялась [14], поскольку в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. по приказу М. Саакашвили начался массированный обстрел Цхинвали и полномасштабное наступление регулярных вооружённых сил, в число которых входили и бывшие миротворцы [15].

В условиях начавшихся полномасштабных боёв ССПМ не остались в стороне в качестве сторонних наблюдателей, как это обычно происходит в большинстве других миротворческих миссий, а напрямую вступили в сражение с агрессором, используя оружие для самообороны и защиты мандата [15]. Однако из-за отсутствия военно-воздушных сил, тяжёлого вооружения и техники, а также небольшой численности миротворцы понесли большие потери, которые исчислялись десятками убитых и сотнями раненых. Наступление Грузии удалось остановить только после прямого военного вмешательства России в период 8–12 августа 2008 г. В результате военных действий все предшествующие достижения миротворцев оказались фактически перечёркнуты, поскольку 36 из 50 тыс. жителей Южной Осетии вынужденно покинули свои дома, г. Цхинвал был почти полностью разрушен, а ущерб одному только энергохозяйству региона оценивался в 1,18 млрд руб. [9]. После завершения боёв Россия 26 августа 2008 г. признала независимость Южной Осетии [54], позднее она разместила в регионе собственную военную базу, а 8 октября 2008 г. официально объявила о завершении ОПМ в Южной Осетии [12].

Проведённый анализ миротворческой операции в Южной Осетии позволяет выделить ряд особенностей, преимуществ и недостатков, которые в совокупности опередили общую эффективность и итоговый результат миссии.

В числе особенностей ОПМ в Южной Осетии можно выделить:

1) Многозадачность – в отличие от большинства классических операций по поддержанию мира ССПМ занимались не только контролем за режимом прекращения огня, но и выполняли гуманитарные, политические и правоохранные задачи, которые типологически больше соответствует понятию миростроительства;

2) Пристрастность – включение Грузии и Южной Осетии в состав ОПМ размывало границы между прямыми участниками конфликта и миротворцами, из-за чего нарушался основополагающий принцип беспристрастности. Кроме того, крайне неординарным решением являлось выделение Северной Осетии в качестве самостоятельного участника миссии несмотря на то, что она являлась зависимым субъектом Российской Федерации и изначально поддерживала Северную Осетию. Единственной же нейтральной стороной в составе миссии являлась Россия, однако с 2000-х гг. она начала постепенно склоняться в сторону поддержки Южной Осетии;

3) Бессрочность – уникальной чертой ОПМ в Южной Осетии являлось отсутствие ограничений по сроку деятельности миссии, поскольку в мандате обозначалось, что миссия завершит свою деятельность только после окончательного урегулирования конфликта. Для досрочного же вывода миротворцев требовалось согласие всех четырёх сторон, что являлось фактически невозможным, поскольку Россия стремилась сохранить влияние на Южном Кавказе, Северная Осетия находилась под контролем Москвы, а Южная Осетия была заинтересована в миротворцах в качестве гаранта безопасности от агрессивных действий Грузии;

4) Скрытое единоличное лидерство – несмотря на формально смешанный характер миротворческой операции, ключевую роль всё равно сохраняла Россия, поскольку она инициировала ОПМ, осуществляла прямое руководство ССПМ, предоставляла наиболее многочисленный и боеспособный контингент, а также выступала в качестве стержневой основы, без которой вся миссия фактически бы развалилась при первой же вспышке вооружённого конфликта между Грузией и Южной Осетией;

5) Разветвлённая организационная структура – помимо непосредственно миротворческого контингента (ССПМ и СГН) и руководящих органов (СКК и ОК), в составе миссии создавались специализированные структуры для выполнения узконаправленных задач (СМПЦ, Советы, СКЦ ВПО), что было обусловлено многозадачностью операции.

Наряду с общими особенностями, ОПМ в Южной Осетии также имело ряд преимуществ по сравнению с другими миротворческими операциями:

1) Широкий спектр задач, обозначенных в мандате, в перспективе позволял восстановить не только безопасность, но и благополучие в зоне конфликта. Многозадачность миротворческой операции всегда является важным индикатором реального стремления миротворцев создать основу для долгосрочного мирного существования, а не просто заморозить конфликт, оставив регион в руинах, а население в бедности;

2) Право применять оружие для самообороны и защиты мандата позволило эффективно выполнять военные задачи по ликвидации незаконных вооружённых формирований и локализации небольших вспышек вооружённых столкновений в сфере ответственности;

3) Единое военное руководство с широкими полномочиями Командующего обеспечивало организационное

единство в смешанном миротворческом контингенте и позволяло оперативно реагировать на изменение ситуации без громоздких бюрократических процедур;

4) Экстерриториальность миротворцев являлась важной правовой гарантией функционирования миссии вне зависимости от изменяющихся политических обстоятельств вокруг зоны конфликта и между членами СКК.

Однако, несмотря на все преимущества, ОПМ в Южной Осетии содержала и ряд недостатков:

1) Включение участников конфликта в состав миссии являлось «бомбой замедленного действия», поскольку Грузия в конечном итоге перешла от конструктивного сотрудничества к прямому саботажу миротворческой операции, а затем и полному развалу всех ранее достигнутых договорённостей;

2) Личный состав и вооружение ССПМ не позволяли эффективно выполнять значительную часть поставленных задач, поскольку первоначальный контингент формировался из числа военных и добровольцев вместо специально подготовленных миротворцев. Кроме того, из-за небольшой численности и отсутствия тяжёлого вооружения, техники и ВВС ССПМ не имели возможности защитить мандат в случае крупного наступления или несанкционированных пролётов над зоной безопасности со стороны одного из участников конфликта;

3) Низкая эффективность выполнения большинства невоенных задач, связанных с гуманитарной, политической и правоохранительной деятельностью, снижала общую продуктивность миссии;

4) Слабое финансирование ОПМ не только препятствовало выполнению восстановительных работ в регионе, но и снижало моральный дух миротворцев, которые на протяжении многих месяцев не получали положенное жалование, даже несмотря на невысокие зарплаты и страховые выплаты.

Результаты. Совокупные особенности, преимущества и недостатки ОПМ в Южной Осетии напрямую повлияли на эффективность выполнения поставленных задач и конечный итог всей миссии. В числе военных задач ССПМ полностью выполнили ещё на первом этапе вывод вооружённых сил Южной Осетии и Грузии из зоны ответственности, разоружили или ликвидировали все незаконные формирования и в дальнейшем поддерживали регулярный контроль за тяжёлым вооружением и техникой. Однако задача по поддержанию безопасности и режима прекращения огня была выполнена лишь частично, поскольку ССПМ эффективно действовали только на первом этапе, но с 2002 г. они уже не могли предотвратить постоянно возникающие вспышки конфликта и в дальнейшем остановить вторжение Грузии в 2008 г. Также частично удалось выполнить разминирование территории на первом этапе, но после активизации конфликта летом 2004 г. зона конфликта вновь оказалась заминированной, а дальнейшая работа парализованной из-за постоянной военной активности Грузии.

Выполнение гуманитарных задач также оставалось малоэффективным, т.к. в рамках миротворческой операции не удалось восстановить гражданскую инфраструктуру в Южной Осетии и обеспечить возвращение беженцев в регион. На первом этапе восстановитель-

ные работы почти не финансировались, а на втором были фактически парализованы из-за постоянного военного обострения ситуации со стороны Грузии. В отношении же беженцев миротворцы сумели обеспечить безопасное возвращение некоторых людей, но подавляющее большинство бывшего населения так и не вернулось в Южную Осетию. Задача по обеспечению контроля за соблюдением прав человека и национальных меньшинств аналогичным образом была выполнена лишь частично. На первом этапе не зафиксировано массовых или системных случаев нарушения прав человека и национальных меньшинств, однако на второй фазе операции всё чаще начали встречаться случаи убийств на этнической почве, в т.ч. и в отношении южно-осетинских и грузинских миротворцев.

В свою очередь, политические задачи по содействию мирному урегулированию оказались полностью проваленными, поскольку за 16 лет так и не было достигнуто никакого прогресса в переговорах, а в 2008 г. конфликт и вовсе перешёл в горячую фазу. Выполнение правоохранительных задач, связанных с борьбой против преступности, также оказалось неудовлетворительным. В период 1992–1996 гг. криминогенная ситуация в сфере ответственности миротворцев непрерывно ухудшалась с каждым годом, только в непродолжительный период 1997–2001 гг. наметилась некоторая положительная динамика, связанная со снижением числа преступлений. Однако с 2002 г. вновь обозначился рост преступности, включая ранее не фиксируемые захваты заложников и вооружённые нападения на мирных жителей со стороны отдельных лиц.

В конечном итоге из 10 ключевых задач по 4 направлениям деятельности ОПМ в Южной Осетии удалось полностью выполнить только три, причём исключительно в военной сфере. Ещё три задачи были реализованы лишь частично (две в военной сфере и одна в гуманитарной), остальные же четыре цели оказались фактически проваленными, прежде всего в политической и правоохранительной деятельности. Тем самым на основе полученных данных можно сделать вывод, что ОПМ в Южной Осетии характеризовалась средней эффективностью в решении конкретных задач, лучше всего выполнялись военные функции, однако гуманитарные оказались малоэффективными, а политические и правоохранительные полностью проваленными. Главная же цель миссии, связанная с мирным урегулированием конфликта и поддержанием режима прекращения огня, не была выполнена, поскольку после череды регулярных нарушений Грузия перешла в полномасштабное военное наступление в августе 2008 г. Тем не менее, провал ОПМ в Южной Осетии произошёл не по вине миротворцев, а в результате агрессивной политики Грузии в 2000-х гг., а также в силу самой специфики миссии со всеми её особенностями, недостатками и ограничениями. Последующее же прекращение огня произошло только в результате того, что Москва, отказавшись от посреднического статуса в конфликте, открыто поддержала Южную Осетию, что в итоге привело к очередной заморозке конфликта, но уже под прямой военной гарантией России.

Литература

1. В Южной Осетии объявлена всеобщая мобилизация // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2008/07/04/shooting> (дата обращения: 07.12.2024).
2. Винокуров А. Ю. К вопросу о правовых основах пребывания российских миротворцев в зоне грузино-осетинского вооружённого конфликта (1992–2008 гг.) // Армия и общество. 2010. № 2. С. 142–145.

3. Гобозов В. Ф. Некоторые малоизвестные аспекты российской миротворческой миссии в Южной Осетии // Столыпинский вестник. 2022. № 8. С. 4251–4262.
4. Гуров В. А. Отечественные вооруженные силы Российской Федерации в миротворческой операции в Южной Осетии (1992–2008гг.) // Карельский научный журнал. 2016. № 2. С. 64–66.
5. Заявление о фактах нарушения системы управления ССПМ в зоне грузино-осетинского конфликта и мерах по обеспечению их эффективного функционирования от 30 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/gansx_2002_07_30_r.htm?lawid=1265&lng_3=ru (дата обращения: 07.12.2024).
6. Заявление сопредседателей СКК от 2 июня 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/skk3gan_2004_02_06_r.htm?lawid=1644&lng_3=ru (дата обращения: 08.12.2024).
7. Заявление сопредседателей СКК от 23 декабря 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot41dan1_2004_12_22_r.htm?lawid=1236&lng_3=ru (дата обращения: 09.12.2024).
8. Золотухин Г. А. Правовые источники участия вооружённых сил РФ в операциях по поддержанию мира с СНГ // Московский журнал международного права. 2000. № 2. С. 90–96.
9. История Грузино-югоосетинского конфликта // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/572907> (дата обращения: 09.12.2024).
10. Концепция внешней политики РФ от 31 марта 2023 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 10.12.2024).
11. Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте от 16 мая 1996 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 299–301.
12. Миротворцы ушли, но миротворческая миссия продолжается // Южная Осетия. URL: <https://ugo-osetia.ru/obshhestvo/mirotvortsyushli-no-mirotvorcheskaya-missiya-prodolzhaetsya> (дата обращения: 10.12.2024).
13. Миротворцы: Над Южной Осетией незаконно летают беспилотники // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/07/2008/5703cde9a79473dc8147cdd> (дата обращения: 10.12.2024).
14. Миротворческая деятельность России в Южной Осетии. Справка // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20080827/150715465.html> (дата обращения: 11.12.2024).
15. Миротворческая операция в Южной Осетии: история, факты, документы (часть 1) // Республика. URL: <https://respublikarso.org/date/4334-mirotvorcheskaya-operaciya-v-yuzhnoy-osetii-istoriya-fakty-dokumenty-chast-1.html> (дата обращения: 11.12.2024).
16. Миротворческие силы в Южной Осетии // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5752> (дата обращения: 11.12.2024).
17. Обращение СКК к Европейской комиссии от 9 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/deklar_%202002_07_09_r.htm?lawid=1275&lng_3=ru (дата обращения: 12.12.2024).
18. Положение о СКК от 31 октября 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 286–288.
19. Положение о смешанных силах по установлению мира и поддержанию правопорядка в зоне конфликта от 12 июля 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot3dan1_1992_07_12_r.htm?lawid=1246&lng_3=ru (дата обращения: 12.12.2024).
20. Положение о Специальном координационном центре при СКК по взаимодействию правоохранительных органов в зоне грузино-осетинского конфликта от 21 апреля 2001 г. URL: https://rrc.ge/law/debull_2001_04_21_r.htm?lawid=1232&lng_3=ru (дата обращения: 12.12.2024).
21. Положение об основных принципах деятельности воинских контингентов и групп наблюдателей, предназначенных для нормализации ситуации в зоне грузино-осетинского конфликта. Приложение № 1 к решению СКК от 6 декабря 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 290–294.
22. Протокол № 2 Заседания СКК от 6 июля 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot2_1992_07_06_r.htm?lawid=1243&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
23. Протокол № 23 Заседания СКК от 9 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot23_%202002_07_09_r.htm?lawid=920&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
24. Протокол № 24 экстренного Заседания СКК от 30 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot24_2002_07_30_r.htm?lawid=918&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
25. Протокол № 25 Заседания СКК от 3–4 октября 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot25_2002_10_03_r.htm?lawid=922&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
26. Протокол № 28 Заседания СКК от 23–26 июня 2003 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot28_2003_06_23_r.htm?lawid=939&lng_3=ru (дата обращения: 13.12.2024).
27. Протокол № 3 Заседания СКК от 12 июля 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprt3_1992_07_12_r.htm?lawid=1237&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
28. Протокол № 36 экстренного Заседания СКК от 13–14 августа 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/prot36_2004_13_08_R.htm?lawid=1629&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
29. Протокол № 39 встречи сопредседателей СКК от 20 октября 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/prot39_2004_20_10_R.htm?lawid=1632&lng_3=ru (дата обращения: 10.12.2024).
30. Протокол № 40 Заседания СКК от 19–20 ноября 2004 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot40_2004_11_19_R.htm?lawid=1234&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
31. Протокол № 45 внеочередного Заседания СКК от 24–25 октября 2005 г. URL: https://rrc.ge/law/prot45_2005_24_10_R.htm?lawid=1633&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
32. Протокол № 46 Заседания СКК от 15–16 ноября 2005 г. URL: https://rrc.ge/law/prot46_2005_15_11_R.htm?lawid=1634&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
33. Протокол № 48 Заседания СКК от 27–29 марта 2006 г. URL: https://rrc.ge/law/prot48_2006_29_03_R.htm?lawid=1636&lng_3=ru (дата обращения: 14.12.2024).
34. Протокол № 5 встречи сопредседателей СКК от 14–16 мая 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6_2002_05_16_r.htm?lawid=914&lng_3=ru (дата обращения: 15.12.2024).
35. Протокол № 5 встречи сопредседателей СКК от 28 февраля – 1 марта 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot5_2002_02_28_r.htm?lawid=916&lng_3=ru (дата обращения: 15.12.2024).
36. Протокол № 50 встречи сопредседателей СКК от 22 июня 2006 г. URL: https://rrc.ge/law/prot50_2006_22_06_R.htm?lawid=1638&lng_3=ru (дата обращения: 15.12.2024).
37. Протокол № 9 Заседания СКК от 31 марта 1999 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot9_1999_03_31_r.htm?lawid=884&lng_3=ru (дата обращения: 16.12.2024).

38. Протокол встречи председателя Госсовета Республики Грузия Э.А. Шеварднадзе и председателя Верховного Совета Северо-Осетинской ССР А. Х. Галазова от 10 июня 1992 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 249–250.
39. Протокол встречи представителей сторон по выполнению Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 4 июля 1992 г. // Рес. URL: <https://cominf.org/node/1166483728> (дата обращения: 17.12.2024).
40. Решение №2 СКК о создании совместной группы наблюдателей от 8 июля 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkgadask2_1992_07_04_r.htm?lawid=1241&lng_3=ru (дата обращения: 17.12.2024).
41. Решение СКК о восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта от 31 марта 1999 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot9dan2_1999_03_31_r.htm?lawid=1221&lng_3=ru (дата обращения: 17.12.2024).
42. Решение СКК о деятельности ССПМ в зоне грузино-осетинского конфликта от 23 июля 1996 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6dan1_1996_07_23_r.htm?lawid=1286&lng_3=ru (дата обращения: 18.12.2024).
43. Решение СКК о деятельности ССПМ в зоне грузино-осетинского конфликта от 13 февраля 1997 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot7dan1_1997_02_13_r.htm?lawid=1262&lng_3=ru (дата обращения: 19.12.2024).
44. Решение СКК о деятельности ССПМ и взаимодействии правоохранительных органов сторон в зоне грузино-осетинского конфликта от 10 февраля 2003 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot26dan2_2003_02_09_r.htm?lawid=1281&lng_3=ru (дата обращения: 20.12.2024).
45. Решение СКК о мерах по возвращению беженцев и вынужденно перемещённых лиц в результате грузино-осетинского конфликта в места прежнего постоянного проживания от 13 февраля 1997 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot7dan2_1997_02_13_r.htm?lawid=1308&lng_3=ru (дата обращения: 20.12.2024).
46. Решение СКК о несанкционированных полётах летательных аппаратов над территорией зоны ответственности ССПМ от 30 июля 2002 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot24dan2_2002_07_30_r.htm?lawid=1264&lng_3=ru (дата обращения: 20.12.2024).
47. Решение СКК о реализации реабилитационной программы Еврокомиссии от 14–16 мая 2003 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot27dan2_2003_05_14_r.htm?lawid=1228&lng_3=ru (дата обращения: 21.12.2024).
48. Решение СКК о ССПМ от 6 декабря 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 288–290.
49. Решение СКК о ходе возвращения беженцев от 23 июля 1999 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot10dan3_1999_07_23_r.htm?lawid=1294&lng_3=ru (дата обращения: 22.12.2024).
50. Решение СКК о ходе выполнения решений СКК о ССПМ от 9 июня 1995 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot4dan2_1995_06_09_r.htm?lawid=1251&lng_3=ru (дата обращения: 22.12.2024).
51. Решение СКК о ходе строительно-восстановительных работ в зоне грузино-осетинского конфликта от 23 июля 1996 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6dan4_1996_07_23_r.htm?lawid=1307&lng_3=ru (дата обращения: 23.12.2024).
52. Решение СКК от 3 августа 1992 г. URL: https://rrc.ge/law/Skkgadask_1992_08_03_r.htm?lawid=1238&lng_3=ru (дата обращения: 24.12.2024).
53. Решение СКК от 6 декабря 1994 г. URL: https://rrc.ge/law/SKKprot3gad2_1994_12_06_r.htm?lawid=1211&lng_3=ru (дата обращения: 25.12.2024).
54. Самутина О. С., Юматов К. В. Россия и Европейский союз на Южном Кавказе: миротворчество и мифотворчество // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 7. С. 88–94.
55. Серый Н. И. Роль российской Федерации в создании и деятельности Смешанной контрольной комиссии как основного института урегулирования грузино-осетинского конфликта // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 2. С. 68–71.
56. Соглашение о дальнейшем развитии процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта и о СКК от 31 октября 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 285–286.
57. Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 24 июня 1992 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 252–253.
58. Это волшебное слово – миротворец! // Республика. URL: <https://respublikarso.org/date/print:page,1,2620-eto-volshebnoe-slovo-mirotvorec.html> (дата обращения: 26.12.2024).
59. Южно-осетинский разлом // Минобороны РФ. URL: <https://ossetia1992.mil.ru> (дата обращения: 27.12.2024).

References

1. General mobilization declared in South Ossetia. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2008/07/04/shooting> (accessed: 07.12.2024). (In Russ.).
2. Vinokurov AYu. On the issue of the legal basis for the presence of Russian peacekeepers in the zone of the Georgian-Ossetian armed conflict (1992–2008). *Armia i obshchestvo*. 2010;(10):142–145. (In Russ.).
3. Gbozov VF. Some little-known aspects of the Russian peacekeeping mission in South Ossetia. *Stolypinskii vestnik*. 2022;(8):4251–4262. (In Russ.).
4. Gurov VA. Domestic Russian armed forces in the peacekeeping operation in South Ossetia (1992–2008). *Karel'skii nauchnyi zhurnal*. 2016;(2):64–66. (In Russ.).
5. Statement on the facts of violation of the JPKF management system in the Georgian-Ossetian conflict zone and measures to ensure their effective functioning of 30 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/gansx_2002_07_30_r.htm?lawid=1265&lng_3=ru (accessed: 07.12.2024). (In Russ.).
6. Statement by the Co-Chairs of the JCC of 2 June 2004. URL: https://rrc.ge/law/skk3gan_2004_02_06_r.htm?lawid=1644&lng_3=ru (accessed: 08.12.2024). (In Russ.).
7. Statement by the Co-Chairs of the JCC of 23 December 2004. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot41dan1_2004_12_22_r.htm?lawid=1236&lng_3=ru (accessed: 09.12.2024). (In Russ.).
8. Zolotukhin GA. Legal sources of participation of the Russian armed forces in peacekeeping operations with the CIS. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2000;(2):90–96. (In Russ.).
9. TASS. History of the Georgian-South Ossetian conflict. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/572907> (accessed: 09.12.2024). (In Russ.).
10. MFARF. Foreign Policy Concept of the Russian Federation of 31 March 2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).
11. Memorandum on measures to ensure security and strengthen mutual trust between the parties in the Georgian-Ossetian conflict of 16 May 1996. In: *Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006*. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 299–301. (In Russ.).
12. South Ossetia. The peacekeepers have left, but the peacekeeping mission continues. URL: <https://ugo-osetia.ru/obshhestvo/mirotvortsy-ushli-no-mirotvorcheskaya-missiya-prodolzaetsya> (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).

13. RBC. Peacekeepers: Drones are flying illegally over South Ossetia. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/07/2008/5703cded9a79473dc8147cdd> (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).
14. RIA News. Russia's peacekeeping activities in South Ossetia. Reference. URL: <https://ria.ru/20080827/150715465.html> (accessed: 11.12.2024). (In Russ.).
15. Republic. Peacekeeping operation in South Ossetia: history, facts, documents (part 1). URL: <https://respublikarso.org/date/4334-mirotvorcheskaya-operaciya-v-yuzhnoy-osetii-istoriya-fakty-dokumenty-chast-1.html> (accessed: 11.12.2024). (In Russ.).
16. Kommersant. Peacekeeping forces in South Ossetia. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5752> (accessed: 11.12.2024). (In Russ.).
17. Appeal of the JCC to the European Commission of 9 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/deklar_%202002_07_09_r.htm?lawid=1275&lng_3=ru (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).
18. Regulations on the JCC of 31 October 1994. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 286–288. (In Russ.).
19. Regulations on the joint forces for the establishment of peace and maintenance of law and order in the conflict zone of 12 July 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot3dan1_1992_07_12_r.htm?lawid=1246&lng_3=ru (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).
20. Regulation on the Special Coordination Center under the JCC for interaction between law enforcement agencies in the Georgian-Ossetian conflict zone of 21 April 2001. URL: https://rrc.ge/law/debull_2001_04_21_r.htm?lawid=1232&lng_3=ru (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).
21. Regulation on the basic principles of the activities of military contingents and observer groups intended to normalize the situation in the Georgian-Ossetian conflict zone. Appendix No. 1 to the decision of the JCC of 6 December 1994. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 290–294. (In Russ.).
22. Minutes No. 2 of the JCC meeting of 6 July 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot2_1992_07_06_r.htm?lawid=1243&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
23. Minutes No. 23 of the JCC meeting of 9 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot23_%202002_07_09_r.htm?lawid=920&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
24. Minutes No. 24 of the emergency meeting of the JCC of 30 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot24_2002_07_30_r.htm?lawid=918&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
25. Minutes No. 25 of the JCC meeting of 3–4 October 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot25_2002_10_03_r.htm?lawid=922&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
26. Minutes No. 28 of the JCC meeting of 23–26 June 2003. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot28_2003_06_23_r.htm?lawid=939&lng_3=ru (accessed: 13.12.2024). (In Russ.).
27. Minutes No. 3 of the JCC meeting of 12 July 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkprt3_1992_07_12_r.htm?lawid=1237&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
28. Minutes No. 36 of the emergency meeting of the JCC of 13–14 August 2004. URL: https://rrc.ge/law/prot36_2004_13_08_R.htm?lawid=1629&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
29. Minutes No. 39 of the meeting of the co-chairs of the JCC of 20 October 2004. URL: https://rrc.ge/law/prot39_2004_20_10_R.htm?lawid=1632&lng_3=ru (accessed: 10.12.2024). (In Russ.).
30. Minutes No. 40 of the JCC meeting of 19–20 November 2004. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot40_2004_11_19_R.htm?lawid=1234&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
31. Minutes No. 45 of the extraordinary meeting of the JCC of 24–25 October 2005. URL: https://rrc.ge/law/prot45_2005_24_10_R.htm?lawid=1633&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
32. Minutes No. 46 of the JCC meeting of 15–16 November 2005. URL: https://rrc.ge/law/prot46_2005_15_11_R.htm?lawid=1634&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
33. Minutes No. 48 of the JCC meeting of 27–29 March 2006. URL: https://rrc.ge/law/prot48_2006_29_03_R.htm?lawid=1636&lng_3=ru (accessed: 14.12.2024). (In Russ.).
34. Minutes No. 5 of the meeting of the co-chairs of the JCC of 14–16 May 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6_2002_05_16_r.htm?lawid=914&lng_3=ru (accessed: 15.12.2024). (In Russ.).
35. Minutes No. 5 of the meeting of the Co-Chairs of the JCC of 28 February – 1 March 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot5_2002_02_28_r.htm?lawid=916&lng_3=ru (accessed: 15.12.2024). (In Russ.).
36. Minutes No. 50 of the meeting of the Co-Chairs of the JCC of 22 June 2006. URL: https://rrc.ge/law/prot50_2006_22_06_R.htm?lawid=1638&lng_3=ru (accessed: 15.12.2024). (In Russ.).
37. Minutes No. 9 of the JCC meeting of 31 March 1999. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot9_1999_03_31_r.htm?lawid=884&lng_3=ru (accessed: 16.12.2024). (In Russ.).
38. Minutes of the meeting of the Chairman of the State Council of the Republic of Georgia E.A. Shevardnadze and the Chairman of the Supreme Council of the North Ossetian SSR A.Kh. Galazov of 10 June 1992. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 249–250. (In Russ.).
39. Res. Minutes of the meeting of representatives of the parties on the implementation of the Agreement on the principles of settlement of the Georgian-Ossetian conflict of 4 July 1992. URL: <https://cominf.org/node/1166483728> (accessed: 17.12.2024). (In Russ.).
40. Decision No. 2 of the JCC on the establishment of a joint observer group of 8 July 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkgadask2_1992_07_04_r.htm?lawid=1241&lng_3=ru (accessed: 17.12.2024). (In Russ.).
41. Decision of the JCC on the restoration of the economy in the Georgian-Ossetian conflict zone of 31 March 1999. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot9dan2_1999_03_31_r.htm?lawid=1221&lng_3=ru (accessed: 17.12.2024). (In Russ.).
42. Decision of the JCC on the activities of the JPKF in the Georgian-Ossetian conflict zone of 23 July 1996. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6dan1_1996_07_23_r.htm?lawid=1286&lng_3=ru (accessed: 18.12.2024). (In Russ.).
43. Decision of the JCC on the activities of the JPKF in the Georgian-Ossetian conflict zone of 13 February 1997. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot7dan1_1997_02_13_r.htm?lawid=1262&lng_3=ru (accessed: 19.12.2024). (In Russ.).
44. Decision of the JCC on the activities of the JPKF and the interaction of law enforcement agencies of the parties in the Georgian-Ossetian conflict zone of 10 February 2003. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot26dan2_2003_02_09_r.htm?lawid=1281&lng_3=ru (accessed: 20.12.2024). (In Russ.).
45. Decision of the JCC on measures to return refugees and internally displaced persons as a result of the Georgian-Ossetian conflict to their former places of permanent residence of 13 February 1997. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot7dan2_1997_02_13_r.htm?lawid=1308&lng_3=ru (accessed: 20.12.2024). (In Russ.).
46. Decision of the JCC on unauthorized flights of aircraft over the territory of the JPKF zone of responsibility of 30 July 2002. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot24dan2_2002_07_30_r.htm?lawid=1264&lng_3=ru (accessed: 20.12.2024). (In Russ.).
47. Decision of the JCC on the implementation of the European Commission's rehabilitation program of 14–16 May 2003. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot27dan2_2003_05_14_r.htm?lawid=1228&lng_3=ru (accessed: 21.12.2024). (In Russ.).

48. Decision of the JCC on the JPKF of 6 December 1994. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 288–290.
49. Decision of the JCC on the progress of the return of refugees of 23 July 1999. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot10dan3_1999_07_23_r.htm?lawid=1294&lng_3=ru (accessed: 22.12.2024). (In Russ.).
50. Decision of the JCC on the progress of implementing the decisions of the JCC on the JPKF of 9 June 1995. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot4dan2_1995_06_09_r.htm?lawid=1251&lng_3=ru (accessed: 22.12.2024). (In Russ.).
51. Decision of the JCC on the progress of construction and restoration work in the Georgian-Ossetian conflict zone 23 July 1996. URL: https://rrc.ge/law/Skkprot6dan4_1996_07_23_r.htm?lawid=1307&lng_3=ru (accessed: 23.12.2024). (In Russ.).
52. Decision of the JCC of 3 August 1992. URL: https://rrc.ge/law/Skkgadask_1992_08_03_r.htm?lawid=1238&lng_3=ru (accessed: 24.12.2024). (In Russ.).
53. Decision of the JCC of 6 December 1994. URL: https://rrc.ge/law/SKKprot3gad2_1994_12_06_r.htm?lawid=1211&lng_3=ru (accessed: 25.12.2024). (In Russ.).
54. Samutina OS, Yumatov KV. Russia and the European Union in the South Caucasus: Peacemaking and Mythmaking. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2014;(7):88–94. (In Russ.).
55. Seryi NI. The role of the Russian Federation in the creation and activities of the Joint Control Commission as the main institution for the settlement of the Georgian-Ossetian conflict. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;(2):68–71. (In Russ.).
56. Agreement on the further development of the process of peaceful settlement of the Georgian-Ossetian conflict and on the JCC of 31 October 1994. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 285–286. (In Russ.).
57. Agreement on the principles of settlement of the Georgian-Ossetian conflict of 24 June 1992. In: Conflicts in Abkhazia and South Ossetia: documents 1989–2006. Moscow: Russian panorama, 2008. p. 252–253. (In Russ.).
58. Republic. This is the magic word – peacemaker! URL: <https://respublikarso.org/date/print:page,1,2620-eto-volshebnoe-slovo-mirotvorec.html> (accessed: 26.12.2024). (In Russ.).
59. MinDefense RF. South Ossetian fault. URL: <https://ossetia1992.mil.ru> (accessed: 27.12.2024). (In Russ.).

Научная статья

УДК 327.323.3

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.13>

КПЮ/СКЮ, КПК, И ВКП(Б)/КПСС В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ (1945–1957)

Азамат Салаватович Якшибаев¹, Сергей Александрович Романенко²

¹ Российский Государственный Гуманитарный Университет (д. 15, ул. Чайнова, Москва, 125047, Российская Федерация)
Студент магистратуры
yakshazamat@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6576-2825>

² Российский Государственный Гуманитарный Университет (д. 15, ул. Чайнова, Москва, 125047, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор
erg.hist@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7031-3091>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Коммунистическая партия Китая и Коммунистическая партия Югославии (с 1952 г. – Союз коммунистов Югославии) – партии, пришедшие к власти в КНР и ФНРЮ, соответственно, в результате Второй мировой войны, национального освобождения и социальных революций (1945 – 1949 и 1945 гг., соответственно. История взаимоотношений между этими двумя участниками международного коммунистического движения развивалась очень сложно и противоречиво. В статье рассматривается динамика межгосударственных и межпартийных отношений между КНР и Югославией. Масштаб и характер взаимодействия этих двух партий и государств находилась в теснейшей взаимосвязи с их отношениями с ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС) и СССР. **Материалы и методы.** В статье проанализированы официальные партийные документы КПК, КПЮ/СКЮ и КПСС, стенограммы встреч лидеров этих партий и государств, протоколы заседаний и доклады Коминформа, партийные газеты и журналы, личные записи партийных лидеров, а также литература по проблематике отношений КПК/КНР, СКЮ/Югославии и КПСС/СССР. В своем исследовании авторы использовали следующие методы: нарратив, реконструкцию, историко-генетический, сравнительно-исторический и историко-типологический методы. **Анализ.** Международное коммунистическое движение (далее – МКД) объединяет коммунистические партии, организации и движения по всему миру, стремящиеся к построению общества, основанного на социалистических принципах и, в конечном счете, к переходу к коммунизму. Формировалось коммунистическое движение на основе учений Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ленина, а позже развивалось с учетом влияния лидеров и, с течением времени становившихся теоретиками, таких как Иосиф Сталин, Мао Цзэдун, Йосип Броз Тито. После Октябрьской революции, в 1919 г. в России был создан Коминтерн – организация, объединявшая коммунистические партии различных стран, просуществовавшая до 1943 г. Его сменил Коминформ (Информационное бюро коммунистических и рабочих партий), действовавший в 1943–1956 гг. и объединявший наиболее влиятельные коммунистические партии Европы. В Коминформ вошли ВКП(б),

а также компартии Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Франции и Италии. Центральным печатным органом организации была газета «За прочный мир, за народную демократию!», первоначально издававшаяся в Белграде, а после начала в 1948 г. конфликта СССР с Югославией, в Бухаресте. Одна из главных задач Коминформа заключалась в борьбе с идеологическими отклонениями внутри коммунистического движения. Решение о роспуске Коминформа было принято 17 апреля 1956 г. Официальной причиной называлось желание СССР и его союзников укреплять международное коммунистическое сотрудничество на двусторонней основе, а не через централизованную структуру. Однако реальной причиной стала постепенная децентрализация МКД, начавшаяся после XX-го съезда КПСС в 1956 г. После упразднения Коминформа МКД функционировало на уровне встреч коммунистических и рабочих партий – всемирных, общеевропейских и социалистических стран. **Результаты.** По итогам проведенного исследования авторы сделали вывод о том, что в 1945–1957 гг. отношения между правящими коммунистическими партиями прошли сложную эволюцию.

Ключевые слова: КПК, КПЮ/СКЮ, ВКП(б)/КПСС, идеология, международное коммунистическое движение, марксизм-ленинизм, пролетарский интернационализм, ревизионизм, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Йосип Броз Тито, Эдвард Кардель, И.В. Сталин, Н.С. Хрущёв

Для цитирования: Якшибаев А. С., Романенко С. А. КПЮ/СКЮ, КПК, и ВКП(б)/КПСС в международном коммунистическом движении (1945–1957) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 279–287. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.13>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 14.02.2025.

Статья принята к публикации: 15.04.2025.

Research article

THE CPY/LCYUGOSLAVIA, THE CPCHINA, ALL-UNION COMMUNIST PARTY(B)/CPSU IN THE INTERNATIONAL COMMUNIST MOVEMENT (1945–1957)

Azamat S. Yakshibaev¹, Sergey A. Romanenko^{2*}

¹ Russian State University for the Humanities (15, Chayanova St., Moscow, 125047, Russian Federation)
Master degree student
yakshazamat@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6576-2825>

² Russian State University for the Humanities (15, Chayanova St., Moscow, 125047, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
erg.hist@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7031-3091>

* Corresponding author

© Якшибаев А. С., Романенко С.А., 2025

Abstract. Introduction. The Communist Party of China and the Communist Party of Yugoslavia (since 1952, the League of Communists of Yugoslavia) are parties that came to power in the PRC and the FPRY respectively as a result of World War II, national liberation and social revolutions (1945-1949 and 1945, respectively). The history of the relationship between these two actors of the international communist movement developed in a very complex and contradictory way. This article examines the dynamics of inter-state and inter-party relations between the PRC and Yugoslavia. The scale and nature of interaction between these two parties and states was in close interrelation with their relations with the All-Union Communist Party of Bolsheviks (since 1952 - the CPSU) and the USSR. **Materials and methods.** The article analyses official party documents of the CPC, CPSU/UKY and CPSU, transcripts of meetings of leaders of these parties and states, minutes of meetings and reports of the Cominform, party newspapers and magazines, personal notes of party leaders, as well as literature on the problems of relations between the CPC/PRC, UKY/Yugoslavia and the CPSU/USSR. The authors used the following methods in their research: narrative, reconstruction, historical-genetic, comparative-historical and historical-typological methods. **Analysis.** The International Communist Movement (hereinafter - ICM) unites communist parties, organizations and movements all over the world, striving to build a society based on socialist principles and, ultimately, to transition to communism. The communist movement was formed on the basis of the teachings of Karl Marx, Friedrich Engels and Vladimir Lenin, and later developed with the influence of leaders and, over time, becoming theorists such as Joseph Stalin, Mao Zedong and Josip Broz Tito. After the October Revolution, in 1919 the Comintern, an organization uniting the communist parties of various countries, was established in Russia and existed until 1943.

It was succeeded by Cominform (Information Bureau of Communist and Workers' Parties), which operated from 1943-1956 and united the most influential communist parties in Europe. Cominform included the All-Union Communist Party of Bolsheviks,

as well as the Communist Parties of Bulgaria, Hungary, Poland, Romania, Czechoslovakia, Yugoslavia, France and Italy. The central printed organ of the organisation was the newspaper 'For lasting peace, for people's democracy!', initially published in Belgrade, and after the beginning of the conflict between the USSR and Yugoslavia in 1948, in Bucharest. One of the main tasks of the Cominform was to combat ideological deviations within the communist movement. The decision to dissolve Cominform was taken on 17 April 1956. The official reason was the desire of the USSR and its allies to strengthen international communist cooperation on a bilateral basis rather than through a centralized structure. However, the real reason was the gradual decentralization of the ICD, which began after the 20th Congress of the CPSU in 1956. After the abolition of the Cominform, the ICD functioned at the level of meetings of communist and workers' parties - world, pan-European and socialist countries. **Results.** Based on the results of the study, the authors concluded that in 1945-1957 the relations between the ruling communist parties underwent a complex evolution.

Keywords: CPC, CPSU/SCU, All-Union Communist Party, ideology, international communist movement, Marxism-Leninism, proletarian internationalism, revisionism, Mao Zedong, Zhou Enlai, Deng Xiaoping, Josip Broz Tito, Edward Kardel, I.V. Stalin, N.S. Khrushchev

For citation: Yakshibaev AS, Romanenko SA. The CPY/LCYugoslavia, the CPChina, All-Union Communist Party(B)/CPSU in the international communist movement (1945-1957). *Humanities and law research*. 2025;12(2):279-287. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.13>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 27.10.2024.

The article was approved after reviewing: 14.02.2025.

The article was accepted for publication: 15.04.2025.

Введение. Взаимоотношения между СССР и коммунистическими режимами исходили из двух основных элементов: во-первых, единства социальных и политических целей между СССР и ВКП(б) и коммунистическими партий этих стран; во-вторых, строгой иерархичности отношений в социалистическом лагере, центрального положения в нём СССР. После первого совещания Коминформа 22 сентября 1947 г. в журнале «Большевик» югославская политика оценивалась очень позитивно [1, 2]. Вместе с тем, в 1947 г. в некоторых записках относительно положения в Югославии подчёркивалась стремление «поставить югославскую компартию в положение своеобразной "руководящей" партии на Балканах» [3, с. 48].

18 марта 1948 г., конфликт Сталина и Тито стал идеологическим – была подготовлена справка для Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики», в которой указывается, что «югославские руководители игнорируют принципы марксизма-ленинизма и преуменьшают роль Советского Союза в освобождении Югославии и её послевоенном строительстве, допускают элементы авантюризма во внешней политике и претендуют на руководящую роль на Балканах, проводится неверная политика в организационном построении югославской партии, которая растворяет её в Народном фронте» [4, с. 235–240].

После этого началась «черeda писем» – 27 марта было отправлено «Письмо ЦК ВКП(б) ЦК КПЮ» в котором отзыв военных советников объяснялся «дискредитацией Советской Армии», упоминалась слежка органов безопасности Югославии за представителями ВКП(б). Советская сторона была осведомлена о высказываниях «сомнительных марксистов» [Милована] Джи-

ласа, [Александра] Ранковича и др. о том, что «в СССР господствует великодержавный шовинизм», что «только Югославия является подлинным носителем знамени революционного социализма», утверждая, что, если бы «югославские партийные массы знали о существовании этой критики, они бы её не приняли». По отношению к кулакам и деревне, по мнению ВКП(б), КПЮ «убаюкивают гнилой оппортунистической теорией мирного вранства в социализм капиталистических элементов» [4, с. 245–249].

Советско-югославский конфликт был обусловлен несколькими причинами имел несколько измерений: исторически неизбежный конфликт двух государств, стремившихся к ведущей роли на Балканах и в Восточной Европе; политический и впоследствии политико-идеологический конфликт двух партий, претендовавших на руководящую роль в МКД и в «строительстве социализма; личный конфликт двух руководителей – И.В. Сталина и Й. Броза Тито [14, с. 419–424]. Заметим, что впоследствии во многом типологически сходный конфликт произошел и в советско-китайских отношениях

В это время отношения КПК и КПЮ фактически отсутствовали, из-за происходящей в Китае гражданской войны. Конечно, партийная печать информировала население о ключевых событиях в международном коммунистическом движении, но активная фаза конфликта Сталина и Тито, ВКП(б) и КПЮ прошла мимо китайской компартии. На фоне всех этих обвинительных писем статья-биография о политическом становлении Тито и его репутации освободителя-объединителя югославов в «Жэньминь Жибао» очень контрастировала с набирающей силу повесткой Москвы [5].

19 мая, отказавшись от участия во втором совещании Коминформа, КПЮ 22 мая получила письмо

от Сталина, в котором указывалось, что отказ от участия в совещании будет считаться молчаливым признанием вины. Составление ложного мнения из-за недостатка информацией советской стороной определялось как голословное утверждение, лишенное доказательств [4, с. 307–309].

Конфликт между лидерами СССР и Югославии стал очевиден для всех. Была принята резолюция «О положении в Коммунистической партии Югославии», в которой освещались те советские положения, о которых указывалось выше, партия была исключена из Коминформа. Резолюция заканчивалась словами: «Нет сомнений в том, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно здоровых элементов, верных марксизму-ленинизму, верных интернационалистическим традициям Югославской компартии, верных единому социалистическому фронту. Задача этих здоровых сил КПЮ состоит в том, чтобы заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это – сменить их и выдвинуть новое интернационалистическое руководство КПЮ» [6, с. 417].

Раскол был официально оформлен, и все участники Коминформа (в том числе коммунистические партии Франции и Италии) приняли советскую позицию.

Материалы и методы. Статья написана на основании источников различных типов: официальных партийных документов КПК, КПЮ/СКЮ и ВКП(б)/КПСС, стенограммах встреч лидеров этих партий и государств, протоколов заседаний и других аппаратных материалов Коминформа, партийных газет «Правда», «Борба», «Женьминь жибао», личных записях партийных деятелей, мемуаров с учетом публикаций 1990-х – 2010-х гг. Авторы учли оценки, имеющиеся в советской, российской, югославской и китайской литературе и партийной публицистике по проблематике отношений КПК/КНР, КПК(СКЮ)/Югославии и ВКП(б) – КПСС/СССР. Так же были рассмотрены теоретические и идеологические тексты политических партий и их руководителей. В своем исследовании авторы использовали такие методы, как реконструкция историко-политического процесса, нарратив, историко-генетический, сравнительно-исторический и историко-типологический методы. Историко-генетический и сравнительно-исторический методы позволили выявить нарастание с течением времени национальных различий в подходах ВКП(б)/КПСС к КПЮ/СКЮ и КПК.

Анализ. Формирование советско-китайского альянса и югославская изоляция (1949–1953). Ортодоксальная марксистская теория утверждает, что рабочая революция должна возглавляться политизированным и мобилизованным городским рабочим классом. Хотя Россия в 1917 г. не совсем соответствовала позициям К. Маркса, в то же время Россия, безусловно, имела более значительный индустриализированный рабочий класс, чем Китай во время революции. Мао, однако, не считал, что индустриальный авангард необходим, полагая, что политически мотивированные крестьяне так же способны возглавить движение к социализму. Это идеологическое направление стало известно как «Маоизм» и оказалось очень популярным во II-й половине XX-го века в странах с большим сельским населением, стремившимся к переменам.

После окончания Второй Мировой войны Китай оставался разделённым – правительство партии «Гоминьдан» во главе с Чан Кайши в Чунцине и коммунистическое правительство во главе с Мао Цзэдуном в Яньани. 14 августа 1945 г., между Китайской республикой и СССР был подписан Советско-китайский договор о дружбе и союзе. СССР получал право «полусобственности» в отношении Китайско-Чанчуньской железной дороги. Даянь (Дальний) становился свободным городом под советским контролем, а Люйшунью (Порт-Артур) становился военной базой СССР. На 1945 г., когда в гражданской войне не было заметного победителя, этот договор носил для СССР прагматичный характер. Несмотря на явные симпатии СССР к китайским коммунистам, советское правительство не спешило разрывать дипломатические контакты с правительством Гоминьдан – после падения Нанкина, советский посол в Китайской республике Н.В. Рошин перевёл посольство в новую столицу Гуанчжоу, в то время как американское посольство осталось в захваченном Нанкине [7, с. 180–181].

Третье и последнее совещание Коминформа, состоявшееся в Бухаресте осенью 1949 г., закончилось принятием 19 ноября второй резолюцией о положении в КПЮ «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Резолюция констатировала ухудшение «югославского уклона»: «Если совещание Информбюро компартий в июне 1948 г. констатировало переход клики Тито-Ранковича от демократии и социализма к буржуазному национализму, то за время, прошедшее после этого совещания Информбюро, завершился переход этой клики от буржуазного национализма к фашизму и прямому предательству национальных интересов Югославии» [4, с. 484].

Примечательно, что в выпуске газеты «Борба» от 1 мая 1949 г. отсутствовало упоминание об СССР и ВКП(б), но была отведена целая страница тексту про китайскую революцию и о руководителях китайских коммунистов – Мао Цзэдуне, председателе ЦК КПК, Чжоу Эньлае, ответственном за дипломатическое представительство китайских коммунистов в тот период, когда ещё не была провозглашена Китайская Народная Республика, Чжу Дэ, Главнокомандующем Народно-освободительной армией Китая. Формулируя причины и ход продолжающейся гражданской войны, газета отмечала: «Нас особенно радует то, что пути, пройденные великим китайским народом и народами Югославии, близки друг другу как с точки зрения конкретного применения марксизма-ленинизма к известным условиям, так и с точки зрения пути и трудностей победы. Мы особенно счастливы, потому что армии, которые мы создали, находятся на двух концах земного шара, то, как мы их создали, и руководство этих армий, командный состав, их тактика и стратегия близки друг другу, похожи друг на друга. Мы особенно рады тому, что победа народной революции в Китае еще раз докажет, что марксизм-ленинизм — это не догма и пустой звук, а революционная теория <...> Это подтверждает правильность нашего пути и оправданность того, почему мы сегодня боремся с контрреволюционной ложью и клеветой <...> Мы, югославские коммунисты, особенно ждем победы китайского народа и его народной революции под мудрым руководством ЦК Китая во главе с Мао Цзэдуном, потому что мы были воспитаны и воспитаны в партии не для того, чтобы лгать и клеветать, не бороться против строительства социализма в другой стране, не подрыв-

вать единство других коммунистических партий, не недооценивать и высмеивать революции других народов и их вклад в победу социализма в мире и т. д... <...> Никогда с нами не случится, чтобы мы клеветали, унижали или умаляли революционную борьбу народа, как это, к сожалению, практикуют коммунисты большинства компартий, которые сегодня поливают нас грязью, а вчера прославляли наш народ, партию и – мудрого Тито» [8, с. 3].

Однако изменения между Сталиным и Тито, и как итог – между КПЮ и ВКП(б) в конечном итоге повлияли на ухудшение отношений между КПК и СКЮ.

В это же время, в начале 1949 г., вместо запланированного визита Мао в Москву, состоялся визит в Пекин заместителя председателя Совета Министров СССР А.И. Микояна. В меморандуме переговоров между Мао Цзэдуном и А.И. Микояном было засвидетельствовано, что для лидера КПК «наиболее ценными были указания товарища Сталина о том, что китайская революция является частью мировой революции, а также критика национализма Симича в Югославии. Мао Цзэдун несколько раз подчеркивал, что является учеником товарища Сталина и придерживается "просоветской ориентации"» [цит. по: 9].

После создания Китайской Народной республики Мао очень быстро занял внешнеполитическую позицию *一边倒* Ибянь дао («Держаться одной стороны»). Эта позиция означает полное следование во внешнеполитических действиях политике поддерживающего Китай СССР. Поэтому принятие советской стороны в конфликте Тито-Сталин представляется вполне закономерным следствием.

В беседе с Микояном Мао сравнил Тито с опальным китайским коммунистом Чжан Готао, который выступал против экономической политики Мао Цзэдуна, назвав Тито «предателем, перебежчиком и ренегатом» [цит. по: 9]. Цзян Цин в личном письме Мао Цзэдуну писала: «Тито утверждает, что КПК следует за Югославской коммунистической партией в вопросе о "коммунизме". Разве это не смешно? Однако эта реакционная пропаганда имеет известную эффективность, хотя бы на время. Наша пропаганда должна решительно разбить эти инсинуации» [цит. по: 10].

Китайская печать выражала полную солидарность с советскими позициями по вопросу КПЮ: газета «Гуанмин жибао» опубликовала советскую ноту югославскому правительству под заголовком: «Лицемерие клики Тито разоблачено». В Тяньцзине «Прогрессивная газета» опубликовала советскую ноту под заголовком «Югославия и своих махинациях подражает Гитлеру в Муссолини». 18 августа нанкинская газета «Синьхуажиао», одновременно с ответом Советского правительства правительству Югославии, опубликовала также карикатуру, на которой Тито на четвереньках следует за Чан Кайши [11].

В июне 1949 г., ещё в разгар гражданской войны в Китае, Мао отправил одного из руководителей КПК и ближайшего сподвижника Лю Шаоци в СССР для подробного ознакомления с моделью управления государством. Лю встречался со Сталиным шесть раз и посетил большое количество учреждений. На вопрос о возможном вступлении в Коминформ – организацию, в которую не входила ни одна из азиатских компартий, лидер СССР ответил, что в этом нет необходимости: «Китаю следует организовать союз коммунистических партий в Восточной Азии. Поскольку СССР – страна, расположенная как в Европе, так и в Азии, мы тоже будем участвовать в этом союзе» [12, р. 232].

1 октября 1949 г. остатки сил Гоминьдана бежали на Тайвань, а в Пекине была провозглашена Китайская Народная республика. Сразу после победы правительство КНР обратилось ко всему миру с просьбой признать его единственным легитимным правительством Китая. Первым эту просьбу (2 октября) удовлетворил СССР. Несмотря на тот факт, что КНР не посылала никаких обращений правительству Югославии с просьбой признания, ФНРЮ всё равно сделала этот дипломатический акт, который китайское правительство проигнорировало. Мао, стремясь поддерживать линию ВКП(б) и личное отношение Сталина к себе, добавил советскому послу Н.В. Родину, что Китай будет игнорировать все попытки Югославии завязать с ними отношения [13, с. 193]. Таким образом, КНР, как и все восточноевропейские социалистические государства, даже и не думала признавать социалистический путь развития ФНРЮ. Несмотря на признание легитимности именно коммунистического Китая, а не гоминьдановского, дипломатические отношения между Белградом и Пекином установлены не были.

Потепление отношений СССР и Югославии, осторожная реакция Китая (1953 – 1956). После смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 г. ситуация коренным образом изменилась. 11 марта 1953 г. Чжоу Эньлай провел переговоры с новыми советскими руководителями, Г.М. Маленковым, Л.П. Берией и Н.С. Хрущёвым о предоставлении КНР экономической помощи. Переговоры ознаменовали резкий поворот в отношении советского руководства к китайским планам социалистической индустриализации. В сложный период лидеры КПСС быстро отказались от осторожной политики Сталина в отношении КНР. Объяснялось это стремлением завоевать политическую поддержку Мао, опасаясь, что тот воспользуется обстановкой, чтобы освободиться от советской опеки. Главное, к чему они стремились – предотвратить возможное развитие событий в Китае по югославскому сценарию.

22 июня 1954 г. ЦК КПСС направил ЦК СКЮ письмо, в котором предлагалось урегулировать советско-югославский конфликт 1948 г., где основная вина ложилась на плечи расстрелянного Л.П. Берии и М. Джиласа,

который ранее опубликовал в газете «Борба» серию статей с критикой «сталинских методов» и однопартийной системы. ЦК КПСС в конце сентября 1954 г. послал ЦК СКЮ два письма, в которых утверждалось, что «вопросы нормализации и улучшения отношений между СССР и Югославией не должны быть обусловлены проблемами внутреннего развития». Также было заявлено о принципах равноправия и невмешательства в дела других стран, признания возможности мирного сосуществования и сотрудничества между странами с различным общественным строем, борьбы против войны и за укрепление мира» [цит. по: 14, с. 540–543].

Как конфликт между СССР и Югославией повлиял на отношения Белграда и Пекина, так и потепление отношений Москвы и Белграда после смерти Сталина повлияло на отношения между Югославией и Китаем. В 1954 г. во время визита в Пекин для укрепления отношений с Китаем, в беседе с Мао Цзэдуном Н.С. Хрущёв наметил на необходимость установления дипломатических отношений с Югославией на должном уровне [15]. Оба лидера признали «равный статус» обеих партий в МКД и «разделении труда» во внешнеполитической сфере. Китайские руководители считали, что в геополити-

тическом плане именно КПК, а не КПСС сможет эффективнее поддерживать национально-освободительные движения в странах третьего мира. Вместе с тем, наметилась тенденция со стороны Мао о признании более важной роли КПК в МКД. Важно уточнить – Мао признавал лидерство Сталина в МКД, но лидерство Хрущёва председатель КПК не признавал. После встречи Хрущёв почувствовал – Мао не потерпит, чтобы в коммунистическом движении лидировала другая, не китайская партия [16, с. 561].

В период 26 мая – 3 июня 1955 г. ФНРЮ посетила советская делегация во главе с Хрущёвым. Уже в приветственном заявлении на аэродроме в г. Белград первый секретарь ЦК КПСС затронул тему конфликта: «Мы искренне сожалеем о том, что произошло. <...> Мы глубоко убеждены, что период, когда наши отношения были омрачены, остался позади» [цит. по: 17, с. 1]. Но, по завершению выступления, от президента ФНРЮ не последовало никакой реакции: Тито не очень устраивало решение Хрущёва вспоминать только межличностный конфликт лидеров, забыв про конфликт между партиями на уровне всего МКД. Белград был уверен, что остальные компартии не последуют примеру СССР так же легко, как семь лет назад.

Хрущёв ответил, что до визита, обратившись с письмами к коммунистическим партиям стран Восточной Европы и Китая (а также к коммунистическим партиям Франции и Италии), заявил об отмене югославской резолюции 1949 г. – все партии, за исключением Албанской партии труда, выступили в поддержку сближения и нормализации. Позже АПТ сменила свою точку зрения [18, с. 58, 507].

СССР признал существование в Югославии отдельного пути к социализму и отказался от «универсальности советского опыта». Также был оговорён статус КНР – стороны взаимно признали права КНР на о. Тайвань и восстановление места для нового Китая в ООН [19, с. 83]. Между странами была подписана Белградская декларация, заложившая основы мирного сосуществования в отношениях между странами. Признавались ошибки СССР в отношении Югославии, было отказано идее единой модели социализма, Советский Союз признавал право Югославии на самостоятельный путь развития [14, с. 610–612]. Югославский социализм был де-факто признан независимым и имеющим право на существование.

Китай по-своему устанавливал отношения с Югославией, в отличие от СССР, который их восстанавливал. Обсуждая ситуацию с Югославией с лидером Индии Дж. Неру в 1954 г., Чжоу Эньлай заявил, что «мы (Китай – А.Я.) будем сотрудничать с любой страной, желающей работать во имя мира во всем мире» [цит. по: 20]. Это вполне соответствовало установкам, которые будут заложены на Бандунгской конференции в следующем году. 10 января 1955 г. были установлены дипломатические отношения КНР с социалистической Югославией. В этом же году Югославия приняла делегацию китайских представителей на международных встречах [21].

Можно заметить, что КПК возобновила отношения с СКЮ раньше, чем КПСС – этому есть объяснение. Первая причина заключается в том, что Хрущёв, в отличие от Мао, был скован в активных действиях по отношению к Тито сопротивлением со стороны сторонников продолжения линии Сталина в КПСС, которое возглавлял В.М. Молотов, министранностранных дел СССР в 1939–1949 гг., при руководстве Хрущёва – основной критик некоторых

внешнеполитических вопросов (вывод советских войск из Австрии в 1955 г. и нормализация отношений с СКЮ и Югославией) [14, с. 554, 557, 559 – 560, 562]. В КПК не было такого противодействия по второй причине – Китай ещё не вступил в открытый конфликт с СССР (это произойдёт в конце 1950-х), но уже в середине десятилетия Мао Цзэдун хотел продемонстрировать, что Пекин может проводить независимую политику. Возобновление отношений с Югославией раньше СССР подрывало монопольную роль Москвы в определении международных коммунистических связей.

Обсуждая с советским послом П. Ф. Юдиным в марте 1955 г. своё отношение к Тито и Югославии (когда визит Н.С. Хрущёва только готовился) Мао говорил, что Тито и другие ведут себя как троцкисты, всегда крича, что они за Ленина, но против Сталина. Марксисты не могут признавать Маркса, Энгельса и Ленина и не признавать Сталина. По мнению Мао, если марксисты будут вести себя так по отношению к международным коммунистическим организациям, то лозунг «рабочие мира, соединяйтесь» придется отбросить. Он также заявил, что ЦК КПК направил своим партийным организациям информационное письмо по югославскому вопросу, в котором утверждалось, что от дальнейшего развития событий зависит, насколько далеко готовы пойти югославы в сближении с КПСС, КПК и странами народной демократии [22].

С точки зрения российского китаиста Б.Т. Кулика, Хрущёв шёл на нормализацию, считая, что Югославия, социалистическая страна, несправедливо приняла ошибочные к ней акции, а Мао Цзэдун, считал, что Югославия была справедливо осуждена, как страна, сошедшая с пути развития социализма, которая ещё может встать на путь исправления [23, с. 318].

Готовя и подписывая 2 июня 1955 г. Белградскую декларацию, Й. Броз Тито и Н.С. Хрущёв признали, «что политика военных блоков усиливает международную напряженность, подрывает доверие между народами и увеличивает опасность войны» [32, с. 526]. Это было особенно важно, учитывая недавно подписанный той же Югославией в 1953 – 1954 гг. Балканский пакт с Грецией и Турцией.

Югославская и советская стороны в декларации о нормализации двусторонних отношений посчитали необходимым признать, что в своей политике они «исходят из принципов, провозглашенных в Уставе ООН и согласны с тем, что необходимо предпринять дальнейшие усилия для усиления роли и авторитета ООН, что в особенности было бы подтверждено предоставлением КНР места законного представителя Китая в ООН». Это привело бы к созданию атмосферы, «которая одновременно обеспечила бы решение мирными средствами таких первоочередных международных проблем, как согласованное решение германского вопроса, на демократической основе в соответствии с желаниями и интересами немецкого народа, а также интересами общей безопасности, удовлетворение законных прав КНР по отношению к Тайваню» [32, с. 526].

Описывая 15 мая 1956 г., т.е. после XX-го съезда и выступления Н.С. Хрущёва, но до визита Й. Броза Тито в СССР, проводя встречу с послом КНР в Москве Ли Сяо, посол Мичунович заметил, что тот принял югославского дипломата «очень дружески». Однако эта «дружественность» была весьма своеобразна: «Сколько он был внимателен в своем гостеприимстве, столь же осторожен он был со мной в каких-либо разговорах

о политике. Его не интересовали отношения Югославии и СССР, вероятно потому, что меня могли заинтересовать отношения КНР и СССР. Не откликнулся он и на попытку [обсудить] XX съезд КПСС <...> Разговор с ним был бы полезен, но он не хотел сейчас вести разговор о том, что вызывает самый большой интерес и у нас, и у китайцев – относительно отношений с СССР. Очень жаль, что Лиу Сяо не владеет на одном иностранным языком, и я не могу с ним поговорить о том, что не интересует его самого. Этот свой недостаток он превращал в достоинство, и когда обсуждение не вызывало у него интереса, он не брал с собой ни одного из трех своих переводчиков. Он только пожимал руки и произносил нечто вроде «ох» или «ах», кланялся и улыбался. Может быть, эта оригинальная дипломатическая техника была не такой уж плохой» [32, с. 69].

Новый раскол — углубление противоречий в МКД (1956 – 1957). XX-й съезд КПСС стал знаменательным событием в отношениях КПК, КПСС и СКЮ. Заключительные съезды решения, такие как мирное сосуществование и трактовка вопроса «о формах перехода различных стран к социализму» югославская сторона приняла очень тепло. В результате визита Тито в СССР в 1956 г. были подписаны Московская декларация, завершившая восстановление отношений между СКЮ и КПСС. Так как Хрущёву не удалось привлечь Югославию в СЭВ и ОВД, а СКЮ – в лагерь мирового коммунистического движения во главе КПСС, то и отношения со страной строились не на основе пролетарского интернационализма, а на основе мирного сосуществования. Максимум, на что был согласен Тито – признание Югославии частью социалистического мира, но не лагеря.

В своем докладе Н.С. Хрущёв говорил об ошибках И.В. Сталина по отношению к Й. Броз Тито, но об ошибках по отношению к Мао Цзэдуну, которые, по мнению самого Председателя КНР, присутствовали в избыточном количестве – ни слова. В беседе с послом СССР в КНР П. Ф. Юдиным Мао Цзэдун упомянул готовящуюся статью в «Жэньминь жибао» под названием «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», которая была посвящена культу личности в СССР. Сталинские достижения и ошибки суммировались в формуле 70:30, Советский Союз восхвалялся за «самоотверженную критику...ошибки прошлого» [Цит. по: 16, с. 582]. Тем не менее, с точки зрения Мао, ошибки Сталина по отношению к Китаю были – поддержка Ван Мина и его «левоуклонистского авантюризма в последний период Второй Гражданской войны», запрещение вести революцию в период Освободительной войны, причина – уверенность в том, что «китайская нация окажется под угрозой гибели» и подозрения Мао в «титовском поведении». [Цит. по: 24, с. 364 – 365].

Но советское решение вопроса о культе личности не устраивало Председателя Мао. Принимая делегацию Югославского союза коммунистов в 1956 г., он заметил: «немного людей в Китае открыто критиковали меня. Люди терпят мои недостатки и ошибки. Это потому, что мы всегда хотим служить народу и делать хорошие дела для людей». Он также добавил: «Когда некоторые люди меня критикуют, другие выступают против них, обвиняя их в неуважении к вождю» [Цит. по: 25].

В третьем пункте Московской декларации, подписанной Н. С. Хрущёвым и Й. Брозом Тито 20 июня 1956 г. говорилось о том, что «обе стороны, исходя из того, что пути социалистического строительства в разных странах и условиях различны, что богатство форм раз-

вития социализма способствует его усилению, исходя из того факта, что обеим сторонам не приемлема любая тенденция к навязыванию своего мнения об определении путей и форм социалистического развития, согласились в том, что вышеупомянутое сотрудничество должно основываться на полной добровольности и равноправии, дружеской критике и товарищеском характере обмена мнениями по спорным вопросам между нашими партиями [23, с. 529–530]. Этот пункт вряд ли мог вдохновить Мао и его товарищей и применительно к внутренней политике КПК, и применительно к отношениям КПК с КПС.

Во время протестов в Польше в октябре 1956 г. и поползновения слухов о возможном введении советских войск, Мао считал, что подобный сценарий будет прецедентом для дальнейшего вторжения в социалистические страны, в том числе, и в Китай. В ответ Хрущёв пригласил КПК в Москву для обсуждения кризиса, китайскую делегацию возглавил Лю Шаоци. Когда она прибыла в Москву, кризис начался уже в Венгрии. Спустя несколько дней советское руководство решило вывести войска из Венгрии. К этому решению через Лю Шаоци побуждал и Мао, но потом Председатель КПК осознал, что это решение чревато устранением социалистического режима в Венгрии, поэтому он начал агитировать за обратное. После самосуда над офицерами госбезопасности, войска СССР были опять введены в Венгрию [26, с. 320].

В этот период Хрущёв осознал, что его доклад имел двойной эффект – дав государству и партии возможность пересмотреть важные вопросы развития социализма и внешней политики, он также предоставил эту возможность всем участникам МКД. На основании кризисов в Польше и Венгрии Мао сделал вывод, что позиции КПСС и СССР под руководством Хрущёва шатки в социалистическом мире, и у КПК и КНР под Мао есть возможность возглавить социалистическое движение.

В ноябре 1956 г., после XX-го съезда КПСС, во время визита югославской делегации в Москву была подписана Московская декларация. СССР вновь признал право каждой страны на свой путь к социализму. Советская и югославская стороны соглашались, что, несмотря на различия, их объединяет борьба с капитализмом и империализмом. Вместе с тем, Москва ожидала лояльности от Белграда в международных вопросах – события в Будапеште в 1956 г. создали прецедент [14, с. 615].

Вместе с тем, воздерживаясь от прямой критики, Мао не был согласен с положениями деклараций. По-прежнему считая Югославию «ревизионистской» страной, Мао считал, что «разнообразие путей к социализму» усилит тенденции к распространению ревизионизма [16, с. 555]. Тем не менее, ввиду экономической и технологической зависимости Пекина от Москвы в это время, КПК не выступала против действий КПСС.

В 1957 г. Тито поступило предложение от Мао – Югославия и Китай должны стать инициаторами встречи коммунистических и рабочих партий стран мира в Китае. Лидер КНР объяснил это «дурной славой КПСС», напоминая события в Восточной Европе в 1956 г. Когда глава югославских коммунистов узнал об этом, он даже не удостоил предложение ответом.

В это же время, подавив сопротивление «антипартийной группы» 1957 г. [27], Хрущёв искал поддержки своим действиям в коммунистическом движении, особенно – у Мао. Поддержав действия Первого Секре-

таря ЦК КПСС, Председатель ЦК КПК вновь затронул вопрос о ядерных технологиях, на что получил согласие Москвы. Мао также добавил, что будет присутствовать на встрече коммунистических и рабочих партий 1957 г. в Москве, если Москва заранее подпишет соглашение. И здесь было получено согласие. Хотя Мао по-прежнему считал критику Сталина на XX-м съезде КПСС причиной снижения роли СССР в МКД и, как следствие – вышеописанным событиям в Восточной Европе в 1956 г. Идея югославской модели самоуправления вызывала отторжение у Мао, который видел эффективный метод управления только в модели коммунистического централизма [16, с. 663].

В беседе с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко 19 ноября 1957 г. Мао Цзэдун утверждал, что Сталин во время их первой встречи в Москве в 1949 г. заявил, что «в Китае коммунизм является националистическим, что Мао Цзэдун, хотя и коммунист, но настроен националистически, что есть опасность правления в Китае «своего Тито». Однако архивные материалы не подтверждают этих обвинений со стороны Сталина. [14 с. 573; 23. с. 31–32].

Мао с недоверием относился к идее мирного сосуществования, считая эту политику ревизией сталинского наследия. Любопытно, что ещё в 1952 г. газета «Правда» опубликовала «Ответ товарища Сталина на вопросы группы редакторов американских газет», в котором он заявил: «Мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать...» [Цит. по: 28]. Более того, решениями Бандунгской конференции были созданы свои пять принципов мирного сосуществования, которые активно использовались Китаем в международной политике. Это подтверждается в отчёте VIII-го съезда КПК. Разница заключалась в том, что китайское «мирное сосуществование» не распространялась на США, которые «бесчинствовали на Тайване» [Цит. по: 29]. Мао также порицал Хрущёва за решение судьбы Сталина, который возглавлял не только СССР, но и всё коммунистическое движение, на внутреннем, а не международном уровне. В январе 1957 г. в Москве Чжоу Эньлай осветил позицию Мао Цзэдуна – советские руководители должны «принять открытую самокритику» и вновь возвести Сталина на должную высоту.

Эти противоречия нужно было решить на Совещании представителей рабочих и коммунистических партий, которые проходили в Москве в ноябре 1957 г., на которых присутствовало 64 коммунистических партии. Оно было приурочено к празднованию 40-летней годовщины Октябрьской революции. На этом совещании Мао Цзэдун, поддерживаемый лидерами Трудовой партии Кореи (Ким Ир Сен), Албанской партии труда (Э. Ходжа) и коммунистической партии Индонезии (Дипа Айдит), заявил о критике «ревизионизма» Хрущёва и призвал лидеров компартий не бояться новой мировой войны, которая раз и навсегда покончит с империализмом, который Председатель называл «бумажным тигром» (纸老虎 «чжилаоху»). В присутствии всех делегаций Мао напомнил Хрущёву о попытке сместить его несколько месяцев назад, вспомнив Молотова, на тот период – посла СССР в Монголии. Несмотря на пылкость заявлений, Мао Цзэдун подписал итоговую декларацию.

В итоговой Декларации совещания, которая содержала положение о «ревизионизме под предлогом национальных особенностей», который был назван главной угрозой для МКД и лидирующей роли в нём СССР, руко-

водство СКЮ небезосновательно увидела намёк в свою сторону и отказались как от подписания Декларации, так и от участия в совещании узкого круга лидеров 12 соцстран. Примечательно, что на самом совещании Тито не было в составе делегации. Предварительно обсуждая Декларацию на заседании высшего руководства СКЮ, её лидер выразил беспокойство относительно самого документа, который по договорённостям должен был быть посвящён лишь отношениям между социалистическими странами. Было решено, что в Москву поедут Э. Кардель, А. Ранкович и В. Влахович. Несмотря на попытки таким образом скрыть межличностные противоречия, оставив только межпартийные, напряжение между Москвой и Белградом вспыхнуло с новой силой.

Признавая мощь и авторитет СССР в МКД, югославская сторона заявляла, что это не даёт права быть «арбитром по идейным, организационным и другим вопросам борьбы за развитие и укрепление социализма в мире». Комментируя понятие «ревизионизм», было заявлено, что его трактовка «не способствует правильному пониманию проблемы, в то время как с другой стороны – означает косвенное осуждение позиций и практики СКЮ и некоторых других коммунистических партий» [Cit. in: 30, s. 1214 – 1216].

В Декларации утверждалось, что была выявлена «идентичность взглядов сторон по всем рассмотренным на встрече вопросам и единодушие в их оценке международной ситуации», было заявлено, что «солидарность и тесное единство социалистических стран составляют надёжную гарантию суверенитета и независимости каждой из них» [Цит. по: 31, с. 17].

Результаты. В 1945–1957 гг. отношения внутри сообщества правящих коммунистических и рабочих партий прошли сложную эволюцию – от кажущегося единства к глубокой фрагментации и конфронтации. В первые послевоенные годы ВКП(б)/КПСС, КПК и КПКЮ/СКЮ воспринимались как союзники, однако уже с 1948 года их пути начали расходиться.

Отношения СССР и Югославии, ВКП(б) и КПКЮ после Второй мировой войны изначально были тесными, но быстро осложнились. И.В. Сталин не желал появления крупного независимого социалистического государства на Балканах, а стремление Тито к самостоятельности и созданию Балканской федерации вызвало недовольство Москвы. В 1948 г. конфликт достиг апогея: КПКЮ исключили из Коминформа, и началась её международная изоляция страны со стороны советского блока. СССР пытался подорвать власть Тито, но безуспешно. В ответ Югославия политически сблизилась с Западом, получая экономическую и военную поддержку для противодействия советскому давлению.

Отношения ВКП(б) и КПК, СССР и Китая в этот период развивались по более позитивному сценарию. Советский Союз оказал решающую поддержку КПК в победе над Гоминьданом, а после образования КНР в 1949 г. между странами сложились тесные партнёрские связи. Подписание советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи в 1950 г. закрепило стратегическое сотрудничество. Однако Корейская война показала, что Мао Цзэдун не хочет оставаться в позиции «младшего брата» СССР, а использование китайских войск в конфликте при минимальном советском участии вызвало недовольство в Пекине. Несмотря на идеологическое единство, Китай стремился к большей самостоятельности, что насторожило Москву.

Визит Н.С. Хрущёва в Белград в 1955 г., XX-й съезд КПСС и визит Й. Броза Тито в Москву в 1956 г. стали переломными моментами в развитии межпартийных и межгосударственных отношений в треугольнике Москва – Пекин – Белград. Они открыли путь к нормализации отношений с СКЮ и Югославией: подписаны Белградская и Московская декларации, состоялись взаимные визиты Хрущёва и Тито, однако идеологические противоречия сохранялись, и напряжённость между странами не исчезла. В то же время съезд дал старт советско-китайскому расколу: осуждение культа личности Сталина Хрущёвым вызвало негативную реакцию Мао Цзэдуна, который увидел в этом угрозу собственной власти. Разногласия усугубились во время кризисов в Восточной Европе и перехода СССР к концепции «мирного сосуществования» с Западом, что Китай воспринял как отход от революционной борьбы.

Таким образом, во второй половине 1950-х гг. МКД и лагерь стран народной демократии уже не был монолитом. СССР прошёл через конфликт и частичную нормализацию отношений с Югославией, но не смог восстановить даже частичного контроля над ней. Китай, сначала зависимый от советской поддержки, постепенно отходил от Москвы. Как и раньше, важную роль в этих процессах играли и взаимоотношения между вождями трех партий и государств – Н.С. Хрущёвым, Мао Цзэдуном и Й. Брозом Тито. Метаморфозы конца 1940—середины 1950-х годов заложили основу для дальнейшего размежевания и роста идеологических и политических противоречий внутри мирового коммунистического движения, что не могло не сказаться и на развитии межгосударственных отношений.

Литература

1. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Том 1. 1944–1948. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 988 с.
2. Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том первый: 1946–1964. Главные редакторы: М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. Составители: Л. А. Величанская (ответственный составитель), Т. А. Джалилов, Л. Димич, М. Ф. Кишкина-Иваненко, М. Милошевич, Н. Пантелич, А. С. Стыкалин. М.: б.и., 2014. 880 с.
3. Загладин В. В. Международное коммунистическое движение. М.: Государственное издательство политической литературы, 1970. 414 с.
4. Кулик Б. Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. 639 с.
5. Ледовский А. М. Китайская политика США и советская дипломатия. 1942–1954. М.: Наука. 1985. 287 с.
6. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 5. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1977. 642 с.
7. Мао Цзэдун. Политический отчёт ЦК КПК VIII Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. М.: Госполитиздат, 1956.
8. Миров Я. Компартии Европы в борьбе за мир, демократию и независимость народов // Большевик. 1947. № 21.
9. Мошетов В., Лесаков В. О демократических преобразованиях в странах новой демократии // Большевик. 1947. № 22.
10. Панцов А. В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия. 2012. 867 с.
11. Постановление Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.» (1957). Хрестоматия по истории КПСС, т. 2. М., Изд-во политической литературы, 1989.
12. Правда. 1949. № 238 (11345). 26 августа.
13. Правда. 1952. № 93 (12295). 2 апреля.
14. Правда. 1955. № 147 (13445). 27 мая.
15. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 2: Постановления. 1954–1958 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. – М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.
16. Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М.: Новое литературное обозрение. 2011. 1024 с.
17. Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. 1946 – февраль 1950 г. (В 2 кн.) Кн. 2: 1949 – февраль 1950 г. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 605 с.
18. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. 863 с.
19. Советско-югославские отношения 1945–1956 гг. Документы и материалы. / под редакцией В. Г. Титова и Б. Стефановича. Новосибирск: Издательство «Альфа-Порте». 2010. 842 с.
20. Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. 800 с.
21. From the journal of ambassador Pavel Yudin: record of conversation with Mao Zedong on 8 March 1955. 12 March 1955. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/journal-ambassador-pavel-yudin-record-conversation-mao-zedong-8-march-1955> (дата обращения: 09.02.2025).
22. Gazette of the State Council of the People's Republic of China, 1955, №1 (overall issue №4). 11 March 1955. Wilson Center, Digital Archive. [Electronic source] URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/gazette-state-council-peoples-republic-china-1955-no-1-overall-issue-no-4> (дата обращения: 09.02.2025).
23. Is Yugoslavia a Socialist Country? Peking Review. No. 39. September 27, 1963. P. 14-27.
24. Letter, Jiang Qing to Mao Zedong. June 11, 1949. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/letter-jiang-qing-mao-zedong> (дата обращения: 09.02.2025).
25. Mao Conversation with a Yugoslavian Communist Union Delegation, Beijing. 1956. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/minutes-maos-conversation-yugoslavian-communist-union-delegation-beijing-undated> (дата обращения: 09.03.2025).
26. Memorandum of conversation between Anastas Mikoyan and Mao Zedong. 3 February 1949. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113239%20> (дата обращения: 09.02.2025).
27. Minutes of the fourth meeting between Premier Zhou Enlai and Nehru. 26 October 1954. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/minutes-fourth-meeting-between-premier-zhou-enlai-and-nehru> (дата обращения: 09.02.2025).
28. Goncharov S. N., Lewis J. W., Xue L. Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean. Stanford University Press, 1995. 396 p.
29. Борба. Орган Комунистичке Партије Југославије. 1 Мај 1949. URL: https://istorijskenovine.unilib.rs/view/index.html#panel:pp|issue:UB_00064_19490501|article:page3 (дата обращения: 09.02.2025).
30. Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, LIBER, 1977. 530 s.

31. Petranović B., Zecević M. Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. 1445 s.
32. 铁托 Тето (Тито). 人民日报 Жэньминь Жибао. 10 мая 1948 г. URL: <https://www.laoziliao.net/rmr/1948-05-10-3#17817> (дата обращения: 06.02.2025).

References

1. Eastern Europe in the Documents of Russian Archives. 1944–1953. Vol. 1. 1944-1948. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1997. 988 p. (In Russ.).
2. High-Level Meetings and Negotiations of the Leaders of the USSR and Yugoslavia, 1946-1980. Volume 1: 1946-1964. Chief Editors: M Milošević, VP Tarasov, NG Tomilina. Compilers: LA Velichanskaya (responsible compiler), TA Djalilov, L Dimić, MF Kishkina-Ivanenko, M Milošević, N Pantelić, AS Stykalin. Moscow, 2014. 880 p. (In Russ.).
3. Zagladin VV. The International Communist Movement. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1970. 414 p. (In Russ.).
4. Kulik BT. The Soviet-Chinese Split: Causes and Consequences. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, RAS, 2000. 639 p. (In Russ.).
5. Ledovsky AM. The Chinese Policy of the United States and Soviet Diplomacy. 1942-1954. Moscow: Nauka, 1985. 287 p. (In Russ.).
6. Mao Zedong. Selected Works. Vol. 5. Beijing: Foreign Languages Press, 1977. 642 p. (In Russ.).
7. Mao Zedong. Political Report of the CPC Central Committee to the 8th National Congress of the Communist Party of China. Moscow: Gspolitizdat, 1956. (In Russ.).
8. Mirov Ya. Communist Parties of Europe in the Struggle for Peace, Democracy, and National Independence. *Bolshevik*. 1947;21. (In Russ.).
9. Moshetov V, Lesakov V. On Democratic Transformations in the Countries of New Democracy. *Bolshevik*. 1947;22. (In Russ.).
10. Pantsov AV. Mao Zedong. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2012. 867 p. (In Russ.).
11. Resolution of the CPSU Central Committee Plenum "On the Anti-Party Group of G. M. Malenkov, L. M. Kaganovich, and V. M. Molotov" (1957). Anthology on the History of the CPSU, Vol. 2. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1989. (In Russ.).
12. Pravda. 1949. No. 238 (11345). August 26. (In Russ.).
13. Pravda. 1952. No. 93 (12295). April 2. (In Russ.).
14. Pravda. 1955. No. 147 (13445). May 27. (In Russ.).
15. Presidium of the CPSU Central Committee. 1954-1964. Draft Protocol Records of Meetings: Transcripts. Resolutions: In 3 Volumes. Vol. 2: Resolutions. 1954-1958 / chief Editor: AA Fursenko. Moscow: ROSSPEN, 2006. 1120 p. (In Russ.).
16. Romanenko SA. Between "Proletarian Internationalism" and "Slavic Brotherhood": Russian-Yugoslav Relations in the Context of Ethnopolitical Conflicts in Central Europe (Early 20th Century - 1991). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2011. 1024 p. (In Russ.).
17. Russian-Chinese Relations in the 20th Century: Documents and Materials. 1946 – February 1950 (In 2 Books). Book 2: 1949 - February 1950 / ed. by SL Tikhvinsky. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2005. 605 p. (In Russ.).
18. The Soviet Union and the Hungarian Crisis of 1956: Documents. Moscow: Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya (ROSSPEN), 1998. 863 p. (In Russ.).
19. Soviet-Yugoslav Relations 1945-1956: Documents and Materials / Edited by VG Titov and B Stefanović. Novosibirsk: Alfa-Porte Publishing House, 2010. 842 p. (In Russ.).
20. Cominform Meetings 1947, 1948, 1949: Documents and Materials. Moscow: Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya (ROSSPEN), 1998. 800 p. (In Russ.).
21. From the journal of ambassador Pavel Yudin: record of conversation with Mao Zedong on 8 March 1955. 12 March 1955. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/journal-ambassador-pavel-yudin-record-conversation-mao-zedong-8-march-1955> (accessed: 09.02.2025).
22. Gazette of the State Council of the People's Republic of China, 1955, No. 1 (overall issue No. 4). 11 March 1955. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/gazette-state-council-peoples-republic-china-1955-no-1-overall-issue-no-4> (accessed: 09.02.2025).
23. Is Yugoslavia a Socialist Country? Peking Review. No. 39. September 27, 1963. P. 14-27.
24. Letter, Jiang Qing to Mao Zedong. June 11, 1949. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/letter-jiang-qing-mao-zedong> (accessed: 09.02.2025).
25. Mao Conversation with a Yugoslavian Communist Union Delegation, Beijing. 1956. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/minutes-maos-conversation-yugoslavian-communist-union-delegation-beijing-undated> (accessed: 09.03.2025).
26. Memorandum of conversation between Anastas Mikoyan and Mao Zedong. February 3, 1949. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113239> (accessed: 09.02.2025).
27. Minutes of the fourth meeting between Premier Zhou Enlai and Nehru. 26 October 1954. Wilson Center, Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/minutes-fourth-meeting-between-premier-zhou-enlai-and-nehru> (accessed: 09.02.2025).
28. Goncharov SN, Lewis JW, Xue L. . Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean. Stanford University Press, 1995. 396 p.
29. Borba. Organ of the Communist Party of Yugoslavia. May 1, 1949. URL: https://istorijskenovine.unilib.rs/view/index.html#panel:pp|issue:UB_00064_19490501|article:page3 (accessed: February 9, 2025). (In Serbo-Croat.)
30. Micunovic V. Moscow years 1956/1958. Ztagreb, LIBER, 1977. 530 p. (In Serb.).
31. Petranovic B, Zecevic M. Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. 1445 s. (In Serb.).
32. Tito. People's Daily. May 10, 1948. URL: <https://www.laoziliao.net/rmr/1948-05-10-3#17817> (accessed: 09.02.2025). (In Chin.).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.14>

ПОНЯТИЕ, ЗАДАЧИ, ОБЩИЕ УСЛОВИЯ (ПРИНЦИПЫ) И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СЛЕДОВАТЕЛЕМ И ОПЕРАТИВНЫМ СОТРУДНИКОМ

Святослав Юрьевич Бирюков

Волгоградский государственный университет (д. 100, пр. Университетский, Волгоград, 400062, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент

Bir.slav@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7277-1926>

Аннотация. Введение. Общеизвестно, что хорошо организованное взаимодействие субъектов расследования во многом является залогом оперативного и всестороннего установления всех обстоятельств подлежащих доказыванию и, как следствие, достижения целей уголовного судопроизводства. Указанная тема не обделена вниманием ученых-процессуалистов и криминалистов, труды которых позволили существенно обогатить теорию данных правовых наук, однако, к сожалению, не закрыли все имеющиеся проблемные вопросы. И если по части вопросов взаимодействия научное сообщество практически единодушно, то в другой их части в т.ч. практического характера, остается много дискуссионного, по ним имеются точки зрения, которые являются не просто противоречивыми, но и диаметрально противоположными. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе текстов юридической научной литературы, посвященной вопросам взаимодействия следователя и сотрудника оперативного подразделения, а также современной судебно-следственной правоприменительной практики и нормативных правовых актов, регламентирующих указанный аспект правоприменительной деятельности; методологическую основу данного исследования составляют совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы обработки информации и логического анализа, синтеза, индукции, дедукции и обобщения. **Анализ.** Представленное в работе видение понятия, задач, принципов и форм взаимодействия сотрудников органов предварительного расследования и сотрудников оперативно-розыскных подразделений опирающееся на анализ

имеющихся точек зрения на рассматриваемый феномен, нормативную правовую базу и судебно-следственную практику дает возможность приблизиться к разрешению части имеющихся проблемных вопросов организации и осуществления взаимодействия субъектов расследования в ходе выявления и расследования преступлений. **Результаты.** В работе, среди прочего, с достаточной степенью тщательности исследована правовая основа взаимодействия; сотрудник следственного подразделения и сотрудник оперативного подразделения рассмотрены как участники уголовного судопроизводства, так и как субъекты сотрудничества в процессе раскрытия и расследования уголовно-наказуемого деяния; в контексте современного эффективного взаимодействия указанных субъектов.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, субъект расследования, орган предварительного расследования, орган дознания, сотрудник оперативного подразделения, уголовное дело, преступление

Для цитирования: Бирюков С. Ю. Понятие, задачи, общие условия (принципы) и формы взаимодействия между следователем и оперативным сотрудником // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 288–295. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.14>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 14.04.2025.

Статья принята к публикации: 15.06.2025.

Research article

THE CONCEPT, TASKS, GENERAL CONDITIONS (PRINCIPLES) AND FORMS OF INTERACTION BETWEEN THE INVESTIGATOR AND THE OPERATIONAL UNIT OFFICER

Svyatoslav Yu. Biryukov

Volgograd State University (100, Universitetskii Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor

Bir.slav@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7277-1926>

Abstract. Introduction. A well-organized interaction of the subjects of the investigation is in many ways the key to prompt and comprehensive establishment of all the circumstances to be proved and, as a result, the achievement of the goals of criminal proceedings. This topic has not been neglected by scientists, processualists and criminologists, whose works have significantly enriched the theory of these legal sciences, however, unfortunately, they have not covered all the existing problematic issues. And if the scientific community is almost unanimous on issues of interaction, then in another part of them, including of

a practical nature, there remains much to discuss, and there are points of view on them that are not only contradictory, but also diametrically opposed. **Materials and methods.** The research is based on the analysis of texts of legal scientific literature devoted to the issues of interaction between an investigator and an employee of an operational unit, as well as modern judicial and investigative law enforcement practice and regulatory legal acts regulating this aspect of law enforcement; the methodological basis of this research is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by methods of information

processing and logical analysis, synthesis induction, deduction, and generalization. **Analysis.** The vision of the concept, tasks, principles and forms of interaction between employees of the preliminary investigation bodies and employees of operational investigative units presented in the work, based on the analysis of existing points of view on the phenomenon under consideration, the regulatory legal framework and judicial investigative practice, makes it possible to approach the resolution of some of the existing problematic issues of the organization and implementation of interaction of investigative subjects during identification and investigation crimes. **Results.** The work, among other things, examines the legal basis of interaction with a sufficient degree of care; an employee of the investigative unit and an employee of the operational unit are considered both participants in criminal proceedings and as subjects of cooperation in the process of

disclosure and investigation of a criminal offense; in the context of modern effective interaction of these subjects.

Keywords: interaction, investigator, subject of investigation, body of preliminary investigation, body of inquiry, operational unit officer, criminal case, crime

For citation: Biryukov SYu. The concept, tasks, general conditions (principles) and forms of interaction between the investigator and the operational unit officer. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 288-295. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.14>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.01.2025.

The article was approved after reviewing: 14.04.2025.

The article was accepted for publication: 15.06.2025.

Введение. Вопросы взаимодействия органов предварительного расследования и дознания в ходе производства по уголовному делу были и остаются актуальными. Общеизвестно, что хорошо организованное взаимодействие субъектов расследования во многом является залогом оперативного и всестороннего установления всех обстоятельств подлежащих доказыванию и, как следствие, достижения целей уголовного судопроизводства. Однако, недостатки в имеющейся правовой регламентации указанной сферы, выражающиеся, например, в недостаточной точности определения процессуального статуса как органа дознания, так и его руководителя, иные проблемы нормативного регулирования не только затрудняют, но и выступают в отдельных случаях препятствием к налаживанию действенного взаимодействия, а это, в свою очередь, не позволяет достичь целей борьбы с преступностью. Указанная тема не обделена вниманием ученых-процессуалистов и криминалистов, труды которых позволили существенно обогатить теорию данных правовых наук, однако, к сожалению, не закрыли все имеющиеся проблемные вопросы. И если по части вопросов взаимодействия научное сообщество практически единодушно, то в другой их части в т.ч. практического характера, остается много дискуссионного, по ним имеются точки зрения, которые являются не просто противоречивыми, но и диаметрально противоположными. Судебно-следственная правоприменительная практика знает не мало случаев, когда налаживанию эффективного взаимодействия препятствует неопределенности в разграничении компетенции его субъектов; направляя поручения, следователи позволяют себе формулировать в них задачи, которые явно выходят за границы как их полномочий, так и компетенции органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность и пр.

Материалы и методы. Объяснение интереса к вопросу повышения эффективности взаимодействия следователя, как центральной фигуры процесса расследования уголовно-наказуемого деяния и сотрудников оперативных подразделений объясняется как значимостью самого феномена взаимодействия субъектов расследования в контексте достижения целей уголовного судопроизводства, так и современной неутешительной уголовной статистикой. Анализ существующих в теории уголовно-процессуального права и криминалистики точек зрения ученых на проблемные вопросы взаимодействия органа предварительного расследования и органа дознания с учетом того обстоятельства, что, с одной стороны, указанный феномен является практически неизменным на протяжении длительного времени, а, с другой стороны, его правовая основа динамично

трансформируется позволяет, как представляется, осуществить попытку разрешения хотя бы части проблемных вопросов, касающихся теории и практики организации и поддержания действенного взаимодействия его субъектов в рамках производства по уголовному делу.

Анализ. Термин «взаимодействие» имеет широкий спектр значений. Разные науки вкладывают в его содержание свой смысл. Например, философия понимает под взаимодействием – «объективную и универсальную форму движения, развития, определяет существование и структурную организацию любой материальной системы» [20, с.109]. Очевидно, что рассматриваемая категория применима и для уголовно-процессуальной деятельности [18, с.312].

В юридической литературе существует достаточно продолжительный ряд определений взаимодействия лица, осуществляющего предварительное расследование с должностными лицами органа дознания, т.е. сотрудниками подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Так, под взаимодействием понимается согласованная по целям, месту и времени деятельность субъекта расследования и субъекта ОРД при производстве по уголовному делу. Однако такая деятельность не всегда предполагает такую слаженность непременно по всем указанным аспектам. Например, поручение по установлению местонахождения обвиняемого скрывшегося от органов предварительного расследования субъектом расследования органу дознания, со всей очевидностью, явно не увязывает исполнение вышеуказанного поручения с конкретным местом [12, с.24].

Другая точка зрения предлагает понимать под взаимодействием указанных участников расследования основанную на нормах права взаимную, согласованную по цели деятельность с учетом специфических полномочий, методов и форм, присущих каждому из субъектов такого взаимодействия, систему, имеющей определяющую цель – установление лица, причастного к совершению уголовно-наказуемого деяния и достоверное установление его виновности для решения судом вопроса о его справедливом наказании [3, с.14].

Следующая точка зрения предлагает рассматривать взаимодействие субъекта расследования и субъекта ОРД – форму организации расследования уголовно-наказуемых деяний, которая представляет собой зияющее на законе сотрудничество лица, осуществляющего предварительное расследование с органом дознания, согласованном по цели, месту и времени, которое реализуется в рамках установленной компетенции последних в целях оперативного раскрытия совершенного уголовно-наказуемого деяния, полного установления

всех обстоятельств его совершения и установления местонахождения скрывшихся преступников, а также иных объектов, значимых для дела [5, с.31].

Существуют и другие точки зрения на содержание взаимодействия субъектов расследования, которые как имеют различия, так и сходства между собой [7; 2; 15; 16].

Подводя итог анализу имеющихся в юридической литературе взглядов на рассматриваемую категорию, можно констатировать, что взаимодействие субъекта расследования с сотрудниками органа дознания – это сотрудничество должностных лиц и соответствующих подразделений, которые не находятся между собой в отношениях подчиненности, основанное на нормах права, подчиненное принципам целесообразности и согласованности, характеризующееся необходимым сочетанием используемых средств и способов применяемых в целях достижения целей уголовного судопроизводства.

Общеизвестно, что лицо, осуществляющее расследование и сотрудник оперативных подразделений преследуют общие цели, которые достигаются посредством применения разного вида методов, в качестве которых для первых выступают следственные действия, а для вторых – оперативно-розыскные мероприятия.

В юридической литературе, говоря о сущности такого взаимодействия, указывалось, что прилагаемые для достижения задач уголовного судопроизводства усилия присущи исключительно субъектам взаимодействия и предопределены соответствующими полномочиями последних [10, с.32].

Сотрудничество должностных лиц органа предварительного расследования и оперативного подразделения зиждется на объективно существующих предпосылках:

одна цель – достижение целей уголовного судопроизводства и опосредованная этим общность задач: установление всех обстоятельств, необходимых для правильного, основанного на законе разрешения дела по существу, а также профилактика совершения противоправных деяний. Должностные лица вышеуказанных служб одной из основных своих функциональных обязанностей имеют борьбу с противоправной деятельностью в т.ч. и ее профилактику во всех ее формах;

различная компетенция. Достижение стоящих задач органом предварительного следствия осуществляется посредством получения доказательственной информации в ходе производства следственных и иных процессуальных действий. Что же касается должностных лиц оперативных подразделений, то их деятельность направлена в большей степени на установление именно источников такой информации в ходе проведения различных оперативно-розыскных мероприятий;

вытекающая из предыдущей, специфичность используемых средств и методов достижения поставленных целей и задач, которая регламентируется разного рода нормативными правовыми актами: с одной стороны УПК, а с другой – законом об ОРД, а также в определенной степени УПК и КоАП;

относительная самостоятельность субъекта расследования и оперативного сотрудника, которая вытекает из их административной не подчиненности друг другу, что в определенной степени определяет свободу выбора данными подразделениями имеющихся в их распоряжении средств и методов достижения поставленных целей;

заинтересованность в повышении эффективности своей правоохранительной деятельности. Правильно

налаженное сотрудничество является залогом повышения оперативности и эффективности проводимой указанными выше подразделениями своей работы.

Полнота и всесторонность проведенного в установленные законом сроки очевидно опосредована грамотными действиями должностных лиц как органа следствия, так и оперативного подразделения. Их взаимодействие в конкретных ситуациях расследования того или иного противоправного деяния может быть опосредована следующими обстоятельствами:

отсутствием возможности у органа предварительного расследования достичь всех задач расследования лишь производством следственных действий;

необходимостью одновременного производства следственных действий;

необходимостью воспользоваться специализированными базами данных и др.

Судебно-следственная практика показывает, что одними из наиболее часто встречающихся случаев опосредующих взаимодействие вышеуказанных служб являются необходимость проведения одновременного проведения нескольких обысков, оказание содействия в обеспечении должного поведения отдельных участников уголовного судопроизводства при проведении тех или иных процессуальных действий, установление местонахождения скрывшегося от органов следствия и суда подозреваемого и (или) обвиняемого, задержания лица с поличным и др.

Очевидно, что содержания конкретного акта взаимодействия опосредована задачами, стоящими перед субъектами такого взаимодействия. Например, оперативное исполнение поручения субъекта расследования об установлении дополнительных лиц, пострадавших от противоправных действий подозреваемого (обвиняемого); эффективное производство того или иного следственного действия; установление дополнительных источников криминалистически значимой для целей расследования информации; установление места нахождения скрывшегося от следствия лица либо имущества, подлежащего аресту в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного виновными противоправными действиями обвиняемого и т.п.

Однако, конечно, указанные примеры больше относятся к разовым актам взаимодействия. Вместе с тем, зачастую, оно должно действовать на протяжении всего процесса расследования или хотя бы на первоначальном его этапе т.к. основная цель любого взаимодействия правоохранительных органов в рамках уголовного судопроизводства – это качественное и быстрое выяснение всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках производства, осуществляемого по конкретному уголовному делу.

Такое взаимодействие может носить форму не только процессуального, но и организационного характера: совместного построения версий, планирования, совещаний, подводящих промежуточные итоги выполнения плана расследования, что со всей очевидностью положительно скажется на качестве расследования т.к. будет более тщательно и всесторонне осуществлена подготовка того или иного следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, проведен сбор характеризующего материала, получены образцы для сравнительного исследования и др.

Учитывая изложенное, можно со всей уверенностью констатировать, что совместная деятельность явление многоаспектное. Взаимодействие в уголовном судопро-

изводстве поддерживается с разными подразделениями и службами как в процессуальном, так и в организационном аспектах, характеризуется длительностью или одномоментным действием.

Конечно, ни один субъект взаимодействия не может эффективно действовать если сама такая совместная деятельность не описывается на правовую основу, полное и строгое соблюдение соответствующих правовых предписаний. Разные авторы, говоря о правовой основе взаимодействия выделяли разные нормативные правовые акты в качестве таковых [9, с.133]. Сюда включаются и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон «О полиции», ведомственные приказы и инструкции [16, с.17] и пр.

Не умаляя мнений по данному вопросу ученых-правоведов, представляется целесообразным отметить, что имеющаяся в настоящее время правовая основа взаимодействия в полном объеме регулирует все спорные аспекты, возникающие в правоприменительной деятельности взаимодействующих субъектов. Имевшая место дискуссия среди ученых и практиков по вопросам правомерности, порядка и форм, а также и самой природы взаимодействия органа предварительного следствия с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, подтверждает ее недостаточность.

Современное законодательство, например, до настоящего времени не содержит законодательной дефиниции указанного определения, но регламентирует процедуру самого взаимодействия. Очевидно, что в данном случае мы говорим о процессуальном взаимодействии, т.к. говорим о законе.

Так, в силу требований ч. 4 ст. 38, ч. 7 ст. 113, ч. 1 ст. 144, ч. 7 ст. 164, ч. 1 ст. 210 УПК РФ орган предварительного следствия компетентен давать поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий (сюда относятся и ситуации, возникающие в ходе т.н. процессуальной проверки сообщений о преступлении), о производстве тех или иных процессуальных действий, об осуществлении привода лица, об установлении местонахождения лица, которое скрылось от органа предварительного расследования или суда, а также привлекать должностное лицо органа дознания к участию в проведении конкретного процессуального действия и т.д.

Следовательно, можно уверенно говорить о том, что законодательство, регламентирующее уголовное судопроизводство является правовым базисом взаимодействия субъектов расследования. Однако, представляется целесообразным поговорить и о других законодательных актах, также составляющих правовую основу рассматриваемого нами феномена.

Сопоставляя закон «Об оперативно-розыскной деятельности» с Уголовно-процессуальным кодексом, первый представляется более бедным по части регламентации взаимодействия субъектов оперативно-розыскной деятельности с органом предварительного расследования. Лишь в ст. 2, ст. 11 и ч.2 ст. 14 данного закона упоминается такая деятельность субъектов ОРД: содействовать раскрытию и расследованию преступлений, исполнять поручения органа предварительного расследования, а также возможность использования результатов ОРД в целях производства расследования по уголовному делу.

В некоторой степени имеющиеся пробелы в регламентации взаимодействия подразделений предва-

рительного расследования и оперативных служб устраняются различными ведомственными и межведомственными инструкциями [9].

Так, например п. 18.3 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17.01.2006 № 19, субъект расследования обязан сообщить об участниках уголовного процесса, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанных с лишением свободы, а также о тех, в отношении которых принято решение о прекращении уголовного преследования по основаниям, относящимся к категории нереабилитирующих; п. 18.5 данного ведомственного акта обязывает орган предварительного расследования передать сведения, полученные в ходе производства по уголовному делу, которые могут способствовать повышению эффективности профилактической деятельности соответствующих служб и подразделений системы МВД России.

В систему нормативных правовых актов, служащих правовой основой рассматриваемого феномена, можно отнести отдельные ведомственные акты, касающиеся существенных направлений деятельности ОВД.

Так, например, приказ МВД России от 03.04.2018 № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений», который регламентирует нюансы взаимодействия в ходе раскрытия и расследования указанного вида преступлений.

Рассмотренные нормативные правовые акты, со всей очевидностью, регулируют рассматриваемую нами совместную деятельность следственных и оперативных подразделений, которая осуществляется в т.н. непроцессуальной форме.

Следовательно, правовая основа взаимодействия следственных и оперативных подразделений включает в себя как федеральное законодательство, так и нормативные правовые акты, носящие ведомственные и межведомственный характер.

Взаимодействие лица, осуществляющего расследование с сотрудниками оперативных подразделений, конечно, должно строиться на основе неукоснительного соблюдения следующих принципов:

1. Принцип законности. Содержание указанного принципа напрямую взаимосвязано с соблюдением всех субъектов взаимодействия требований законодательства Российской Федерации, а в случае наличия каких-либо коллизий или пробелов – на основополагающих конституционных и отраслевых принципах, в частности, соблюдение прав и законных интересов граждан, неприкосновенности личности, жилища и др. Рассматриваемый принцип является, по своему содержанию, главенствующим, т.к. только в случае его полноценной реализации, возможна реализация и иных принципов взаимодействия. Применительно к этому рассматриваемый нами принцип выражается:

в строгом следовании букве закона и иных нормативных правовых актов лицом, осуществляющим расследование (следователь дознаватель, руководитель следственного органа, руководитель органа дознания), а также должностным лицом органа, являющегося субъектом ОРД;

в выполнении всего объема необходимых действий, предусмотренных законом для решения стоящих перед субъектами взаимодействия задач по раскрытию и расследования противоправных действий, а также по их профилактике.

Осуществление субъектами взаимодействия действий, которые противоречат требованиям закона либо не регламентированы им будет являться нарушением принципа законности.

2. Комплексное использование имеющихся сил и средств. Данный рассматриваемый принцип предполагает, что субъекты расследования должны использовать все имеющиеся и формы взаимодействия, которые представляются им наиболее рациональными в конкретной ситуации, сложившейся в определенный момент расследования, а, находящиеся в распоряжении последних, силы и средства должны использоваться в контексте таких критериев как эффективность и экономическая целесообразность.

Комплексность в данном случае предполагает такое целесообразное сочетание процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, результаты проведения которых в своей совокупности обеспечивают полноту, всесторонность и оперативность установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному уголовному делу.

3. Главенство лица, осуществляющего предварительное расследование. Суть указанного принципа является следствием законодательного закрепления личной ответственности следователя за качество проводимого расследования по уголовному делу и его процессуальной самостоятельности в принятии процессуальных решений, определяющих ход расследования. В частности, рассматриваемый принцип находит свое выражение в решающем значении мнения следователя при принятии решения направления расследования, а значит и его оперативного сопровождения; в верховенствующей роли следователя в работе следственно-оперативной группы, при совместном планировании; в невозможности ни кому, кроме следователя; в праве следователя обжаловать отдельные даваемые ему указания руководителем; в самостоятельной оценке имеющейся доказательственной и иной значимой информации.

4. Самостоятельность сотрудника оперативно-розыскного подразделения в выборе средств и методов в своей деятельности. Суть рассматриваемого принципа сводится к тому, что субъект взаимодействия – субъект оперативно-розыскной деятельности вправе выбрать тот, предусмотренный законом инструментарий, который, по его мнению, является наиболее экономичным и эффективным для достижения поставленных перед ним задач, в т.ч. субъектом расследования. Он сам определяет те гласные или негласные мероприятия, которые, по его мнению, наиболее целесообразны, а также сам несет ответственность за правильность выбора последних и результативность своей работы.

5. Плановость взаимодействия. Данный принцип предполагает, что рассматриваемая совместная деятельность субъектов взаимодействия должна осуществляться целенаправленно, на основе определенного упорядоченного заранее обдуманного перечня действий, признанного наиболее оптимальным для достижения поставленной цели – полного и всестороннего расследования обстоятельств совершенного преступления. Такой перечень или, другими словами, план может охватывать весь процесс расследования, а может лишь его небольшую часть, т.е. быть долгосрочным или краткосрочным, но во всяком случае он должен базироваться на всестороннем анализе всей, имеющейся в распоряжении субъекта расследования информации и своевременно корректироваться [8, с.492].

6. Непрерывность взаимодействия. Рассматриваемый принцип детерминирован тем обстоятельством, что т.к. совместная деятельность субъектов взаимодействия зиждется на различии в их компетенции и, как следствие, используемых для получения криминалистически-значимой информации методах, которые, в конечном счете, дополняют друг друга. Из этого следует, что взаимодействие следствия с иными службами и подразделениями правоохранительных органов не должна носить сиюминутный, фрагментарный характер. Взаимодействие должно длиться столько, сколько этого требует сложившиеся обстоятельства и прекращается только тогда, когда общая цель такого рода совместной деятельности достигнута, т.е. когда в нем отпадает необходимость.

Отдельно стоит остановиться на контроле за организацией и осуществлением взаимодействия со стороны руководителей взаимодействующих субъектов, которые со своей стороны обеспечивают комплексное использование имеющихся сил и средств, плановость взаимодействия и его непрерывность и др. Руководители, с учетом их богатого профессионального и жизненного опыта, кроме прочего, могут содействовать и эффективности такого взаимодействия, скорейшему установлению всех требуемых обстоятельств совершенного преступления.

Итак, взаимодействие – это основанная на нормах права совместная, согласованная по целям и детерминированных последней задачам деятельность самостоятельных служб и подразделений правоохранительных органов, которая представляет собой согласованную, взаимную работу двух самостоятельных органов, обладающих разными правовыми полномочиями, направленными на борьбу с преступностью.

Что касается форм рассматриваемого нами взаимодействия и его содержания, то и тут в теории уголовно-процессуального права и криминалистики также имеет место быть дискуссия. Конечно, наиболее определяющая причина сложившегося положения кроется, на наш взгляд, в отсутствии законодательной дефиниции определения взаимодействия, а также ее возможных форм и видов.

Общепринятое значение термина форма – внешнее выражение чего-либо. Однако содержание данного термина претерпевает существенные изменения от вида той области человеческой деятельности, в которой он используется.

Говоря о взаимодействии субъектов расследования, представляется значимым понимание формы как способов и порядка наличествующих взаимосвязей между его субъектами, обеспечивающих согласованность осуществляемой при этом деятельности, направленной на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений.

В ряде научных источников, посвященных рассматриваемому феномену, предлагалось понимать форму взаимодействия как совокупность специфических способов и установленных взаимосвязей между ними, гарантирующая оптимальное соотношение используемых полномочий, а также согласованность выполняемых функций.

В процессе такой деятельности между сотрудниками следственных и оперативно-розыскных подразделений зарождается и развивается взаимодействие в тех формах, которые регламентированы законодательством, а также в формах законодательством не регламентированных.

ванных, но тем не менее, целесообразных и результативных. Последние, в юридической литературе именуются организационными [17, с.121].

У такой классификации форм взаимодействия (процессуальные и организационные) имеется большое количество сторонников среди и криминалистов, и процессуалистов [1, с.201].

В этой связи хочется обратить внимание на точку зрения, согласно которой часть таких «классических» организационных форм взаимодействия, как например, информационный обмен или совместное планирование выделяет в группу правовых форм взаимодействия. Объясняется это «ведомственной» регламентацией указанных действий, которая находит свое отражение в приказах или инструкциях, которые, по сути своей, также относятся к виду правовых актов, да, занимающих более низшее относительно законов положение, но тем не менее таковыми являющимися [14, с.193].

Вместе с тем, в юридической литературе встречаются точки зрения, в соответствии с которыми любые контакты должностных лиц разных подразделений правоохранительных органов по вопросам раскрытия и расследования преступлений можно отнести к той или иной форме взаимодействия, что, как представляется, необоснованно. Представляется, что рассматриваемый нами феномен взаимодействия представляет собой не любые контакты различных служб или подразделений, а также их должностных лиц, а только те их них, которые характеризуются какой-либо именно совместной, базирующейся на требованиях законодательства деятельности, направленной на борьбу с преступностью в контексте раскрытия и расследования конкретного преступления либо их группы.

Так, очевидно, что направление органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность органу предварительного расследования материалов, являющихся результатами его деятельности для принятия решения в порядке ст.ст.144 – 145 УПК сложно отнести к какой-либо форме взаимодействия. Это обязанность направляющего такие материалы органа. Здесь нет никакой совместной деятельности. А вот совместное планирование, а затем организация и производство, например, обыска или оперативно-розыскного мероприятия с целью документирования преступной деятельности и последующего задержания с поличным как раз и являются яркими примерами взаимодействия. Такая совместная деятельность характеризуется высокой степенью организованности, грамотному распределению обязанностей и эффективному использованию технико-криминалистических и других средств.

Кроме указанного, в юридической литературе имеет место мнение, согласно которому оперативное сопровождение производства предварительного расследования по уголовному делу также является организационной формой взаимодействия между органами следствия и оперативно-розыскными подразделениями [4, с.22]. Данное утверждение в полной мере согласуется с п. 6.4 Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел, посвященным данной разновидности такой деятельности.

Следственная практика знает случаи, когда сотрудники оперативных подразделений оказывают необходимое содействие лицу, производящему предварительное расследование по уголовному делу, что и именуется

«оперативным сопровождением». Данная форма взаимодействия характерна в ходе расследования организованной преступной деятельности и также очень эффективна в случае активного противодействия расследованию [17, с.121].

Представляется, что имеющееся оперативное сопровождение является скорее собирательным понятием, в содержании которого входят различные формы взаимодействия, как процессуальные, так и организационные: совместное планирование и организация производства тех или иных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, совместные совещания, выполнение поручений субъекта расследования и пр.

В теории криминалистики и уголовно-процессуального права имеет место мнение, согласно которому обмен полученной в ходе осуществления деятельности в пределах имеющихся полномочий криминалистически-значимой информацией также представляет собой самостоятельную форму взаимодействия. Анализ такого утверждения дает основание считать это скорее обязательным условием рассматриваемого феномена, нежели формой взаимодействия, т.к. без такого обмена информацией невозможно полноценное и главное эффективное, результативное взаимодействие. Информационный обмен присущ всем без исключения формам взаимодействия [17, с.121].

Отдельного внимания заслуживает такая форма взаимодействия лица, осуществляющего предварительное расследование с должностным лицом оперативного подразделения как совместное планирование. Значимость указанной организационной формы сложно переоценить: она позволяет субъектам расследования свести возможность допущения ошибки к минимуму, ибо предполагает использование знаний, опыта профессионального и жизненного, аналитических способностей обоих субъектов совместной деятельности [17, с.122].

Содержание вышеназванной формы взаимодействия состоит в подготовке планирующей документации по осуществлению расследования уголовно-наказуемого деяния, где нашли свое отражение как процессуальные действия с участием сотрудников оперативных подразделений, так и оперативно-розыскные мероприятия, подлежащие параллельной реализации с целью обеспечения получения криминалистически-значимой информации как о новой доказательственной информации, так и о новых источниках такого рода информации. Указанное планирование свойственно не всем уголовным делам, находящимся в производстве органа предварительного расследования, а как правило, т.н. многоэпизодным либо большим по объему производимых действий уголовным делам. Однако необходимость в использовании такого взаимодействия возникает и в случае активного противодействия расследованию заинтересованными лицами. Другими словами, совместное планирование имеет смысл как правило в ситуациях, предполагающих длительное по времени взаимодействие субъектов расследования, в случае же если такое взаимодействие характеризуется однократностью или кратковременностью то, оно представляется нецелесообразным.

Обеспечение полноценной реализации такого плана ложится на руководителей указанных субъектов взаимодействия, которые осуществляют контрольные функции за исполнением намеченных мероприятий.

Подводя итог, можно констатировать, что в теории криминалистики и уголовного-процессуального права

сформировались, с нашей точки зрения, абсолютно верное представление о возможных формах взаимодействия субъектов в сфере уголовного судопроизводства: процессуальной и организационной.

Представляется очевидным, что вынесение поручения органом предварительного расследования о проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий оперативным подразделением в рамках производства по уголовному делу (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); оказание содействия оперативным подразделением органу предварительного расследования в ходе производства процессуального действия (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 7 ст. 164 УПК РФ); осуществление совместных действий органа предварительного расследования и органа дознания, направленных на установление местонахождения подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу (ст. 209, 210 УПК РФ); участие сотрудников оперативных подразделений в работе следственной группы (ч. 2 ст. 163 УПК РФ) – являют собой классический пример процессуальной формы взаимодействия.

Такие же, распространенные формы взаимодействия между указанными выше субъектами, как осуществление совместного планирования производства процессуального, оперативно-розыскного мероприятия или производства расследования по уголовному делу в целом, а также создание следственно-оперативной группы представляяют собой типичные примеры организационных форм.

Конечно, возможно и существование т.н. комбинированных форм взаимодействия рассматриваемых субъектов в рамках осуществления уголовного судопроизводства.

Здесь представляется важным остановиться на имеющиеся в юридической литературе случаи подмены термина «вид» как синонима термина «форма» при рассмотрении вопросов взаимодействия [11; 13]. Для этого, как представляется, целесообразно определиться с содержанием применяемого термина.

В контексте логического подхода к определению смыслового содержания рассматриваемого термина «вид» – это результат выделения группы объектов из массы однородных по конкретным только им присущим признакам [21]. Другими словами, под «видом» понимается определенная совокупность схожих между собой объектов материального мира отдельные относительно устойчивые признаки которых схожи. Вид (species) – одно из основных понятий естественно-научной классификации [6].

Используя указанную логику, в отдельные исследователи выделяют следующие виды взаимодействия, возникающего в ходе производства по уголовному делу между субъектом расследования и сотрудником оперативного подразделения:

в зависимости от формы оформления: устное и письменное;

в зависимости от продолжительности: разовое, эпизодическое, постоянное [19].

Не отрицая права на существование указанной классификации, представляется правомерным продолжить

данную классификацию и по иным основаниям.

По характеру содействия производству процессуального действия:

организационное (например, обеспечение понятых и (или) статистов);

процессуальное (например, осуществление поисковых действия в ходе производства обыска в жилище или ином помещении).

По ведомственной принадлежности субъектов взаимодействия: *ведомственное и межведомственное*.

По видам оформления процесса взаимодействия: *гласно и негласно*.

По наличию правовой основы: процессуальное, внутриведомственное, неофициальное.

Таким образом, дифференциация феномена взаимодействия лишь по его формам представляется неполной т.к. оно выступает, в первую очередь, как деятельность, для которой полного понимания которой форма является опосредованным признаком, в отличие от вида, выступающего ведущим, главенствующим. Ибо любая классификация начинается с выделения видов, а затем уже форм.

Результаты. Анализ имеющихся в юридической литературе точек зрения на рассматриваемую категорию, можно констатировать, что взаимодействие субъектов расследования с сотрудниками органа дознания – это сотрудничество должностных лиц и соответствующих подразделений, которые не находятся между собой в отношениях подчиненности, основанное на нормах права, подчиненное принципам целесообразности и согласованности, характеризующееся необходимым сочетанием используемых средств и способов применяемых в целях достижения целей уголовного судопроизводства.

Совместная деятельность явление многоаспектное. Взаимодействие в уголовном судопроизводстве поддерживается с разными подразделениями и службами как в процессуальном, так и в организационном аспектах, характеризуется длительностью или одномоментным действием.

Правовая основа взаимодействия следственных и оперативных подразделений включает в себя как федеральное законодательство, так и нормативные правовые акты, носящие ведомственные и межведомственный характер.

В теории криминалистики и уголовного-процессуального права сформировались, с нашей точки зрения, абсолютно верное представление о возможных формах взаимодействия субъектов в сфере уголовного судопроизводства: процессуальной и организационной.

Дифференциация феномена взаимодействия лишь по его формам представляется неполной т.к. оно выступает, в первую очередь, как деятельность, для которой полного понимания которой форма является опосредованным признаком, в отличие от вида, выступающего ведущим, главенствующим. Ибо любая классификация начинается с выделения видов, а затем уже форм.

Литература

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 359 с.
2. Азарова Е. С. Уголовно-процессуальное обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства // Социосфера. 2010. № 1. С. 71–79.
3. Аменицкая Н. А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 201 с.
4. Бекетов М. Ю. Актуальные вопросы использования непроцессуальных форм взаимодействия следователя и органов дознания в ходе расследования преступлений // Следователь. 2000. № 4. С. 11–14.

5. Белкин А. Р. Избранные труды. М.: Норма, 2010. 767 с.
6. Большая медицинская энциклопедия (БМЭ), онлайн версия. 3-е изд. / под ред. Б.В. Петровского. URL: <http://бмэ.орг> (дата обращения: 21.12.2024).
7. Карнеева Л. М. Взаимодействие следователей с оперативными работниками органов внутренних дел Метод. пособие. МВД СССР, ВНИИ. М.: Б. и., 1981. 96 с.
8. Гельдибаев М. Х., Вандышев В. В. Уголовный процесс. Учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 719 с.
9. Инструкция о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: утв. приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27.09.2013 № 776/703/509/507/32/1820/42/535/398/68 // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629 (дата обращения: 21.12.2024).
10. Котов В. В. Процессуальные и тактические проблемы использования помощи органов дознания при производстве отдельных следственных действий // Российский юридический журнал. 2007. № 1(53). С. 120–123.
11. Котов В. В. Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и органов дознания при производстве отдельных следственных действий: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 208 с.
12. Кривенко А. И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2013. 253 с.
13. Кривенко А. И. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. М: Издательство «Юрлитинформ», 2006. 232 с.
14. Кругликов А. П. О понятии и системе форм взаимодействия следователей и органов дознания в процессе расследования и раскрытия преступлений // Успехи современной науки. 2017. Т. 7. № 3. С. 192–194.
15. Николаева Н. М., Коваленко А. П. Взаимодействие при раскрытии и расследовании преступлений: учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2010. 49 с.
16. Плеснева Л. П. Взаимодействие следователя с органами дознания: правовые и организационные основы. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. 104 с.
17. Плеснева Л. П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4(71). С. 126-131.
18. Предварительное следствие: Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / Е. Н. Арестова, В. В. Артемова, В. И. Батюк [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 792 с.
19. Сопнева Е. В., Скоба Е. В. Взаимодействие следователя и органа дознания в досудебных стадиях уголовного процесса: учебное пособие. Ставрополь, 2013. 122 с.
20. Филиппов А. Г. Криминалистика. 3-е изд., пер. и доп. Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2015. 466 с.
21. Философский энциклопедический словарь, онлайн версия. 2024. URL: <https://philosophy.niv.ru> (дата обращения: 21.12.2024).

References

1. Alekseev SS. General theory of law: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Jurid. lit., 1982. 359 p. (In Russ.).
2. Azarova ES. Criminal procedural security of participants in criminal proceedings. *Sociosfera*. 2010;1:71-79. (In Russ.).
3. Amenitskaya NA. Interaction of the investigator and the bodies carrying out operational investigative activities in the detection and investigation of crimes (in the Department of Internal Affairs): thesis. Nizhny Novgorod, 2006. 201 p. (In Russ.).
4. Beketov MY. Topical issues of the use of non-procedural forms of interaction between the investigator and the bodies of inquiry during the investigation of crimes. *Sledovatel'* 2000;4:11-14. (In Russ.).
5. Belkin AR. Selected Works. Moscow: Norma, 2010, 767 p. (In Russ.).
6. The Great Medical Encyclopedia (BME), online version. 3rd ed. / edited by BV. Petrovsky. URL: <https://bme.org> (accessed: 12.21.2024).
7. Karneeva LM. Interaction of investigators with operational staff of law enforcement agencies Method. manual. Ministry of Internal Affairs of the USSR, VNII. Moscow, 1981. 96 p. (In Russ.).
8. Geldibaev MH, Vandyshov VV. Criminal procedure. A textbook for university students studying law. 3rd ed., revised Moscow: UNITY-DANA: Law and Law, 2012. 719 p. (In Russ.).
9. Instructions on the procedure for providing the results of operational investigative activities to the body of inquiry, investigator or court: approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of Russia, the FSB of Russia, the FSO of Russia, the FCS of Russia, the SVR of Russia, the FSIN of Russia, Federal Drug Control Service of Russia, IC of Russia dated September 27, 2013 No. 776/703/509/507/32/1820/42/535/398/68. SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629 (accessed: 12.21.2024). (In Russ.).
10. Kotov VV. Procedural and tactical problems of using the assistance of bodies of inquiry in the conduct of certain investigative actions. *Rossiyskiy juridicheskij zhurnal*. 2007;1(53):120-123. (In Russ.).
11. Kotov VV. Organizational and tactical bases of interaction between the investigator and the bodies of inquiry in the conduct of individual investigative actions: thesis. Yekaterinburg, 2007. 208 p. (In Russ.).
12. Krivenko AI. Theory and practice of the investigator's interaction with the bodies carrying out operational-investigative activities. M: Publishing house "Yurilitinform", 2013. 253 p. (In Russ.).
13. Krivenko AI. Interaction of the investigator and the bodies carrying out operational investigative activities. Moscow: Publishing house "Yurilitinform", 2006. 232 p. (In Russ.).
14. Kruglikov AP. On the concept and system of forms of interaction between investigators and bodies of inquiry in the process of investigation and disclosure of crimes. *Uspehi sovremennoj nauki*. 2017;3:192-194. (In Russ.).
15. Nikolaeva NM., Kovalenko A.P. Interaction in the detection and investigation of crimes: a textbook. Moscow: Central Committee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 49 p. (In Russ.).
16. Plesneva LP. Interaction of the investigator with the bodies of inquiry: legal and organizational foundations. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. 104 p. (In Russ.).
17. Plesneva LP. Forms of interaction of the investigator with the bodies of inquiry. *Sibirskij juridicheskij vestnik*. 2015;4(71):126-131. (In Russ.).
18. Arstova EN, Artemova VV, Batyuk VI, et al. Preliminary investigation: A textbook for cadets and students of educational institutions of higher professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the specialty "Jurisprudence". Moscow: UNITY-DANA, 2017. 792 p. (In Russ.).
19. Sopneva EV, Skoba EV. The interaction of the investigator and the body of inquiry in the pre-trial stages of the criminal process: a textbook. Stavropol, 2013. 122 p. (In Russ.).
20. Filippov AG. Criminalistics. 3rd ed., trans. and add. Textbook for universities. Moscow: Yurait, 2015. 466 p. (In Russ.).
21. Philosophical Encyclopedic dictionary, online version. 2024. URL: <https://philosophy.niv.ru> (accessed: 12.21.2024). (In Russ.).

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.15>

КОНСТИТУЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ПРАВООЩИТНОМ МЕХАНИЗМЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТА И КРИТЕРИЕВ ДОПУСТИМОСТИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ

Владимир Ильич Жуковский^{1*}, Наталья Владимировна Довголюк²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук

kukyns@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-7176-0611>

² Ставропольский филиал, Московский педагогический государственный университет (д. 66 Г, ул. Доваторцев, Ставрополь, 355040, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент

fktrf32@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7556-333X>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Конституционное судопроизводство занимает особое место в правозащитном механизме судебной власти. Место конституционного правосудия в системе правозащитного механизма обусловлено тем, что правоотношения, которые составляют этот элемент, являются правоохранительными и связаны непосредственно с совершением субъектом правоотношений неправомерных действий. Немаловажную роль играет и реализация прав и обязанностей, представляющая собой поведение субъектов тех или иных правоотношений, которое выражено в форме соблюдения, исполнения и пользования. При попытке сравнения конституционного судопроизводства с иными формами осуществления правосудия стоит отметить, что оно производно от других форм судебной защиты. **Материалы и методы.** Методологическая основа исследования сформирована общенаучными (анализ, аналогия, классификация, обобщение материалов исследования) и частнонаучными (формально-юридический, сравнительно-правовой и технико-юридический) методами познания. Использовались также описательный и сравнительный методы. Общетеоретической основой исследования послужили работы таких авторов, как М.В. Баглая, А.В. Малько, А.А. Мишина. **Анализ.** Не на все нормативные акты может подаваться конституционная жалоба. Акты Министерств не могут являться предметом конституционной жалобы. В случае обжалования в конституционный суд приказа, который также является

нормативно-правовым актом, жалоба будет признана недопустимой. Кроме того, нормативные акты органов местного самоуправления также не могут быть предметом конституционной жалобы. **Результаты.** Предмет конституционной жалобы в России подвергся значительным изменениям. Изначально Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» определял предмет жалобы закон. В дальнейшем были определены нормативные акты, которые могут быть предметом рассмотрения Конституционного суда России.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционное судопроизводство, судебная защита, Конституционный суд РФ, конституционная жалоба

Для цитирования: Жуковский В. И., Довголюк Н. В. Конституционное судопроизводство в правозащитном механизме: особенности правового регулирования предмета и критериев допустимости конституционной жалобы // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 296–301. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.15>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 12.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 14.04.2025.

Статья принята к публикации: 15.06.2025.

Research article

CONSTITUTIONAL LEGAL PROCEEDINGS IN THE HUMAN RIGHTS MECHANISM: FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE SUBJECT AND CRITERIA FOR THE ADMISSIBILITY OF A CONSTITUTIONAL COMPLAINT

Vladimir I. Zhukovsky^{1*}, Natalia V. Dovgolyuk²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law)

kukyns@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-7176-0611>

² Stavropol branch, Moscow Pedagogical State University (66 G, Dovatorstev St., Stavropol, 355040, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor

fktrf32@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7556-333X>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Introduction. Constitutional legal proceedings occupy a special place in the human rights mechanism. The place of constitutional justice in the system of the human rights mechanism is due to the fact that the legal relations that make up this element are law enforcement and are directly related to the commission of illegal actions by the subject of legal relations. Of great importance is the realization of rights and obligations, which is the behavior of subjects of certain legal relations. It is expressed in the form of compliance, performance and use. When trying to compare constitutional legal proceedings with other forms of administration of justice, it is worth noting that

it is derived from other forms of judicial protection. **Materials and methods.** The methodological basis of the research is formed by general scientific (analysis, analogy, classification, generalization of research materials) and private scientific (formal legal, comparative legal and technical legal) methods of cognition. Descriptive and comparative methods were also used. The works of M.V. Baglaya, A.V. Malko and A.A. Mishin served the general theoretical basis of the research. **Analysis.** A constitutional complaint may not be filed against all normative acts. Acts of Ministries may not be the subject of a constitutional complaint. In case of appeal to the Constitutional Court of the

© Жуковский В. И., Довголюк Н. В., 2025

order, which is also a regulatory legal act, the complaint will be declared inadmissible. In addition, the normative acts of local self-government bodies also cannot be the subject of a constitutional complaint. **Results.** The subject of the constitutional complaint in Russia has undergone significant changes. Initially, the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" defined the subject of the complaint as the law. Subsequently, regulatory acts were identified that may be the subject of consideration by the Constitutional Court of Russia.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, constitutional proceedings, judicial protection, the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional complaint

For citation: Zhukovsky VI, Dvogyuk NV. Constitutional legal proceedings in the human rights mechanism: features of

the legal regulation of the subject and criteria for the admissibility of a constitutional complaint. *Humanities and law research.* 2025;12(2): 296-301. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.15>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 12.01.2025.

The article was approved after reviewing: 14.04.2025.

The article was accepted for publication: 15.06.2025.

Введение. Правозащитный механизм судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в Конституционном Суде РФ по жалобе гражданина представляет собой механизм правового регулирования взятых в единство норм, при помощи которых гарантируется правовое воздействие на общественные отношения.

Механизм правозащитной деятельности в Конституционном судопроизводстве по жалобам граждан представляет единую систему регулируемых правовых средств.

Понятие правового механизма помогает собирать в единое целое явления правовой действительности, которые принимают участие в правовом воздействии, представляя их в комплексе и системном взаимодействующем виде.

Материалы и методы. Исследование требует комплексного методологического подхода к изучению актуальных вопросов конституционного судопроизводства. Выявление ключевых характеристик моделей конституционного судопроизводства при защите прав человека, их значения стало возможным благодаря сравнительно-правовому методу исследования. Нормативной базой исследования явились Конституция Российской Федерации и федеральные конституционные законы РФ. Рассмотрение модели конституционного судопроизводства потребовало обязательного обращения к эмпирическим источникам, в частности, решениям Конституционного суда РФ.

Анализ. Определение правозащитного механизма в системе российского правосудия было изучено и освещено многими учеными. По мнению В.С. Кухликовского [7], правозащитный механизм охватывает правовые институты и регламентированные общественные правоотношения, в которых норма права реализуется (в данном случае необходимо акцентировать внимание на явлении правовой действительности при обеспечении прав человека и гражданина при обнаружении случаев их нарушения).

С.С. Алексеев в своих научных трудах определяет словосочетание механизма правового регулирования как «методологическую категорию», обеспечивающую видение правовых явлений, данное определение можно вполне сопоставить с понятием правозащитного механизма. В.С. Кухливский также определяет, что научно разработанная модель правозащитного механизма является не единой, а фрагментарной, невзирая на то, что в настоящий период является достаточно востребованной. В исследованиях ученых прослеживается непосредственное исследование понятия и структуры правозащитного механизма, а также средств защиты права и соотношение охраны права и ее защиты, а также соотношение материальных и процессуальных правовых норм в правозащитном механизме [7].

Рассматривая разные точки зрения, касающиеся вопросов определения механизма правового регулирования, стоит также упомянуть о мнении С.С. Алексеева, В.И. Пугинского, которые противопоставляют мнению А.В. Малько Ученые считают, что механизм правового регулирования достигается посредством комплекса явлений правового регулирования, основанные на дозволении гражданского законодательства, и которые служат личным субъективным достижением для своих целей, не противоречащих нормам закона [11].

По мнению О.М. Родионовой, механизм правового регулирования – это совокупность как гражданско-правовых, так и частных положений, которые являются автономными, при помощи которых обеспечено осуществление интересов субъектов общества в гражданских имущественных и неимущественных правоотношениях [12].

Конституционное судопроизводство по жалобам граждан в системе правозащитного механизма занимает главную роль по обеспечению законных прав и свобод человека и гражданина в РФ, а также обеспечению их исполнения и предотвращения нарушений их умаления или лишения, в лице органов власти и нормативных актов.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей правового регулирования предмета и критериев допустимости института конституционной жалобы в Российской Федерации на современном этапе, стоит обратить внимание на авторские подходы к определению данного института, учитывая мнение отечественных теоретиков права. Это позволит многогранно рассмотреть вопросы правового регулирования, изъятые в виде пробелов в праве, а также критерии допустимости конституционной жалобы в России.

С.А. Авакян относит термин «конституционная жалоба» к доктринальной, объясняя это тем, что связано оно с активным употреблением этого словосочетания в научной литературе и международных актах [1]. Анализ статистики обращений в Конституционный Суд РФ, иллюстрирует, что в преобладающем большинстве составляют обращения физических лиц, а предметом жалобы выступают нормативно-правовые акты, обладающие высшей юридической силой после Конституции РФ.

Анализируя словосочетание «конституционная жалоба» в узком смысле процессуально-правовой категории, то она выступает как самостоятельный институт. В данном исследовании нами принята последняя точка зрения как основная. Однако, на уровне законодательного закрепления сегодня отсутствует термин «конституционная жалоба», а закреплен как «жалоба на нарушение конституционных прав и свобод граждан». Связано это с тем, что словосочетание «конституционная жалоба» берет свое начало из немецкого законодательства, откуда была взята модель российской конституционной

жалобы. В соответствии с немецким законодательством предмет оспаривания - это любой нормативно-правовой акт, а также индивидуальные акты, в России же – это закон, за редким исключением [4].

Конституционное право в учебной литературе выделяет два вида прав: основные и отраслевые [10]. При осуществлении правосудия Конституционный суд РФ руководствуется в своей деятельности правами, предусмотренными первой категорией т.к. они подлежат конституционной защите, отраслевые права возможно защищать в судах общей юрисдикции. Такое разграничение играет принципиально важную роль, т.к. связано с практикой отказов к принятию обращения гражданина в Конституционный суд, в связи с неподсудностью данному органу осуществления защиты нарушенного права и передачи его в суд общей юрисдикции. Однако, официально данная дефиниция не закреплена. Конституционный суд РФ говорит о том, что каждое конкретное дело рассматривается индивидуально, права и свободы могут истолковываться абстрактно по отношению к конституционным положениям.

Таким образом, рассматривая вышеупомянутую проблему определения конституционного характера прав человека, которые можно защитить путем подачи жалобы в Конституционный Суд РФ, а также отграничения этих прав от отраслевых, не входящих в компетенцию Конституционного Суда, стоит отметить, что эта проблема условна, и отнесена на усмотрение органов Конституционного Суда РФ.

Дискуссия об особенностях правового регулирования конституционной жалобы, нельзя обойти стороной предмет и условия ее допустимости.

Предмет определяет место института конституционной жалобы в российском правозащитном механизме. По мнению многих авторов, предмет конституционной жалобы в РФ изменялся не один раз, и имеются определенные предпосылки для дальнейших перспектив внесения изменений в предмет.

Таким образом, гражданин имеет возможность оспорить не только положения нормативного акта или закона, но также практику применения, т.к. исследуя множество направленных конституционных жалоб, определяя их конкретный предмет, довольно часто указание на предмет в качестве закона происходит для того, чтобы раскрыть реальный предмет жалобы, т.е. правоприменительную практику.

Статистика деятельности Конституционного Суда РФ отражает факт того, что система оценки критериев допустимости жалобы в России имеет ряд технических и содержательных изъянов с юридической точки зрения.

За первый квартал 2021 г. в Конституционный Суд РФ от физических лиц поступил более 10000 жалоб. К рассмотрению судом были приняты 3300 жалоб, т.е. более 80% обращений получили отказ, т.е. не соответствовали критериям допустимости. Также стоит отметить, что снизился процент отказов в принятии жалоб по основанию неподведомственности обращений в Конституционный Суд.

По мнению Н.А. Марокко, с которым также согласен В.С. Кухливский «содержание в норме права института конституционной жалобы должно обеспечивать правовое регулирование всех его отношений, возникающих в процессе осуществления им деятельности, а также необходимость наличия критериев допустимости в конституционном судопроизводстве, в отличие от иных форм судебной защиты, т.к. в данном случае оно имеет

свое содержание» [9]. Современное определение допустимости законодательно не регламентировано. Многими авторами принято трактовать допустимость конституционной жалобы как определенную совокупность требований, которые относятся к форме, содержанию, предмету и субъекту обращения, при соблюдении которых принимается обращение в виде жалобы к рассмотрению [2]. Однако, это мнение не нашло отражение в законодательстве.

В соответствии со ст. 97 Федерального закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» для принятия конституционной жалобы должны быть соблюдены следующие условия:

- оспариваемый закон затрагивает конституционные права и свободы граждан;

- закон был применен в конкретном деле, причем рассмотрение которого, должно уже быть завершеным, а жалоба должна быть подана в течение установленного срока после рассмотрения дела судом.

До внесения изменений в Федеральный закон, в редакции от 03.11.2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», в ст. 97 были закреплены три критерия допустимости конституционной жалобы. К ним относили: закон, оспариваемый заявителем, который должен закреплять конституционные права и свободы человека и гражданина; рассмотрение дела было завершено или начато в суде или в другом органе, который применяет закон; данный закон применен или подлежит применению в том или ином конкретном деле. Данные положения были изменены, и теперь право подачи конституционной жалобы в отношении закона, в деле которого он применен или подлежит применению, возможно только в случае завершения судебного процесса.

Согласно данного принципа частные лица были лишены права оспаривания закона, в деле которого он применяется, если судебное производство не было завершено.

Судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев в своем исследовании дал комментарий по поводу внесения изменений в федеральный закон и пояснил, что таким образом были устранены возможные коллизии в судебной системе.

Таким образом, подводя итоги анализа критериев допустимости при подаче конституционной жалобы необходимо отметить, что система критериев допустимости в настоящее время все еще требует определенных доработок всестороннего исследования с практической и теоретической точки зрения. Наиболее перспективным в данном случае является полное осмысление содержательной части допустимости конституционной жалобы для обеспечения всесторонней реализации права на судебную защиту, используя при этом правозащитные механизмы РФ, в связи, с чем процент отказов к принятию жалоб в производство судом будет снижен, а процент принятых обращений к рассмотрению увеличен в разы.

На основании ст. 3 Федерального закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» главной целью конституционного правосудия является защита нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Исполнение этой цели отнесено к полномочиям Конституционного Суда т.к. оно вытекает из конституционного принципа о неотчуждаемости прав и свобод, принадлежащих человеку с самого рождения. Для выделения

конкретных субъектов, обладающих правом подачи конституционной жалобы необходимо определить в каких случаях возможен данный вид осуществления судебной защиты:

- рассмотрение дел о конституционности законов по жалобам граждан их объединений, а также иных лиц на нарушение конституционных прав и свобод;
- рассмотрение дел по запросам судов о конституционности законов;
- рассмотрение дел о соответствии Конституции РФ федеральных законов, актов президента РФ, Правительства и Государственной Думы и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации.

Лобанова С.А. рассмотрение данных категорий дел делит на: конкретный нормоконтроль, относящийся к первым двум категориям и абстрактный нормоконтроль, касающийся третьей категории дел [8].

В соответствии с Федеральным Конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» к субъектам подачи жалобы относятся граждане и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в нем. Эта формулировка в законе вызвала резонансные обсуждения в мировом правовом обществе, т.к. в ранее действующем законе, было закреплено право подачи жалобы не только гражданином, но и иностранным лицом и апатридом. Положения закона 1994 г. были раскритикованы на съезде Комитета адвокатов по права человека в Нью-Йорке, где юристы высказали мнение о том, что данная норма дает право обращения с жалобой исключительно гражданам РФ, в отличие от норм 1991 г., ограничивая круг лиц.

Однако, по мнению В.А. Кряжкова по мере осуществления действий Конституционного Суда РФ, становится ясно, что норма закона не имеет ввиду исключительно граждан своей страны, как обладателей исключительного права подачи жалобы. Л.В. Лазарев, также комментируя норму федерального закона, сводит к тому, что это право на конституционную жалобу в целом, а не конкретно гражданина России, не связывая это с гражданством [6]. Обосновывает свое мнение Л.В. Лазарев, приводя в пример норму ст. 62 Конституции РФ, а именно ее третью часть, в соответствии с которой правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства приравнивается к статусу гражданина России [5]. Это мнение также подтверждается Конституционным Судом РФ, так в одном из своих постановлений о проверке положения иностранного гражданина в СССР, указано, что «возможность защиты прав и свобод посредством конституционного правосудия должна обеспечиваться каждому, иностранные граждане не являются исключением». Если их права были нарушены, они могут рассчитывать на защиту, наравне с гражданами, что гарантируется Конституцией [7].

Однако, изложенная позиция не поддерживается многими юристами, которые согласны с необходимостью обеспечения «не гражданам» права на доступ к конституционному правосудию в качестве должной необходимости для доступа к защите своих прав и свобод и предлагают внести изменения в ст. 96 федерального закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [6].

При определении круга субъектов, которые наделены правом подачи конституционной жалобы, стоит отметить, что это один из неотъемлемых элементов института конституционной жалобы. Определение «границ» субъекта является теоретико-правовой проблемой

еще со времени основания Конституционного Суда РФ и остается по настоящий момент. Связано это с тем, что при определении круга субъектов конституционной жалобы присутствует проблема становления законного интереса, т.к. у подателя жалобы интерес частный. В случае, если жалобу подает физическое лицо или объединение граждан, то в данном случае эти процессуальные отношения достаточно прозрачны.

В ряде источников профессиональной литературы отмечалось, что Конституционный Суд РФ широко истолковывает определения «гражданин» и «объединение граждан» конкретно по отношению к конституционной жалобе. Так сложившаяся из практики суда следует, что понятие «гражданин» содержит как граждан РФ, так и иностранных лиц и апатридов, т.е. вносит в число субъектов конституционной жалобы. В подтверждение этому, можно привести Определение № 127-О, где судом было принято обращение иностранного гражданина, но сама жалоба принята не была, т.к. не соответствовала критериям допустимости (податель не исчерпал все средства судебной защиты).

Это не единичный случай, когда иностранный гражданин обращался в органы конституционной юстиции, где получил удовлетворение своей жалобы, а также подача жалобы лицом без гражданства, в Постановлении № 14-П от 23.05.2017 Конституционный Суд РФ признал ст. 31.7 и 31.9 КОАП РФ несоответствующими основному закону РФ и незамедлительно велел устранить нарушения.

Термин «Объединение граждан» довольно часто является предметом для рассмотрения Конституционным Судом РФ, т.к. подразумевает не только объединение физических лиц, но также юридические лица и органы власти. Так, Конституция РФ в ч.4 ст. 125 не определила круг субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный Суд РФ, т.е. оставила это на усмотрение законодателя. Конституционный Суд в своих решениях пояснил, что граждане и созданные ими объединения вправе обратиться с конституционной жалобой, в случае, когда деятельность объединения связана с реализацией конституционных прав граждан, которые являются членами определенного объединения. В Постановлении № 24-П суд указал, что присутствует изначально различная природа поданной конституционной жалобы юридического лица и государственного юридического органа. Связано это было по причине частного интереса, к которому довольно сложно было бы отнести государственные предприятия, но суд в своем постановлении указал, что оспариваемые положения закона затрагивают как права частных лиц, так и государственные интересы.

С момента опубликования Постановления №10-П от 22.06.2009 Конституционный Суд РФ расширил термин «объединение граждан» включив в него государственные предприятия.

Подводя итог, необходимо отметить, что для упрощения процесса определения круга субъектов, имеющих право на подачу конституционной жалобы, надо создать законодательную форму, которая определит уполномоченный круг субъектов, внеся определенные изменения и возможно расширив этот круг субъектов [3]. Эту идею предложил Н.В. Витрук, однако, по сегодняшний день данная инициатива не получила отклика.

Исследуя статистику, предоставленную Конституционным Судом на официальном информационном ресурсе, можно уже делать конкретные выводы о том,

что граждане в полной мере реализуют право, гарантированное ст. 46 Основного закона Российской Федерации, а именно право на судебную защиту прав и свобод граждан, т.к. процент поданных обращений ежегодно увеличивается. Этот факт говорит о том, что граждане знают, как и каким способом могут защитить свое нарушенное конституционное право, в случае исчерпания иных способов защиты в судебной системе России. Однако, имеется ряд препятствий, которые возникают еще на этапе до подачи конституционной жалобы. Во-первых, должно пройти не более одного года со дня принятия окончательного решения по делу лица, в котором была применена непосредственно к нему норма закона, нарушающая его конституционные права и свободы. Во-вторых, необходимо верно определить предмет жалобы, а также соблюсти все критерии допустимости, и в целом, уточнить подведомственно ли рассмотрение данного обращения Конституционному Суду. В-третьих, формулировка обращения должна быть оформлена юристом, который обладает профессиональными знаниями в области конституционного судопроизводства, т.е., например, если речь идет об иске о взыскании алиментов, то его может составить сам истец, но в случае с конституционным судопроизводством это будет сделать явно сложнее, и жалоба будет не принята еще на этапе предварительного рассмотрения Секретариатом Конституционного Суда. Здесь стоит отметить, большую и важную работу Секретариата суда. Предварительное обращение рассматривается три месяца со дня регистрации в суде. Секретариат Конституционного Суда РФ наделен правом принятия и отказа к принятию поступивших обращений. Отказ возникает по нескольким причинам:

- предмет жалобы не подлежит рассмотрению в связи с его не подведомственностью;
- поданная жалоба является недопустимой;
- предмет жалобы для рассмотрения ранее уже был поставлен и по нему имеется действующее решение;
- предмет жалобы уже отменен или утратил силу.

Также здесь стоит отметить важную роль юриста при написании конституционной жалобы: наименование: «Жалоба о проверке конституционности закона, примененного в конкретном деле заявителя»; во вводной части жалобы необходимо указать наименование и адрес государственного органа, издавшего закон, конституционность которого обжалуется (название, номер, дата принятия); перечень обжалуемых норм.

Далее следует указать какие права гражданина были нарушены:

- обжалуемые нормы затрагивают непосредственно права и свободы Заявителя;
- оспариваемое законоположение применено в деле, инициированном исковым заявлением;
- дело завершено в судах общей юрисдикции.

Восстановление права, гарантированного ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, с целью последующего устранения нарушения других конституционных прав возможно исключительно посредством осуществления конституционного судопроизводства. Жалоба должна быть подана не

позднее одного года после рассмотрения дела в суде.

В жалобе излагаются структурно и логически последовательно правильно необходимые юридические факты, которые являются допустимыми критериями конституционной жалобы. В обращении, заявитель должен привести конкретные основания послужившие к рассмотрению жалобы Конституционным Судом.

В заключении хотелось бы отметить, что с момента признания в России и учреждения института Конституционной жалобы существенно укреплен механизм реализации судебной защиты основных прав и свобод граждан и параллельно подтвердило их приоритетность. Можно вполне утверждать, что законодательные акты и практика суда по рассмотрению конституционных жалоб соответствует европейским стандартам (при наличии некоторого расхождения в вопросах подачи жалобы и видов оспариваемых норм). Таким образом, можно констатировать факт того, что в РФ имеется уже сложившаяся модель конституционной жалобы. Статистика показывает рост поступающих жалоб, работа с ними становится преобладающим направлением деятельности Секретариата суда при предварительном ознакомлении, это нуждается в оптимизации, например через ускоренный режим включения в этот процесс конституционных уставных судов субъектов России, но без дополнительной нагрузки на подателей жалобы.

В системе власти имеются проблемы во взаимопонимании и сотрудничестве для целей достижения защиты прав человека. Между судом и органами власти часто происходит временная развязка, ведущая к запаздываю реализации рекомендаций данных Конституционным Судом для устранения нарушений Конституции РФ в законодательных актах, что впоследствии вызывает жалобы о неисполнении решений суда и соответственно подрывает авторитет всей судебной власти.

Естественным образом, без наличия действенного института конституционной жалобы нельзя пытаться обеспечить системное соблюдение верховенства Конституции РФ и гарантировать защиту охраняемых ею законных прав и интересов.

Результаты. Российская модель конституционной жалобы строится на основании модели частичной жалобы, т.к. предметом обжалования могут быть только законы. Здесь можно привести в пример общеевропейскую тенденцию в развитии конституционного правосудия, где повышается роль органов конституционного контроля в сфере защиты прав человека. Внедрение данной идеи возможно путем последовательного совершенствования российской конституционной жалобы и ее адаптации в меняющемся обществе и их правоотношениях.

Институт конституционной жалобы действует на территории Российской Федерации уже много лет и с каждым годом совершенствуется. Также были определены критерии допустимости конституционной жалобы, субъекты и предмет. Стоит отметить, что при наличии довольно узкого содержания в законе норм о предмете конституционной жалобы, он расширяется в компетенции института конституционной жалобы благодаря опубликованным решениям Конституционного Суда РФ.

Литература

1. Авакьян С. А. Конституционный Суд Российской Федерации: неоднозначные законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 56–64.
2. Витрук Н. В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 99–107.
3. Витрук Н. В. Виды производства в Конституционном Суде Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия.

2009. № 6. С. 10–13.

4. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / Под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 572 с.
5. Кручинин А. С. Проблемы формирования понятия «неограждане» // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 5–12.
6. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: учеб. пособие. М.: БЕК, 1998. 439 с.
7. Кухливсий В. С. Конституционная жалоба как элемент правозащитного механизма в Российской Федерации и иных государствах-членах СНГ: автореф... канд. юрид. наук. М., 2016. 26 с.
8. Лабанова С. А. О категориях лиц, имеющих право обращения в Конституционный Суд Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 2 (24). С. 50–57.
9. Марокко Н. А. Определение критериев допустимости жалобы в Конституционный Суд РФ на нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина // Современное право. 2008. № 6. С. 23–28.
10. Нарутто С. В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 351 с.
11. Пугинский Б. И. Основные проблемы теории гражданско-правовых средств: дисс. ...докт. юрид. наук. М., 1985. 150 с.
12. Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. 333 с.

References

1. Avakian SA. The Constitutional Court of the Russian Federation: ambiguous legislative novelties. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2011;(2):56-64. (In Russ.).
2. Vitruk NV. Actual problems of modernization of constitutional justice in Russia. *Zhurnal rossijskogo prava*. 2011;(10):99-107. (In Russ.).
3. Vitruk NV. Types of proceedings in the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal konstitucionnogo pravosudija*. 2009;(6):10-13. (In Russ.).
4. Commentary to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" / edited by GA Gadzhiev, Moscow, 2013. p. 17-26. (In Russ.).
5. Kruchinin AS. Problems of the formation of the concept of "non-citizens". *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2015;(1):5-12. (In Russ.).
6. Kryazhkov VA., Lazarev L.V. Constitutional justice in the Russian Federation: textbook. stipend. Moscow: BEK, 1998. 439 p. (In Russ.).
7. Kukhlivsiy VS. Constitutional complaint as an element of the human rights mechanism in the Russian Federation and other CIS member states: abstract of thesis. Moscow, 2016. 26 p. (In Russ.).
8. Labanova SA. On the categories of persons entitled to appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2014;(2):50-57. (In Russ.).
9. Morocco NA. Definition of criteria for the admissibility of a complaint to the Constitutional Court of the Russian Federation for violations of constitutional human and civil rights and freedoms. *Sovremennoe pravo*. 2008;(6):23-28. (In Russ.).
10. Narutto SV. Citizens' appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation. Moscow: Norma: Infra-M, 2011. 351 p. (In Russ.).
11. Puginsky BI. The main problems of the theory of civil law remedies: thesis. Moscow, 1985. 150 p. (In Russ.).
12. Rodionova OM. The mechanism of civil law regulation in the context of modern private law. Moscow: Statute, 2013. 333 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.16>

СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Ольга Константиновна Цветкова

Нижегородская академия МВД России (д. 3, ул. Нижегородское шоссе, Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация)

Адъюнкт

olia.nov2013@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-1454-447X>

Аннотация. Введение. В статье проводится анализ отдельных проблемных аспектов расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Материалы и методы. В исследовании автор применяет системный и диалектический методы анализа, а также частные методы исследования: логический, исторический, социологический, сравнительно-правовой и другие. **Анализ.** Изучение практики работы следственных органов, материалов судебной практики, обзоров и анализ теоретических исследований, связанных с расследованием преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств показывает, что зачастую нарушением сроков следственных мероприятий и причиной прекращения уголовных дел является неудовлетворительное качество проведения расследования, отдельных мероприятий как способа сбора доказательственной базы в данной категории преступлений. Цель исследования - анализ проблемных аспектов сбора вещественных доказательств как способа доказывания при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения

и эксплуатации транспортных средств. **Результаты.** Анализ исследований и материалов практики следственных органов и судов показал, что обращение должного внимания сбору и анализу вещественных доказательств позволит сократить сроки расследования, подготовить доказательственную базу для вынесения справедливого и обоснованного решения в данной категории преступлений.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, правила дорожного движения, доказывание, методика расследования, следственный эксперимент, доказательства

Для цитирования: Цветкова О. К. Собрание доказательств как элемент доказывания по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 302–306. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.16>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 14.05.2025.

Статья принята к публикации: 15.06.2025.

Research article

COLLECTION OF EVIDENCE AS AN ELEMENT OF SUBSTANTIATION IN CRIMINAL CASES RELATED TO VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES

Olga K. Tsvetkova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (3, Nizhegorodskoe Shosse St., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation)

Adjunct

olia.nov2013@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-1454-447X>

Abstract. Introduction. The article analyzes certain problematic aspects of the investigation of criminal cases related to violation of traffic rules and operation of vehicles. **Materials and methods.** The author has used general scientific methods: systemic and dialectical methods of cognition, as well as special methods of logical, historical, sociological, and comparative legal analysis. **Analysis.** The study of the practice of investigative bodies, materials of judicial practice, reviews and analysis of theoretical studies related to the investigation of crimes related to violations of traffic rules and vehicle operation shows that often the violation of the timing of investigative measures and the reason for the termination of criminal cases is the unsatisfactory quality of the investigation, individual measures as a way of collecting evidence in this category crimes. The purpose of the study is to analyze the problematic aspects of collecting physical evidence as a method of proof in the investigation of crimes related to violations of traffic rules and vehicle operation. **Results.** The

analysis of scientific works and practice materials of investigative bodies and courts has shown that paying due attention to the collection and analysis of physical evidence will reduce the time of investigation, prepare the evidence base for making a fair and reasonable decision in this category of crimes.

Keywords: traffic accident, traffic rules, evidence, investigation methodology, investigative experiment, evidence

For citation: Tsvetkova OK. Collection of evidence as an element of substantiation in criminal cases related to violation of traffic rules and operation of vehicles. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 302-306. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.16>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.01.2025.

The article was approved after reviewing: 14.05.2025.

The article was accepted for publication: 15.06.2025.

Введение. Одна из важнейших задач государства — это обеспечение безопасности его жителей, лиц, пребывающих на его территории. Снижение числа аварий на дорогах связано с введением ограничительных мер

и исследованием ситуаций и причин высокой аварийности, контролем за участниками дорожного движения и дорожным полотном, такие меры имеют постоянный или временный характер в зависимости от поведения

на дороге как пешеходов, так и водителей [1]. Введение временных ограничений позволяет контролирующим органам сделать заключение о целесообразности их применения на постоянной основе или снятия, ключевым показателем в данном случае является аварийность [2].

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений. Помимо этого, в проекте применялись: логический метод, чтобы изложить весь материал, дать рекомендации и сделать итоговые выводы; метод системного анализа; метод сравнительного правоведения.

Анализ. К принимаемым государством мерам безопасности в области дорожного движения относятся регулярные профилактические мероприятия, направленные на осведомление общественности о правилах дорожного движения, мерах ответственности.

Помимо мер, применяемых к участникам дорожного движения, требования и стандарты предъявляются к состоянию дорожной инфраструктуры, к состоянию дорог, освещению и иным ее элементам, что также, согласно статистическим данным, является причиной высокой аварийности [6].

Снижение аварийности на дорогах может быть достигнуто только путем комплексной работы всех сторон данного процесса: государства, правоохранительных органов, участников дорожного движения и иных лиц.

Меры обеспечения безопасности дорожного движения включают в себя меры карательного характера, ответственности виновных в совершении ДТП [5].

Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с ДТП требует постоянного внимания и контроля. Именно на этапе расследования данной группы преступлений важно установление причины и точных обстоятельств происшествия, такой анализ в совокупности дает возможность выявить факторы, способствовавшие возникновению ДТП. Анализ факторов и причин является основой для содержания профилактических мероприятий любого уровня. Непосредственно Уголовный Кодекс РФ также имеет ряд недостатков относительно установления ответственности за преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В обществе назрела необходимость ужесточения ответственности по ряду имеющихся статей и включение новых, так на данный момент требуют урегулирования вопросы включения привлечения к ответственности тех, лиц, которые управляют электросамокатами и электровелосипедами. Таким образом, сочетание мер ответственности и профилактики в области ДТП и эксплуатации ТС поможет снизить аварийность и увеличить безопасность на дорогах [3].

Ключевым моментом в области мер регулирования ответственности в данной сфере является обеспечение должного и всестороннего расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации ТС. Методика расследования таких преступлений имеет сложную структуру и определенных технических, специализированных знаний для реконструкции события и выявления виновного и причин случившегося. При расследовании таких преступлений важно исследование доказательств, их сбор и экспертиза различными специалистами в области техники, физики, медицины и иных наук [4]. Совершенствование методики расследования преступлений данного вида и сбора

доказательств происходит за счет появления и применения новых цифровых технологий, которые помогают в короткие сроки и с достоверной точностью провести различного рода экспертизы и анализы, смоделировать и инсценировать место происшествия, выявить и спроектировать процесс аварии. Тем не менее, применение различных технологий и специалистов должно быть основано на законодательстве и четком планировании со стороны следственных органов при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Планирование четко позволяет скоординировать все действия и шаги, экономя при этом временные и трудовые ресурсы.

Помимо планирования анализ предыдущих расследований, нюансов и особенностей сбора доказательств помогает следователю быстрее составить картину происшествия и определиться с степенью вины и подозреваемыми. Объективное расследование и полноценный сбор доказательств обеспечивают качественное и всестороннее расследование.

Расследование дел о нарушениях ПДД и эксплуатации транспортных средств является сложным процессом.

Для успеха в расследовании необходимы глубокие знания, определенные навыки, комплексное изучение, совершенствование методов и правильное планирование. Для судебного процесса следователем должны быть представлены все имеющиеся доказательства, и также факты, подтверждающие обвинение, этими фактами выступают заключения экспертиз, свидетельские показания, и иные доказательства [2]. Проблемами в расследовании данной категории дел является тактика следственных действий и организация следственных мероприятий, и прежде всего установление обстоятельств и сбор доказательственной базы для анализа ситуации происшествия. Сбор доказательств по данному виду преступлений вызывает трудности так как связан с наличием определенных компетентных знаний в различных областях и опыта. В данном случае этап сбора доказательств и само расследование должно проходить под контролем опытного следователя, имеющего стаж в данной области от 5 лет [3].

Действия дежурного по части, начальник органа внутренних дел, оперативной группы во многом зависят от ситуации дорожно-транспортного происшествия. В дальнейшем следователь составляет план и организует ряд следственных мероприятий, контролирует ход оперативно-разыскных мероприятий, с целью быстрого получения всей имеющейся информации о ДТП, пострадавших, причинах, состоянии дорожного полотна и иных факторов.

Основа планирования расследования происходит за счет разработанных типовых методик и типичных следственных ситуаций для всех видов преступлений данной области. После осмотра места происшествия на основе этих методик составляется план расследования уголовного дела и анализ доказательственной базы [3].

План является основой правильной организации расследования дорожно-транспортного преступления и должен предусматривать следующие мероприятия:

- осмотр места происшествия, осмотр транспортных средств, участвовавших в ДТП;
- освидетельствование лиц, участвовавших в ДТП;
- установление и опрос очевидцев и других свидетелей;
- розыск новых свидетелей;
- определение тяжести телесных повреждений пострадавших либо подтверждение факта смерти;
- проведение судебно-медицинских и криминалистических экспертиз;

организацию взаимодействия;
розыск транспорта и водителей, скрывшихся с места происшествия;
применение технических средств; помощь специалистов.

Обнаружение и розыск вещественных доказательств при осмотре места ДТП играет важную роль в следственных действиях. Сбор таких доказательств и их экспертиза раскрывают подробности аварии, характеризуют обстоятельства произошедшего. Также немаловажно обратить внимание на сбор доказательств с придорожных объектов, так, как и они имеют роль в раскрытии причин преступления. К примеру, обнаружение следов транспортного средства на бордюрах говорит о том, что водитель уже потерял контроль над управлением и предпринималась попытка предотвратить наезд или столкновение. Сопоставление следов на придорожных объектах с повреждениями транспортного средства помогает установить причины происшествия и определить степень вины и самих виновных. Таким образом, сбор вещественных доказательств играет важную и первостепенную роль в расследовании ДТП и установлении причин и характера преступления и определения виновных и потерпевших.

При оценке судом доказательственной базы важное значение играет эффективность и полнота сбора и оценки вещественных доказательств, их сохранность и достоверность экспертных заключений. Процедура сбора и оценки вещественных доказательств регламентирована Уголовно-процессуальным кодексом РФ, где отображены вопросы сбора, хранения, оценки и анализа. Достоверность экспертных заключений основывается на строгом соблюдении правил и методик их определения, согласно законодательству РФ.

Так примером может послужить следующие материалы следственной проверки преступления [4]. Следователем была обнаружена рулевая тяга на месте ДТП, однако им была совершена ошибка при упаковке детали, в результате чего была утеряна одна из комплектующих тяги. Экспертные заключения подтвердили, что именно эта деталь послужила причиной аварии, доказывала вину водителя. Однако, из-за отсутствия данной детали в качестве вещественного доказательства невозможно доказать вину водителя и вынести справедливое решение. В результате, суд не смог, опираясь только на имеющиеся доказательства установить вину водителя, и вынести справедливый приговор и компенсировать ущерб пострадавшему. Таким образом, соблюдение всех правил оперативных мероприятий, следственных действий и экспертизы вещественных доказательств гарантирует вынесение справедливого и обоснованного решения.

Также вещественными доказательствами выступают следы торможения на дорожном покрытии, повреждение на корпусе автомобиля, разрушения на автотрассе, и другие недостатки. С помощью трасологической экспертизы устанавливается скорость автомобиля, расстояние, путь торможения, что также дает понимание причинам и обстоятельствам происшествия. Анализ вещественных доказательств позволяет также определить наличие алкогольных и наркотических веществ в организме водителя, пассажиров. Данные этих экспертиз учитываются судом как основные вещественные доказательства в деле.

В связи с этим, следственные мероприятия должны учитывать анализ и экспертизу всех имеющихся доказа-

тельств по происшествию для вынесения объективного решения. При отсутствии свидетелей происшествия именно фото и видео материалы с места ДТП, генетические и трасологические экспертизы будут являться основой для вынесения приговора. Тем не менее, возникают проблемы с подлинностью доказательств, с искажением результатов экспертизы, в связи с чем следователем должна производиться тщательная проверка всех доказательств.

Важно также установить причинно-следственные связи происшествия, узнать суть и на основе показаний свидетелей, анализа вещественных доказательств сформулировать версии преступления [6]. Выдвижение версий происшествия основываются на объективных данных и логике следователя.

Таким образом, наличие свидетельских показаний важный аспект при рассмотрении дела следователем и судом, однако не всегда они являются решающим фактором при выдвижении версий расследования.

В особо сложных случаях при сборе вещественных доказательств необходимо присутствие экспертов-криминалистов, а также специалистов МЧС, дорожных служб, обслуживающих организаций и так далее. Обусловлено это тем, что согласно статистическим данным причинами аварийности выступают различные факторы, в основном такие как неисправности транспортного средства, поведение водителя и другие.

Статистические анализы данных ГИБДД позволяют иметь представление о петтернах и факторах аварий, которые являются повышенным риском на дорогах, также сотрудниками ГИБДД и дорожными службами регулярно проводятся профилактические мероприятия по устранению причин ДТП, что также учитывается при работе следственных органов. Таким образом, обладая всей информацией возможно принятие объективного и взвешенного решения относительно причин преступления.

Так, рассмотрим еще один случай, связанный с аварией, где утечка тормозной жидкости в грузовом автомобиле повлекла за собой потерю контроля управлением транспортным средством, произошло столкновение, повлекшее гибель обоих водителей. Проведение судебной экспертизы и сбор вещественных доказательств позволили установить, что причиной аварии стал износ тормозной системы грузового автомобиля. Так как данный автомобиль являлся собственностью транспортной компании и осмотр ежедневно должен был проводиться механиком, то было вынесено решение привлечь обслуживающий персонал данной организации к ответственности за непроведение должного осмотра грузового автомобиля, что стало причиной смерти водителей. Такие примеры встречаются достаточно часто и должны стать для многих коммерческих и иных транспортных организаций важным аспектом по контролю за деятельностью сотрудников и проведения технического обслуживания автомобилей и состояния водителей [5].

Профилактическими мерами в данных аварийных ситуациях являются специально установленные съезды на дорогах, также в данном случае использование радиосвязи между водителями крупногабаритных машин является мерой по снижению аварийности, когда они могут предупредить других водителей о поломках, избежать столкновений и других происшествий. Первым следственным действием при расследовании дел, связанных с ДТП, является проведение осмотра места происшествия для установления причин и обстоятельств

происшествия. Проведение осмотра осуществляется компетентным следователем для того, чтобы все вещественные доказательства и улики были учтены.

Во время проведения осмотра идет сбор фактов, фотографий, измерение данных для использования их в ходе проведения расследования. Непроведение осмотра места происшествия, равно как и нарушение правил его проведения могут сказаться на качестве доказательств и повлиять напрямую на результаты расследования. Поэтому проведение осмотра места происшествия согласно разработанной и утвержденной тактике и методике гарантирует быстрый результат следственных действий. Осмотр места ДТП один из элементов осмотра места происшествия, и обязательным его элементом является автотехническая экспертиза. Во время осмотра места ДТП изучаются все физические объекты, а именно повреждения транспортного средства, следы на дороге и иных поверхностях. Также сотрудники ГИБДД обязаны составить протокол о ДТП и провести первоначальный осмотр места происшествия, что является важным элементом первоначальных действий. Данные протоколов полезны для определения обстоятельств происшествия и выяснения причин ДТП и влияют на результаты экспертизы. При прибытии на место происшествия согласно правилам, сотрудники ГИБДД оказывают первую помощь пострадавшим лицам, после чего проводят действия по сохранности следов и предметов происшествия, которые имеют значение для следственных мероприятий и проведения экспертизы. Место ДТП ограждается специальными средствами и лентами. Обеспечение сохранности следов и вещественных доказательств одна из основных задач первичных следственных действий. Несоблюдение данной процедуры, также, как и неправильно освидетельствование места происшествия приводит к ошибкам в следствии и отражается на результатах автотехнической экспертизы.

Таким образом, автотехническая экспертиза и осмотр места происшествия являются основополагающими элементами расследования данной группы преступлений. Изучение на первоначальном этапе расследования всех материальных объектов и анализ вводных данных позволяют установить причины ДТП, обстоятельства происшествия, сохранить следы и вещественные доказательства, что влияет на результаты экспертизы.

При аварии первостепенно сохранить следы от внешних факторов – погода, иные транспортные средства, люди и т.д. Сотрудники ГИБДД не должны перемещать автомобиль, не трогать следы, чтобы оставить место происшествия в сохранности. Также первоначальными действиями являются поиск и опрос свидетелей, сбор их данных. Необходимо оставаться на месте происшествия до прибытия следственной группы. Далее силами следственных органов проводится детальный осмотр места происшествия, сбор вещественных доказательств, автотехническая экспертиза.

Так, актуальной задачей по совершенствованию деятельности следственных органов является правовое регулирование проведения следственных экспериментов, разработка современных тактик и методик проведения. Без актуализации данных правовых сторон осмотра места происшествия и методик по сбору вещественных доказательств, проведения экспертиз сложно оперативно реагировать на любые тенденции и изменения в расследовании данной группы преступлений.

Следственный эксперимент является важнейшей частью расследования и определяет причинно-след-

ственные связи между нарушением правил дорожного движения, эксплуатацией транспортного средства и обстоятельств происшествия. С помощью эксперимента устанавливается механизм образования следов и причин ДТП. Так, одной из важных задач экспертизы является установление скоростного режима движения транспортного средства в момент происшествия. Показатель скоростного режима позволяет оценить виновность водителя, выявить виновника нарушений правил дорожного движения, которые могли привести к аварии. Результаты проведения эксперимента являются основанием для назначения и проведения экспертизы и поводов для возбуждения уголовного дела. Таким образом, следственный эксперимент — это неотъемлемая часть расследования и действий следственных органов, позволяющий достичь эффективного и достоверного разрешения дорожного происшествия. Также с помощью следственного эксперимента устанавливается причастность подозреваемых к совершенным деяниям, помимо этого производится сбор доказательственной базы для предъявления обвинения. Однако для осуществления следственного эксперимента необходима разработка четкого планирования данного следственного действия.

Важную роль в планировании следственных действий играет руководитель следственного органа, он оценивает риски и разрабатывает план расследования и ставит задачи эксперимента перед специалистами. Наличие недочетов и излишние действия приводит обычно к нежелательным последствиям. К примеру, следователям необходимо при планировании учитывать погодные условия, именно из-за этого фактора происходят частые ошибки при эксперименте.

Также важно установить причинно-следственную связь в момент столкновения с пешеходом. Необходимо установить наличие вины пешехода при движении, соблюдении им правил дорожного движения и мер ответственности при участии в дорожном движении. В случае нарушения пешеходом правил дорожного движения и наличия его вины, он возмещает материальный и моральный ущерб потерпевшему. Такая степень ответственности стимулирует пешеходов к соблюдению правил поведения на дороге и является одной из профилактических мер.

Для установления причинно-следственных связей и сбора вещественных доказательств при ДТП одной из проблем является недостаточное обновление информационных баз и внедрение современных цифровых технологий для улучшения работы правоохранительных органов. Внедрение автоматизированных систем обработки данных значительно сократят время на проверку следственных фактов и увеличат эффективность работы правоохранительных органов.

Также еще одним направлением совершенствования в расследовании данной группы преступлений, а также в сборе и анализе вещественных доказательств является установление и усиление международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, для оперативного розыска, привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления, исследования вещественных доказательств иностранного происхождения (к примеру, запчасти и т.д.).

Еще одним из направлений совершенствования работы правоохранительных органов является профилактическая работа среди населения, осведомленность о состоянии дорог, правил дорожного движения, мер ответственности.

Результаты. Таким образом, собрание доказательств как элемент доказывания по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств является важнейшим и обязательным условием успешного расследования данной группы преступлений. Имея некоторые проблемы в проведении данных

оперативно-разыскных мероприятий и спорные судебные моменты, данное направление имеет перспективы совершенствования, в виде разработки обновленных методик и внедрения цифровизации в структурные элементы осмотра места происшествия и проведения различного рода экспертиз.

Литература

1. Баканов К. С., Ляхов П. В., Лопарев Е. А., Ермаганбетов А. С., Исаев М. М., Никулин Е. Д., Сергунова А. С., Наумов С. Б., Царегородцева Е. А., Князев А. С. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. 126 с.
2. Веселов А.В. К вопросу об источниках доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. №1 (37). С. 85–87.
3. Власова С.В. Проблемы организации отдельных следственных действий по делам о ДТП // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №3 (27). С. 52–58.
4. Драпкин Л.Я. Тактика следственных действий: учебно-практическое пособие. Екатеринбург. 2020. 133 с.
5. Обобщение судебной практики рассмотрения судами Республики Тыва уголовных дел о преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта в 2023 г. URL: <http://www.vs.tva.sudrf.ru> (дата обращения 01.04.2025).
6. Савицкая И.Г. Предмет доказывания по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. №4. С. 11–19.
7. Статистика ДТП в России за 2023 г. и прошлые периоды. URL: <https://rosinfostat.ru/dtp> (дата обращения 01.04.2025).

References

1. Bakanov KS, Lyakhov PV, Loparev EA, Ermaganbetov AS, Isaev MM, Nikulin ED, Sergunova AS, Naumov SB, Tsaregorodtseva EA, Knyazev AS. Road traffic accidents in the Russian Federation in 2021: an information and analytical review. Moscow: FКУ "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia". 2022, 126 p. (In Russ.).
2. Veselov AV. On the issue of sources of evidence in criminal cases of crimes related to violations of traffic rules and vehicle operation. *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2017;1(37):85-87. (In Russ.).
3. Vlasova SV. Problems of organizing individual investigative actions in cases of road accidents. *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2014;3(27):52-58. (In Russ.).
4. Drapkin LYa. Tactics of investigative actions: an educational and practical guide. Yekaterinburg, 2020. 133 p. (In Russ.).
5. Summary of judicial practice of consideration by courts of the Republic of Tyva of criminal cases on crimes against traffic safety and operation of transport in 2023 URL:<http://www.vs.tva.sudrf.ru> (accessed 04.01.2025). (In Russ.).
6. Savitskaya IG. The subject of evidence in criminal cases of violation of traffic rules and operation of vehicles. *Sudebnaja vlast' i ugolovnyj process*. 2017;4:11-19.
7. Traffic accident statistics in Russia for 2023 and previous periods. URL: <https://rosinfostat.ru/dtp> (accessed 04.01.2025). (In Russ.).

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.17>

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ОБЪЕКТОВ

Размик Сергеевич Чилингарян

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

raz.s.ch@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2789-987X>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются проблемы обеспечения особо охраняемых территорий и объектов мерами юридической защиты. Обилие участков природной среды, отнесенных к охраняемым, отсутствие их систематизации, множество правовых источников, использование неунифицированной терминологии приводят к проблемам правовой квалификации противоправного поведения. **Материалы и методы.** При написании статьи использовались как общенаучные, так и специально-юридические методы научного познания, такие как анализ, синтез, индукции, дедукции, логический, сравнительно-правовой и иные актуальные методы. **Анализ.** Юридическая ответственность как реакция государства на неправомерное поведение субъектов преследует несколько целей: от пресечения противоправного деяния, наказания виновных до воспитания как самих нарушителей, так и иных лиц, восстановления нарушенных общественных отношений. Поэтому важно, чтобы деяние, обозначенное как правонарушение, было корректно сформулировано в нормативно-правовых актах охранительных отраслей законодательства, давая тем самым право-

применителям возможность адекватно их квалифицировать. Особо охраняемые территории и объекты как никакие другие нуждаются в правовой защите в силу их уникальности, уязвимости, обширности видов, экологической и рекреационной значимости. **Результаты.** Проведенный анализ законодательства позволил выявить недостатки, присущие юридической защите указанных территорий и объектов и предложить пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: особо охраняемые территории и объекты, административная и уголовная ответственность

Для цитирования: Чилингарян Р. С. Административная ответственность как элемент обеспечения правового режима особо охраняемых территорий и объектов // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 307–312. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 14.03.2025.

Статья принята к публикации: 15.04.2025.

Research article

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AS AN ELEMENT OF ENSURING THE LEGAL REGIME OF SPECIALLY PROTECTED TERRITORIES AND FACILITIES

Razmic S. Chilingarian

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

raz.s.ch@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2789-987X>

Abstract. Introduction. The article discusses the problems of providing specially protected areas and facilities with legal protection measures. The abundance of areas of the natural environment classified as protected, the lack of their systematization, the multitude of legal sources, the use of non-unified terminology lead to problems of legal qualification of delinquent behavior. **Materials and methods.** When writing the article, both general scientific and special legal methods of scientific knowledge were used, such as analysis, synthesis, induction, deduction, logical, comparative legal and other relevant methods. **Analysis.** Legal responsibility as a reaction of the state to the unlawful behavior of subjects pursues several goals: from the suppression of an unlawful act, the punishment of the perpetrators to the education of both the violators themselves and other persons, and the restoration of violated public relations. Therefore, it is important that the act designated as an offense be correctly formulated in the normative legal acts of the protective branches of legislation, thereby giving law enforcement officers the opportunity to adequately qualify them. Specially protected

territories and sites need legal protection more than any other due to their uniqueness, vulnerability, vastness of species, ecological and recreational significance. **Results.** The analysis of the legislation made it possible to identify the shortcomings inherent in the legal protection of these territories and facilities and suggest ways to improve the legislation.

Keywords: specially protected territories and facilities, administrative and criminal liability

For citation: Chilingarian RS. Administrative responsibility as an element of ensuring the legal regime of specially protected territories and facilities. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 307-312. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.17>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.12.2024.

The article was approved after reviewing: 14.03.2025.

The article was accepted for publication: 15.04.2025.

Введение. Как известно, юридическая ответственность призвана обеспечить защиту установленных государством правовых норм, т.е. гарантировать соблюдение определенных правил поведения субъектами права под страхом применения к ним мер наказания. Юридическая ответственность является разновидностью со-

циальной ответственности, но имеет присущие только ей особенности, на которые неоднократно указывалось в юридических научных исследованиях.

Первая и главная особенность – наличие правонарушения, противоправного, как правило, виновного деяния, содержащего общественную опасность или несую-

щего общественный вред, и которое признано таковым. Именно на признание поведения неправомерным указывает модель такого поведения, закрепленная в нормативном, а точнее в законодательном акте, относимом к охранительным отраслям права и законодательства, источниками которых являются УК РФ, КоАП РФ, части 1 Налогового кодекса РФ, снабженная указаниями на негативные последствия в случае его совершения – санкциями.

Модель неправомерного поведения может закрепляться и в иных законах, прямо не относимых к охранительным отраслям. Например, совершение дисциплинарного правонарушения, влекущего за собой, соответственно, дисциплинарную ответственность, регламентируется Трудовыми кодексом РФ.

Модель неправомерного поведения может и вовсе не быть сформулирована и закреплена в нормативном акте, однако в нем будут указаны негативные последствия поведения – причинение вреда. В этом случае возникает требование от государства – загладить вред, в том числе, возместить причиненный ущерб. Такие требования содержатся в гражданском и, например, в экологическом законодательстве.

Описанные ситуации в целом понятны. Обращаясь к теме статьи, мы можем констатировать, что часть объектов, обозначенных как особо охраняемые, юридически защищены, т.е. защищены общественные отношения, возникающие по их поводу. В то же время в ряде случаев законодатель, объявляя тот или иной объект особо охраняемым, не снабжает его правовой защитой. Возможны ситуации, когда изложение диспозиции статьи не позволяет однозначно квалифицировать деяние, что также снижает ценность правовой охранной нормы. Отсутствие же мер юридической ответственности за нарушение режима отдельных видов особо охраняемых территорий и объектов нивелирует карательную и воспитательную функции ответственности, создают предпосылки для правового нигилизма.

Материалы и методы. Работа базируется на анализе различных отраслей законодательства, объединяемых единым предметом – особо охраняемыми территориями и объектами. Их виды, основы правового статуса, элементы правового режима рассредоточены по различным законодательным актам, интегрированным в комплексную отрасль – экологическое право в его широком понимании, включающее базовые природоохранные нормативные правовые акты и отраслевые природоресурсные законы. Основные объекты исследования – административное и уголовное законодательство, однако в силу бланкетности соответствующих правовых норм охранительных отраслей конкретные составы административных деликтов и диспозиции ряда статей уголовного законодательства, устанавливающих ответственность в части защиты особо охраняемых территорий и объектов, они рассматривались через призму норм экологического права в его широком контексте.

При написании статьи мы опирались как на общенаучные, так и специально-юридические методы научного познания, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, логический, сравнительно-правовой и иные актуальные методы, используемые в правовых исследованиях. Так, в работе применялся сравнительный метод, имея в виду уяснение соотношения конкурирующих норм КоАП РФ и УК РФ. Метод юридической герменевтики применялся в целях объяснения смыслов тех или иных поня-

тий, правовых категорий. Методы научного толкования и юридического анализа текстов соответствующих статей использовались для уточнения формулировок, выявления противоречий, содержащихся в диспозициях статей и т.д.

Анализ.

1. Общие подходы к составу особо охраняемых территорий и объектов

Прежде, чем говорить об уже существующих мерах защиты некоторых особо охраняемых объектов, следует остановиться на ряде принципиальных моментов.

Современное российское законодательство оперирует «несколькими группами объектов, относящихся к особо охраняемым с экологической, рекреационной и историко-культурной точки зрения», причем указания на них зафиксированы в ряде законов [4, с. 22]. Добавим также, что одним из критериев выделения подобных объектов является охрана здоровья населения. Посягательство на него возможно при неправомерном воздействии на участки природной среды. При этом негативные последствия для человека, как правило, формулируются в соответствующих статьях уголовного либо административного законодательства как квалифицирующие признаки правонарушения, усугубляющие меры наказания.

Так, ФЗ от 14.03.1995 г. №33-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «Об особо охраняемых природных территориях» перечисляет, собственно, особо охраняемые природные территории (ООПТ), к которым отнесены: государственные природные заповедники, национальные и природные парки, государственные природные заказники, памятники природы (на прилегающих к указанным ООПТ землях создаются охранные зоны), дендрологические парки и ботанические сады.

В Земельном кодексе РФ есть глава 17 «Земли особо охраняемых территорий и объектов», где помимо указанных названы также земли лечебно-оздоровительных местностей (ЛОМов), курортов, земли, занятые защитными лесами (кроме произрастающих на землях лесного фонда), земли ООПТ и некоторые другие участки природной среды. Следовательно, к названной категории законодатель относит защитные леса, произрастающие на иных категориях земель, т.е. землях сельскохозяйственного назначения, населенных пунктов, специального назначения, водного фонда. Далее ЗК РФ называет «иные земли, выполняющие природоохранные функции» (ст. 97 ЗК). «Открытость» перечня не позволяет точно установить, о каких землях идет речь. Видимо, в каждом случае законодатель должен вносить указания о том, какие именно земли дополнительно могут относиться к особо охраняемым.

ЗК РФ выделяет также земли, именуемые им территориями, и обозначенные как зоны с особыми условиями использования. В качестве таких условий названы, в том числе «охрана окружающей среды, защита и сохранение природных лечебных ресурсов, предотвращение загрязнения, засорения, заиления водных объектов и истощения их вод, сохранение среды обитания водных биологических ресурсов и других объектов животного и растительного мира» (ст. 104 ЗК РФ).

Можно также назвать ФЗ от 10.01.2002 г. №7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды», Лесной кодекс РФ от 04.12.2006 г. №200-ФЗ (ред. от 08.08.2024), иные нормативные акты природоресурсного законодательства.

Перечень законодательных актов, содержащих указание на особо охраняемые территории и объекты, можно продолжить, имея также в виду, что и субъектам РФ разрешено дополнительно вводить свои виды таковых. При этом субъекты Федерации должны защищать их собственным административным законодательством, поскольку федеральное административное законодательство не распространяется на такие территории и объекты, а уголовное законодательство является прерогативой РФ.

Какие же виды особо охраняемых территорий и объектов защищены административной и уголовной ответственностью?

2. Административно-правовая и уголовно-правовая охрана ООПТ

Специальные статьи УК РФ (ст. 262) и КоАП РФ (ст. 8.39) направлены на охрану режима (правил охраны и использования природных ресурсов) собственно ООПТ. Причем формулировки диспозиций этих статей вызывают ряд вопросов. Так, и в той, и в другой статьях не поименованы природные и дендрологические парки и ботанические сады. В диспозициях этих статей о них сказано: «и другие» ООПТ. На этот вопрос отвечает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. №21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [5]. Там отмечается, что речь идет об этих указанных нами объектах. Вызывает вопросы диспозиция ст. 8.39 КоАП РФ, понимающая под объективной стороной административного правонарушения «нарушение режима или иных правил охраны и использования окружающей среды и природных ресурсов» на указанных ООПТ. Во-первых, нарушение режима ООПТ является объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 262 УК РФ. Правда, там сказано, что нарушение режима должно повлечь причинение значительного ущерба. Казалось бы, вот вам и основание для разграничения составов. Однако, что понимается под значительным ущербом, ни в этой статье УК РФ, ни в цитируемом постановлении Пленума Верховного Суда не разъясняется. Изучение судебной практики по применению ст. 262 УК РФ показало достаточно большой разброс в размерах ущерба, признаваемого значительным и учитываемого для квалификации деяний по этой статье – от 17 тыс. руб. до 6 млн. руб. То есть, отсутствие указаний в УК РФ на минимальный размер ущерба, признаваемого значительным, оставляет вопросы квалификации на усмотрение правоприменителей и затрудняет разграничение конкурирующих видов ответственности.

Можно было бы говорить об аналогии норм. Например, в примечании к ст. 260 УК РФ значительным признается размер ущерба в 5 тыс. руб. за незаконную рубку лесных насаждений. Однако применительно к современным экономическим реалиям такой размер ущерба, признаваемого значительным, выглядит сомнительным. Тем более, что в том же примечании крупным ущербом считается ущерб в 50 тыс. руб., а особо крупным – в 150 тыс. руб.

Удивляет и несоразмерность наказания. Так, по ст. 260 УК РФ («Незаконная рубка лесных насаждений») за причинение значительного ущерба сумма штрафа составляет до 500 тыс. руб., крупного – от 500 тыс. руб. до 1 млн. руб., особо крупного – от 1 млн. до 3 млн. руб. Что же касается санкции по ст. 262 УК РФ («Нарушение режима ООПТ и природных объектов»), то она во

всех случаях, независимо от размера ущерба, составит сумму до 200 тыс. руб. Это при том, что речь идет об ООПТ. Исходя из значимости этих территорий и объектов, по нашему мнению, наказание должно быть более строгим, нежели за ущерб, причиненный природным объектам вне таких территорий.

Во-вторых, и в ст. 262 УК РФ, и в ст. 8.39 КоАП РФ в качестве указания на объективную сторону правонарушения говорится о нарушении правового режима ООПТ, однако легальное определение понятия «правовой режим» отсутствует. Эта категория освещается в доктрине экологического и земельного права и, строго говоря, не должна использоваться как источник права, но может быть ориентиром для правоприменителей. Уяснение содержания этой правовой категории важно уже в силу того, что оно связано с возможностью квалификации деяния, т.е. необходимо знать какие действия (бездействия) следует считать нарушением правового режима ООПТ.

Что понимается в науке экологического права под категорией «правовой режим»? Сразу отметим, что однозначное определение указанной категории отсутствует. Однако, наряду с более или менее структурированными элементами содержания исследуемой категории, встречаются достаточно аморфные, с нечеткими ее критериями. Так, М.М. Бринчук говорит о неких правовых методах. Из конкретики можно обнаружить лишь право собственности на объекты природы. Далее по тексту можно выявить как характеристику правового режима особые меры охраны, применимые к отдельным видам природных объектов и особенности их использования [1].

Применительно к земле А.К. Голиченков выделяет в качестве элементов правового режима категории земель. Именно через категории земель, каждой из которых присущи свои особенности, он и определяет их правовой режим. При этом автор выделяет принципы, субъектный состав, набор юридических фактов (правоустанавливающих и прекращающих), права и обязанности субъектов, санкции [2, с. 263].

Проанализировав параграф учебника «Земельное право», посвященного правовому режиму земель лечебно-оздоровительных местностей (ЛОМ) и курортов (авторы параграфа – Э.С. Навасардова и Р.В. Нутрихин), можно сделать вывод, что авторы в элементы правового режима указанных земель включают имущественные права, институт управления, особенности использования и охраны земель ЛОМ и курортов [3, с. 394–402]. По нашему мнению, сюда же в качестве элемента правового режима следует добавить права и обязанности субъектов соответствующих правоотношений и меры юридической ответственности.

Таким образом, категория правовой режим не только отсутствует в правовом пространстве экологических отношений, но и не имеет единых подходов и единых критериев в доктрине.

Что же касается диспозиции ст. 8.39 КоАП, то здесь тоже есть претензии к формулировкам. Помимо «нарушения правового режима», диспозиция называет нарушение иных «правил охраны окружающей среды и природных ресурсов» ООПТ. О каких же правилах может идти речь, если, как представляется, категория «правовой режим» шире категории «правила охраны окружающей среды и природопользования» ООПТ? Ответ на этот вопрос можно найти в подзаконных актах. Так, в одном из приказов Росприроднадзора от 14.06.2007 г. №165 (документ опубликован не был – цит. по СПС

«КонсультантПлюс») уточняется, что нарушение режима – это нарушение требований, содержащихся в соответствующих положениях о каждой ООПТ (напомним, что в отношении каждой конкретной ООПТ принимается положение). Что же касается «нарушения иных правил», то в приказе под ними понимается требования, которые хоть и непосредственно не нарушают правовой режим, указанный в положениях, но нарушают требования, закрепленные в иных нормативных документах. Например, в Правилах пожарной безопасности в лесах РФ.

3. Административно-правовая и уголовно-правовая охрана особо охраняемых водных объектов

Юридическая ответственность установлена за загрязнение водных объектов, отнесенных к особо охраняемым. Норма закреплена в ч. 5 ст. 8.13 КоАП РФ. К предметам посягательств эта статья причисляет также природные лечебные ресурсы, места туризма, спорта и массового отдыха. Указанные формулировки вызывают вопросы и требуют уточнений. Во-первых, что законодатель подразумевает под особо охраняемыми водными объектами? Ответ мы находим в Водном кодексе РФ, где о них говорится либо как о водных объектах (или) их частей, отнесенных к ООПТ, либо отнесенных к объектам культурного наследия. Во-вторых, природные лечебные ресурсы являются основой и условием создания и функционирования курортов. Их открытый перечень содержится в курортном законодательстве. В-третьих, что понимается под «местами туризма», также обозначенными как предмет посягательств? Легального определения таких территорий нет. Мы можем обнаружить лишь «туристские маршруты» как направление (путь) следования туристов (групп туристов), «туристские дестинации» как некие территории, вплоть до объявления дестинации целой страны, где осуществляется туристская деятельность. Полагаем, что это слишком широко для применения исследуемой нормы КоАП. Далее через запятую обозначены «места спорта и массового отдыха», причем в некоторых случаях в законодательстве эти два словосочетания также употребляются через запятую. Учитывая, что предметом посягательств являются водные объекты, в данном случае речь должна идти как о загрязнении акватории, так и о загрязнении прилегающих территорий (береговой линии, водоохраной зоны, прибрежных защитных полос), тем более, что Водный кодекс РФ в ст. 50 говорит об использовании, в том числе, пляжей в рекреационных целях, включая туризм, физкультуру, спорт и отдых. Правила использования водных объектов для указанных целей, согласно все той же 50 ст. ВК РФ, устанавливают органы местного самоуправления. Для квалификации загрязнения и (или) засорения (например, отходами) указанных территорий необходимо знать их границы. Как они определяются? Если это курорт, то с дореволюционных времен вдоль так называемых «морских купаний» создавались зоны санитарной охраны. Более того, по нынешнему законодательству у нас нет как таковых морских курортов. Есть курорты климатические, в том числе, и приморские, которые нас и интересуют. При этом не ясно, что кроме лечебного климата является предметом охраны.

Отметим, что в современной России территория признается курортом на основе решения уполномоченного органа. До недавнего времени такие решения оформлялись постановлениями Правительства РФ. Ныне, в связи с изменениями курортного законодательства, уполномоченный орган (читай – Минздрав РФ) определяет границы курортов. Традиционно в отношении курортов,

не имеющих в своей основе природных лечебных ресурсов (подземных минеральных вод, грязей), устанавливаются округа санитарной охраны. Их внешняя граница и должна считаться границей курорта. Ранее действовавшее курортное законодательство для лечебных пляжей определяло ширину 1-ой зоны от 100 до 300 м. Новое курортное законодательство в отношении климатических курортов вообще не предусматривает выделение зон санитарной охраны. То есть в отношении лечебных пляжей курортов федерального значения не устанавливается ширина санитарной зоны. Здесь на помощь может прийти Водный кодекс РФ. В частности, согласно п. 8 ст. 65 ВК РФ ширина водоохраной зоны моря должна составлять 500 м. Видимо, при отсутствии специальных норм в курортном законодательстве правоприменители должны ориентироваться на общие нормы ВК РФ. Однако существует и ст. 8.42 КоАП РФ, охраняющая как раз водоохранные зоны. То есть наличие конкуренция норм.

Как уже отмечалось, в диспозиции ч. 5 ст. 8.13 КоАП РФ говорится о загрязнении водных объектов, содержащих природные лечебные ресурсы, т.е. объективная сторона деликта обозначена как «загрязнение». Однако далее указано еще несколько способов загрязнения, а именно отходами производства и потребления и захоронение вредных веществ и (или) материалов в водных объектах. С точки зрения водного законодательства этот способ воздействия на водные объекты именуется засорением, что означает попадание в водный объект нерастворимых предметов. Однако негативное воздействие, влияющее на состояние водных объектов, может проявляться не только в виде их загрязнений и засорений, но и их истощения. Истощение запасов природных лечебных ресурсов – очень опасное явление. Причины могут быть разными: от вырубки лесов, неэффективной добычи подземных минеральных вод, неконтролируемого излива вод при отсутствии надлежащих каптажей до обрушения грунта при многоэтажном строительстве и, как результат, порчи месторождения или порчи места выхода подземных вод на поверхность. Кроме того, если месторождения подземных минеральных вод расположены (точнее, формируются) на территории нескольких субъектов РФ (эколого-курортный регион КМВ), добыча этих вод может осуществляться, в том числе, в определенных субъектах (КЧР, КБР), в результате чего могут истощаться источники самих КМВ, большинство из которых выходят естественным путем на поверхность именно там и где осуществляется их массовое использование, включая промышленный розлив.

Приведем еще один пример. Речь пойдет о поверхностном водном объекте, обладающим природным лечебным ресурсом – лечебными грязями. Это озеро Тамбукан, только в 2024 г. ставшее ООПТ федерального значения (заказником), а до этого времени разделенное пополам между Ставропольским краем и Республикой Кабардино-Балкарией. Здесь проблема как раз не в истощении в смысле уменьшения количества воды в водном объекте, а как раз наоборот, в увеличении количества воды, что ведет к снижению минерализации и, соответственно, к потере лечебных свойств. И хотя этот процесс до конца не изучен, мы находим ряд примеров нарушений требований законодательства, возможно, способствующих развитию этой негативной ситуации. Например, в бесконтрольной застройке берега озера. Рядом с озером находятся сельскохозяйственные угодья, при обработке которых используются удобрения

и ядохимикаты, смываемые в него. Озеро состоит из двух частей, пересекаемых федеральной трассой, что также приводит к его загрязнению (кстати, перелив воды произошел под шоссейным полотном). Однако все эти негативные воздействия остаются безнаказанными. Действительно, кого тут можно наказать? Однако поставленные вопросы требуют незамедлительного разрешения, в том числе, и посредством установления мер юридической ответственности. Следовательно, этой нормы ч. 5 ст. 8.13 КоАП РФ недостаточно для их защиты.

Статье 8.13 корреспондируют несколько статей УК РФ. Так, ч. 2 ст. 250 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за негативное воздействие на водные объекты. Квалифицирующие признаки: существенный вред животному и растительности миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству. При этом понятие и признаки существенного вреда отсутствуют. Пункт 2 ст. 250 распространяет указанные деяния на территории заповедников и заказников. Отметим, что, во-первых, создается конкуренция норм (ст. 250 и ст. 262 УК РФ), во-вторых, названы лишь два вида ООПТ (видимо законодатель предполагал, что иные ООПТ не создаются в отношении водных объектов, хотя известны случаи объявления памятниками природы озер). Статья 252 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за загрязнение морской среды. Здесь в качестве места совершения преступления названы зоны отдыха, а в качестве разграничения с административной ответственностью называется существенный вред здоровью человека либо водным биоресурсам.

4. Административно-правовая и уголовно-правовая охрана особо охраняемых лесных участков

Необходимо назвать еще несколько норм КоАП РФ, направленных на охрану растительности. Так, ч. 3 ст. 8.31 в качестве предмета охраны называет защитные леса, особо защитные участки лесов, а также лесопарковые зеленые пояса. Причем, состав указанных участков достаточно обширный и включает в себя около тридцати их видов, начиная с лесов, произрастающих на землях ООПТ. При этом перечень является открытым. Объект правонарушения – общественные санитарные отношения, базирующиеся на Правилах санитарной безопасности в лесах, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 09.12.2020 г. №2047. Способы совершения правонарушения – все виды загрязнений (химическое, радиоактивное, сточными водами и т.д.). В качестве вида негативного воздействия названо загрязнение отходами производства и потребления, что создает конкуренцию с ч. 3 ст. 8.2 КоАП РФ и ч. 3.1. той же статьи.

Еще одна статья 8.5.2. КоАП РФ устанавливает ответственность за сокрытие или недостоверность информации о санитарной обстановке, в т.ч. особо охраняемых лесных участков. Здесь в качестве субъекта правонарушения выступают должностные лица уполномоченных органов.

Определенная конкуренция возникает со ст. 261 УК РФ, где в ч. 3 говорится об уничтожении либо повреждении лесов путем различного рода загрязнений. Причем как в цитируемой статье, так и в ст. 8.31, законодатель ничего не говорит о размере ущерба. Однако последствия все-таки предусмотрены. Если КоАП РФ гласит о нарушении правил (вредные последствия при таком поведении могут наступить, а могут и не наступить), то в УК РФ речь идет об уничтожении или повреждении лесных участков. И если с «уничтожением» есть определенная ясность, то «повреждение» Верховный

Суд РФ трактует как деградацию лесной растительности на некоторых участках. И снова нет четких критериев степени деградации, что, соответственно, создает неопределенность в квалификации деяния.

Если в ст. 261 УК РФ формой вины будет умысел, то ст. 8.31 называет нарушение правил (оно может быть как умышленным, так и неосторожным).

Цитируемая 261 ст. УК РФ конкурирует со ст. 8.32 КоАП РФ. Речь идет о нарушении правил пожарной безопасности в лесах. В обеих статьях формами вины могут быть как неосторожность, так и умысел. Квалифицирующий признак в ст. 8.32 КоАП РФ – совершение деликта в отношении лесопаркового зеленого пояса. Последствия по ст. 8.32 – возникновение лесного пожара, если эти последствия не подпадают под действие УК РФ. Что же касается признаков преступления по ст. 261 УК, то они сводятся к следующим критериям: уничтожение или повреждение лесных насаждений даже при неосторожном обращении с огнем на сумму в 10 тыс. руб. (значительный ущерб); умышленный поджог – независимо от размеров ущерба; крупный ущерб – 50 тыс. руб. То есть, по сути, в большинстве случаев речь может идти об уголовной ответственности.

Статья 8.12 КоАП называет сразу три предмета противоправного посягательства: земельные участки, леса и ключевое определение места совершения деликта – водоохранные зоны. Их правовой режим установлен в ст. 65 ВК РФ.

5. Административно-правовая и уголовно-правовая охрана объектов животного мира

Наибольшее число составов – как административных деликтов, так и преступлений – посвящено охране животного мира, включая водные биологические ресурсы, а также местам обитания животных. В отношении объектов животного мира особая охрана устанавливается по поводу редких и исчезающих видов, а также их ценных пород. Основной способ их охраны – занесение этих видов животных в Красные книги РФ и субъектов РФ. Квалифицирующими признаками являются и места совершения правонарушений, представленных ООПТ. Глава 8 КоАП и 26 УК РФ содержат целый ряд конкурирующих составов, что до определенного времени играло «на руку» правоприменительным органам. Из-за существенной разницы в сроках возбуждения производства по делу и процедурах рассмотрения дел уполномоченные органы при «столкновении» составов применяли меры административной ответственности, чтобы виновные не «ушли» от ответственности.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась. Этому способствовала также позиция Верховного Суда РФ. Так, ч. 1 ст. 8.35 КоАП РФ говорит об уничтожении, в том числе животных, занесенных в Красную книгу РФ. Часть 1 ст. 258.1 УК РФ уголовно наказуемым признает, в том числе, незаконную добычу животных, занесенных в Красную книгу РФ. То есть можно говорить о практически совпадающих составах правонарушений. И в той, и в другой статье речь идет «об уничтожении» животных, занесенных в Красную книгу. Однако ч. 5 п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ указывает, что по ст. 8.35 КоАП РФ следует понимать изъятие таких животных из среды обитания без их уничтожения. Причем постановление Пленума датируется 2012 г., ст. 258.1 УК РФ была введена в 2013 г., а последняя редакция ст. 8.35 КоАП РФ была принята в 2023 году. То есть у законодателя была возможность устранить коллизию, но это не было сделано.

Назовем лишь несколько особо охраняемых территорий, чей правовой режим не имеет комплексной юридической защиты – курорты и территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов, рекреационные зоны. Ни в КоАП РФ, ни в УК РФ они даже не упомянуты.

Результаты. Проведенный анализ дает возможность сделать определенные выводы, касающиеся правовой защиты основных видов особо охраняемых территорий и объектов. Отметим, что законодатель предпринимает попытки оградить значительное число таких объектов от противоправных посягательств путем установления мер юридической ответственности (административной и уголовной). Однако, как показало исследование, этот институт страдает рядом недостатков.

Можно констатировать, что не все особо охраняемые территории в целом юридически защищены. Так, с 2014 г. утратили статус охраняемых мерами административной и уголовной ответственности курорты. Как отмечается в норме, административно-охраняемыми ч. 5 ст. 8.13 КоАП РФ признаны природные лечебные ресурсы, которые являются основой курортного лечения. Но, во-первых, в ней речь идет лишь об их загрязнении. Как минимум, норма должна быть дополнена указанием на их истощение. Во-вторых, курорты – это не только природные лечебные ресурсы. Они представляют собой сложный эколого-социальный комплекс. Каждый природный ресурс играет позитивную роль в поддержании благополучия курортов. Так, леса, в том числе горные, обеспечивают гидрологический режим подземных минеральных вод, а их, по крайней мере, на территории КМВ вырубают. Причем, делают это ле-

гально, внося соответствующие нормы в генеральные планы городов-курортов, и никто не несет юридической ответственности! Атмосферный воздух, а точнее его качество, влияет на здоровье, в данном случае, посетителей курортов. Например, Кисловодск является не только бальнеологическим, но и климатическим курортом, а для курортов КМВ до сих пор не ужесточены нормативы предельно допустимых концентраций вредных веществ в атмосфере, до сих пор не запрещен въезд иногороднего транспорта в Кисловодск. Если брать социально-экономическую составляющую, то следует отметить, что нарушены все требования, касающиеся экологической емкости городов-курортов, идет их неконтролируемая застройка. Примеры можно приводить долго, в связи с чем наше предложение сводится к следующему: как минимум дополнить ст. 8.39 КоАП РФ и ст. 262 УК РФ, включив в них указания на курорты как объекты охраны.

Охранительное законодательство изобилует неточностями формулировок, не позволяющими однозначно трактовать противоправное поведение; использованием терминов и понятий, отсутствующих в базовых нормативных актах экологического и связанного с ним законодательства (например, «места туризма»).

Еще один недостаток – конкуренция норм. Причем, нормы конкурируют как «внутри» КоАП РФ и УК РФ, так и между КоАП и УК.

Ликвидация указанных недостатков должна привести к повышению эффективности в деле совершенствования правовой защиты особо охраняемых территорий и объектов.

Литература

1. Бринчук М. М. Экологическое право: учебник // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/brinchuk_mm_ekologicheskoe_pravo/ (дата обращения: 15.01.2025).
2. Голиченков А. К. Экологическое право России: словарь юридических терминов: учебное пособие для вузов. М.: Городец, 2008. 272 с.
3. Земельное право: учебник / отв. ред. Н. П. Воронина, О. А. Романова. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. 433 с.
4. Изъюров Е. Ю., Огородова Л. Я. Правовые вопросы создания и развития особо охраняемых природных территорий местного значения // Экологическое право. 2015. № 6. С. 22–27.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (дата обращения: 15.01.2025).

References:

1. Brinchuk MM. Environmental law: textbook. SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/brinchuk_mm_ekologicheskoe_pravo/ (accessed: 15.01.2025). (In Russ.).
2. Golichenkov AK. Environmental law of Russia: dictionary of legal terms: a textbook for universities. Moscow: Gorodets, 2008. 272 p. (In Russ.).
3. Land Law: textbook / ed. by NP Voronin, OA Romanov. Moscow: OE Kutafin University Publishing Center (MGUA), 2023. 433 p. (In Russ.).
4. Vyzyurov EYu, Ogorodova LYa. Legal issues of creation and development of specially protected natural territories of local importance // *Jekologicheskoe pravo*. 2015;6:22–27. (In Russ.).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 21 dated 18.10.2012 (as amended on 15.12.2022) «On the application by Courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management». SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (accessed: 15.01.2025). (In Russ.).

Научная статья
 УДК 342.951:351.82
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.18>

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Павел Андреевич Шетогубов

Саратовская государственная юридическая академия (д. 104, стр. 1, ул. Н. Г. Чернышевского, Саратов, 410056, Российская Федерация)
 Соискатель
shetogyboff@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-3002-6366>

Аннотация. Введение. Работа посвящена анализу отдельных вопросов правового регулирования административной ответственности за правонарушения в области противодействия экстремизму. Отталкиваясь от авторского понимания данных категорий, в статье предпринимается попытка построения классификации составов административных правонарушений экстремистской направленности. Анализируя полученную совокупность норм об административных правонарушениях, автор фокусируется на части составов, родовым объектом которых выступает общественный порядок и общественная безопасность. **Материалы и методы.** Применение методов формально-правового анализа вкпе с обращением к позициям исследователей административной ответственности за правонарушения в области противодействия экстремизму позволило прийти к выводу о целесообразности пересмотра отдельных законодательных положений о порядке применения и объема административной ответственности в рассматриваемой сфере общественных отношений. **Анализ.** Рассмотрены нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающие ряд составов административных правонарушений экстремистской направленности. Критический взгляд автора на применяемые меры административного принуждения вкпе с учетом современных реалий, в которых государственная политика по консолидации общества вокруг национальной идеи перед лицом сложной совокупности внешних и внутренних вызовов позволил сделать вывод о целесообразности ужесточения

административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности, пересмотра отдельных положений об административных наказаниях. Несмотря на правоограничительный характер данных предложений, автором обосновывается их целесообразность в условиях растущего ввиду развития средств связи потока информации, недобросовестное использование которого способно создать угрозу национальной безопасности. **Результаты.** Предлагаемые автором меры направлены на повышение эффективности механизма административной ответственности с точки зрения его соответствия принципу соразмерности и эффективности в борьбе с проявлениями экстремизма.

Ключевые слова: административная ответственность, экстремизм, экстремистская деятельность, административный штраф, административное приостановление деятельности, блогеры

Для цитирования: Шетогубов П. А. О некоторых вопросах административной ответственности за правонарушения в области противодействия экстремистской деятельности // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 313–320. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.18>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 14.05.2025.

Статья принята к публикации: 15.06.2025.

Research article

ON SOME ISSUES OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR OFFENSES IN COUNTER EXTREMISM ACTIVITIES

Pavel A. Shetogubov

Saratov State Law Academy (104/1, N.G. Chernyshevsky St., Saratov, 410056, Russian Federation)
 Applicant
shetogyboff@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-3002-6366>

Abstract. Introduction. The work is devoted to the analysis of certain issues of legal regulation of administrative liability for offenses in the field of countering extremism. Based on the author's understanding of these categories, the article attempts to construct a classification of administrative offenses of extremist nature. Analyzing the resulting set of rules on administrative offenses, the author focuses on part of the compositions, the generic object of which is public order and public safety. **Materials and methods.** The use of methods of formal legal analysis, coupled with an appeal to the positions of researchers of administrative responsibility for offenses in the field of countering extremism, made it possible to come to the conclusion that it is advisable to revise certain legislative provisions on the procedure for applying and the scope of administrative responsibility in the area of public relations under consideration. **Analysis.** The

norms of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses are considered, establishing a number of elements of administrative offenses of an extremist nature. The author's critical view of the applied administrative coercion measures, coupled with modern realities, in which state policy to consolidate society around the national idea in the face of a complex set of external and internal challenges, allowed us to conclude that it is advisable to tighten administrative liability for extremist offenses and revise certain provisions on administrative punishments. Despite the legal restrictive nature of these proposals, the author justifies their expediency in the context of the growing flow of information due to the development of communications, the unfair use of which can create a threat to national security. **Results.** The measures proposed by the author are aimed at increasing the effectiveness of the mechanism of administrative responsibility in

© Шетогубов П. А., 2025

terms of its compliance with the principle of proportionality and effectiveness in the fight against manifestations of extremism.

Keywords: administrative responsibility, extremism, extremist activity, administrative fine, administrative suspension of activities, bloggers

For citation: Shetogubov PA. On some issues of administrative liability for offenses in counter extremism activities. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 313-320.

Введение. Экстремистская деятельность, представляя собой противоправную деятельность физических лиц, организаций, их объединений, основанная на радикальных идеях и взглядах и выраженная в применении насилия или в оправдании его применения в целях причинения существенного вреда основам конституционного строя и межличностных отношений, осуществления посягательств на государственные и общественные устои, относится к опаснейшим общественным явлениям, неся в себе совокупность рисков политического, идеологического и социально-экономического характера. Объединяя в себе основанную на насилии идеологию и насилие в целях идеологии, проявления экстремизма наносят колоссальный ущерб устойчивости институтов власти, размывая межэтническое и межконфессиональное согласие, ставят под угрозу территориальную целостность, в совокупность прямо посягая на устойчивость национальной безопасности.

Названные факторы, тем более актуальные в эпоху внешних вызовов, с которыми сталкивается сегодня Российское государство, требуют административно-правовых способов противодействия экстремизму, среди которых ключевую роль играет административная ответственность.

Административную ответственность за правонарушения в области противодействия экстремистской деятельности можно определить как вид юридической ответственности, установленный Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [7] (далее – КоАП РФ), заключающийся в применении судами к лицам, виновным в совершении административного правонарушения экстремистской направленности, административных наказаний, влекущих для правонарушителей наступление негативных последствий личного или имущественного характера.

Принимая во внимание авторский подход к определению административной ответственности за правонарушения в области противодействия экстремистской деятельности, необходимо определить круг административных правонарушений соответствующей (экстремистской) направленности, ответственность за совершение которых предусмотрена действующим КоАП РФ. Классификационным критерием для формирования соответствующей группы правонарушений в данном случае выступает релевантность деяний с распространением в любой форме радикальных идей и взглядов посредством применения насилия или оправдания его применения в целях причинения существенного вреда основам конституционного строя и межличностных отношений, осуществления посягательств на государственные и общественные устои. Следуя данной логике, можно выделить 8 составов административных правонарушений, сосредоточенных в главах 13 и 20, объединенных, соответственно, такими родовыми объектами административного правонарушения, как общественные отношения в области связи и информации, а также и общественный порядок и общественная безопасность.

(In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.18>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.02.2025.

The article was approved after reviewing: 14.05.2025.

The article was accepted for publication: 15.06.2025.

1. статья 13.15. Злоупотребление свободой массовой информации (ч. 2, 4, 4.1, 6);

2. статья 13.37. Распространение владельцем аудиовизуального сервиса информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалов, публично оправдывающих терроризм, или других материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

3. статья 13.41. Нарушение порядка ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, и (или) порядка удаления указанной информации (ч. 3, 4);

4. статья 20.3. Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ч. 1, 2);

5. статья 20.3.1. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства;

6. статья 20.3.2. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации;

7. статья 20.3.3. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации;

8. статья 20.3.4. Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц;

9. статья 20.29. Производство и распространение экстремистских материалов.

Выбранная совокупность составов административных правонарушений представлена в том же порядке, в котором отражена в КоАП РФ, однако их содержательный анализ в контексте рассматриваемой темы предлагается проводить, отталкиваясь от их объективной стороны и соотношения между собой, что выстроит их в иной последовательности. Как было отмечено, родовым объектом части нарушений выступает общественный порядок и общественная безопасность (пп. 4–8 вышеуказанного списка), остальные посягают на общественные отношения в области связи и информации (пп. 1–3). Субъектами каждой из этих двух групп нарушений выступают граждане, должностные и юридиче-

ские лица. Вместе с этим, первая категория, на первый взгляд, содержательно тяготеет к распространению и популяризации в различных формах личных убеждений, связанных с экстремистской деятельностью, тогда как вторая тяготеет именно к широкому тиражированию убеждений, которые могут принадлежать третьим лицам (в частности, если речь идет о средствах массовой информации). В то же время, такое разграничение едва ли можно признать состоятельным, прежде всего ввиду того, что в масштабы современной информатизации вкупе с доступностью для населения информационных технологий приводят к фактическому размыванию грани между автором той или иной идеи и средством массовой информации – явление блогинга приводит к объединению таких субъектов в одном лице. В связи с этим Е.П. Быков справедливо отмечает, что «экстремистская деятельность окончательно «сместилась» из зоны объективной действительности в область виртуальной реальности» [3, С. 13]. В настоящей работе хотелось бы остановиться на анализе составов административных правонарушений, родовым объектом которых выступает общественный порядок и общественная безопасность (пп. 4–8 перечня).

Материалы и методы. Исследование основано на сочетании методов формально-правового анализа и рассмотрения позиций исследователей в области административного права относительно проявлений экстремизма. Обращение к научной литературе вкупе с критическим взглядом на правоприменительную практику позволило автору сделать ряд выводов в отношении существующего механизма административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности.

Анализ. Говоря об общей характеристике административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности, следует отметить сравнительно новые составы, установленные ст.ст. 20.3.2, 20.3.3, 20.3.4. Реалии обострившегося после 2022 года геополитического давления на Российскую Федерацию, нашедшие выражение, помимо прочего, в агрессивной информационной войне против российской государственности, предопределили оправданное внимание законодателя к антироссийской риторике, звучащей не только извне, но и изнутри, что явно нацелено на подрыв доверия населения к институтам публичной власти, а потому должно подвергаться особой правовой оценке (по сравнению, к примеру, с традиционной, давно установленной уголовной ответственностью за оскорбление представителя власти, установленной ст. 319 УК РФ).

Начать рассмотрение представленной совокупности составов административных правонарушений в области противодействия экстремистской деятельности предлагается со статьи 20.3.1, устанавливающей ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, которая, несмотря на отсутствие явного указания на экстремистскую деятельность, закономерно относится исследователями к типичным правонарушениям соответствующей направленности [13, 2, 3]. С этим трудно не согласиться ввиду того, что характеристика объективной стороны правонарушения как «действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенных публично, в том

числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния», так или иначе связывает данное нарушение с радикальными идеями и взглядами, которые находят выражение в применении насилия или оправдании его применения. Нацеленность правонарушения на причинение существенного вреда основам конституционного строя и государственным устоям может не носить явный характер, однако несомненным кажется значительный вред, причиняемый межличностным отношениям и общественным устоям, что в совокупности логически встраивает указанный состав в число административных правонарушений экстремистской направленности. Более того, широкое описание объективной стороны, при буквальном, расширительном толковании позволяет говорить о релевантности ее признаков ко всем остальным восьми правонарушениям, перечисленным выше, что делает состав, установленный ст. 20.3.1 своеобразным генеральным деликтом в ряду административных правонарушений в области противодействия экстремизму.

Характерной особенностью данного административного правонарушения является закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [17] ответственности за аналогичное деяние в случае привлечения к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ в течение одного года, что являет собой типичный пример административной преюдиции (ст. 282 УК РФ). В то время, как ст. 282 УК РФ устанавливает во второй части квалифицированный состав, предусматривающий более строгую ответственность (за совершение преступления с применением насилия или с угрозой его применения; лицом с использованием своего служебного положения; организованной группой), состав по ч. 1 отличает от ст. 20.3.1 КоАП РФ сугубо количественный признак в виде численности совершенных деяний. Данная корреляция заставляет вернуться к дискуссии относительно наличия у административных правонарушений признака общественной опасности либо же общественной вредности. Представляется, что рассмотрение данного вопроса в контексте сферы противодействия экстремистской деятельности выглядит особенно сложным ввиду очевидной и безоговорочной опасности экстремизма для общества и государства. Бесспорным выглядит тезис Б.В. Россинского, который отметил, что рассматриваемое административное правонарушение, как и ряд других, снижает общественную безопасность в стране. Следуя этой логике, ученый делает вывод, что как федеральное, так и региональное законодательство России об административных правонарушениях содержит нормы, устанавливающие опасные для государства и общества деяния, что позволяет считать административные правонарушения общественно опасными деяниями [15, С. 39]. Вместе с тем, как было отмечено, простой арифметический расчет (по числу признаку однократности привлечения к ответственности за одно и то же деяние) не должен содержательно уравнивать административные правонарушения и преступления даже на примере такого деяния, как возбуждение ненависти или вражды. Критикуя такое количественное разграничение, В.М. Манохин и Ю.С. Адушкин справедливо указывали, что степень вредности преступлений такова, что создает иное, новое качество в виде общественной опасности, однако применение такого атрибута к административным правонарушениям

ставит вопрос о границах данного понятия, рискуя охватывать перечень нарушений от загрязнения тротуара до шпионажа [1, С. 54–55]. В связи с этим представляется более убедительной позиция саратовской школы административного права относительно характерного административной ответственности признака общественной вредности административного правонарушения, учитывая установленные положениями КоАП РФ отсылки к общественно-вредным последствиям таких нарушений.

Признавая оправданность более строгой ответственности за возбуждение ненависти или вражды в рамках административной преюдиции, следует отметить по-прежнему нерешенный вопрос относительно нормативного закрепления признака общественной вредности административных правонарушений в КоАП РФ, решение которого следует признать одной из актуальных задач реформирования современного законодательства об административной ответственности. Наиболее рациональным решением данного вопроса выглядит прямое указание на соответствующий признак в общих положениях кодекса.

Исследователями также отмечается излишнее, создающее риск смещения, сходство между совершением правонарушения по ст. 20.3.1 КоАП в форме действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды по признаку отношения к религии и ст. 5.26 КоАП РФ в форме умышленного публичного осквернения религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчи или уничтожения [13, С. 53]. Вместе с этим ответственность по ст. 20.3.1 наступает за возбуждение ненависти либо вражды по признаку отношения к религии физического лица либо группы лиц, а по ст. 5.27 КоАП РФ – за надругательство над объектами религиозного почитания, которое, в свою очередь, может провоцировать вражду между различными социальными группами, объективно сосуществующими на фоне конституционного постулата о свободе совести и религиозных убеждений. Так, в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации указывается, что «при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, подлежит установлению умысел лица на публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики» [9]. При этом следует отметить важность индивидуальной квалификации правонарушения с учетом всех обстоятельств дела в каждом конкретном случае ввиду того, что исчерпывающе закрепить перечень религиозных атрибутов, а там более предусмотреть список возможных способов их осквернения очевидно невозможно. Несомненна релевантность ст. 20.3.1 к правонарушениям экстремистской направленности, так как разжигание вражды посредством радикальных взглядов может осуществляться и через оскорбление чувств верующих. Приемлемые для одной социальной группы высказывания могут быть неуместным и оскорбительным глумлением для других, что можно рассматривать высказывание крайних идей и взглядов, в противовес с теми, что сакральны для части населения, исповедующей ту или иную религию. Как и везде, абсолютизация прав тут недопустима, а золотое правило нравственности проявляется наиболее ярко и показательно.

Ст. 20.3 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смещения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Этой же статьей установлен еще один состав, подразумевающий ответственность за изготовление или сбыт, либо приобретение в целях сбыта соответствующей атрибутики и символики. Данные составы также характеризуются административной преюдицией, имея аналогичный состав в ст. 282.4 УК РФ. В то же время обращает на себя объем ответственности, в частности, для физических лиц, который представляет собой административный штраф в размере от одной до двух (либо двух с половиной) тысяч рублей. Верхняя граница размеров штрафа составляет пять тысяч рублей для должностных лиц и сто тысяч рублей для юридических лиц. Здесь примечателен акцент, что в описании состава акцент делается на такой разновидности экстремизма, как нацизм. Это выглядит оправданным ввиду чудовищного характера последствий нацистской идеологии, которые показала Великая Отечественная Война. В связи с этим пропаганда нацизма и его символов опасна не только причинением нравственных страданий ветеранам Великой Отечественной Войны или родным ее многочисленных жертв, но и риском оправдания соответствующих идей, который растет с течением времени, по мере ухода поколения ветеранов, своими глазами видевших зверства третьего рейха. В настоящее время с тревогой приходится констатировать примеры положительного отношения к нацизму, что создает риск возрождения этой губительной идеологии [20]. На фоне этого размер административного штрафа за пропаганду нацистской символики в размере тысячи рублей (или примерно двадцатая часть минимального размера оплаты труда, актуального на 2024 год [19]), согласно действующему КоАП РФ, выглядит категорически неприемлемым и требующим корректуры в пользу своего повышения.

Следует обратить внимание также на отдельные экстремистские организации, признанные таковыми сравнительно недавно, но широко распространенные в странах Запада. 30 ноября 2023 года Верховным Судом Российской Федерации удовлетворено административное исковое заявление Министерства юстиции Российской Федерации о признании международного движения ЛГБТ и его структурных подразделений экстремистскими, запретив их деятельность на территории Российской Федерации [4]. Вместе с введением в 2022 году запрета на распространение информации, пропагандирующей педофилию или способной вызвать у детей желание сменить пол данное решение стало закономерным проявлением государственной политики, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [18]. Следует отметить, что, на первый взгляд, деятельность названного движения может не показаться традиционным примером экстремистских организаций, принимая во внимание важный признак экстремизма в виде применения насилия или оправдания его применения. При этом совокупность аргументов, послуживших основой для соответствующего решения Верховного Суда Рос-

сийской Федерации, выступает достаточной для признания движения экстремистским согласно действующему российскому законодательству, однако истинная причина для такого решения усматривается в другом. Ставшее известным американской практике явление так называемой «обратной дискриминации», когда борьба за права меньшинств приводит к настолько сильному перекосу, что дает обратный эффект, нарушая права большинства, ярко проявляется и в примере с сексуальными меньшинствами, спорная борьба которых за признание ряда явлений нормальными подчас носит агрессивный характер, приводя к абсолютизации прав человека, которая проявляется в искажении естественной природы человека и размытии семейно-нравственных ценностей. Скептически оценивая краткосрочный риск насаждения подобных настроений в российском обществе, нельзя не отметить потенциал подобных идей в искусственном создании нестабильности в обществе, совершения правонарушений. В долгосрочной же перспективе возможно размытие традиционных российских ценностей, имеющих принципиальное значение для устойчивости Российского государства, основой и основным источником власти в котором является многонациональный, многоконфессиональный народ, ценностное объединение которого объективно выступает важной задачей правовой политики.

Статья 20.3.2 КоАП РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации с квалифицированным составом за совершение с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») и также характеризуется наличием «родственного» состава в ст. 280.1 УК РФ и применяемого в порядке административной преюдиции.

В данном случае можно видеть совершенно иной подход законодателя к определению объема санкций – минимальный размер административного штрафа для физических лиц здесь составляет уже порядка полутора МРОТ, достигая тридцати тысяч рублей и вплоть до шестидесяти тысяч и от семидесяти до ста тысяч в случае применения квалифицированного состава правонарушения. Для юридических лиц размер административного штрафа может достигать трехсот и пятисот тысяч рублей соответственно. Ощутимый размер штрафных санкций выглядит закономерным ввиду значительной площади территорий России вкпе с высказываемыми геополитическими конкурентами заявлениями по поводу отдельных приграничных территорий и попыток оспорить их принадлежность России. Следует отметить, что ст. 280.1 УК РФ была введена в 2013 году, а ст. 20.3.2 КоАП РФ – в 2020 году. В сегодняшних реалиях актуальность государственного пресечения любого рода призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации, как видится, значительно возросла, в связи с чем имеющийся меры административного наказания, предусмотренные ст. 20.3.2 КоАП РФ, могут не всегда отвечать принципу соразмерности административной ответственности. Это особенно релевантно для юридических лиц, в отношении которых даже административный штраф в размере пятисот тысяч рублей не всегда может являться действенной мерой наказания, в связи с чем диапазон размера санкции в данном случае предлагается расширить путем повышения верхней границы.

Ст. 20.3.3 предусматривает административную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, либо на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации. Квалифицированный состав конкретизирует объективную сторону правонарушения, указывая на совершение посредством призывов к проведению несанкционированных публичных мероприятий, а равно наличие угрозы причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. Данная статья была введена в марте 2022 года, в декабре того же года ее дополнила аналогичная ст. 280.3 УК РФ, применяющаяся в порядке административной преюдиции.

Принципиальным при квалификации выступает признак публичности действий, оценочность которого неизбежна и подлежит установлению в каждом конкретном случае на основе общеправовых положений, нашедших отражение, в частности, в определениях Конституционного Суда Российской Федерации [10, 11]. Следует согласиться с Д.В. Осинцевым, что принципиальным в данном случае будет воспроизведение информации в негативном ключе, даже если сведения носят достоверный характер либо характеризуются неопределенной точностью или вовсе не подлежат проверке. Решающее значение имеет проявление отрицательной установки, а не только фонетические, синтаксические и семантические способы доведения информации [12, С. 364].

Особую сложность в соразмерном и эффективном применении административной ответственности в данном случае имеет присущая информационному обществу возможность каждого, обладающего необходимыми риторическими навыками и минимальным набором технических средств, оказывать влияние на общественное мнение. Не обладая статусом средства массовой информации, человек может собрать на условном видеохостинге в сети Интернет многомиллионную аудиторию, что ставит вопрос о правовой оценке деяний, совершенных по ст. 20.3.3 КоАП РФ не в присутствии, к примеру, десяти человек в очной форме (что тоже образует признак публичности), а в отношении неопределенного круга лиц, число которых может расти в геометрической прогрессии. С одной стороны, это указывает на принципиально иные масштабы общественной вредности административного правонарушения, а с другой – ставит вопрос о соразмерности административного наказания для физических лиц, составляющего пятьдесят или сто тысяч рублей соответственно. Безусловно,

размер такого наказания применительно к среднестатистическому гражданину выглядит адекватным, однако в настоящее время стало очевидным, что успешное ведение видеоблога стало высокооплачиваемой деятельностью за счет участия рекламодателей [16].

С этой точки зрения крайне сомнительна эффективность административного штрафа, который, с одной стороны, может расцениваться недобросовестным блогером как плата за право вещать за рамками сознательной гражданской позиции, а с другой – создает риск дополнительного интереса со стороны лояльной аудитории. Учитывая характер антиобщественного злоупотребления свободой слова, которое создает угрозу устойчивости институтов государственной власти, более действенным средством в данном случае представляется ограничение свободы слова, которое должно гибко применяться судом с учетом личности правонарушителя и его способности оказывать влияние на общественное мнение. В этом контексте привлекает внимание такая мера административного наказания, как административное приостановление деятельности. Данная мера применяется к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридическим лицам, их филиалам, представительствам, структурным подразделениям, производственным участкам, что делает сомнительным применение к недобросовестным блогерам. В то же время, указание на применение данной меры к административным правонарушениям в области общественного порядка и общественной безопасности, а также посягающим на общественную нравственность выглядит вполне релевантным к рассматриваемому вопросу, что, вкупе с карательным потенциалом данной нормы, способно более эффективно повлиять на отдельные категории правонарушителей, чем административный штраф. Принимая во внимание продолжающуюся дискуссию относительно целесообразности установления правового статуса блогеров, явно указывающую на наличие множества пока нерешенных правовых вопросов в данной сфере вкупе с объективными рисками на фоне показанных изъянов в административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ предлагается отнести к субъектам, в отношении которых применяется административное приостановление деятельности, физических лиц, что позволит судам в исключительных случаях применять данную меру в отношении недобросовестных блогеров, с учетом уровня их влияния на общественное мнение.

Ст. 20.3.4 устанавливает административную ответственность за призывы к осуществлению иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза мер ограничительного характера, выражающихся во введении или в продлении политических или экономических санкций в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц, совершенные гражданином Российской Федерации и (или) российским юридическим лицом. Данное нару-

шение также фигурирует в ст. 284.2 УК РФ, применяемой в порядке административной преюдиции.

Рассматриваемое правонарушение представляется крайним проявлением антигосударственного экстремизма, учитывая современные условия гибридной войны, развязанной против России рядом западных государств. Под гибридной войной в данном случае понимается не только вооруженное столкновение, но и многочисленные агрессивные действия в информационном пространстве, а также экономические и социокультурные рестрикции, которые называют санкциями. Следует отметить, что данный термин сложно трактовать в качестве правового, учитывая, что здесь не идет речи о структурном элементе нормы, за нарушение которой наступает ответственность, так называемые «санкции» являют собой инструмент давления, оказываемого по политическим мотивам. Вместе с тем приходится констатировать становление данного термина как в обществе, так и в отечественном законодательстве, как можно видеть на примере ст. 20.3.4 КоАП РФ. Степень общественной вредности данного правонарушения выглядит максимально высокой, содержательно приближая к такому составу преступления, как государственная измена (ст. 275 УК РФ) с той принципиальной разницей, что под государственной изменой, помимо прочего, понимается переход на сторону противника в вооруженном конфликте. Современные реалии информационного общества, как отмечено, предоставляют широкое многообразие способов негативного межгосударственного воздействия, помимо вооруженного столкновения. Не углубляясь с дискуссию относительно формулировок ст. 275 УК РФ, отметим предельные размеры административного штрафа по ст. 20.3.4 КоАП РФ, составляющие тридцать, двести и пятьсот тысяч рублей для граждан, должностных и юридических лиц соответственно. Представленный объем штрафных санкций выглядит непропорциональным характеру посягательства на государственную безопасность, осуществляемому при совершении административного правонарушения по ст. 20.3.4 КоАП РФ, что требует коррективы в пользу их увеличения.

Результаты. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ряд составов административных правонарушений в области противодействия экстремистской деятельности, в целом, характеризуется соответствием стремительно меняющимся общественным отношениям, в которые определяющей чертой выступает широкая информатизация общества. Необходимость контроля за информацией вкупе с важностью адекватного и соразмерного реагирования уполномоченными органами власти на правонарушения экстремистской направленности требует пересмотра ряда законодательных положений об административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности в части объема штрафных санкций, а также категорий субъектов, в отношении которых применяется административное приостановление деятельности.

Литература

1. Административная ответственность в СССР / Под ред. В. М. Манохина, Ю. С. Адушкина. Саратов: Саратовский университет, 1988. 166 с.
2. Бородин В. В., Фурман В. П. Административно-правовое воздействие на лиц, подозреваемых в экстремизме // Социология и право. 2021. № 1 (51). С. 63–75.
3. Быков Е. П. К вопросу о совершенствовании института административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности в Российской Федерации // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2023. № 7. С. 13–23.

4. Ермолович Я. Н. К вопросу о признании международного общественного движения ЛГБТ экстремистской организацией // Военное право. 2024. № 2 (84). С. 92–99.
5. Захарова А. М. Правовое регулирование отношений в сфере массовой информации // Барометр экономики, управления и права. 2023. № 3 (35). С. 26–28.
6. Ким М. Н. Блоги: этапы становления и развития // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2023. Т. 14. № 1 (58). С. 86–90.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Часть 1. Статья 1. 2024. № 26. Статья 3554. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 09.01.2025).
8. Костин Д. М. Необходимость легализации деятельности блогеров в России // Научный журнал. 2023. № 1 (66). С. 12–18.
9. Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 5.26 “Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях” Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12, декабрь, 2019. URL: <https://www.consultant.ru/about/presscenter/bulletin/y2019/m12/> (дата обращения: 09.01.2025).
10. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124760/ (дата обращения: 09.01.2025).
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 665-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашапова Рафиса Рафаиловича на нарушение его конституционных прав статьей 280.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032017-n-665-o/> (дата обращения: 09.01.2025).
12. Осинцев Д. В. Административная ответственность за дискредитацию деятельности органов государственной власти // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 355–366.
13. Равнюшкин А. В. Ответственность за правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, совершенные по экстремистским мотивам // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 52–57.
14. Равнюшкин А. В. Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 2. С. 111–118.
15. Россинский Б. В. Административные правонарушения как угроза национальной безопасности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 11. С. 30–40.
16. Самые богатые российские блогеры в рейтинге Forbes // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/436383-samye-bogatye-rossiyskie-blogery-v-reytinge-forbes> (дата обращения: 05.07.2024).
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 25, ст. 3397. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.01.2025).
18. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46, ст. 7977. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 09.01.2025).
19. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «О минимальном размере оплаты труда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 26. Статья 2729. 2023. № 49 (Часть 3). Статья 8665. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27572/ (дата обращения: 09.01.2025).
20. Чествование карателя дивизии «Галичина» в парламенте Канады вызвало международный скандал // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/09/25/nacizm-pod-ovacii.html> (дата обращения: 05.07.2024).

Referneces

1. Administrative Liability in the USSR / ed. VM Manokhina, YuS Adushkina. Saratov: Publ. house Saratov University, 1988. 166 p. (In Russ.).
2. Borodin VV, Furman VP. Administrative and legal impact on persons suspected of extremism *Sociologija i Pravo*. 2021;1 (51):63-75. (In Russ.).
3. Bykov EP. On the issue of improving the institution of administrative responsibility for extremist offenses in the Russian Federation *Jelektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er»*. 2023;7:13-23. (In Russ.).
4. Ermolovich YaN. On the issue of recognizing the international social movement LGBT as an extremist organization. *Voennoe pravo*. 2024;2(84):92-99. (In Russ.).
5. Zakharova AM. Legal regulation of relations in the sphere of mass media. *Barometr jekonomiki, upravlenija i prava*. 2023;3(35): 26-28. (In Russ.).
6. Kim MN. Blogs: stages of formation and development. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravlenija RANHiGS*. 2023;14:1(58):86-90. (In Russ.).
7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ in Collection. Russian legislation Federation. 2002. No. 1. Part 1. Article 1. 2024. Vol. 26. Article 3554. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
8. Kostin DM. The need to legalize the activities of bloggers in Russia. *Nauchnyj zhurnal*. 2023;1(66):12–18. (In Russ.).
9. Review of judicial practice in cases of administrative offenses provided for in Article 5.26 “Violation of legislation on freedom of conscience, freedom of religion and religious associations” of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 26, 2019) in Bulletin of the Supreme Court Courts of the Russian Federation. Vol. 12, December, 2019. URL: <https://www.consultant.ru/about/presscenter/bulletin/y2019/m12/> (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
10. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 25, 2014 No. 2055-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Igor Valerievich Korolev about the violation of his constitutional rights by Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation”. Consultant-Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124760/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
11. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 28, 2017 No. 665-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Rafis Rafailovich Kashapov about the violation of his constitutional rights by Article 280.1 of the

- Criminal Code of the Russian Federation". Consultant-Plus. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032017-n-665-o/> (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
12. Osintsev DV. Administrative responsibility for discrediting the activities of public authorities. *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie*. 2023;20(4):355-366. (In Russ.).
 13. Ravnyushkin AV. Responsibility for offenses provided for in Part 2 of Article 5.26 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, committed for extremist reasons in Altai Legal Bulletin. 2024;1(45):52-57. (In Russ.).
 14. Ravnyushkin AV. Problems of qualifying the commission of an administrative offense in public places under Part 1 of Art. 20.3 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Juridicheskie nauki*. 2022;8(74);2:111-118. (In Russ.).
 15. Rossinsky BV. Administrative offenses as a threat to national security. Kutafina. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina*. 2022;11:30-40. (In Russ.).
 16. The richest Russian bloggers in the Forbes ranking in Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/436383-samye-bogatye-rossiyskie-blogery-v-reytinge-forbes> (accessed: 07/05/2024). (In Russ.).
 17. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ in Collection. Russian legislation Federation. 1996. Vol. 25. Article 2954. 2024. Vol. 25. Article 3397. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
 18. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" in Collection. Russian legislation Federation. 2022. Vol. 46. Article 7977. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
 19. Federal Law of June 19, 2000 No. 82-FZ (as amended on November 27, 2023) "On the minimum wage" in Collection. Russian legislation Federation. 2000. Vol. 26. Article 2729. 2023. Vol. 49. Part 3. Article 8665. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27572/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
 20. Honoring the punisher of the Galicia division in the Canadian Parliament caused an international scandal URL: <https://rg.ru/2023/09/25/nacizm-pod-ovacii.html> (accessed: 05.07.2024). (In Russ.).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 81'372 + 81'42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.19>

СМЫСЛОДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМПОЗИТНЫХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В КНИГЕ М. ХАЙДЕГГЕРА «БЫТИЕ И ВРЕМЯ»

Сергей Николаевич Бредихин^{1*}, Элеонора Юрьевна Афонина²¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)Доктор филологических наук, профессор
bredichin sergey@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)Аспирант
affonina@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0009-5188-1980>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Современная лингвистика характеризуется повышенным интересом к осмыслению феномена «человека говорящего», что выдвигает в фокус исследования дискурс философской герменевтики. Тенденция к экспансионизму и междисциплинарности в лингвоэпистеме последних лет подтверждает актуальность анализа использования смыслодериации в герменевтике, в том числе осуществляемой посредством композитных окказионализмов. Цель исследования – выявление и изучение смыслодериационной специфики композитных окказионализмов в фундаментальном труде М. Хайдеггера «Бытие и время», созданном в рамках философской герменевтики. **Материалы и методы.** В качестве материала исследования задействованы 320 композитов-окказионализмов из книги М. Хайдеггера «Бытие и время». Методы исследования – структурно-семантическая интерпретация, компонентный и герменевтический анализ, выявляющие особенности философской нозматике в актах философской рефлексии. **Анализ.** Особое внимание уделяется синтактико-семантической классификации окказиональных немецких композитов, в рамках которой выявлено преобладание композитов-предложений как маркеров идиостиля М. Хайдеггера. Авторы утверждают, что композиты данного типа используются философом как окказиональная номинация феномена бытия, а также страха и отчужденности личности в социуме. Отмечается частотность окказиональных композитов с апозиопезисным компонентом в форме прагматически маркированного нулевого знака. Подобная

стратегия текстопостроения интерпретируется как апеллятивная функция композитов-окказионализмов данного типа, побуждающая реципиентов к рефлексии над обсуждаемой философской проблематикой. **Результаты.** Итоги исследования демонстрируют яркий смыслодериационный потенциал окказиональных композитов в индивидуальном дискурсе М. Хайдеггера, который связан с реализацией когнитивной, когерентообразующей и апеллятивной функций. Аддитивные смыслы нозматической природы, выражаемые композитными окказионализмами, придают философскому тексту эмоциональность и экспрессивность.

Ключевые слова: композитный окказионализм, композит с апозиопезисным компонентом, философский текст, М. Хайдеггер, герменевтика

Для цитирования: Бредихин С. Н., Афонина Э. Ю. Особенности смыслодериационный потенциал композитных окказионализмов в книге М. Хайдеггера «Бытие и время» // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 321–326. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.19>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 16.04.2025.

Статья принята к публикации: 15.06.2025.

Research article

THE MEANING-DERIVATION POTENTIAL OF COMPOSITE OCCASIONALISMS IN BEING AND TIME BY M. HEIDEGGER

Sergey N. Bredikhin^{1*}, Eleonora Yu. Afonina²¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)Dr. Sc. (Philology), Professor
bredichin sergey@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>² North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)Postgraduate student
affonina@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0009-5188-1980>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Modern linguistics is characterized by an increased interest in understanding the phenomenon of “homo loquens”, which brings the discourse of philosophical hermeneutics into the focus of research. The tendency towards expansionism and interdisciplinarity in the linguoepisteme of recent years confirms the relevance of the analysis of meaning-

derivation in hermeneutics, including that carried out through composite occasionalisms. The purpose of the study is to identify and study the meaning-derivation specifics of composite occasionalisms in the fundamental work by M. Heidegger – Being and Time, created within the framework of philosophical hermeneutics. **Materials and methods.** The research material

© Бредихин С. Н., Афонина Э. Ю., 2025

includes 320 composite occasionalisms from the book *Being and Time* by M. Heidegger. The research methods are structural and semantic interpretation, component and hermeneutic analysis, revealing the features of philosophical noematics in acts of philosophical reflection. **Analysis.** Special attention is paid to the syntactic and semantic classification of occasional German composites, within the framework of which the predominance of composite sentences as markers of M. Heidegger's idiosyncrasy is revealed. The authors claim that composites of this type are used by the philosopher as an occasional nomination of the phenomenon of being, as well as fear and alienation of the individual in society. The frequency of occasional composites with an apophysis component in the form of a pragmatically marked zero sign is noted. Such a strategy of text construction is interpreted as an appellative function of composite occasionalisms of this type, encouraging recipients to reflect on the discussed philosophical issues. **Results.** The results of the study demonstrate a bright meaning-derivative potential of occasional composites in M. Heidegger's discourse, which

Введение. Феномен «человека говорящего» стоит во главе угла современной лингвистической парадигмы, что обуславливает обращение языковедов к исследованию различных дискурсов гуманитаристики, в том числе и философских произведений. Среди последних особое значение имеет лингвистическое осмысление текстов по философской герменевтике, которая является искусством истолкования и рефлексии над ключевыми проблемами познания, общества и культуры. Герменевтическая теория и методология в современной лингвистике получила большое распространение, ибо в ней доминируют тенденции к экспансионизму и междисциплинарности [14, с. 191]. Тем самым герменевтика приобретает статус зонтичной науки, а потому важно осмысление ее имманентной структуры и семантики с позиции лингвистики вообще и с точки зрения смыслодеривации в частности.

Мартин Хайдеггер – яркий представитель герменевтической мысли XX в. В его языке и стиле отображены особенности мировосприятия герменевта, основанные на феномене языковой игры, что типично для представителей рассматриваемого философского направления. Полагаем, что смыслодеривационные особенности текстов М. Хайдеггера, и, прежде всего, его фундаментального труда «Бытие и время» способны пролить свет на процесс «оязыкования» процесса мышления как герменевта, так и любого ученого, работающего в рамках гуманитаристики.

Следует отметить, что многомерность семантических и нозматических обертонов, конституирующих философское произведение как метадискурс рефлексии над онтологией и эпистемологией сущего. Данный процесс осуществляется в рамках трансцендирующего мышления, генерирующего трансцендирующую вербализацию [3, с. 433]. В ее рамках распредмечиваются абстрактные философские смыслы, а также вербализуются философские размышления о бытии, обществе и культуре.

Доминантным средством экспликации многомерного смысла в философском тексте М. Хайдеггера являются композитные окказионализмы, призванные вербализовать кванты многомерного смысла, которые линейно презентуют в речевом текстовом потоке («поток сознания») философской рефлексии. Декодирование семантики и прагматики окказионализмов рассматриваемого типа, возникающих в ходе игры слов на базе нестандартных одномоментных спонтанных ассоциаций в мышлении философа [2], осложняется их усложнен-

is associated with the implementation of cognitive, coherent-forming and appellative functions. Additive meanings of noematic nature, expressed by composite occasionalisms, impart emotionality and expressiveness to the philosophical text.

Keywords: composite occasionalism, composite with apophysis component, philosophical text, M. Heidegger, hermeneutics

For citation: Bredikhin SN, Afonina EYu. Features of the meaning-derivation potential of composite occasionalisms in *Being and Time* by M. Heidegger. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 321-326. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.19>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.01.2025.

The article was approved after reviewing: 16.04.2025.

The article was accepted for publication: 15.06.2025.

ностью в структурном плане, а также полисемантической их конституентов [1, с. 337].

Целью данной статьи является выявление и изучение смыслодеривационной специфики дискурса герменевтической философии, отображенной посредством композитных окказионализмов в фундаментальном труде М. Хайдеггера «Бытие и время».

Указанные размышления позволяют сформулировать гипотезу настоящего исследования, постулирующую допущение о возможности адекватного декодирования коцептуально-валерных обертонов смысла, возникающего в ходе смыслодеривации, осуществляемой посредством авторских композитных окказионализмов в дискурсе М. Хайдеггера.

Материалы и методы. Эмпирическим материалом, анализируемым в данной статье, являются 320 композитных окказионализмов, извлеченных методом сплошной выборки из книги М. Хайдеггера «Бытие и время». Как представляется, данная выборка эмпирики валидна и репрезентативна с точки зрения характеристики смыслодеривационных механизмов лексики в идиостиле рассматриваемого философа. В качестве методов исследования нами используется структурно-семантическая интерпретация, а также компонентный и герменевтический анализ изучаемого объекта, нацеленный на выявление философской нозматики, вербализующей коцептуально-валерные смыслы в мыследеятельностных актах философской рефлексии, нашедшей отражение в многомерном потоке текстодеривации философа.

Анализ. Исследование эмпирики свидетельствует о рекуррентном использовании в качестве средства «оязыкования» философских размышлений М. Хайдеггера композитных окказионализмов, эксплицирующих ключевые понятия онтологической концепции данного философа. Вначале нам представляется целесообразным проанализировать ряд трудов, посвященных особенностям композитного словообразования и смыслодеривации с тем, чтобы выявить особенности структуры лексических единиц данного типа, а также специфику их семантики и нозматики.

С позиции нашего исследования релевантна синтактико-семантическая классификация немецких композитов, в рамках которой выделяются следующие типы:

- Определительные композиты, где первый компонент определяет второй: *Seinsmöglichkeit, Seinsganzheit, Verweisungsganze*.
- Сочинительные композиты, где компоненты инкорпорированы в единое целое посредством сочини-

тельного способа связи: *existenziell-ontisch, existenzial-ontologisch*.

• Слова-предложения, т.е. субстантиваты от предложений или словосочетаний: *Nicht-zuhause-sein, Sich-vorweg-im-schon-sein-in, Sich-vorweg-im-schon-sein-in-einer-Welt* [6, с. 55–56].

Следует подчеркнуть, что в немецком языке композитное словообразование является доминирующим способом словопроизводства [4, с. 134]. Как показали наши наблюдения, самым частотным типом композитов окказионального происхождения у М. Хайдеггера, в противовес обиходному немецкому языку являются слова-предложения, далее следуют атрибутивные композиты. Как и в разговорной немецкой речи, самым нечастотным словообразовательным типом в книге М. Хайдеггера являются сочинительные композитные лексемы.

Композитные окказионализмы в рассматриваемом произведении обычно апеллируют к узуальным семам, что порождает в сознании реципиента текста аддитивные смыслы [8, с. 71], ноэматические по своей сути: *Das In-der-Welt-sein ist eine ursprünglich und ständig ganze Struktur* [13, с. 180]. – *Бытие-в-мире есть исходно и постоянно целая структура* [11, с. 180].

В процитированном выше пассаже описанный процесс овнешвляется посредством инкорпорирования в едином композите в форме предложения локального коррелята ключевой для М. Хайдеггера философской категории бытия *In-der-Welt* и ее вербального номинанта *Sein*.

Композиты выступают как «результат индивидуаль-но-авторской номинации денотата» [5], в данном случае рефлектируемой сущности человеческого присутствия в окружающем мире: *Das Selbst aber ist zunächst und zumeist uneigentlich, das Man-selbst* [13, с. 181]. – *Но самость ближайшим образом и большей частью не-собственна, ч е л о в е к о-самость* (Здесь и далее в статье при цитировании переводов хайдеггеровских примеров сохранена разрядка текста, сделанная переводчиком. – С.Б., Э.А.) [11, с. 181].

Философские термины-композиты окказионально-го происхождения используются у М. Хайдеггера в ряде случаев «для наиболее точного и лаконичного описания состояний человека» [10, с. 120], которые, прежде всего, касаются его психологического настроения, связанного с ощущением чуждости в окружающей вселенной: *Unheimlichkeit meint aber dabei zugleich das Nicht-zuhause-sein* [13, с. 188]. – *Жуть тут подразумевает однако вместе с тем бытие-не-по-себе* [13, с. 188].

В процитированном текстовом пассаже бросается в глаза окказиональная номинация страха, отчужденности личности в социуме, эксплицируемая в составе композита-предложения в форме субстантивированного окказионального термина *Nicht-zuhause-sein* (дословный перевод: *не-дома-быть*). Как видно из приводимого текста перевода, метафоричность немецкого текста в нем утрачена. Для философа релеватна рефлексия о страхе как о первооснове бытия, что номинируется в форме окказионального композита *In-der-Welt-sein-können*, в структурном плане состоящего из комбинации таких частей речи, как: предлог (*in*) + артикль (*der*) + имя существительное (*Welt*) + инфинитив смыслового глагола (*sein*) + модальный глагол в инфинитиве (*können*): *Sie wirft das Dasein auf das zurück, worum es sich ängstet, sein eigentliches In-der-Welt-sein-können* [13, с. 187]. – *Он отбрасывает присутствие назад к тому, за что берет ужас, к его собственной способности-быть-в-мире* [11, с. 187].

Часто в философском тексте композиты задействуются в целях номинации «сложных и ёмких понятий» [7, с. 93]. Они вызывают многомерные ассоциации, ноэматически конвергируемые в целостный образ описываемой ситуации, который обладает яркой эмоционально-оценочной окраской: *Widerstand begegnet in einem Nicht-durch-kommen, als Behinderung eines Durch-kommen-wollens* [13, с. 210]. – *Соппротивление встречается в не-про-ходимости, как помеха воле-к-преодолению* [11, с. 210].

В текстовом фрагменте, представленном выше, мы видим метафорическое отображение хайдеггеровских ассоциаций с той силой, которая может противостоять страху в повседневной реальности. Здесь субстантивируется отрицание *nicht* в комбинации с глаголом *durchkommen* (дословно: *пробыться, преодолеть, выйти из затруднительного положения*), который разделен на две части при помощи тире, что усиливает экспрессивный персуазивный эффект. Данная техника разбиения слов в составе композита на отдельные аффиксы посредством тире типична для идиостиля М. Хайдеггера и имеет смыслодеривационную функцию, эксплицирующую экспрессию при описании концептуально нагруженных понятий в концепции рассматриваемого философа.

Философский текст в силу своей интенционально обусловленной специфики, нацеленной на осмысление общих проблем онтологии, эпистемологии или аксиологии, генерирует новые понятия, выполняющие функцию своего рода мета-терминов, используемых в ходе рефлексии философа. Здесь следует отметить, что текст нуждаются в новообразованиях композитного типа, выполняющих функцию «индикатора актуальной информации» [9, с. 111], т.е. в нашем случае мировидения философа и его концептуально-валерной системы. У М. Хайдеггера подобный процесс часто сопровождается игрой слов, в том числе и композитов-паронимов: *Die existenziell-ontische Abkehr gibt auf Grund ihres Erschlossenheitscharakters phänomenal die Möglichkeit, existenzial-ontologisch das Wovor der Flucht als solches zu fassen* [13, с. 185]. – *Экзистенциально онтическое отшатывание на основании своего характера разомкнутости дает феноменально возможность экзистенциально-онтологически схватить это о т - ч е о б е г с т в а как таковое* [11, с. 185].

В частности, в примере, который мы процитировали выше, имеет место случай паронимической языковой игры со сходно звучащими, но нетождественными по семантике философскими терминами *existenziell* – *existenzial* и *ontisch* – *ontologisch*, которые противопоставляются в виде сочинительных окказиональных композитов *existenziell-ontisch* – *existenzial-ontologisch*.

Важным текстообразующим параметром композитов окказионального типа, связанным со смыслодеривацией, выступает «наличие общей основы у двух и более слов» [9, с. 114], что обеспечивает экспрессию философского повествования и акцентирование концептуальных ценностей его автора: *Die Angst gibt als Seinsmöglichkeit des Daseins in eins mit dem in ihr erschlossenen Dasein selbst den phänomenalen Boden für die explizite Fassung der ursprünglichen Seinsganzheit des Daseins* [13, с. 182]. – *Ужас как бытийная возможность присутствия вместе с самим в нем размыкаемым присутствием дает феноменальную почву для эксплицитного схватывания исходной бытийной целостности присутствия* [11, с. 182].

В приведенном хайдеггеровском пассаже присутствует ряд философских терминов композитной группы с компонентом *sein*. В своем нейтральном нетерминологическом значении это глагол быть, в философском дискурсе данная лексема субстантивируется и терминологизируется (*das Sein* – бытие). У М. Хайдеггера происходит дальнейшая терминологическая спецификация данного слова посредством композитообразования: *Seinsmöglichkeit* (*sein* + соединительная согласная *s* + *Möglichkeit*) – *бытийная возможность*, *Seinsganzheit* (*sein* + соединительная согласная *s* + *Ganzheit*) – *бытийная целостность*, *Dasein* (*da* + *sein*) – *присутствие*. Как видим, в переводе данного текстового фрагмента описываемая игра слов не сохранена. В оригинале она придает повествованию экспрессивный флёр, а также укрепляет когерентные текстовые связи.

Еще одной особенностью композитных окказионализмов в ходе смыслодеривации в пространстве философского текста и дискурса М. Хайдеггера является их способность выступать в качестве средства «для обобщения содержания предыдущего предложения в последующих» [12, с. 72] с аддией информационных квантов. Тем самым происходит разработка анализируемой философской онтологической проблемы. Далее рассмотрим типичный пример подобного функционирования композитов у М. Хайдеггера: *Diese Seinsstruktur des wesenhaften» es geht um ... «fassen wir als das Sich-vorweg-sein des Daseins* [13, с. 192]. – *Эту бытийную структуру сущностного «речь идет о...» мы схватываем как **вперед-себя-бытие** присутствия* [11, с. 192]; *Das Sich-vorweg-sein besagt voller gefaßt: Sich-vorweg-im-schon-sein-in-einer-Welt* [13, с. 192]. – ***Бытие-вперед-себя** означает, схваченное полнее: **вперед-себя-в-уже-бытии-в-некоем-мире*** [11, с. 192].

В двух предложениях, приведенных выше, происходит конкретизация понятия *Sich-vorweg-sein* (*вперед-себя-бытие*) посредством аддации компонентов *im-schon* + *in-einer-Welt*, что связывает разрозненные ассоциации философа в единое семантически и нозматически когерентное целое.

Наряду с деривацией содержательно-концептуального смысла философского трактата, композиты способны также эксплицировать формальную когерентность хайдеггеровского повествования, что мы можем наблюдать в примере далее: *Die Verklammerung des Verweisungsganzen, der mannigfaltigen Bezüge des»Um-zu«, mit dem, worum es dem Dasein geht, bedeutet kein Zusammenschweißen einer vorhandenen »Welt« von Objekten mit einem Subjekt* [13, с. 192]. – *Сцепление **целого отсылки**, многосложных связей «для-того-чтобы», с тем, о чем для присутствия идет речь, не означает спайки наличного «мира» объектов в одно с субъектом* [11, с. 192].

Здесь имеет место использование философом композита *Verweisungsganze* (*целое отсылки*), помогающего понять целостный смысл данного высказывания. Кроме того, в анализируемой пропозиции встречаем еще одно интересное композитное хайдеггеровское образование окказионального типа: » *Um-zu*« (»*для-того-чтобы*«), состоящее исключительно из служебных слов, а потому эксплицирующее амбивалентные ассоциации о предмете философствования, об онтологии человеческого сущего.

Далее рассмотрим пассаж, где выделенный жирным шрифтом атрибутивный хайдеггеровский композит способствует семантическому сопряжению в одно целое

двух понятий, связанных аллитерационным повтором начальной буквы, что создает особый ритм в философском произведении: *Das **Zusammenvorhandensein** von Physischem und Psychischem ist ontisch und ontologisch völlig verschieden vom Phänomen des In-der-Welt-seins* [13, с. 204]. – ***Совместное наличествование** физического и психического онтически и онтологически полностью отлично от феномена бытия-в-мире* [11, с. 204].

Характерной чертой окказионального композитообразования, типичной для произведений М. Хайдеггера, является использование композитов-предложений, инкорпорирующих в свой состав апозиопезисный компонент. Данная часть композитного образования изображена на письме при помощи многоточия, а в семантическом плане являет собой нулевой знак, который эксплицирует открытый смысл рефлектируемого философского понятия: *Sie ist vielmehr der phänomenale Ausdruck der ursprünglich ganzen Verfassung des Daseins, dessen Ganzheit jetzt explizit abgehoben ist als **Sich-vorweg-im-schon-sein-in** ...* [13, с. 192]. – *Это есть наоборот феноменальное выражение исходно целого устройства присутствия, чья целостность теперь эксплицитно выявляется как **вперед-себя-в-уже-бытии-в** ...* [11, с. 192].

В упомянутом выше случае элиминируется обстоятельственный компонент словосочетания, что вызывает у читателя философского трактата стремление к самостоятельной рефлексии над обсуждаемой проблемой. Смыслодеривационная функция данной конструкции, таким образом, носит апеллятивный характер.

Далее рассмотрим микроконтекст, в котором встречаются два апозиопезисных композита, имеющие описанную выше структуру и находящиеся в антонимических отношениях друг к другу. Они призваны изобразить негативное начало, функционирующее в реальном мире. Возможно допустить, что философ не хочет навязывать читателям своего трактата свои представления о данном феномене, и, вследствие данного обстоятельства, побуждает его к домысливанию посредством задействования апозиопезисного композита: *In dieser Bestimmung sind aber auch die beiden anderen strukturalen Momente der Sorge, das **Schon-sein-in** ... und das **Sein-bei** ... mitgesetzt* [13, с. 193]. – *В этом определении соложены оба других структурных момента заботы, **уже-бытие-в** ... и **бытие-при** ...* [11, с. 193].

В следующем отрывке из книги М. Хайдеггера также встречаем сразу два апозиопезисных окказиональных композита, причем во втором предложении композитный окказионализм имеет более развернутую структуру. Тем самым в данном текстовом фрагменте сосуществуют такие функции композитов-окказионализмов, как когерентообразующая и апеллятивная: *Im Nachhängen hat das **Schon-sein-bei** ... den Vorrang. Das **Sich-vorweg-im-schon-sein-in** ... ist entsprechend modifiziert* [13, с. 195]. – *В завлеченности **уже-бытие-при** ... имеет приоритет. **Вперед-себя-в-уже-бытии-в** ... соответственно модифицируется* [11, с. 195].

Проанализируем еще один хайдеггеровский философский пассаж, в котором с позиции цели нашего исследования представляет интерес инкорпорирование в составе одной пропозиции двух композитов-предложений окказионального типа, один из которых употреблен автором философского текста без кавычек, а другой в кавычках, что свидетельствует о большей степени амбивалентности философского концепта, эксплици-

руемого с его помощью: *Das Sich-vorweg-sein hat sich verloren in ein »Nur-immer-schon-bei ...«* [13, с. 195]. – *Б ы т и е - в п е р ё д - с е б я з а т е р я л о с ь в « л и ш ь - в с е г д а - у ж е - п р и ...»* [11, с. 195]. Интересно, что автор фокусирует именно второе понятие, которое заключено в кавычки, что выражено, среди прочего, на уровне синтаксиса посредством нарушения рамочной конструкции немецкого предложения.

Результаты. Подводя итог рассмотрения смыслодеривационного потенциала композитных окказионализмов в книге М. Хайдеггера «Бытие и время», отметим ряд особенностей данных лексических единиц:

- В синтаксическо-семантическом плане в книге М. Хайдеггера «Бытие и время» доминируют композитные слова-предложения, что нетипично для обиходного немецкого языка. На втором месте по частотности идут атрибутивные композиты, на третьем, как и в разговорной немецкой речи, – сочинительные композиты.
- Композиты-окказионализмы апеллируют у М. Хайдеггера к неузуальным семам, генерируя аддитивные смыслы нозматической природы, эксплицирующие коннотации, связанные с психологией страха и отчужденностью бытия. Они придают философскому повествованию эмоциональность и экспрессивность.
- Когнитивно-смыслодеривационный потенциал окказиональных композитов у М. Хайдеггера связан с генезисом на их базе мета-терминов, возникающих в процессе рефлексии философа. При этом рекуррент-

ны случаи языковой игры со сходно звучащими паронимами, номинирующими нетождественные по значению философские концепты.

- Когерентообразующая функция окказиональных композитов у М. Хайдеггера связана с их способностью выступать в качестве средств обобщения семантики предыдущей пропозиции в последующих высказываниях с добавлением квантов содержательно-концептуальной информации.

- Хайдеггеровские окказиональные композиты с апозиопезисным компонентом, переданным на письме посредством многоточия, представляют собой нулевой знак с позиции семантики, который, несмотря на это, прагматически нагружен и отображает открытый смысл концепта, являющегося объектом философской рефлексии. Подобная стратегия текстопостроения свидетельствует о релевантности апеллятивной функции композитов-окказионализмов, побуждающей читателей философского произведения к размышлениям над обсуждаемой в нем проблематикой.

В качестве перспективы нашего исследования композитов в дискурсивном пространстве идиостиля М. Хайдеггера следует упомянуть возможность приложения, разработанного в данной статье, семантического и нозматического инструментария интерпретации эмпирического материала в сферу герменевтического анализа трудов философов иных направлений, к примеру, аналитической философии, деконструктивизма, позитивизма и т.д.

Литература

1. Бредихин С. Н. Нозматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации. Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. 392 с.
2. Бредихин С. Н. Переводческие трансформации при интерпретации окказиональных философских композитов структурирующих многомерный смысл // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 9 (29). URL: https://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9201367/pdf_479 (Дата обращения: 17.09.2024).
3. Бредихин С. Н. Проблема индивидуального языка философского дискурса // Фундаментальные исследования. 2014. № 5–2. С. 433–437.
4. Гагарина Н. Н. Проблема композитообразования в русском и немецком языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 132–135.
5. Князева Н. В. Окказиональные слова-композиты в публицистике В. Набокова // Litera. 2023. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40433 (Дата обращения: 17.09.2024).
6. Крупнова Н. А. Композиты немецкого языка: общая характеристика // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11–2. С. 54–57.
7. Олейник О. В. Слова-композиты в немецкой прессе // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 7 (97). Ч. 3. С. 92–95.
8. Перевышина И. Р., Остапова Л. Е. Окказиональные и потенциальные сложные номинации в произведениях Эльфриды Елинек // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2010. № 2. С. 66–72.
9. Попова Т. В. Словообразование и текст: контекстуальное словообразование по аналогии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11 (147). С. 111–115.
10. Селезнева В. С. Термины-композиты в текстах медицинской сферы // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 4. 2023. № 2. С. 115–122.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. В.В. Библихина. М.: AD MARGINEM, 1997. 451 с.
12. Чучва Л. М. Характеристика субстантивных композитов в немецком языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 3 (41). С. 69–76.
13. Heidegger M. Sein und Zeit. 18 Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2001. 445 S.
14. Milostiwaja A. Text als pragmasynergetische Kommunikationsform // Aspekte der Sprachwissenschaft: Linguistik-Tage Jena. 18. Jahrestagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen e. V. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2010. С. 191–199.

References

1. Bredikhin SN. Noematic hierarchy of philosophical text in the aspect of meaning generation and interpretation. Stavropol: IDNK Publishing Hous, 2014. 392 p. (In Russ.).
2. Bredikhin SN. Translation transformations in the interpretation process of the occasional philosophical composites verbalizing multidimensional sense. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*. 2013;9(29). URL: https://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9201367/pdf_479 (accessed: 17.09.2024). (In Russ.).
3. Bredikhin SN. The problem of individual language of philosophical discourse. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2014;5-2:433-437. (In Russ.).
4. Gagarina NN. The problem of composite formation in Russian and German languages. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011;24(239):132-135. (In Russ.).
5. Knyazeva NV. Occasional complex words in the journalism of V Nabokov. *Litera*. 2023;4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40433 (accessed: 17.09.2024). (In Russ.).

6. Krupnova NA. Composites of the German language: general characteristics. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2013;11-2:54-57. (In Russ.).
7. Oleinik OV. Composite words in German press. *International Research Journal*. 2020; 7-3(97): 92-95. (In Russ.).
8. Perevishina IR, Ostapova LE. Occasional and potential compound words of Elfrida Jelinek. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya Lingvistika*. 2010;2:66-72. (In Russ.).
9. Popova TV. Word-formation and text: contextual analogy word-formation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012;11(147):111-115. (In Russ.).
10. Selezneva VS. Terms-composites in the texts of the medical field. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya 4*. 2023;2:115-122. (In Russ.).
11. Heidegger M. Being and time. Trans. VV Bibikhin. Moscow: AD MARGINEM, 1997. 451 p. (In Russ.).
12. Chuchva LM. Characteristics of substantial composites in the German language. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im NF Katanova*. 2022;3(41):69-76. (In Russ.).
13. Heidegger M. Sein und Zeit. 18 Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2001. 445 p.
14. Milostiwaja A. Text als pragmasynergetische Kommunikationsform. *Aspekte der Sprachwissenschaft: Linguistik-Tage Jena*. 18. Jahrestagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen e. V. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2010. P. 191-199.

Научная статья

УДК 81-25

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.20>

ПРОЦЕСС ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ ИЗ ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ

Алёна Игоревна Павлова¹, Виолетта Михайловна Грязнова^{2*}

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

pavalena26@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-4480-6763>

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор

violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Проблема детерминологизации терминов из области психологии обусловлена их переходом из сферы профессиональной коммуникации в разговорную бытовую речь, а также в средства массовой информации, в частности, на телевидение. Причиной тому является популяризация психотерапевтической помощи. Выявить особенности протекания данного процесса позволяет сопоставление научного значения психологических терминов с их контекстными значениями. Актуальность статьи основана на отсутствии работ, посвященных процессам, связанным с утратой психологическими терминами своего терминологического значения за рамками научного дискурса. **Материалы и методы.** Материалом работы послужили термины из области психологии и их значения, закрепленные в специальных словарях психологических терминов, а также контекстные значения, найденные в речи героев современных развлекательных телепередач. Использовались общенаучные и специальные лингвистические методы. **Анализ.** Автор рассматривает значения психологических терминов, закрепленных в психологических энциклопедических словарях и словарях психологических терминов и выявляет психологические термины, которые наиболее подвержены процессу детерминологизации. К ним относятся термины, преимущественно обозначающие процессы, условия и результаты выполнения конкретных действий, направленных на человека, а также термины, обозначающие эмоциональные состояния человека. Автор

приходит к выводу о характере процесса детерминологизации путем выделения вершинных родовых сем и видовых сем в содержании названных лексем, полученных в результате анализа контекстного употребления психологических терминов. **Результаты.** Таким образом, автор показывает, что в речи героев современных развлекательных телепередач широко распространен процесс детерминологизации, вследствие которого психологический термин может частично или полностью утрачивать свое терминологическое значение, а также приобретать дополнительные семантические признаки.

Ключевые слова: детерминологизация, психологический термин, лексема, вершинная родовая сема, видовые семы, терминологическое значение, семантические признаки

Для цитирования: Павлова А. И., Грязнова В. М. Процесс детерминологизации терминов из области психологии в языке современных развлекательных телепередач // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 327–332. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.20>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 16.04.2025.

Статья принята к публикации: 15.06.2025.

Research article

THE PROCESS OF DETERMINOLOGIZATION OF TERMS FROM THE FIELD OF PSYCHOLOGY IN THE LANGUAGE OF MODERN ENTERTAINMENT TV SHOWS

Alena I. Pavlova¹, Violetta M. Gryaznova^{2*}

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

pavalena26@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-4480-6763>

² North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The problem of determinologization of terms from the field of psychology is caused by their transition from the sphere of professional communication into spoken everyday speech, as well as into the mass media, in particular, television. The reason for this is the popularization of psychotherapeutic care. The comparison of the scientific meaning of psychological terms with their contextual meanings allows us to identify the features of the course of this process. The relevance of the article is based on the lack of works devoted to the processes associated with the loss of psychological terms of their terminological meaning outside the framework of scientific discourse. **Materials and methods.** The terms from the field of psychology and their meanings fixed in special dictionaries

of psychological terms, as well as contextual meanings found in modern entertainment TV shows served the material of the work. General scientific and special linguistic methods were used. **Analysis.** The author examines the meanings of psychological terms fixed in psychological encyclopedic dictionaries and dictionaries of psychological terms and identifies psychological terms that are most susceptible to the process of determinologization. These include terms that primarily denote the processes, conditions and results of performing specific actions aimed at a person, as well as terms denoting the emotional states. The author comes to the conclusion about the nature of the determinologization process by highlighting the vertex generic and specific semes in the definitions of the named

lexemes obtained as a result of the analysis of the contextual use of psychological terms. **Results.** Thus, the author shows that the process of determinologization is widespread in the speech of the heroes of modern entertainment TV shows, as a result of which the psychological term may partially or completely lose its terminological meaning.

Keywords: determinologization, psychological term, lexeme, vertex generic seme, species semes, terminological meaning, semantic features

For citation: Pavlova AI, Gryaznova VM. The process of determinologization of terms from the field of psychology in

the language of modern entertainment TV shows. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 327-332. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.20>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 15.01.2025.

The article was approved after reviewing: 16.04.2025.

The article was accepted for publication: 15.06.2025.

Введение. Изучение терминов вызывает интерес у лингвистов на протяжении довольно длительного времени. В лингвистической науке существует несколько определений понятия *термин*. В рамках данной статьи мы будем использовать определение, данное О. С. Ахмановой: «Термин – это слово или словосочетание, призванное точно обозначить понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы» [6, с. 472].

Одной из перспективных научных областей является сфера психологии. Психология – это «наука о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности» [12, с. 391]. Психология как наука располагает собственным терминологическим аппаратом. Соответственно, целесообразно дать определение понятия *психологический термин*. Опираясь на определение понятия термин, данного О. С. Ахмановой, мы можем понимать под *психологическим термином* слово или словосочетание, используемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов и явлений из области психологии (толкование наше. – А. П., В. Г.).

Особенностью психологических терминов является то, что они активно используются не только в своей научной сфере, но за её пределами, употребляясь, например, в разговорной бытовой среде и на телевидении. Активное проникновение психологических терминов в перечисленные сферы вызвано популяризацией психотерапевтической помощи.

В лингвистической науке возникают случаи, когда термин покидает терминологическую систему и утрачивает первоначальные критерии. Здесь мы говорим о таком явлении как *детерминологизация*. Детерминологизация – это «переход термина в общеупотребительное слово, сопровождающийся утратой связи с научным понятием и приобретением нового – обычно метафорического – значения» [9, с. 570].

В рамках данной статьи мы рассмотрим процесс детерминологизации, а именно, случаи утраты термином своего терминологического значения при его употреблении в развлекательных телепередачах. Такой анализ является целесообразным, поскольку телевидение является одним из наиболее сильных по уровню воздействия средством массовой информации. Кроме того, именно на телевидение в настоящее время приходится значительный объем речепользования.

Цель статьи – рассмотреть процесс детерминологизации в содержании терминов из области психологии при их употреблении в языке современных развлекательных телепередач путем сопоставления значения термина в научном контексте и в речи героев развлекательных телепередач.

Объект исследования – язык современных развлекательных телепередач. Предмет – термины из области психологии и их семантические особенности.

Материалы и методы. Материалом работы послужили термины из области психологии и их значения, закрепленные в психологических энциклопедических словарях и словарях психологических терминов, а также контекстные значения, найденные в современных развлекательных телепередачах. Кроме общенаучных исследовательских методов использовались следующие специальные лингвистические методы: метод контекстуального анализа, метод лингвистического наблюдения, метод анализа словарных дефиниций.

Анализ. Для того чтобы оценить, как происходит утрата терминологических свойств терминами из области психологии в развлекательных телепередачах, рассмотрим значение термина в психологических энциклопедических словарях и в словарях психологических терминов, выделим ключевые семантические признаки термина в научном контексте и дополнительные семантические признаки, сопоставим научное и контекстное значения и сделаем соответствующие выводы о характере изменений терминологического значения.

Анализ речи героев развлекательных телепередач показал, что наиболее распространенными терминами являются термины, обозначающие:

1. Эмоциональные состояния человека, например, *выгорание, стресс, тревожность*;
2. Процессы, условия и результаты выполнения конкретных действий, направленных на человека, например, *абьюз, агрессия, мотивация, психологическая травма, эмоциональный контакт, эмоциональная поддержка*;
3. Людей-носителей психологических свойств и качеств, например, *жертва, личность, перфекционист*;
4. Свойства и особенности личности, например, *самостоятельность, эмоциональность*;
5. Действия, направленные человеком на себя и характеризующие субъекта с собственной позиции, например, *самооценка, самореализация, самоутверждение, самочувствие*.

При употреблении в современных развлекательных передачах психологические термины могут либо сохранять свое терминологическое значение, либо расширять свое терминологическое значение, либо частично или полностью утрачивать свое терминологическое значение и приобретать новое. Покажем на конкретных примерах случаи частичной и полной утраты психологическим термином своего терминологического значения.

Частичная или полная утрата терминологического значения характерна для терминов, обозначающих процессы, условия и результаты выполнения конкретных действий, направленных на человека, а также терминов, обозначающих эмоциональные состояния человека. Рассмотрим на примере лексем *абьюз, выгорание, мотивация, эмоциональный контакт, эмоциональная поддержка*.

Лексема *абыюз* в психологии понимается как «ситуация психологического или физического насилия, в которой один (абыюзер) является насильником, а другой – жертвой» [13]. Выделим семантические признаки 'психологическое насилие', 'физическое насилие' как ключевые в научном контексте. Приведем контекстные употребления лексемы *абыюз*:

1) «До рождения второй дочки строгости у Анечки в детстве хватало более чем. До девяти лет я ее наказывала, толкала, кричала, унижала – всё, что хочешь могла делать. Я её конкретно **абыюзила** и морально прессовала, я заставляла ее собирать вещи в детдом, и когда она это делала, меня это еще больше бесило» (<https://www.youtube.com/watch?v=gQFggnfkT1c>).

2) «Я уставала из-за отсутствия поддержки со стороны мужа. Это были постоянные нервные срывы, и под эти срывы попадал ребенок. Я поняла, что мой ребенок вызывает во мне очень странные негативные чувства. Я не видела, как можно любить ребенка без **абыюза**» (<https://www.youtube.com/watch?v=gQFggnfkT1c>).

3) «**Абыюз** – это унижение друг друга. Мама и папа постоянно оскорбляли друг друга» (<https://www.youtube.com/watch?v=gQFggnfkT1c>).

В первом примере *абыюз* можно определить как 'ситуацию применения физического насилия (наказаний, криков), а также морального прессинга' (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительный семантический признак – 'моральный прессинг'.

Во втором примере *абыюз* – это 'способ выплеснуть накопившиеся негативные эмоции на другого человека' (толкование наше. – А. П., В. Г.). Нами выделен дополнительный семантический признак 'выплеск негативных эмоций'.

В третьем примере под *абыюзом* понимается 'унижение, сопровождающееся оскорблениями' (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительные семантические признаки – 'унижение', 'оскорбления'.

Исходя из рассмотренных контекстных значений, мы можем выделить в содержании рассматриваемой лексемы вершинную родовую сему «признаки насилия» и видовые семы «моральный прессинг», «выплеск негативных эмоций», «унижение», «оскорбления».

Построенные связи показывают, что лексема *абыюз* расширяет свое терминологическое значение за счет дополнительных признаков.

Иную ситуацию мы видим в случае лексемы *выгорание*, которая в психологии определяется как «состояние эмоционального, умственного истощения, физического утомления, возникающее как результат хронического стресса на работе» [7]. Выделим следующие ключевые семантические признаки лексемы *выгорание* в научном контексте: 'эмоциональное истощение', 'физическое утомление', 'хронический стресс', 'на работе'.

Рассмотрим контекстные употребления лексемы в развлекательных телепередачах.

1) «Мама **выгорела**, у нее эмоциональное **выгорание**. Она говорит все детям не спокойным тоном, а эмоционально. Она потеряна» (<https://www.u-tv.ru/shows/nyanya-osobogo-naznacheniya/episodes/1896526/>). В данном контексте *выгорание* – это 'состояние потерянности, сопровождающееся эмоциональностью' (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительные семантические признаки – 'потерянность', 'эмоциональность'.

2) «Я безумно устаю. Я бываю и злой, и нервной. У

меня бывают такие моменты, когда просто от бессилия я срываюсь на детей. Я взрываюсь до такой степени, что как будто внутри меня просто другой человек. Я начинаю кричать. Наверное, это уже **выгорание**» (<https://www.youtube.com/watch?v=2WW9AJ5ul9I>). Можем дать следующее определение *выгорания*: 'это состояние усталости, сопровождающееся злостью, нервозностью, срывами на других людей, криками' (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительные семантические признаки – 'усталость', 'злость', 'нервозность', 'срывы', 'крик'.

3) «У девушки постоянно мозг работает – что купить, что надеть, как организовать. Всем все нужно говорить по сто раз. И она не может расслабиться. Плюс к этому у нее еще съемки, под которые она подстраивает график выходного дня своего мужа. С первого взгляда так и не скажешь, что такая активная и заботливая мама может быть уставшей, ведь она старается успевать везде. И этот её перфекционизм на самом деле и приводит к **выгоранию**» (<https://www.youtube.com/watch?v=2WW9AJ5ul9I>). В данном случае *выгорание* – это 'состояние усталости, сопровождающееся невозможностью расслабления, возникающее из-за стремления успеть всё и везде' (толкование наше. – А. П., В. Г.). Выделим дополнительные семантические признаки 'усталость', 'стремление все успеть'.

4) «Я переживаю за Веру. Как она будет справляться с четырьмя детьми, если уже сейчас с тремя она на грани **выгорания**. В многодетной семье нужен четко продуманный график и четко выстроенные границы» (<https://www.youtube.com/watch?v=2WW9AJ5ul9I>). Определим *выгорание* в данном контексте как 'состояние эмоционального истощения, возникающее вследствие отсутствия четко продуманного графика и четко выстроенных границ' (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительными семантическими признаками будут 'отсутствие графика' и 'отсутствие выстроенных границ'.

5) «В какой-то момент наших отношений с Сашей у меня случилось **выгорание**. Я поняла, что когда я нахожусь рядом с ним – я себе не нравлюсь. Я чахлая, вялая, у меня нет сил. Я выглядела плохо. Это все было не про меня» (<https://www.youtube.com/watch?v=m692V7y8msw>). В данном контексте *выгорание* – это 'состояние физического утомления и эмоционального истощения, сопровождающееся вялостью, отсутствием сил, нелюбовью к себе' (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительные семантические признаки – 'вялость', 'отсутствие сил', 'нелюбовь к себе'.

6) «Всемьея морально **выгораю**. Я устаю держать все под тотальным контролем» (<https://www.youtube.com/watch?v=mV5VTiQuHic>). В этом контексте *выгорание* – это 'состояние эмоционального истощения вследствие стремления всё контролировать' (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительный семантический признак – 'стремление все контролировать'.

Приведенные контексты употребления лексемы *выгорание* позволяют выделить вершинную родовую сему «эмоциональное истощение» и видовые семы «потерянность», «эмоциональность», «злость», «нервозность», «срывы», «крик», «нелюбовь к себе», а также вершинную родовую сему «физическое утомление» и видовые семы «усталость», «вялость», «отсутствие сил».

Сопоставив научное значение лексемы *выгорание*

и определения, найденные в развлекательных телепередачах, мы можем говорить о сохранении таких ключевых признаков как «эмоциональное истощение» и «физическое утомление». Однако подчеркнем, что одним из ключевых признаков термина «выгорание» в психологии является сема «на работе», которая полностью утрачивается при его употреблении в разговорной речи, соответственно происходит частичная утрата терминологического значения.

Частичная утрата терминологического значения происходит и у лексемы *мотивация*, которая в психологии определяется как «осознаваемые или неосознаваемые психические факторы, побуждающие индивида к совершению определенных действий и определяющие их направленность и цели» [8, с. 231-232]. Выделим следующие ключевые семантические признаки в научном контексте: «осознаваемые или неосознаваемые факторы», «побуждающие к совершению определенных действий».

Рассмотрим, как трансформируется значение лексемы *мотивация* при употреблении в развлекательных телепередачах.

1) «При выборе кружка для ребенка нужно руководствоваться его желаниями, то есть **мотивацией**. Когда он хочет этого сам – он достигнет большего» (<https://www.youtube.com/watch?v=K5juBIBYDBQ>). В данном контексте *мотивация* – это «желание заниматься чем-либо» (толкование наше. – А. П., В. Г.); дополнительный семантический признак – «внутреннее желание».

2) «Если вы хотите, чтобы ваш ребенок писал аккуратно, вместо того, чтобы выбросить тетрадь, найдите более позитивную **мотивацию**. Награждайте ребенка за то, что он что-то сделал хорошо, а не наказывайте его за то, что он сделал плохо» (<https://www.youtube.com/watch?v=4Lshi3pxPlo>). В данном примере *мотивация* – это «какие-либо средства, стимулирующие человека на выполнение желаемых действий, например, награды» (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительный семантический признак – «награды».

3) «Я люблю давать **мотивацию** людям заниматься собой, отпускать какие-то комплексы, и делаю это при помощи развлечений, игр» (<https://www.youtube.com/watch?v=prvGgrJ3qck>). Здесь *мотивация* – это «побуждение к занятию собой при помощи развлечений, игр» (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительный семантический признак – «развлечения».

Приведенные примеры показывают разность в понимании лексемы «мотивация» в речи героев развлекательных телепередач. В примере 1 *мотивация* понимается как *желание*. В примерах 2 и 3 *мотивация* понимается как *побуждение к действию*, следовательно, в данных случаях выделяем вершинную родовую сему «побуждение к действию» и видовые семы «награды», «развлечения».

Исходя из приведенных контекстов, мы можем заключить, что лексема *мотивация* частично утрачивает свое терминологическое значение при употреблении в развлекательных телепередачах, так как, с одной стороны, предусматривает семантический признак «побуждение к действию», а с другой стороны – подразумевает воздействие других лиц. Такие же семантические признаки как «желание» и «цель» отсутствуют в числе ключевых в научном контексте.

Случай утраты психологическим термином своего терминологического значения можем рассмотреть

на примере лексемы *эмоциональный контакт*, которая в психологии определяется как «чувственный отклик на эмоции другого человека; состояние, когда индивид не только спокоен, будучи уверен, что ему никто и ничто не угрожает, но чувствует к тому же, что он является объектом эмоционально окрашенного интереса» [10, л. 155-156]. Выделим следующие семантические признаки лексемы в научном контексте: «чувственный отклик», «состояние спокойствия», «эмоционально окрашенный интерес».

В развлекательных телепередачах найдены следующие контекстные употребления рассматриваемой лексемы:

1) «Укладывание – это важная часть поддержания **эмоционального контакта** с ребенком» (<https://www.u-tv.ru/shows/nyanya-osobogo-naznacheniya/episodes/1896526/>). В данном контексте *эмоциональный контакт* – это «связь между матерью и ребенком, формирующаяся благодаря процессу укладывания» (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительные семантические признаки – «связь», «процесс укладывания».

2) «Еда – это не только про еду. Это особый вид заботы о своей семье, когда ты вкладываешь частичку своей души, даришь частичку себя, своей теплоты. Я считаю, что хотя бы раз в неделю необходимо поддерживать этот **эмоциональный контакт** с детьми и мужем через качественное приготовление пищи» (<https://www.youtube.com/watch?v=SGnJOYbRJ9g>). В этом контексте *эмоциональный контакт* – это «связь между членами семьи, возникающая в результате заботы, которая проявляется через приготовление пищи» (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительными семантическими признаками будут «связь», «забота», «приготовление пищи».

3) «Очень здорово иметь традицию, когда ребенок в подростковом возрасте сам приходит и говорит то, что у него на душе. Можно создать такую традицию. Например, за ужином обсуждать то, что произошло за день. Взрослому в свою очередь тоже необходимо рассказать о себе, о своей работе, о своих чувствах и переживаниях. Тогда велика вероятность того, что и ребенок поделится. Это важная составляющая **эмоционального контакта**» (<https://www.youtube.com/watch?v=SGnJOYbRJ9g>). *Эмоциональный контакт* в данном примере можно определить как «связь, формирующуюся благодаря коммуникации между родителями и ребенком» (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительный семантический признак – «коммуникация».

4) «Если родители часто в командировках, очень важно поддерживать **эмоциональный контакт**. И в этом как раз могут помочь гаджеты, ведь помимо звонков по видеосвязи ребенок может играть с папой в онлайн-игры, например, в шахматы. Но самое главное – делать это регулярно» (https://www.youtube.com/watch?v=_OFcAfNyKJo). В этом контексте *эмоциональный контакт* – это «связь родителя и ребенка, которую можно поддерживать на расстоянии путем регулярных совместных разговоров и занятий» (толкование наше. – А. П., В. Г.). Отметим дополнительные семантические признаки «связь», «совместные действия», «регулярность».

5) «Чтобы у ваших детей был близкий **эмоциональный контакт**, не заставляйте их этот близкий контакт создавать. Не заставляйте их дружить, не

попрекайте тем, что они брат и сестра. Это только вносит напряжение и отдаляет детей друг от друга. Пусть в подростковом возрасте они разойдутся, чтобы потом в более взрослом возрасте стать друг другу близкими людьми» (https://www.youtube.com/watch?v=VhC3_PlgJTww). В данном контексте **эмоциональный контакт** – это ‘связь между близкими людьми, для укрепления которой не обходимо отсутствие давления со стороны’ (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительные семантические признаки – ‘связь’, ‘отсутствие давления со стороны’.

Приведенные примеры контекстного употребления лексемы **эмоциональный контакт** в развлекательных телепередачах позволяют выделить в его содержании вершинную родовую сему «способы создания эмоциональной связи» и видовые семы «процесс укладывания», «забота», «приготовление пищи», «коммуникация», «совместные действия», «связь», «отсутствие давления со стороны».

Сопоставление научного значения лексемы **эмоциональный контакт** с его значением в контекстах позволяет говорить об утрате всех ключевых семантических признаков, так как в контекстах **эмоциональный контакт** означает, прежде всего, *связь*.

Еще одним примером утраты психологическим термином своего терминологического значения является употребление лексемы «эмоциональная поддержка», которая в психологии определяется как «принятие клиента специалистом, признание его ценности и значимости независимо от того, какими качествами он обладает, болен он или здоров, даже если отличается от других. Эмоциональная поддержка способствует преодолению тревоги и страха, принятия себя, повышения самоуважения» [11]. Исходя из данного определения выделим ключевые семантические признаки ‘принятие клиента специалистом’, ‘способствует преодолению тревоги’, ‘способствует принятию себя’.

Выясним, какие изменения претерпевает лексема «эмоциональная поддержка» при её употреблении в развлекательных телепередачах. Рассмотрим следующие контексты:

1) «Сейчас ваша дочь в таком возрасте, когда ей важна **эмоциональная поддержка** мамы. Во всем, что она может делать сама» (https://www.youtube.com/watch?v=aWtbeh_eQe0). В данном контексте **эмоциональная поддержка** – это ‘положительная оценка самостоятельных действий близкого человека’ (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительный семантический признак – ‘положительная оценка’.

2) «Алёне нужно продолжать спокойно и терпеливо объяснять детям ситуацию в семье, отстаивать свое право жить так, как она считает нужным. В итоге она сможет рассчитывать на понимание и **эмоциональную поддержку** своих детей» (<https://www.youtube.com/watch?v=GDYNTF4DDzQ>). В этом контексте **эмоци-**

ональная поддержка – это ‘согласие с теми решениями, которые принимает близкий человек, понимание’ (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительные семантические признаки – ‘согласие», «понимание».

3) «Девочке хочется, чтобы мама её обняла, сказала, что все хорошо. Такая банальная фраза, но даже её не хватает. Ребенку нужна **эмоциональная поддержка** родителя» (https://www.youtube.com/watch?v=OtlMwDfw5_g). Здесь **эмоциональная поддержка** – это ‘оказание моральной помощи близкому человеку, которое можно сопроводить физическим контактом, например, объятиями’ (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительные семантические признаки – ‘моральная помощь’, ‘физический контакт’.

4) «Я решила оказать некую **эмоциональную поддержку** сыну. Он очень скучал по своим друзьям из другого города, поэтому я нашла и привела ему друзей. Я видела, что моему ребенку некомфортно» (<https://www.youtube.com/watch?v=m692V7y8msw>). В данном контексте **эмоциональная поддержка** – это ‘создание комфортной атмосферы для близкого человека’ (толкование наше. – А. П., В. Г.). Выделим дополнительный семантический признак ‘создание комфорта’.

5) «Важно дать ребенку **эмоциональную поддержку**, сказать, что вы рядом с ним, что вы принимаете его эмоции: хоть он злится, хоть он плачет, что вы на его стороне» (<https://www.youtube.com/watch?v=pFpoJMb3Ppk>). В этом примере **эмоциональная поддержка** – это ‘принятие любых эмоций близкого человека’ (толкование наше. – А. П., В. Г.). Дополнительным семантическим признаком будет ‘принятие эмоций’.

Найденные контекстные употребления лексемы **эмоциональная поддержка** позволяют говорить о том, что она полностью утрачивает свое терминологическое значение. Кроме того, выделение вершинной родовой семы и видовых сем представляется затруднительным, так как в каждом из контекстов лексема **эмоциональная поддержка** имеет свое особое значение. Поэтому назовем лишь те смыслы, которые он приобретает при употреблении в развлекательных телепередачах: «положительная оценка», «согласие», «понимание», «моральная помощь», «физический контакт», «создание комфорта», «принятие эмоций».

Результаты. В целом для психологических терминов, преимущественно обозначающих процессы, условия и результаты выполнения конкретных действий, направленных на человека, а также терминов, обозначающих эмоциональные состояния человека, характерна утрата терминологического значения за рамками научного дискурса. В таких случаях мы говорим о процессе детерминологизации. Сопоставление научного значения психологических терминов с их контекстными употреблениями в языке развлекательных телепередач позволило выявить те признаки, которые тот или иной термин приобрел или утратил.

Литература

- Здриковская Т. А., Мохова Ю. А. Функционирование психотерапевтических терминов в русскоязычном интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 5. С. 1548–1553.
- Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 517 с.
- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
- Павлов В. М. К вопросу об отношениях лингвистики и психологии // Вопросы лингвистики. 2008. № 8. С. 11–16.
- Рыбальченко О. В., Сахно О. С. Психологические термины: лексико-семантический анализ // Philologos. 2019. № 2 (41). С. 66–75.

Словари

6. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
7. Бодалев А. А. Психология общения. Энциклопедический словарь. М: Когито-Центр, 2011. 600 с. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/psihologija-obschenija-enciklopedicheskii-slovar.html> (дата обращения: 11.10.2024).
8. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 799 с.
9. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. М.: АСТ, 2005. 1168 с.
10. Иванова В. П., Палагина Н. Н. Учебный словарь и персоналии по возрастной и педагогической психологии. Бишкек: КPCY, 2002. 198 с.
11. Агарков С. Т. Клиническая психология: словарь. Под ред. Творогова Н. Д. М: PerSe, 2007. 414 с. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/klinicheskaja-psihologija-slovar.html> (дата обращения: 20.10.2024).
12. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 672 с.
13. Павлова О. С. Психология депривации. Словарь специальных терминов и понятий: учебно-методическое пособие. Оренбург: Национальный цифровой ресурс Руконт, 2021. 71 с. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/psihologija-deprivacii-slovar-specialnyh-terminov-i-ponjatij-2021-71-s.html> (дата обращения: 31.10.2024).

Источники

14. Национальная психологическая энциклопедия. URL: <https://vocabulary.ru/> (дата обращения: 15.10.2024).
15. Телеканал «Ю». URL: <https://www.u-tv.ru/> (дата обращения: 07.10.2024).
16. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/> (дата обращения: 09.10.2024).

References

1. Zdrikovskaya TA, Mokhova YuA. Functioning of psychotherapeutic terms in Russian-language Internet discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2022;5:1548-1553. (In Russ.).
2. Lapteva OA. Live Russian speech from the television screen: The colloquial layer of television speech in the normative aspect. 3rd ed. Moscow: Editorial URSS, 2001. 517 p. (In Russ.).
3. Leontiev AA. Language, speech, speech activity. Moscow: Enlightenment, 1969. 214 p. (In Russ.).
4. Pavlov VM. On the relationship between linguistics and psychology. *Voprosy lingvistiki*. 2008;8:11-16. (In Russ.).
5. Rybalchenko OV, Sakhno OS. Psychological terms: lexico-semantic analysis. *Philologos*. 2019;2(41):66-75. (In Russ.).

Dictionaries

6. Akhmanova OS. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1966. 607 p. (In Russ.).
7. Bodalev AA. Psychology of communication. An encyclopedic dictionary. Moscow: Kogito-Center, 2011. 600 p. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/psihologija-obschenija-enciklopedicheskii-slovar.html> (accessed: 11.10.2024). (In Russ.).
8. Golovin SY. Dictionary of a practical psychologist. Minsk: Harvest, 1998. 799 p. (In Russ.).
9. Efremova TF. Modern explanatory dictionary of the Russian language: In 3 volumes. Vol. 1. Moscow: AST, 2005. 1168 p. (In Russ.).
10. Ivanova VP, Palagina NN. Educational dictionary and personalities in age and educational psychology. Bishkek: KRSU, 2002. 198 p. (In Russ.).
11. Agarkov ST Clinical psychology: dictionary. Ed. by Tvorogov ND. Moscow: PerSe, 2007. 414 p. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/klinicheskaja-psihologija-slovar.html> (accessed: 20.10.2024). (In Russ.).
12. Meshcheryakov BG, Zinchenko VP. Big psychological dictionary. Saint Petersburg: Prime-Euroznak, 2004. 672 p. (In Russ.).
13. Pavlova OS. The psychology of deprivation. Dictionary of special terms and concepts: an educational and methodological guide. Orenburg: Rukont National Digital Resource, 2021. 71 p. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/psihologija-deprivacii-slovar-specialnyh-terminov-i-ponjatij-2021-71-s.html> (accessed: 31.10.2024). (In Russ.).

Sources

14. The National Psychological Encyclopedia. URL: <https://vocabulary.ru/> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
15. TV channel "Yu". URL: <https://www.u-tv.ru/> (accessed: 07.10.2024). (In Russ.).
16. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/> (accessed: 09.10.2024). (In Russ.).

Научная статья

УДК 81'42+81'27

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.21>

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНОДИСКУРСА

Светлана Васильевна Серебрякова^{1*}, Анатолий Юрьевич Саломакхин²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор

svetla.na@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

anatoly.salomakhin@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8530-3920>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Данная работа представляет собой комплексное исследование документального кинодискурса как институциональной формы коммуникации. Документальные фильмы играют важную роль в политической и образовательной сферах, выступая в качестве инструмента воздействия и пропаганды благодаря оценочному вектору представления знаковых для общества реальных событий, что обуславливает их особый социокультурный и прагматический потенциал. **Материалы и методы.** Антропоцентрический подход к изучению документального кинодискурса как семиотически сложного единства предопределил использование комплексной методологии, включающей приемы дискурс-анализа в аспекте изучения вербальной презентации намерений коммуникантов, контент-анализа с акцентом на сведениях о прошедших событиях и их социокультурной значимости, семиотического анализа в аспекте выявления содержательных элементов изображения. Социолингвистический подход позволил описать институциональные параметры документального кинодискурса. Материалом исследования послужил документальный фильм «The Royal House of Windsor» (2017) британского телеканала Channel 4. **Анализ.** Исследование институциональности документального кинодискурса показывает, как язык формирует социальную реальность и этнокультурную идентичность в рамках института киноиндустрии. Анализ документального кинодискурса, представленного фильмом «The Royal House of Windsor» (2017), осуществлен с опорой на социолингвистический подход В. И. Карасика: участники (режиссеры, эксперты, зрители), хронотоп, цель и ценности дискурса. Документальный кинодискурс – это сложный динамический процесс взаимодействия коллективного автора в рамках института киноиндустрии, управляющего нарративом, героев

и экспертов, с одной стороны, и зрителя, участвующего в процессе декодирования и интерпретации фильма, с другой. **Результаты.** Исследование показывает, что институциональные характеристики документального кинодискурса как сложно организованного семиотического единства связаны со многими социальными институтами, обнаруживая при этом тесное взаимодействие с образовательным, научным и массмедийным дискурсами. Документальный дискурс отличается причинно-следственным нарративом и комплексным смыслообразованием посредством аудиовизуальных элементов, формирующих целостные образы и уникальные структуры фильма. Цель документального кинодискурса заключается в критическом исследовании исторических событий, просвещении заинтересованного зрителя и активизации его познавательной деятельности. В жанровом плане исследуемый фильм обнаруживает черты как научно-популярного поджанра, так и учебного.

Ключевые слова: документальный кинодискурс, взаимодействие дискурсов, институциональные характеристики, воздействующий потенциал, ценностные ориентиры

Для цитирования: Серебрякова С. В., Саломакхин А. Ю. Особенности институциональных параметров документального кинодискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 333–338. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.21>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 6.03.2025.

Статья принята к публикации: 5.04.2025.

Research article

REFLEXES OF PASSION IN WORD FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON LEXICOGRAPHICAL DISCOURSE)

Svetlana V. Serebriakova^{1*}, Anatoly Yu. Salomakhin²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

svetla.na@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

² North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

Postgraduate student

anatoly.salomakhin@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8530-3920>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. This work is a comprehensive study of documentary film discourse as an institutional form of communication. Documentaries play an important role in the political and educational spheres, acting as a tool of influence and propaganda due to the evaluative vector of presenting real events that are significant for society, which determines their special socio-cultural and pragmatic potential. **Materials and methods.**

The anthropocentric approach to the study of documentary film discourse as a semiotically complex unity predetermined the use of a comprehensive methodology, including discourse analysis techniques in the aspect of studying the verbal presentation of communicants' intentions, content analysis with an emphasis on information about past events and their socio-cultural significance, semiotic analysis in the aspect of identifying meaningful elements

of the image. The sociolinguistic approach made it possible to describe the institutional parameters of documentary film discourse. The material for the study was the documentary film "The Royal House of Windsor" (2017) of the British TV channel Channel 4. **Analysis.** The study of the institutionality of documentary film discourse shows how language shapes social reality and ethnocultural identity within the framework of the film industry institution. The analysis of the documentary film discourse presented by the film "The Royal House of Windsor" (2017) is carried out based on the sociolinguistic approach of V. I. Karasik: participants (directors, experts, viewers), chronotope, purpose and values of the discourse. Documentary film discourse is a complex dynamic process of interaction between a collective author within the framework of the film industry institution, managing the narrative, heroes and experts, on the one hand, and a viewer participating in the process of decoding and interpreting the film, on the other. **Results.** The study shows that the institutional characteristics of documentary film discourse as a complexly organized semiotic unity are associated with many social institutions, while revealing close interaction with educational, scientific and mass media discourses. Documentary

Введение. Документальные фильмы уже давно служат в качестве значимого компонента образовательной политики, а также действенного инструмента влияния и пропаганды. В отличие от художественных, документальные фильмы нацелены на объективное изложение значимых исторических и современных событий, что обуславливает их социо- и коммуникативно-прагматическую специфику в системе существующих дискурсивных практик, изучение которой востребовано в координатах современной полипарадигмальной лингвистики.

На создание и фактологическое наполнение документального кино влияет не только социальный заказ общества, но и ряд учреждений, включая органы финансирования, продюсерские компании продвижения, вещательные компании и другие регулирующие органы. Данные институты формируют не только содержание документальных фильмов, но также их повествовательные структуры и лингвистическое оформление. Актуальным представляется исследование институциональных характеристик документального кинодискурса как смыслового, структурного и функционального единства, реализуемого посредством взаимодействия вербальной и невербальной составляющих кинофильма в процессе его создания и восприятия.

Многоаспектное изучение дискурсивной деятельности позволяет понять устройство и динамику человеческой мысли, выстроить интенционально заданное представление о людях, вещах, социальных отношениях, значимых событиях и взаимодействии между ними. Документальный кинодискурс обладает значительным воздействующим потенциалом, расширяя и углубляя исторические знания, активизируя познавательную деятельность адресата, влияя на его мировосприятие и формируя ценностные ориентиры, что обуславливает важность эффективного взаимодействия вовлеченных в кинопроизводство социальных институтов. За последние несколько десятилетий теоретическая концепция дискурса была дополнена многими новыми подходами, создавшими при всем множестве его трактовок и определений надежную методологическую базу для изучения различных дискурсивных практик, в том числе и документального кинодискурса как объекта нашего изучения, трактуемого как динамический семиотически осложненный процесс взаимодействия коллективного автора и заинтересованного адресата.

Институциональность как параметр дискурса исследуется в рамках различных направлений, в том чис-

discourse is characterized by a cause-and-effect narrative and complex meaning-making through audiovisual elements that form holistic images and unique structures of the film. The goal of documentary film discourse is to critically examine historical events, educate the interested viewer and activate his cognitive activity. In terms of genre, the film under study reveals features of both a popular science subgenre and an educational one.

Keywords: documentary film discourse, interaction of discourses, institutional characteristics, influencing potential, value orientations

For citation: Serebriakova SV, Salomakhin AYu. Features of the institutional parameters of documentary film discourse. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 333-338. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.21>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 15.11.2024.

The article was approved after reviewing: 6.03.2025.

The article was accepted for publication: 5.04.2025.

ле и в когнитивной лингвистике, медиалингвистике, лингвокультурологии с акцентом на языке, посредством которого происходит функционирование и взаимодействие институтов. Многие исследования фокусировали внимание на том, «как язык используется для создания и формирования институтов и как институты, в свою очередь, обладают способностью создавать, формировать и навязывать людям дискурсы» [Maуr, 2015: 756]. Исходя из этого, институциональность в значительной степени обеспечивает формирование нашего повседневного коммуникативного опыта, а также то, как мы функционируем в этом мире.

Целью данного исследования является установление параметров институциональности, характерных для кинодокументального дискурсивного пространства.

Материалы и методы. Для достижения цели исследования была задействована в координатах антропоцентрического подхода комплексная методология анализа и синтеза. Для изучения коммуникативных и лингвопрагматических аспектов документального кинодискурса применялся дискурс-анализ, который позволил выявить отражение языковых элементов и структур документальных кинотекстов в институциональных реалиях. Контент-анализ, нацеленный на систематизацию составляющих документального фильма, способствует идентификации ключевых тем и сюжетов посредством декодирования вербальных и невербальных элементов фильма с последующим их анализом. Семиотический анализ был задействован для исследования знаковых систем и визуальных символов, а также того, как визуальные элементы взаимодействия с текстовыми и аудиальными компонентами, создавая целостный документальный дискурс. Помимо этого, за основу была взята социалингвистическая концепция В. И. Карасика, рассматривающего институциональный дискурс посредством анализа основных параметров коммуникации. В качестве материала исследования послужил документальный фильм «The Royal House of Windsor» (2017) производства британского телеканала Channel 4.

Анализ. Анализируя параметры институциональности, зарубежные исследователи фокусируют внимание на взаимообусловленности дискурса и института, а также на специфике лингвистического оформления этого взаимодействия [13, p. 32]. Язык, таким образом, выступает в качестве основного способа, с помощью которого институциональность формирует свою собственную реальность социальной идентичности как

«результата индивидуального и коллективного опыта познания себя в интеракции с другими» [15, р. 427]. Отечественные исследователи углубляют и расширяют трактовку институциональности посредством анализа общения в профессионально-ориентированных группах [10], представляющих определенную внутреннюю иерархию, что дает возможность дифференцировать особенности поведения членов этих групп. Данный подход к анализу социальных институтов позволяет в частном порядке определить коммуникативно-прагматические особенности того или иного социального объединения. В отечественных исследованиях также прослеживается интерес к взаимодействию дискурсивных формаций в контексте осмысления роли различных социальных институтов (государственных учреждений, образовательных и культурных организаций) в формировании квинтэссенции понятий «дискурс» и «институт» [12]. В. И. Карасик характеризует институциональный дискурс как «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [3, с. 234]. Иными словами, такого рода взаимодействия участников друг с другом помещают их в среду конкретного социального института, который определяет сферу их деятельности. Соответственно, изучение этих дискурсов – экономического, политического, академического, юридического и т.д. – дает информацию о лингвистических и экстралингвистических параметрах социального контекста реализации каждого из них [5, с. 66]. Отмечая градуальный характер институциональности, В.И. Карасик говорит о мягких и жестких разновидностях институционального дискурса [3, с. 235], изучаемый нами документальный кинодискурс можно отнести к мягким формам официального общения, предполагающих наличие у коммуникантов свободы и творческого начала.

Ученые справедливо утверждают, что, «несмотря на обширные исследования, посвященные кинодискурсу и его отдельным составляющим, на сегодняшний день отсутствует системное описание дискурса кино как институционального вида дискурса» [1, с. 22]. За основу выявления институциональных параметров документального кинодискурса целесообразно взять социолингвистическую концепцию статусно-ориентированного дискурса, разработанную В. И. Карасиком с акцентом на описании типовых участников, хронотопа, цели, ценностей, стратегий, жанров и прецедентных феноменов [3, с. 251].

Типовыми участниками документального кинодискурса выступают, в первую очередь авторы произведения (режиссеры, сценаристы, продюсеры), которые формируют не только каркас планируемой работы, но под их руководством объединяется также большая команда специалистов, которые отвечают за множественные процессы производства аудиовизуального материала, выступая в качестве «коллективного функционально дифференцированного автора» [9, с. 29]. Помимо этого, приглашенные эксперты, анализирующие и комментирующие освещаемые события, в тандеме с героями, также выступают в качестве участников коммуникации и носителей информации.

Особо следует отметить такую категорию документального кинодискурса, как адресованность, т.е. фактор коллективного адресата, на которого направлен информационный поток. Аудитория, воспринимая и интерпретируя увиденное на экранах, является активным

компонентом коммуникации в дискурсивном пространстве документального фильма. Эффективность документального кинодискурса определяется оценочным отношением аудитории к финальному продукту. «Открытость, динамичность и саморегулирование кинодискурса основаны на его мультимедийности» [2, с. 98], позволяющей зрителю в свободном режиме не только воспринимать, но и вариативно декодировать используемые семиотические коды и интерпретировать содержание фильма, создавая новые образы и символы. Таким образом, создание документального кинодискурса – это сложный многоэтапный процесс взаимодействия всех вышеперечисленных участников, где автор управляет нарративом, герои и эксперты являются носителями информации, которую они транслируют через экраны, а зритель участвует в процессе декодирования и интерпретации фильма.

Принимая во внимание параметр «единство времени и пространства» (место проведения), можно констатировать, что хронотоп документального кинодискурса не имеет четких границ. Время и место после премьерного показа кинокартины в кинотеатре, по телевидению или на учебном мероприятии перестают играть важную роль, поскольку за счет транслирования этого фильма на стриминговых платформах потенциальная аудитория может в любой момент воспроизвести его в любом удобном месте. Документальный фильм становится, таким образом, вневременным источником информации, что означает «возможность каждого субъекта языковой общности (индивида, группы и т.д.) фактически в любое время получить доступ к информации, необходимой для осуществления любого вида деятельности» [7, с. 130]. Но тем не менее, рассматривая течение времени в кинопроизведении, важно учитывать то, как временные конструкции связаны с восприятием представленных событий и как они интерпретируются через художественные формации. Кино как многоуровневый аудиовизуальный транслятор обладает возможностью манипулировать восприятием времени, что позволяет создавать многослойные хронологические последовательности. Так, Я. Мукаржовский сравнивает кинематограф с театральной постановкой (драмой) и художественной прозой (эпосом) с целью выявить временную последовательность кино. Он выделяет действие как ключевой фактор, по которому он определяет временную закономерность: «Действие можно определить простейшим способом как ряд фактов, связанных временной последовательностью; таким образом, оно неизбежно связано со временем» [5, с. 411]. По его мнению, «кинематографическое время – более сложная конструкция, чем время эпическое и драматическое, ... в кино – три потока времени: действие, протекающее в прошлом, «изобразительное» время, протекающее в настоящий момент, и, наконец, время воспринимающего субъекта, параллельное предыдущему временному ряду» [5, с. 417]. Таким образом, правомерно говорить о внутреннем хронотопе документального кино, имея в виду временной поток в границах всего аудиовизуального произведения, но также о внешнем хронотопе, т.е. субъективном течении времени самого реципиента, который обрабатывает информацию в своем темпе.

Важной характеристикой документального кинодискурса являются зоны его пересечения с другими типами институциональных дискурсов, свидетельствующие о его гибридном характере и междисциплинарном ста-

тусе. Так, педагогический дискурс проявляется в документальном кино посредством обучения (воспитания) зрителя и предоставления ему знаний по определённой тематике. В отношении цели научного дискурса мы можем констатировать, что документальный кинодискурс также стремится к объективности и достоверности в репрезентации информации на экране. Как и научный дискурс, он объясняет сложные явления понятным широкой аудитории языком, предоставляя при этом возможность интерпретировать исторические события, основываясь на фактических данных и собственных знаниях. Рассматриваемый дискурс основывается на объективности и достоверности транслируемых фактов, событий и явлений, объясняя при этом их место в историческом процессе и социокультурную значимость для современного зрителя.

Документалистика часто нацелена на формирование критического мышления, побуждение зрителя к размышлениям о затрагиваемых темах. Отталкиваясь от целеустановок педагогического и научного дискурсов, цель документального кинодискурса можно определить как критическое исследование исторических событий и просвещение заинтересованного зрителя. Как и другие типы институциональной коммуникации, документальный дискурс стремится выполнять социально значимые функции, которые направлены как на передачу объективной информации, так и на просвещение и воспитание, побуждение аудитории к критическому осмыслению описываемых событий и фактов, активизации познавательной деятельности зрителей и систематизации знаний посредством углублённого и прагматически действенного анализа исторических событий. Иными словами, семиотически неоднородный документальный кинодискурс, вступая во взаимодействие с культурным контекстом и со зрительской аудиторией, «перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память» [4, с. 160].

Ценности документального кинодискурса, подобно научному дискурсу, сосредоточены вокруг таких ключевых понятий, как знание, истина и исследование. Документалистика стремится бесстрастно и правдиво отображать реальность, что делает истину и объективность ее важнейшими ценностями. Так же, как и научный дискурс, документальный кинодискурс ценит ясность и точность в передаче информации. Образовательная (просветительская) сторона документального кино также является одной из его главных ценностей, способствующих углублению знаний современных зрителей по значимым аспектам жизнедеятельности социума в доступной для широкого зрителя форме. Наряду с этим, документальное кино стремится сохранить культурное наследие и идентичность народов, воплощая истории, которые демонстрируют уникальные культурные традиции, обычаи и ценности, и обеспечивая трансляцию этого наследия будущим поколениям, что можно считать свидетельством реализации категории проективности.

Поскольку документальный кинодискурс имеет смежные цели с научным и педагогическим дискурсами, то его стратегии также обнаруживают некоторые пересечения со стратегиями данных дискурсивных практик. Так, объясняющая коммуникативная стратегия является одной из ключевых как в педагогическом дискурсе, так и в документальном кинодискурсе, предполагающая

последовательное объяснение сложных понятий, явлений или событий с использованием дефинирования, операций сравнения и обобщения. В документальных фильмах данная стратегия может быть реализована также посредством как визуальных приемов, которые сопровождаются на протяжении всего повествования комментариями экспертов, так и закадровых пояснений. Например, в фильме «The Royal House of Windsor» часто используются архивные кадры, чтобы аудитория имела визуальные образы тех героев, о которых идет речь.

In the years following the First World War the rebranded Windsor dynasty was hugely popular. The King and Queen continued their punishing schedule of public appearances. Their second son Bertie was starting to carve a modest niche for himself although his stutter made public appearances a torment.

В то время как закадровый голос диктора повествует о ходе событий, на экране мы можем видеть образы короля Джорджа V, королевы Мери, а также их сына Джорджа VI за счет использования множественных архивных видео- и фотоматериалов. Таким образом, потенциальная аудитория получает информацию сразу по двум каналам: визуальному и аудиальному.

Главное предназначение коммуникативной стратегии в контексте документалистики состоит в том, чтобы донести знания и идеи посредством доступного интерактивного общения. В случае с документальным фильмом процесс коммуникации между создателями и аудиторией имеет дистанцированное измерение, он осуществляется также посредством рецензирования отсмотренного материала первыми и отклика на него зрителей. Данные рецензии, часто рекламного характера, могут быть размещены на любых платформах, начиная от классических печатных изданий и заканчивая комментариями на видеохостинге YouTube, следовательно, такого рода коммуникация позволяет оперативно получать обратную связь.

Высокую общественную значимость имеет оценивающая стратегия, предполагающая оценку описываемых событий и фактов авторитетными учеными и экспертами – как в положительном, так и в критическом плане и задающая вектор интерпретации предлагаемого материала. Иными словами, «оценка трактуется как интенционально обусловленное наделение положительными или отрицательными свойствами объекта наблюдения с целью оказать заданное влияние на адресата» [8, с. 75]. По мнению В.Е. Чернявской, основу оценки составляет объектированная в языке «рефлексивная ценностно-ориентированная деятельность человека», при этом «рефлексия обеспечивает доступ к оценочным установкам и presupпозициям, стоящим за языковым выражением» [11, с. 50].

Взаимодействие функции информирования с учетом когнитивной базы адресата, и функции оценки обеспечивает заданный авторами воздействующий потенциал кинофильма, привлекая внимание и активизируя познавательную деятельность зрителя.

Описывая стратегии научного дискурса, В.И. Карасик констатирует, что они проявляются его частными целеустановками (определить проблему, проанализировать, сформулировать гипотезу, обосновать и изложить результаты и т.д.) [3, с. 279]. Опираясь на это положение, мы можем выделить стратегии, релевантные для кинодискурса. Так, одна из стратегий научного дискурса заключается в фактологическом анализе, который также

проводят создатели фильма, прежде чем начать съемки. Фактологическая стратегия состоит в применении проверенных данных, имеющих доказательную базу, которая способна подтвердить утверждения. В документальном фильме «The Royal House of Windsor» эта стратегия реализуется посредством привлечения статистики, архивных материалов, а также через интервью с историками и экспертами, такими, как Алистер Брюс, Роберт Лэйси, Пирс Брендон, Миранда Картер, Филип Зиглер, Принцесса Ольга Романова и др. С помощью аутентичных интервью создатели фильма формируют зрительское доверие, предоставляя экспертную информацию, основанную на фактах и исследованиях.

Стратегия систематизации направлена на адекватную трансляцию информации и логичное выстраивание нарратива. В документальном кинодискурсе это проявляется посредством последовательного изложения материала, которое позволяет аудитории понимать причинно-следственные связи между событиями. Например, в анализируемом фильме авторы дают сводку исторических событий, которые явились причиной смены фамилии британской королевской семьи:

Saxe-Coburg and Gotha was the name given to the royal family by Queen Victoria's German husband Prince Albert.

The King knew (George V) what had happened to other Germans in Britain. ...

... In the wake of the Russian revolution Lord Stamfordham was finally instructed to come up with a British name for the British Royal Family.

Таким образом, при просмотре документального фильма аудитория получает систематизированную информацию, которая преподносится в хронологическом порядке, задавая последовательный ритм нарративного повествования и формируя тем самым когнитивный потенциал зрителя.

Характерная для научного дискурса доказательная стратегия (стратегия убеждения), реализуемая путем доказательных интенций, использующих логические аргументы, применяется в документалистике для создания убедительного материала, который формирует определенную точку зрения, задействуя устные или письменные свидетельства. Так, в фильме «The Royal House of Windsor» данная стратегия реализуется с помощью демонстрации положительных и отрицательных примеров.

The House of Windsor was forged in war but it grew out of a national crisis threatening national survival when the nation was saved by the people.

A new monarchy emerged adapted to the democratic age one in which King George's dullness had become a virtue.

In his ordinariness there was a humility. He wasn't a leader, he was in many senses a follower and so this essential humility that George V had proved to be the reason why his monarchy emerged from the war intact. And the grand imperial monarchies of Russia and Germany, and Austria fell by the wayside.

Данный отрывок демонстрирует посредством причинно-следственного нарратива, каким образом британской монархии удалось остаться на троне, после того как половина европейских стран прошла через революции и упразднение институтов монархии.

Жанровое разнообразие документального кинодискурса обусловлено вариативностью документалистики как самостоятельного искусства. Документальное кино как жанр рассматривается в корреляции со многими жанрами художественного кинематографа (хоррор, ко-

медия, драма, мелодрама, детектив и т.д.), обнаруживая при этом широкий спектр поджанровых направлений, которые имеют свои особенности в плане трансляции информации. «Документальное кино – вид киноискусства, материалом которого являются съемки подлинных событий и лиц» [9, с. 33]. Поэтому, рассматривая жанровое разнообразие документального кинодискурса в контексте институциональных параметров, можно выделить несколько ключевых поджанров, каждый из которых имеет свои уникальные особенности и цели.

По мнению Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой, документальное направление или «линия Люмьеров» является «реалистической» областью репрезентации информации на экране [9, с. 33]. Классическим примером такого кино, по мнению авторов, является советский киножурнал, в котором публиковалась краткая информация о текущей жизни стран, их международных отношениях, внутренних и внешних событиях, а также о научных и технических достижениях.

Научное кино (документальное), связанное с «линией Люмера», подразделяется на четыре направления: научно-популярное, учебное, научно-исследовательское и научно-производственное, каждое из которых выполняет свою роль и применяет уникальные средства выразительности. Научно-исследовательское и научно-производственное документальное кино ориентировано на профессиональную деятельность людей, документируя научные и производственные процессы. Научно-популярное кино нацелено на широкую аудиторию, освещая в доступной форме различные научные темы, а также популяризируя достижения. Учебное кино, в свою очередь, по мнению авторов, сочетает в себе черты вышеперечисленных видов научного кино, но также предназначено для образовательных целей [9, с. 34]. Каждый из этих поджанров имеет свои особенности, которые формируют направление документального кинодискурса, будь то научные открытия, социальные проблемы, культурное наследие, исторические события или личные истории.

В случае с документальным фильмом «The Royal House of Windsor» мы можем наблюдать, что в его концептуальном пространстве присутствуют элементы как научно-популярного дискурса, так и учебного. Проявляются они за счет тематики картины и позиционирования. Описывая историю формирования и существования одной из самых известных монарших семей в мире, данный фильм претендует на массовую заинтересованность аудитории далеко за пределами Соединенного Королевства. Помимо этого, повествование выстроено таким образом, что фильм можно использовать в качестве учебного аудиовизуального материала в школах или университетах по профильному предмету.

Результаты. Документальные фильмы как значимая составляющая образовательной политики являются эффективным инструментом не только обогащения когнитивной базы зрителя, но и влияния на общественное мнение. В отличие от художественных фильмов, документальные направлены на объективное представление реальных событий с заданным оценочным вектором, что обуславливает их специфическую социальную и коммуникативно-прагматическую направленность. В ходе исследования установлено, что институциональные характеристики документального кинодискурса как сложного организованного семиотического единства тесно связаны со многими социальными институтами и с другими дискурсивными формациями. Докумен-

тальный дискурс отличается причинно-следственным нарративом и комплексным смыслообразованием посредством аудиовизуальных элементов, формирующих целостные образы и уникальные структуры фильма.

Институциональный характер документального кино обусловлен формируемым влиянием внешних институтов (продюсеров, вещателей, госорганов) на содержание и презентацию финального результата. Анализ институциональных параметров документального кинодискурса с опорой на концепцию В.И. Карасика показал, что исследуемый тип дискурса обнаруживает пересечения с некоторыми параметрами образовательного и научного дискурсов. В отношении хронотопа было отмечено, что кинодискурс имеет два плана временного течения и местоположения: внутренний хронотоп всего фильма и внешний хронотоп его восприятия и интерпретации зрителем.

Цель документального кинодискурса можно определить как критическое исследование исторических событий и просвещение заинтересованного зрителя,

при этом документальный фильм становится вневременным источником культурно-исторической информации. Основные ценности документального кинодискурса, такие как стремление к объективности, истинности и просвещению аудитории, коррелируют с установками научного дискурса. Используемые при этом стратегии, такие как фактологический анализ, систематизации, объяснение, оценка, доказательность, сопровождаются визуальным видеорядом, облегчающим восприятие сложных идей и активизирующим познавательную деятельность зрителей. Отметим также жанровое разнообразие документального кинодискурса, который обнаруживает черты как научно-популярного поджанра, так и учебного. Несомненным является образовательно-воспитательный потенциал документального кинодискурса, реализация которого имеет место и в научном, и в педагогическом типах дискурса. В заключение можно отметить, что кинодискурс является семиотически осложненным типом дискурса, отличающимся междисциплинарным характером.

Литература

1. Анисимов В. Е. Интертекстуальные параметры малоформатных текстов французского кинодискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 311 с.
2. Зайченко С. С. К вопросу о знаковой неоднородности кинодискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). С. 96–99.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство–СПБ, 2002. 768 с.
5. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. 606 с.
6. Писаная Т. О. Аспекты анализа институционального дискурса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 1. С. 66–69.
7. Серебрякова С. В., Плохая Е. Е. Дихотомия когнитивного пространства: о корреляции понятий «знание» и «информация» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 130–137.
8. Серебрякова С. В., Кибкало Р. И. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина) // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 72–83.
9. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
10. Филимонова Е. П. Лингвокогнитивные доминанты спортивного дискурса: концепт «соревнование» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 1 (232). С. 119–123.
11. Чернявская В. Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. № 3. С. 44–55.
12. Ширяева Т. А. Структурно-содержательная и функциональная парадигма современного делового дискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 420 с.
13. Arminen I. Institutional Interaction: Studies of Talk at Work. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2005. 268 p.
14. Mayr A. Institutional discourse in The Handbook of Discourse Analysis. New York: John Wiley & Sons, Inc., 2015. P. 756–774.
15. Serebriakova S. Multidimensionality of «Europäische Identität» notion in German mass media // Research in Language. 2021. Vol. 19 (4). P. 427–441.

References

1. Anisimov V. E. Intertextual parameters of small-format texts of French film discourse: thesis. Moscow, 2021. 311 p. (In Russ.).
2. Zaychenko S. S. On the issue of the sign heterogeneity of film discourse *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013;2(293):96-99. (In Russ.).
3. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 390 p. (In Russ.).
4. Lotman Yu. M. History and typology of Russian culture. St. Petersburg: Art-SPB, 2002. 768 p. (In Russ.).
5. Mukarzhovsky Ya. Studies in aesthetics and theory of art. Moscow: Art, 1994. 606 p. (In Russ.).
6. Pisanaya T. O. Aspects of institutional discourse analysis. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo technologicheskogo universiteta*. 2015;1:66-69. (In Russ.).
7. Serebriakova S. V., Plokhaya E. E. Dichotomy of cognitive space: on the correlation of the concepts of "knowledge" and "information". *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2018;3(31):130-137. (In Russ.).
8. Serebriakova S. V., Kibkalo R. I. Evaluation of a pragmatically significant marker of the author's presence in the popular science discourse of astronomy (based on the texts of V. G. Surdin). *Izvestiya YUFU. Filologicheskie nauki*. 2024;28(3):72-83. (In Russ.).
9. Slyshkin G. G., Efremova M. A. Cinema text: an experience of linguocultural analysis. Moscow: Vodolay Publishers, 2004. 153 p. (In Russ.).
10. Filimonova E. P. Lingvocognitive dominants of sports discourse: the concept of "competition". *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2: Philology and Art Criticism*. 2019;1(232):119-123. (In Russ.).
11. Chernyavskaya V. E. The language of assessments in scientific discourse: terminological field and methodological approaches. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2022;14(3):44-55. (In Russ.).
12. Shiryayeva T. A. Structural-substantive and functional paradigm of modern business discourse: thesis. Moscow, 2014. 420 p. (In Russ.).
13. Arminen I. Institutional Interaction: Studies of Talk at Work. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2005. 268 p.
14. Mayr A. Institutional discourse in The Handbook of Discourse Analysis. New York: John Wiley & Sons, Inc., 2015: 756-774.
15. Serebriakova S. Multidimensionality of «Europäische Identität» concept in German mass media. *Research in Language*. 2021;19:4: 427-441.

НЕКРОЛОГИ / OBITUARIES

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТРАПШ (4.10.1976 – 21.06.2025)

21 июня 2025 г. трагически оборвалась жизнь известного историка, кавказоведа, политолога, архивиста Николая Алексеевича Трапша, директора Государственного архива Ростовской области.

Николай Алексеевич Трапш родился 4 октября 1976 г. в г. Ростове-на-Дону. В 1993 г. поступил на исторический факультет Ростовского государственного университета, который в 1998 г. окончил с отличием. Николай Алексеевич всю свою дальнейшую жизнь связал с родным университетом, пройдя путь от студента до декана исторического университета (2008–2012) Ростовского государственного университета (РГУ), преобразованного в Южный федеральный университет (ЮФУ).

С 1998 по 2001 гг. обучался в аспирантуре РГУ, специализируясь в области отечественной истории и вспомогательных исторических дисциплин. В 2002 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Эволюция научных взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII–XVIII вв.» в диссертационном совете по историческим наукам при РГУ.

Он был достойным представителем третьего поколения научной школы профессора РГУ А. П. Пронштей-

на, изучая проблемы теории и методологии истории, специальных исторических дисциплин, отечественной историографии второй половины XIX – начала XX века. Позднее в область научных интересов Н. А. Трапша вошли проблемы истории Кавказа в новое и новейшее время и его интеграции в состав России. Большое внимание в исследованиях ученого уделялось изучению политических процессов в Кавказском регионе на современном этапе.

Он является автором многочисленных научных статей, монографий, экспертных докладов, учебных пособий, получивших высокую оценку в профессиональном научном сообществе. Николай Алексеевич был инициатором нового направления подготовки «Документоведение и архивоведение», которое и на сегодняшний день продолжает выпускать талантливых архивистов и документоведов в Институте истории и международных отношений ЮФУ. Он автор ряда учебных курсов

по источниковедению, историографии, вспомогательным историческим дисциплинам. Николай Алексеевич пользовался глубоким уважением у студентов, являясь для них непререкаемым научным авторитетом.

В последние годы он руководил Центром по изучению Большого Кавказа института социологии и регионоведения ЮФУ. Николай Алексеевич внес значительный вклад в развитие кавказоведения на юге России, развивая научные связи с учеными Абхазии, Армении, Южной Осетии, ведущих центров кавказоведения в России.

С 2015 г. Николай Алексеевич возглавил Государственный архив Ростовской области, проводя огромную научно-исследовательскую и просветительскую работу, являлся членом различных ассоциаций и объединений архивистов России.

На протяжении многих лет Николай Алексеевич Трапш поддерживал тесные контакты с историками Ставропольского государственного университета, впоследствии Северо-Кавказского федерального университета, принимая участие в различных научных мероприятиях и издательских проектах, выступая в качестве председателя Государственной аттестационной комиссии по направлению «История».

Николай Алексеевич для всех нас был другом, коллегой, готовым прийти на помощь. Он останется в нашей памяти талантливым историком-исследователем, опытным архивистом, блестящим преподавателем и организатором науки, честным и отзывчивым человеком. Светлая память!

Коллектив Гуманитарного института СКФУ

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2025. Том 12. № 2

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. 2025. Т. 12. № 2. 159 с.

— Свободная цена —

Ответственный секретарь К. Р. Амбарцумян
Технический редактор, компьютерная верстка И. С. Дубинкина
Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 04.07.2025 Дата выхода в свет 07.07.2025

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Усл. п. л. 18,48
Заказ 56

Уч.-изд. л. 17,98
Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2